Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№ 19

Москва Кремль. ◇ Петроград Смольный.

Третий год издания

1921

УСТАВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

В 1864 году в Лондоне было создано первое Международное Товарищество Рабочих—Первый Интернационал. В уставе этого Международного Товарищества Рабочих говорилось:

«что освобождение рабочего класса может быть завоевано только самим рабочим классом;

что, борясь за свое освобождение, рабочие должны стремиться не к созданию новых привилегий и монополий, но к установлению равных для всех прав и обязанностей и к уничтожению всякого классового господства;

что экономическое подчинение рабочего монополь-ному владельцу средств производства, т. е. всех источников жизни, является главной причиной рабства во всех его формах, всего социального зла, всего духовного вырождения и политического подчинения рабочего класса;

что экономическое освобождение рабочего класса является той великой целью, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство;

что все стремления к достижению этой цели оставались до сих пор безуспешными, вследствие недостатка солидарности между рабочими различных профессий в каждой отдельной стране и отсутствия братского союза между рабочими различных стран;

что освобождение труда, являясь задачей не местной, не национальной, а социальной, затрагивает интересы всех стран, в которых существует современный общественный строй, и для своего разрешения требует теоретического и практического взаимодействия наиболее передовых стран;

что теперешнее одновременное возрождение рабочего движения в промышленных странах Европы, с одной стороны, возбуждает новые надежды, с другой стороны, серьезно предостерегает от повторения старых ошибок и требует немедленного об'единения до сих пор несвязанных друг с другом движений».

II Интернационал, основанный в 1889 году в Париже, обязался продолжать дело I-го Интернационала, но в 1914 году, в начале мировой войны, он потерпел полный крах. II Интернационал погиб, подточенный оппортунизмом и сраженный изменами вождей, которые перешли на сторону буржуазии.

III Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 г., в столице Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в городе Москве, торжественно перед всем миром заявил о том, что он берет на себя продолжение и завершение великого дела, начатого первым Международным Товариществом Рабочих.

III Коммунистический Интернационал сложился в момент, когда заканчивалась империалистская война 1914—1918 гг., в которой империалистская буржуазия различных стран принесла в жертву 20 миллионов человек.

— Помни об империалистской войне!—вот первое, с чем обращается Коммунистический Интернационал к каждому труженику, где бы он ни жил, на каком бы языке он ни говорил.—Помни о том, что, благодаря существованию капиталистического строя, небольшая горсточка капиталистов имела возможность в течение четырех долгих лет заставлять рабочих различных стран резаться между собою! Помни о том, что буржуазная война ввергла Европу и весь мир в страшнейший голод и нищету! Помни о том, что без свержения капитализма повторение таких разбойничьих войн не только возможно, но и неизбежно.

Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание международной советской республики, как переходной ступени к полному уничтожению государства. Коммунистический Интернационал считает диктатуру пролетариата единственным средством, дающим возможность освободить человечество от ужасов капитализма. И Коммунистический Интернационал считает советскую власть исторически данной *формой* этой диктатуры пролетариата.

Империалистская война особенно тесно связала судьбы рабочих одной страны с судьбами пролетариев всех стран. Империалистская война лишний раз подтвердила то, что говорилось в уставе I-го Интернационала: освобождение рабочих является задачей не местной или национальной, а задачей *международной*.

Коммунистический Интернационал раз навсегда порывает с традицией II-го Интернационала, для которого на деле существовали только люди белой кожи. Коммунистический Интернационал ставит себе задачей освобождение тружеников *всего* мира. В рядах Коммунистического Интернационала братски об'единяются люди белой, желтой, черной кожи,—труженики всей земли.

Коммунистический Интернационал целиком и беззаветно поддерживает завоевания великой пролетарской революции в России, первой победоносной социалистической революции в мировой истории, и зовет пролетариев всего мира идти по тому-же пути. Коммунистический Интернационал обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где бы она ни создалась.

Коммунистический Интернационал знает: для того, чтобы скорее добиться победы, Международное Товарищество Рабочих, борющееся за уничтожение капитализма и создание коммунизма, должно иметь стройную централизованную организацию. По существу дела, Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране. Организационный аппарат Коммунистического Интернационала должен обеспечивать труженикам каждой страны возможность в каждый данный момент получить максимальную помощь от организованных пролетариев остальных стран.

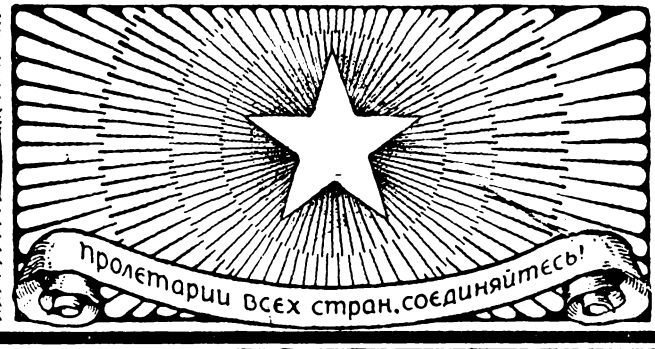
С этой целью Коммунистический Интернационал утверждает следующие пункты Устава:

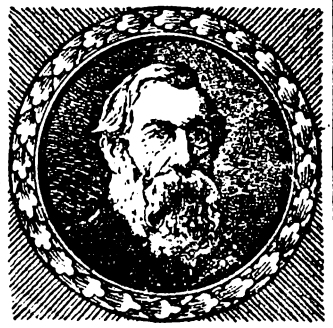
Ст. 1. Новое Международное Товарищество Рабочих основано для организации совместных действий пролетариев различных стран, стремящихся к одной цели: низвержению капитализма, созданию диктатуры пролетариата и Международной Советской Республики для полного уничтожения классов и осуществления социализма, этой первой ступени коммунистического общества.

Ст. 2. Новому Международному Товариществу Рабочих присвоено название *Коммунистический Интернационал*.

Ст. 3. Все партии, входящие в Коммунистический Интернационал, носят название: Коммунистическая Партия такой-то страны (Секция Коммунистического Интернационала).

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.

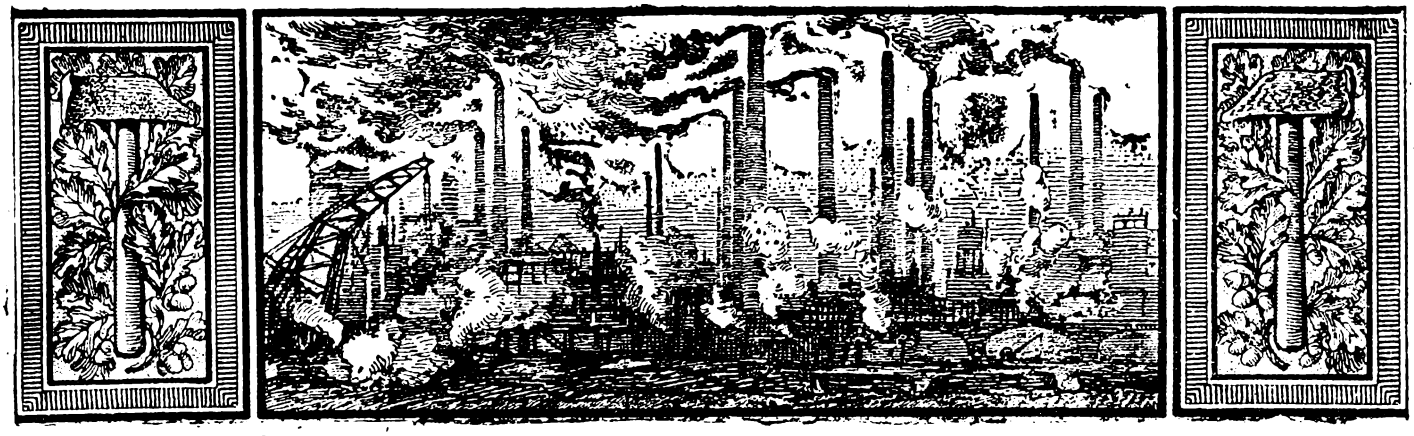
Журнал выходит под редакцией **Г. Зиновьева** и при ближайшем участии Бухарина, Каменева, Ленина, Луначарского, Покровского, Раковского, Рязанова, Троцкого (Россия); Куусинена, Маннера, Сирола (Финляндия); Нёрмана, Стрема, Хеглунда, Чильбума (Швеция); Греппа, Транмеля, Фриис, Шефло (Норвегия); Вайнкупа, Равестейна, Роланд-Холст, Рутгерса (Голландия); Томанна, Штейнгардта, Штрассера (Австрия); Пика, Радека, Тальгеймера, К. Цеткиной, Геккерта (Германия); Т. Квелча, Маклина, Роттштейна (Англия); **Гильбо, Лорио, Лефевра, Р.**, Монатта, Суварина, **Кашена, Перикà**, Садуля, Фроссара (Франция); **Бомбаччи, Бордига**, Грамши, Терначини (Италия); Герцога, Мюнценберга, Платтена, Эмбер-Дроза (Швейцария); Альпари, Бела-Куна, Рудаша, Рудянского (Венгрия); Мархлевского (Польша); Благоева, Кабакчиева, Коларова (Болгария); Джона Рида, Джима Ларкина, Хейвуда (Америка) и мн. др.

XII - 290

№ 19

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМНАТА 32-33 ТЕЛЕФОН 161-20 и 1-19
РЕДАКЦИЯ: ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА

СТАРЫЕ ЦЕЛИ—НОВЫЕ ПУТИ.

О ЕДИНОМ РАБОЧЕМ ФРОНТЕ.

1. Перед новой волной.

Изменившаяся обстановка выдвигает в настоящее время перед Коминтерном в целом и перед его крупнейшими секциями в частности некоторые новые задачи. Старый Либкнехт любил говорить о том, что революционеру иногда необходимо «в 24 часа» менять свою тактику. Как ни быстро идут события в наши дни, однако, в 24 часа обстановка, к сожалению, радикально не меняется. Но все же мы, участники освободительной борьбы современных дней, менее всего имеем оснований жаловаться на монотонность.

Развитие идет вперед как никак довольно быстрыми шагами. Еще совсем недавно мы переживали полосу несомненного штиля в международном рабочем движении. Ко времени III Всемирного Конгресса Коминтерна с известным правом можно было говорить о некотором поправении международного рабочего движения. Кое-где наблюдалось даже нечто вроде нового расцвета реформизма. Рабочие массы, истомленные войной и сопровождавшими ее голодовками, усиленно держались за кусок хлеба и охотно внимали социал-демократам и вождям умеренных профсоюзов, рисовавшим этим истомленным рабочим заманчивую перспективу сравнительно сносного существования, постепенных улучшений, безмятежного житья. Стихийное революционное движение рабочих масс, поднявшееся на особенную высоту к концу 1919 и к началу 1920 г.г., к середине 1921 г. сменяется сравнительным затишьем. Попытки коммунистического авангарда рабочих взвалить на свои собственные плечи всю тяжесть борьбы при общем индифферентизме масс кончаются неудачей. Авангард, пытавшийся собственными силами поднять тяжесть, которая была бы по плечу лишь всему рабочему классу, был близок к тому, чтобы надорваться. Именно таковым было мартовское выступление (1921 г.) коммунистов Германии.

Но вот прошло, правда, не 24 часа, а примерно, 24 недели, и обстановка начинает меняться на наших глазах. Если не обманывают все об'ективные признаки, мы можем сказать, что международное рабочее движение, несомненно, стоит перед началом нового под'ема. Может быть, точнее будет даже сказать, что этот под'ем уже начался. Медленно, но неуклонно происходит процесс нового полевения рабочих масс во всей Европе. И уже заранее можно сказать, что, если новому под'ему суждено развиться, это будет уже не просто стихийное, мало оформленное движение. Нет, это будет могучее революционное движение, обогащенное громадным опытом, приобретенным новыми очень многочисленными слоями беспартийных рабочих.

Перед новой волной! — этим характеризируется нынешний момент в международном рабочем движении.

Реформистские иллюзии, еще сравнительно так недавно наблюдавшиеся среди довольно широких рабочих масс, не могли не отцвесть. Безжалостная правда жизни слишком убедительна и красноречива. Наступление международного капитала по всему фронту против рабочих, обострение мирового хозяйственного кризиса, банкротство Версальского мира, возникающая опасность новых войн—все это слишком «увесистые» факты, чтобы они могли пройти мимо сознания широких рабочих масс.

Еще так недавно вожди профсоюзов и социал-демократических партий утешали рабочих тем, что с окончанием войны жизнь станет-де легче, заработная плата поднимется, начнется-де эра постепенной социализации, а при помощи Международного Бюро Труда (являющегося, в скобках сказать, составной частью Лиги Наций), вождям II и Амстердамского Интернационалов удастся-де улучшить и рабочее законодательство. Очарование красных вымыслов скоро, очень скоро сменилось будничной прозой. Капиталисты перешли в наступление по всему фронту. Господа капиталистические «капитаны промышленности» хорошо сознают, что сокра-

щение номинальной заработной платы всегда вызывает особенно острое недовольство со стороны рабочих, ибо это есть самое наглядное проявление ухудшения положения рабочих. И тем не менее, даже самые «передовые» капиталисты прибегли — сочли себя «вынужденными» прибегнуть—к самому откровенному сокращению даже номинальной заработной платы. То подобие промышленного под'ема, которое отмечалось там и сям, оказалось, как и следовало ожидать, только эпизодическим. В общем и целом промышленный мировой кризис не ослабляется, а обостряется. Число безработных рабочих и рабочих, занятых лишь в продолжение половины недели, исчисляется уже не сотнями тысяч, а миллионами. Страны, в которых капиталисты не провели еще сокращения заработной платы рабочим, являются уже не правилом, а исключением. Поход капиталистов становится все наглее и наглее с каждой неделей. Все более и более широкие слои рабочих, прежде индифферентных и беспартийных, теперь начинают убеждаться на своем собственном опыте, насколько фальшивыми были те перспективы, которыми их обнадеживали социал-демократы и вожди профсоюзов. В Англии капиталисты не останавливаются перед вызовом, брошенным ими такой важной категории рабочих, как углекопы. Рабочие пытаются отстоять свои прежние экономические позиции. Завязывается грандиозная схватка, которая кончается поражением рабочих углекопов. При этом предательская роль амстердамских вождей профсоюзов выступает с режущей ясностью. Английские углекопы и другие, наиболее близкие им слои рабочих, начинают переваривать опыт тяжелого поражения и думать глубокую думушку о том, что же надо сделать для того, чтобы, по крайней мере, спастись от новых нападений господ капиталистов. Не трудно угадать, что после такого опыта, размышления английских рабочих должны привести их к определенным выводам: чем больше и чем глубже переварят английские рабочие указанный опыт, тем лучше они будут иммунизированы против новых рецидивов реформизма.

В другой форме такие же молекулярные процессы внутри рабочих масс происходят и в других странах. В Германии социал-демократы и вожди профсоюзов все время в той или другой комбинации разделяют власть с буржуазией. Менее искушенным слоям рабочих это обстоятельство давало повод особенно сильно полагаться на обещания господ социал-демократов относительно постепенной социализации и т. п. А на деле вышло так,—теперь это ясно даже слепому,—что и в Германии капиталисты перешли к систематическому наступлению против рабочих, ухудшают их положение и пытаются взвалить всю тяжесть версальских долгов на плечи рабочих масс. Когда в марте 1921 года коммунистический авангард — горсточка рабочих по сравнению с многомиллионной массой рабочих Германии — бросился в бой против капиталистов, основная масса рабочего класса не только не поддержала авангарда, но местами с большим сочувствием отнеслась к тому улюлюканью, которое раздалось из рядов социал-демократов по адресу смельчаков коммунистов. Всякий, кто следит теперь за событиями, развивающимися в лагере германского рабочего движения, ясно видит, как та же германская рабочая масса, которая так еще совсем недавно была либо индифферентной, либо прямо враждебной коммунистам, теперь начинает смотреть на них совсем по иному. Ретроспективная оценка самого мартовского выступления получается совсем иная. Уважение к коммунистическому авангарду, который предупреждал против обманчивых обещаний социал-демократов, который не остановился перед большими жертвами в момент почти всеобщего индифферентизма, несомненно, увеличивается. Рабочие массы и здесь переваривают приобретенный новый опыт.

В той или другой форме такой же процесс наблюдается и в Италии, и во Франции, и в Швеции, и в Швейцарии, и всюду, где живут и борятся большие компактные массы рабочих.

С другой стороны, все реальнее становится опасность новых войн. Вожди социал-демократии и профсоюзов обещали рабочим массам постепенное улучшение их жизни. Они расточали не менее соблазнительные обещания на счет того, что истекшая империалистская война была «последней» войной, что теперь, при помощи давления на Лигу Наций, они добьются разоружения и т. п. Но эти обещания тоже отцвели не успевши расцвесть. *Брест* научил многому рабочих целого ряда стран, *Версаль* научил многому рабочих еще большего количества стран. *Вашингтон* довершит это «обучение». *Брест*, *Версаль* и *Вашингтон* — лучшие учителя. Брест, Версаль и Вашингтон нагляднее всего показывают все тупоумие амстердамских вождей, из которых иные и сейчас еще как будто искренно верят в возможность разоружения без революции.

В воздухе запахло новой мировой войной. Никто не может знать, когда она начнется, через три года или через пять лет. Но что она грядет, что она неизбежна, если ее не предотвратит международный пролетариат — это теперь чувствует каждый толковый рядовой рабочий. После империалистской бойни 1914—19 гг. у каждого рядового европейского рабочего появился на этот счет какой то обостренный инстинкт. Да и не мудрено. Слишком жестока была та школа, через которую прошла Европа в первую всемирную империалистскую войну.

Появившийся перед взором международного пролетариата призрак новой войны тоже менее всего способствует процветанию реформистских иллюзий. И не нужно быть пророком, чтобы предсказать: по мере того, как этот призрак будет облекаться плотью и

кровью, все более широкие рабочие массы будут отворачиваться от старых профсоюзов и социал-демократических партий и станут с надеждой обращать свои взоры к коммунистам.

Вожди амстердамцев уже почувствовали рост новых настроений среди рабочих масс в связи с намечающейся все более реальной опасностью новой войны. 15—16 ноября 1921 г. в Амстердаме заседала конференция представителей международных секретариатов транспортников, горнорабочих и металлистов. Конференция обсуждала политическое положение, чреватое опасностью новой войны. Опять появился на сцену, казалось, набивший оскомину призыв к разоружению. Все члены совещения подчеркивали необходимость немедленного принятия соответствующих мер предосторожности. На временный комитет возложена обязанность вести антимилитаристскую пропаганду и подготовить протест против назревающих военных опасностей. Комитету даны широкие полномочия вплоть до права созыва конгресса, для предотвращения новой войны. Эта же конференция мимоходом вынесла резолюцию о необходимости вести борьбу в международном масштабе со все ухудшающимися условиями труда. Вспомнив старое доброе время, вожди амстердамцев заново об'явили грозно «войну войне». Их резолюция по этому вопросу гласит:

«Принимая во внимание то обстоятельство, что реакционные и милитаристские стремления по всему миру постепенно нарастают и новая война станет неизбежной в том случае, если рабочий класс всех стран, действуя вполне единодушно и согласованно, не создаст общего фронта против опасности, грозящей со стороны капиталистов, конференция обращается к рабочим всего мира с настоятельным призывом: рядом с оборонительной борьбой против ухудшения условий труда, всю свою энергию, все свое внимание направлять также и на обуздание капитализма вместе с неразрывно связанным с ним милитаризмом. Согласно резолюциям, принятым по этому поводу международным конгрессом, конференция ожидает от всех, примыкающих к международному об'единению профсоюзов, организаций, что каждая из них внутри своей собственной страны все с большей силой и настойчивостью будет вести пропаганду и подготовлять выступление против милитаризма и в пользу всеобщего разоружения».

В этих целях конференция предлагает рабочим всех стран—«создать единую организацию, которая была бы в состоянии, в случае опасности и возникновения войны, под руководством Амстердамского Интернационала, путем немедленного об'явления международной всеобщей стачки, воспрепятствовать началу военных действий. Принимая во внимание, что война была бы невозможна без функционирования транспорта, при прекращении работы со стороны горнорабочих и металлистов, конференция полагает, что в первую голову на обязанности представителей этих отраслей промышленности лежит пропаганда борьбы против милитаризма. Они должны проявить максимум напряжения сил и использовать всю свою экономическую мощь, дабы таким образом воспрепятствовать возобновлению мировой войны. От имени 24 миллионов организованных рабочих конференция обращается с настоятельным призывом ко всем организациям, стремящимся действенным образом бороться с войной и милитаризмом, и предлагает им, в целях предотвращения новой мировой войны, об'единить свои силы с теми, которые имеются в распоряжении организованных рабочих». Конференция в особенности обращается к «миллионам жен и матерей, мужья и сыновья которых пали на поле битвы» и т. д.

Резолюция, как видите, очень грозная, вплоть до всеобщей стачки. Но, тем не менее, господам капиталистам почему то совершенно не страшно от этих угроз. Точь в точь такие же резолюции вожди II Интернационала «от имени десятков миллионов рабочих» проводили незадолго до войны 1914 года. Амстердамцы пугают империалистов, но этим последним совсем не страшно.

Однако, симптоматическое значение такие резолюции, несомненно, имеют. Уж если вожди Амстердама сочли себя вынужденными заметить надвигающуюся новую опасность войны и даже на словах пригрозить всеобщей стачкой, то это есть доказательство того, что в глубинах рабочих масс на этот счет зреет серьезнейшее беспокойство. Господа амстердамцы лишь для красного словца обращаются к «миллионам жен и матерей» и к 24 миллионам рабочих транспортников, горнорабочих и металлистов. Вожди амстердамцев, разумеется, не прочь и второй раз разыграть ту же самую комедию ошибок и предательств, свидетелями которой мы были в 1914 году. Но чтобы опыт 1914—1919 г.г. так-таки совсем пропал даром для миллионов рабочих Европы и Америки, на это не смеют надеяться и сами капиталисты.

Поход международного капитала против экономических позиций рабочего класса и все более увеличивающаяся опасность новой империалистской войны, так наглядно подчеркнутая Вашингтоном,—эти два кардинальных факта создают новое положение в международном рабочем движении. Полоса штиля проходит. Медленно, но неуклонно назревает новый громадный под'ем международного рабочего движения. Готовятся битвы, которые, по своему массовому характеру и по сознательности участников, оставят позади себя все, что мы знали до сих пор. Поднимается новая волна. Перед коммунистами ставятся новые задачи.

2. Вокруг вопроса о единстве.

Полевение международного рабочего движения сопровождается своеобразным явлением: неудержимо растет стремление рабочих к единству. Почти во всех странах ста-

рого рабочего движения—главным образом под влиянием усиливающегося натиска капитала и возрастающих опасностей новой войны,—пробудилось небывалое еще по силе, иногда буквально стихийное стремление к единству. Как раз новые слои рабочих, еще только начинающие изживать на собственном опыте те реформистские иллюзии, которые расцвели было в последние 1—2 года, как раз эти слои беспартийных рабочих, которые сейчас, быть может, впервые приобщаются к серьезной политической борьбе,—как раз эти рабочие более всего настаивают на едином рабочем фронте.

Не все эти рабочие ясно отдают себе отчет в том, чего они добиваются. Иные хотели бы об'единить все рабочие партии и даже все рабочие организации вообще в одну. Другие, сознавая невозможность об'единения всех рабочих партий в одну, пытаются добиться общих комитетов действий и т. п. Третьи вообще не отдают себе отчета в том, что такое партия. Но они инстинктивно чувствуют, что нужно какими то средствами добиться единства всех рабочих: иначе не одолеть врага, который становится все более злобным и вместе с тем все более сильным.

Эта стихийная тяга к единству *) является главной особенностью переживаемого момента. Это интереснейшее явление коммунисты должны изучить и понять. И коммунисты должны научиться отличать эту в высшей степени прогрессивную тягу к революционному единству в массах от дипломатической и порой прямо шарлатанской игры вокруг лозунга единства *среди вождей* II Интернационала и Амстердама.

Та стихийная тяга к революционному единству, которую мы наблюдаем сейчас среди широких слоев международного пролетариата, является продуктом глубоких исторических процессов. В последнем счете рабочий класс был разбит во время первой мировой империалистской войны потому, что всемирной буржуазии удалось расколоть рабочих и их международную организацию. Мало того. И теперь, после окончания империалистской бойни, международному капиталу с такой легкостью удается разбивать отряд за отрядом рабочих различных стран и профессий только потому, что и сейчас буржуазии при помощи социал-демократии удается раскалывать рабочих. Рабочие прямо физически ощущают теперь, что главная сила пролетариата в его массе, в его многочисленности. Весь государственный аппарат—в руках буржуазии и отчасти ее агентов, социал-демократов. Противостоять этому могучему аппарату рабочие могут только тогда, когда они представляют собою громадную, сплоченную, единую массу. Рядовой рабочий, если не понял, то почувствовал, что он может спастись от новых войн только в том случае, если рабочий класс будет действовать, как единое целое. Рабочая масса инстинктивно почувствовала, что выполнить свою историческую миссию—похоронить капитализм, уничтожить в корне возможность новых империалистских войн—рабочий класс может лишь в том случае, если он преодолеет те факторы, которые приводили к расколу пролетариата. После тех чудовищных жертв, которые принес рабочий класс на алтарь империалистской войны 1914—19 г.г., после того чудовищного обмана, который совершили по отношению к нему «дурные пастыри» II Интернационала, расколовшие рабочих, после того богатейшего опыта, который приобрели рабочие всех стран в течение двух слишком лет, прошедших со времени окончания войны, — вполне естественно, что среди все более революционизирующихся рабочих масс возникает эта страстная, прямо ненасытная жажда единства.

Это нужно понять. И коммунистам нужно пойти навстречу этой тяге к единству...

Отсюда и то, что лозунг единого рабочего фронта приобретает за последнее время все большую и большую важность. Поскольку этот лозунг выражает указанное стремление широких рабочих масс, постольку он прогрессивен и революционен.

То, что в последние месяцы называли, и то, что в самом деле и было известным кризисом в международном рабочем движении, являлось, в сущности говоря, результатом проигранных битв. При помощи социал-демократов различных толков буржуазии удалось нанести авангарду рабочего класса ряд крупнейших физических поражений. В нескольких странах рабочий авангард был прямо обескровлен. Тот упадок, который мы наблюдали в нескольких странах за последние месяцы, был прямой реакцией, непосредственным результатом этого обескровления. Ныне кризис начинает проходить, и начинающееся новое оживление протекает на первых порах под лозунгом единого революционного фронта рабочих. В этом своеобразие момента. Из этого международный коммунизм должен исходить.

Как опытные дельцы, не лишенные известного нюха, вожди Амстердама и II Интернационала не последними подметили начавшиеся среди рабочих масс новые молекулярные процессы, выражающиеся в формуле: «единый рабочий фронт». Учуяв опасность, вожди Амстердама и II-го Интернационала попыта-

*) Во всех дискуссиях о едином фронте, начавшихся в различных странах, зачастую имеется в виду исключительно единый фронт со сторонниками II и Амстердамского Интернационалов. Мы находим, что единый фронт следует трактовать шире. Дело должно итти о боевых соглашениях для борьбы против капитализма *также и с анархистами, с синдикалистами и с беспартийными рабочими; с последними в особенности.* Для романских стран вопрос о соглашении с синдикалистскими и анархистскими рабочими элементами имеет и большую практическую важность. Нам нужен единый фронт *всех* действительно революционных рабочих, пришедших к мысли о необходимости об'единенной борьбы против капиталистов, как в области экономических, так и в области политических требований.

лись «обезвредить» указанный лозунг тем, что решили его монополизировать и самим стать во главе нового движения. На все лады амстердамцы стали склонять во всех падежах слово «единство». При чем они систематически совершали маленькую—о, совсем маленькую—подмену понятий: подлинное единство миллионов рабочих, об'единяющихся в борьбе против наступающего капитала, они пытаются подменить «единством» между вождями II, II½ и Амстердамского Интернационалов. Начались шушуканья и совещания во Франкфурте, в Брайтоне, в Вене, в Париже и в ряде других европейских городов. Начались совещания между дипломатами Амстердамского, II и II½ Интернационалов. И в настоящее время все эти деятели с особой настойчивостью стараются эксплуатировать в свою пользу стихийное стремление рабочих к единству.

— Вы за единый фронт,—говорят они просыпающимся к новой активной борьбе слоям рабочих,—так мы беремся сорганизовать для вас этот фронт! Вот уже с'едемся мы, ваши старые вожди, в Вене или в Париже; мы заключим между собою соглашение, мы исключим, разумеется, из этого соглашения злодеев-коммунистов, которые, как известно, стоят против единства рабочего класса, и тогда ваша цель будет достигнута. Задачей вождей и дипломатов Амстердама и II Интернационала является—вынуть революционное жало из лозунга «единый рабочий фронт». Пробуждающееся массовое стихийное стремление к революционному единству они хотят уложить в прокрустово ложе махинаций и соглашений вождей, испытанных в деле предательства. С одной стороны, кричать против опасностей войны, связанных с Вашингтонской Конференцией, а с другой стороны, продолжать заседать в так называемом Международном Бюро Труда, являющимся составной частью Лиги Наций, а стало быть, и Вашингтона! Таково двурушничество этих вождей.

Уже летом этого года в первом манифесте Коминтерна по вопросу о единстве мы указывали на то, что в нынешних спорах вокруг лозунга «единый фронт» следует различать две вещи: с одной стороны, презренные махинации желтых вождей, пытающихся взять на буксир нарождающееся массовое новое движение и ввести его в тихие воды нового «сотрудничества» классов; а с другой стороны, действительно новое, действительно крупное явление—стремление просыпающихся новых слоев пролетариата к сплочению рядов, к подлинному революционному единству, к созданию настоящего единого революционного фронта, сначала оборонительного, а затем и наступательного. С одной стороны, глубокое социальное явление, заслуживающее самого внимательного отношения; а с другой стороны, простая «ловкость рук» опытных политиканов.

Буржуазная и социал-демократическая печать не даром из года в год пытается ославить коммунистов, как «раскольников», как постоянных нарушителей единства рабочего класса. Особенно забавно слышать эти обвинения из уст откровенно-буржуазной печати, которая также пытается рядиться в тогу защитницы единства рабочего класса. Господа буржуа и их слуги социал-демократы знали, что они делали, когда пытались представить нас постоянными виновниками раскола рабочих рядов. Тяга к единству является вполне понятным стремлением угнетенного класса. *И при прочих равных условиях* единство рабочих организаций является, разумеется, величайшим благом. Но именно—при прочих равных условиях. Бывают условия, при которых совершить раскол является, по выражению покойного Плеханова, священным долгом революционера. Так бывает тогда, когда по тем или другим причинам данная партия перестала выполнять свое историческое назначение, или даже стала выполнять назначение, прямо противоположное своей первоначальной программе. Так случилось со всеми партиями II Интернационала ко времени начала империалистской войны. Внести раскол в старую, казенную социал-демократию, которая с первого выстрела в 1914 году превратилась в слугу Вильгельма Кровавого, было священным долгом Карла Либкнехта. После четверти века мирного эволюционного развития весь аппарат международного рабочего движения к началу империалистской войны находился в руках реформистов. Воинствующему марксизму пришлось с величайшим трудом отвоевывать себе простое право на пропаганду своих революционных взглядов. Затем наступила *пора организационного размежевания*. Коммунисты приступили к созданию своих самостоятельных партий. Иначе нельзя было спасти честь социализма, иначе невозможно было отстоять самые элементарные интересы рабочего класса. Но beati possidentes (счастливыми владельцами) были социал-демократы старой школы. «Бунтовать», отвоевывать на свою сторону революционное меньшинство, и, стало быть, раскалывать старую организацию, пришлось нам, коммунистам. Это искусно использовали социал-демократы и их покровители — буржуазия. Во всем мире, на всех языках, в сотнях и тысячах социал-демократических и буржуазных газет они подняли неистовый вой по поводу того, что мы, коммунисты, являемся якобы принципиальными противниками единства рабочих организаций. На эту удочку попались многие неискушенные рабочие. На самом деле коммунисты прекрасно сознавали, что раскол есть зло. Они находили только, что на определенной стадии развития международного движения это зло есть неизбежное зло и что оно во много раз перевешивается тем благом, которое получается в результате организации наиболее передовых элементов в действительно самостоятельную рабочую коммунистическую партию.

Раскол коммунистов с социал-патриотами нисколько не исключает того, что единый рабочий революционный фронт будет расти при самой горячей поддержке со стороны коммунистов. Работа по размежеванию вчерне закончена. Коммунисты в общем и целом выполнили необходимую и неизбежную работу высвобождения наиболее передовых элементов рабочего класса из под контр-революционного влияния социал-демократии.

«Раскольниками» всегда выступали новаторы, воинствующие элементы, те, которые не мирились с создавшимся положением и прокладывали дорогу к чему то новому. «Раскольниками», естественно, должны были выступить передовые элементы рабочего класса, не желавшие мириться с казенной, сгнившей на корню социал-демократией II Интернационала. «Раскольниками», таким образом, выступили мы, коммунисты.

А ныне мы, «раскольники», должны явиться самыми горячими сторонниками единого революционного фронта с рабочими массами против капиталистов и против услуживающих им «социал-демократических» вождей. Дипломатию и игру вождей II-го Интернационала мы, разумеется, должны суметь разоблачить. Когда вчерашний королевский министр Вандервельде или сегодняшний королевский министр Брантинг начинают соловьем разливаться в пользу лозунга единого революционного фронта, когда им начинает подтягивать палач германских рабочих Носке, а вторят Жуо и Хендерсон, тогда, конечно, задачей коммунистов является показать рабочим массам, что им готовят новую тонкую измену. Это задача важная. Но все же—только второстепенная. На первом же плане задача: понять, что лозунг «единый рабочий фронт» не высосан из пальца, а является продуктом исторического развития последних лет, что лозунг этот выражает собою приобщение к активной борьбе новых миллионов и миллионов рабочих. Понять и пойти навстречу этим рабочим, суметь стать выразителем их пока еще смутных революционных стремлений, суметь об'единить их и стать во главе их, значит, привести под знамя коммунизма уже не только авангард, но основные тяжелые массы пролетарской пехоты, значит, завоевать на свою сторону не тысячи и не десятки тысяч, а сотни тысяч и миллионы, значит действительно воплотить в жизнь лозунг III Конгресса «К массам!», значит, одним словом, подготовить основные предпосылки для победы социалистической революции.

«Большевизм» стал понятием международным. То же относится к понятию «меньшевизм». Опыт взаимоотношений между русскими большевиками и меньшевиками в России имеет на наш взгляд не малое значение и при решении вставшего пред нами вопроса об отношении к международному меньшевизму. Иностранные товарищи хорошо знакомы с тем, как мы, русские большевики, раскалывались с меньшевиками, но они должны узнать теперь и о том, как в продолжение полутора десятилетий нашей борьбы с меньшевизмом не раз бывали случаи, когда вокруг лозунга единства между большевиками и меньшевиками завязывалась борьба, во многом напоминающая нынешнюю борьбу в европейском рабочем движении. В течение приблизительно полутора десятилетий, протекших со времени зарождения большевизма до его победы над буржуазией (1903—1917 г.г.), большевизм не переставал вести систематическую борьбу против меньшевизма. Но вместе с тем, в течение этого периода времени мы, большевики, не раз заключали и соглашения с меньшевиками. Формальный раскол с меньшевиками впервые произошел весною 1905 года, хотя фактически он наметился в 1903 году. В январе 1912 года формальный раскол между большевиками и меньшевиками был закреплен вновь. Но в 1906—1907, а затем в 1910 году это состояние полного и формального раскола сменялось об'единениями и полуоб'единениями и притом не только в силу перипетий борьбы, но и под давлением широких слоев рабочих. И оглядываясь теперь назад, мы видим, что это давление об'ективно было вызвано тем, что новые, просыпавшиеся к активной политической жизни слои рабочих, в сущности говоря, настаивали на поверочных испытаниях их собственным опытом и полагали, что, добившись об'единения большевиков с меньшевиками в одну партию, они увеличат свою силу сопротивления против помещиков и капиталистов. Мы не хотим этим сказать, что и теперь в какой бы то ни было стране развитого рабочего движения возможно было бы формальное организационное об'единение или полуоб'единение большевиков с меньшевиками, или, говоря в современных терминах, коммунистов со сторонниками II или II½ Интернационалов. *Это невозможно.* Нынешнюю полосу развития нельзя полностью сравнивать с той полосой развития, через которую прошло русское рабочее движение в 1903—17 г.г. Мировая империалистская война положила грань между старым и новым периодом в развитии рабочего движения. Организационное размежевание между коммунистами и социал-демократами с неизбежностью началось в 1914 году в различных странах и стало теперь явлением международного масштаба. Пути назад в этом отношении не существует. Но вместе с тем кое-что из эпизодов борьбы и соглашений между русскими большевиками и меньшевиками может пригодиться нашим западно-европейским и американским товарищам. Крайне поучителен, напр., русский опыт 1913 и начала 1914 годов в русском рабочем движении. К этому времени среди русских рабочих замечался уже очень большой под'ем. После поражения революции 1905 года и пережитых тяжких годов контр-революции, среди русских рабочих тогда тоже замечалась крайне сильная, стихийная тяга к единству рабочего фронта. Дипломаты русского меньшевизма в то время пытались воспользоваться этой стихийной тягой к единству, примерно, так

же, как это ныне пытаются сделать вожди международного меньшевизма. Но мы, русские большевики, не ответили тогда простым отказом от какого бы то ни было соглашения. Мы ни в коем случае не выступали против единого рабочего фронта. Напротив, в противовес дипломатической игре меньшевистских вождей мы, большевики, выдвинули тогда лозунг *единства снизу*. Другими словами, мы требовали единства самих рабочих масс в их практической борьбе за действительно революционные требования, направленные против капиталистов. Мы призывали рабочие массы об'единиться через головы умеренных меньшевистских вождей. И практика показала, что мы достигли цели. В результате такой тактики, которую, разумеется, приходилось видоизменять, в зависимости от конкретных обстоятельств времени и места, мы постепенно отвоевали громадную часть лучших рабочих-меньшевиков на сторону большевизма. Ни на одну минуту большевики не отказывались при этом от своей полной самостоятельности, ни на одну минуту мы не ослабляли своей критики по адресу меньшевизма. Напротив, пропаганда лозунга единства снизу шла параллельно с разоблачением игры меньшевистских дипломатов.

После мартовской революции 1917 года меньшевики попытались вновь сыграть на лозунге единства. Они выступили с планом об'единенного с'езда всех социал-демократов, понимая под этим и большевиков, и меньшевиков. Свою знаменитую речь, впервые излагавшую тезисы в защиту советской системы, т. Ленин сказал на собрании, которое меньшевики созвали с целью подготовки этого пресловутого об'единения. На это об'единение мы, большевики, не пошли. Обнять нас «по этапу» меньшевикам так и не удалось. Но мы, вместе с тем, систематически и настойчиво продолжали пропагандировать идею *об'единения рабочих снизу* в рамках Советов, на почве борьбы за власть Советов, на почве организации массовых политических и экономических стачек, на почве вооружения рабочих, разоружения белой гвардии и т. п. Результаты были, как известно, не плохи.

3. Положение вопроса в различных странах.

В различных странах секции Коминтерна подходят к выдвиганию лозунга «единый рабочий фронт» по разному, ощупью прокладывая себе дорогу к массам в новой обстановке. Но в общем и целом одинаковый процесс наблюдается почти всюду.

В *Германии* наша партия на ее последней конференции с полным единодушием поддержала лозунг единого рабочего фронта и признала не только возможным, но и необходимым в известных условиях оказать поддержку и так называемому «рабочему правительству», о котором все более и более настоятельно говорят в Германии. В Германии более, чем в какой бы то ни было другой стране, вопрос о едином фронте получает актуальное значение. Германский реформизм — я беру это слово в самом широком его смысле, включая сюда и социал-демократов большинства, и центристов — зашел в тупик. Даже наиболее дальновидным буржуа становится все более ясно, что никакого мирного, эволюционного выхода из создавшегося положения в Германии нет. Если Германская Коммунистическая Партия окажется на высоте положения, то она вполне теперь сможет использовать результаты мартовских битв, которые — ныне это особенно ясно — были большим шагом вперед, несмотря на все сделанные тогда ошибки. Германские коммунисты должны теперь в обстановке, когда просыпаются к борьбе новые сотни тысяч рабочих, суметь пожать плоды мартовской борьбы. Что бы там ни говорили хулители и сикофанты, а факт остается фактом: *единственной* партией, которая в марте 1921 года вела за собой сотни тысяч рабочих в бой в то время, когда все «социалисты» на всех перекрестках убеждали рабочих в том, что бороться не надо, были коммунисты.

Элементы путшизма и сектантства, которые, несомненно, были в Германской Коммунистической Партии, успешно преодолеваются. Наши германские друзья сознают, что стремление к единому революционному фронту при известных условиях может стать громадным революционизирующим фактором. Германские коммунисты были правы, когда они в Тюрингии оказали парламентскую поддержку социал-демократам и независимым при ситуации, когда от голосов коммунистов зависело образование «социалистического» правительства. Германские коммунисты правы, когда они и в области экономической борьбы придерживаются той же самой линии.

Иной раз, правда, замечаются преувеличения. В циркулярном письме Центрального Комитета Коммунистической Партии Германии от 21 ноября 1921 г. мы читаем, например, следующие строки:

«Следует обратить серьезное внимание на то, чтобы коммунисты не брали на себя сами экономической борьбы, в которой они будут выступать изолированно. Надо, чтобы они самостоятельно не вели экономической борьбы, но чтобы наши товарищи всюду толкали массы вперед. Экономическая борьба должна вестись профсоюзами».

Это, по нашему мнению, неправильная точка зрения. Да, формальное руководство экономическими стачками должно принадлежать преимущественно профсоюзам. Но, разумеется, партия ни в коем случае не может отказаться от руководящего участия в экономических стачках. В Германии, в особенности в переживаемую полосу, более, чем когда бы то ни было, любая крупная экономическая стачка имеет политическое значение. На нынешней стадии борьбы в Германии более, чем где бы то ни было, экономическая

борьба переходит в политическую. Нам ли напоминать нашим германским товарищам, насколько предательскими являются нынешние социал-демократические союзы? Не так давно «Vorwärts» с гордостью сообщал, что из 48 миллионов членов профсоюзов тридцати крупнейших стран на Германию будто бы падает 13 миллионов членов. Но мы то с германскими коммунистами знаем, что нынешние свободные профсоюзы Германии на деле мешают всякой серьезной экономической борьбе рабочих. Поддержка лозунга «единый рабочий фронт» необходима, но из этого вовсе не следует, что мы по этому случаю должны впадать в такие преувеличения, как приведенное выше.

Поддерживая лозунг единого фронта, германские коммунисты, вместе с тем, должны будут с удвоенной силой бороться против всех тех, кто пытается центристские идеи вносить в ряды нашей собственной партии. Непримиримая борьба с новой партией, образуемой Паулем Леви, Деймигом и другими, является актом самосохранения партии. Мы можем и должны поддерживать всякий практический шаг в области создания единого рабочего фронта среди масс, но мы одновременно должны и давать самый беспощадный отпор всякому «вождю», который пытается тащить партию назад. Пауль Леви и К° утверждают, что они не хотят создавать особой партии, но вместе с тем, они ее на деле создают. Когда Леви кричит, что его партия не есть партия, это на самом деле только приспособленчество, своего рода мимикрия. Леви *не может* пока создать значительную самостоятельную партию, и он организует, поэтому, нечто вроде неоформленного клуба. Из нужды он делает добродетель. Делать какие бы то ни было уступки этим ликвидаторам, пытающимся разлагать коммунистическую партию изнутри, значило бы совершать величайшее преступление против нарождающегося нового массового революционного движения. Да, мы должны столковываться и соглашаться с левеющими шейдемановскими рабочими, желающими проводить вместе с нами стачку, созывать с'езд фабричных советов или организовать движение под лозунгом амнистии политическим заключенным. Да, этим шейдемановским рабочим мы *должны* делать известные уступки, памятуя, что они идут и придут к нам и вместе с нами в числе сотен и сотен тысяч пойдут сначала на частичные, а потом и решающие бои. И в то же самое время мы не только не должны, но мы не имеем права делать хотя бы малейшие уступки ликвидаторским группкам, вроде ренегатской группы Леви, которая тащит движение назад. Кто не понимает этой диалектики, тот не понимает ничего. Кто из факта стихийного стремления рабочих масс к единому фронту делает тот вывод, что коммунистическая партия должна потакать «вождям», перебегающим на сторону противника, тот не способен строить коммунистическую партию, а способен только разрушать ее.

Иные наивные люди полагают, что тяга к единому фронту смягчит межпартийную борьбу, ослабит полемику и т. п. Святая простота! Германский пример показал, что дело происходит «совсем наоборот». Когда германские социал-демократы увидели, что влияние коммунистов увеличивается и что они начинают сговариваться с рабочими шейдемановцами о совместной борьбе, шейдемановский Центральный Комитет выступил с пресловутыми погромными разоблачениями о террористических покушениях коммунистов в мартовские дни 1921 года. Приблизительно то же делали и русские меньшевики в соответствующие критические для них моменты. Усиление тяги к единому фронту отнюдь не исключает при известных обстоятельствах и обострения борьбы между нами и вождями социал-предателями. Кто не понимает и этой диалектики, тот опять таки ничего не понимает. В том то и дело, что чем больше мы будем сплачиваться с рабочими, которые до сих пор были индиферентны или шли за социал-демократией, тем больше вожди II Интернационала будут злопыхательствовать и пытаться отравлять идейную борьбу «разоблачениями», доносами и другими подлостями. И тем не менее, наше сплочение с новыми слоями рабочих все-таки будет итти вперед, если только мы сами не наделаем ошибок.

Несколько иначе дело обстоит *во Франции*. Здесь, поскольку дело идет о политически организованных рабочих, коммунистическая партия имеет несомненное большинство. Это создает обстановку, отличную от обстановки германской. Но это вовсе не значит, что мы должны во Франции отказаться от лозунга единого фронта. На наших глазах во Франции происходит раскол профессионального движения, образуются две конфедерации труда: одна, руководимая крайними реформистами, другая, руководимая революционными синдикалистами и коммунистами. Эта вторая, чтобы не захирeть, должна, во что бы то ни стало, удержать и усилить контакт с беспартийной рабочей массой, которая жаждет единства во Франции так же, как и в других странах. Перед каждой крупной экономической стачкой, перед каждым массовым выступлением мы должны обязательно делать соответствующие предложения реформистской конфедерации труда, дабы изобличить ее перед массами, если она откажется поддерживать борьбу рабочих, дабы сблизиться с рабочими, поддерживающими еще ее, если она пойдет на соглашение. В обеих конфедерациях, вместе взятых, сейчас насчитывается немногим больше полумиллиона рабочих. Коммунисты и действительно революционные синдикалисты должны вовлечь теперь в орбиту своего влияния не полмиллиона, а, по крайней мере, два миллиона рабочих. Иначе революционные

профсоюзы Франции скоро могут превратиться в засохшую ветку. Чтобы правильнее решить указанную задачу, надо и во Франции умело, считаясь с особенностями обстановки, провести борьбу под лозунгом единого рабочего революционного фронта.

Иной мудрец на это заметит нам: зачем же тогда борьба внутри коммунистической партии по вопросу о пределах автономии профсоюзов и т. п.? Зачем же полемика между коммунистами и революционными синдикалистами, не желающими признать руководящей роли партии и т. д.? В том-то и дело, что для успешного завоевания широких беспартийных масс надо, чтобы у самой партии было ясно в голове, чтобы она сама-то ясно знала, что такое профсоюзы и что такое коммунистическая партия. Мы обязаны, с одной стороны, настойчиво добиваться полной идейной ясности в рядах партии по указанному вопросу, а, с другой стороны, суметь подойти к самым широким беспартийным массам и завоевать их на нашу сторону под лозунгом единого революционного фронта против капиталистов. Усвоить эту диалектику необходимо для всякого, кто претендует на роль руководителя рабочего движения.

Мы не скрываем от себя: во Франции тактика единого фронта связана с особенно большими опасностями. Внутри Французской Коммунистической Партии мы видим еще таких людей, как Рауль Верфейль, Фабр. и др., которые все еще оплакивают раскол с Лонге и Реноделем. В этом отношении особенно печальным симптомом является ряд статей Рауля Верфейля в газете «Journal du Peuple». Эти статьи, к сожалению, не встретили почти никакого отпора в партийной печати. Не менее печальны статьи Фабра, который совершенно скатывается в лагерь Лонге. А особенно печальны (и прямо непростительны для марксиста, каковым является Раппопорт) статьи Шарля Раппопорта, который уже после Миланского с'езда 24 октября 1921 г. пытается защищать «нашего друга» Серрати.

Мы признаемся открыто, что, советуя нашим французским друзьям выдвинуть лозунг единого рабочего фронта, мы серьезно опасаемся, как бы при слабости коммунистических традиций во Франции ряд товарищей не ударился бы здесь в оппортунизм. Ведь во Франции начинают уже поговаривать о левом блоке во время парламентских выборов. Ведь даже Даниэль Рену, повидимому, склонен впадать здесь в серьезнейшие ошибки. Из известного письма тов. Ленина к германским коммунистам, в котором т. Ленин справедливо говорит, что борьбу против центризма не следует превращать в спорт, Даниэль Рену (не говорю уже о Фабре) делает широкие выводы в смысле прекращения межпартийной борьбы вообще. В статье от 27/28 в своей газете «L'Internationale» он пишет: «Замечательно, что именно в настоящий момент, когда споры, иногда чисто теоретические, раз'единяют революционные силы, всякое действенное выступление, несмотря на все, сплачивает их и об'единяет. Следовало бы, по моему мнению, подумать об этом в разных организациях и принять в соображение, что, несмотря на резкие разногласия и взаимное предание анафеме, искренние революционеры всех оттенков, пока капитализм существует, будут, силою обстоятельств, об'единять свои усилия для борьбы с ним». Одним словом, возлюбим-те друг друга и забудем-те о том, что Иуда есть предатель, что Реноделъ есть Реноделъ! Тов. Лорио, по нашему мнению, был глубоко прав, когда в статье, озаглавленной «Конец неясности», он отвечает Д. Рену: «Рену забывает, что у нас в синдикатах и в значительной мере и в партии предметом спора являются не взгляды Коминтерна и всех тех, кто стремится быть левее Коминтерна, как это имело место в Германии, а проблема: коммунизм или реформизм. Желать при таких условиях во имя призрачного единения прекратить борьбу в то время, когда Москва требует от нас еще ее усиления, значит делать ошибку, которая может иметь весьма опасные последствия». И тов. Лорио еще более прав, когда он прибавляет: «Для осуществления в коммунистической и рабочей среде наибольшего единения, *необходимо сначала, чтобы наша собственная партия была коммунистической, чего далеко еще нет*». Вот это сказано правильно! Чтобы правильно маневрировать против реформистов и полуреформистов, чтобы под лозунгом единого фронта отвоевывать от них все новые слои рабочих, для этого нужно, чтобы сам маневрирующий, т.-е. сама коммунистическая партия твердо стояла на ногах и помнила, что Лонге и Реноделъ—агенты капитала, а не наши слегка заблудившиеся друзья.

В юбилейной статье, посвященной 4-й годовщине советской власти, Жан Лонге с пафосом восклицает: «И когда же, наконец, руководители большевиков, по счастливому выражению нашего друга Андре Пьера, заключат мир с их братьями—социалистами, после того, как они (т.-е. большевики) заключили уже свой мир с их врагами—буржуазией»? («Le Populaire» от 7 ноября 1921 г.). Чего в этой фразе больше—наивности или цинизма, сказать поистине трудно. «Наш друг», Андре Пьер—известный доносчик на советскую власть и профессиональный «разоблачитель» коммунистов, видите ли, находит, что русские большевики заключили мир с буржуазией и что, поэтому, они должны теперь заключить мир с социал-патриотами. А г. Лонге повторяет эту «счастливую» фразу. Неужели, в самом деле, г-ну Лонге невдомек, какой именно «мир» заключили русские большевики с иностранной буржуазией? Пора г. Лонге перестать притворяться непонимающим.

Во всяком случае, французские рабочие должны ясно знать: никакого мира с Лонге и Реноделем у коммунистов быть не может. А ряд соглашений на почве общей борьбы

против капиталистов между рабочими коммунистами и рабочими беспартийными, синдикалистами, анархистами и т. п. можно и должно провести.

Еще иначе вопрос об едином фронте стоит *в Англии*. Второй Всемирный Конгресс Коминтерна еще в 1920 году высказался за вхождение коммунистов в Рабочую Партию, которая, как известно, является своеобразным об'единением всех рабочих партий и профсоюзов, руководимым, однако, злейшими оппортунистами.

Во время второго конгресса против тактики вхождения в Рабочую Партию выступали из соображений якобы ортодоксальности такие люди, как Серрати. Однако, опыт показал, насколько правы были мы, рекомендуя указанную тактику английским коммунистам.

Хендерсон и К° отказались принять в Рабочую Партию английских коммунистов. Теперь замечается некоторый поворот в рядах английской Рабочей Партии. Несомненно, под влиянием тех глубоких причин, на которые мы указывали выше, в лондонских организациях Рабочей Партии вынесено, правда, небольшим большинством голосов, постановление о допущении английских коммунистов в Рабочую Партию. На фоне общего развития английского рабочего движения, глубоким плугом поднявшего новые слои рабочих (вспомним стачку углекопов), здесь более, чем где бы то ни было, уместен со стороны коммунистов лозунг единого революционного фронта. При его помощи мы лучше всего доберемся до масс английского пролетариата. Не так давно г. Хендерсон в статье «Совершеннолетие Рабочей Партии» изволил писать: «На очереди стоит вопрос о присоединении Коммунистической Партии. Национальный Исполнительный Комитет по тщательном обсуждении отклонил присоединение и намерен предложить конференции утвердить это решение. Конференция может отвергнуть решение Исполнительного Комитета. Но придется привести серезные доказательства ранее, чем делегаты отменят постановление Исполнительного Комитета». Мы твердо надеемся, что развитие событий и революционизирование английских рабочих заставят отменить много решений, которые кажутся непреложными г. Хендерсону.

Крайне поучительно положение в *Италии*. Здесь раскол между коммунистами и социал-демократами совсем еще свеж. Молодая Коммунистическая Партия Италии, естественно, настроена еще несколько догматически. Она, только что освободившаяся от сковывавших ее уз единства с реформистами и полуреформистами, естественно, менее всего склонна к соглашениям с этими последними. Итальянские коммунисты только что воочию увидели неслыханную измену делу пролетарской революции, совершенную вождями Социалистической Партии и профсоюзов. И тем не менее, вышло так, что всю свою агитацию молодая коммунистическая партия повела под лозунгом единого боевого пролетарского фронта против наступления капиталистов. Это глубоко знаменательно. В Италии процессы внутри рабочего движения протекают сейчас, по целому ряду обстоятельств, с особенной наглядностью. Так случилось и с лозунгом единого фронта. Наступление капиталистов в Италии особенно нагло. Шарлатанство реформистских вождей, выжидающих только момента, чтобы сесть на теплое местечко в министерском кабинете, здесь особенно цинично. И вместе с тем здесь, как ни в какой другой стране, рабочие массы тянутся к борьбе против капиталистов и инстинктивно жаждут воссоздания единого пролетарского фронта для успешного ведения этой борьбы. В Италии нагляднее, чем в какой бы то ни было другой стране, к единому фронту тянутся, как бабочки на огонь, не только рабочие коммунисты, но и рабочие анархисты, и синдикалисты, а также широкие круги рабочих беспартийных и тех, которые идут еще за реформистами и центристами. Вот почему и вышло так, что боевым лозунгом непримиримых коммунистических элементов Италии явился лозунг единого рабочего фронта. Особыми путями итальянские коммунисты пришли к той же цели.

В *Америке* начинается об'единение всех *левых* элементов профессионального и политического движения, которое даст возможность коммунистам занять центральное место в этом левом об'единении, проникнуть в широкие массы американского пролетариата. Главным обвинением против Гомперсовской шайки в Америке, естественно, должно стать то, что Гомперсовские профсоюзы не хотят участвовать в создании единого фронта против капиталистов, не хотят защищать безработных и т. п.

В Швеции и в Швейцарии, в Чехо-Словакии и в Норвегии, в странах, где мы составляем меньшинство, как и в тех странах, где среди политически организованных рабочих мы имеем уже значительное большинство, всюду и везде с различными видоизменениями, вытекающими из особых конкретных условий, вопрос о едином фронте тоже выдвигается на первую очередь. Ибо всюду и везде наблюдаются в основном одни и те же процессы: рабочая масса просыпается к новой революционной борьбе, рабочая масса революционизируется. Не в порыве отчаяния, не в результате застоя и реакции пришли германские коммунисты и приходят коммунисты других стран к выдвиганию лозунга «единый фронт». Наоборот, этот лозунг выдвигается именно потому, что лед тронулся, что массы приходят вновь в движение.

4. Не забывать об опасностях.

Мы указывали уже попутно на те опасности, с которыми связана предлагаемая тактика. На эти опасности ни в коем слу-

чае нельзя закрывать глаз. Не все коммунистические партии уже достаточно окрепли и оформились, не все они окончательно освободились от центристской и полуцентристской идеологии. В иных партиях найдутся и «вожди», которые увидят в предлагаемой тактике давно желанный предлог для того, чтобы в серьез повернуть направо и начать сдачу идейных позиций коммунизма. Для таких вождей лозунг единого фронта окажется самоцелью, а не средством завоевания новых масс для дела коммунизма. В результате такой фальшивой интерпретации мы получили бы на деле не единый фронт революционных рабочих против капиталистов, а единый фронт центристов с плохими «коммунистами» против пролетарской революции.

Ультимативным условием, от которого не должна отступать ни одна коммунистическая партия, является соблюдение полной самостоятельности каждой нашей партии и полной свободы критики всех тех партий и групп, с которыми мы заключим то или другое временное соглашение. Единство во всяком революционном действии или даже полудействии против капиталистов—*да!* Единство с вождями Амстердама и II Интернационала для затушевывания тех разногласий, которые имеются между коммунизмом и реформизмом—*никогда и ни за что, и ни при каких обстоятельствах!*

Заключая те или другие соглашения, коммунисты ни на одну минуту не могут забыть о том, что реформизм является, по великолепному выражению тов. Барбюсса, специфическим ядом социализма. Чем чаще станут практические соглашения с рабочими, принадлежащими к другим организациям, тем тверже, яснее и резче должна быть наша идейная борьба против реформизма. Иначе трупный яд может заразить и здоровый организм.

В последнее время вождями II и Амстердамского Интернационалов поднят большой шум по поводу необходимости об'единения в международном масштабе и создания «единого могучего Интернационала». В роли свахи выступают герои II½ Интернационала. Забавно читать, как Ледебур (в статье «Вопрос о социалистическом единстве», от 6 ноября 1921 г.) называет коммунистов «заблудшими братьями». Забавно читать, как Фридрих Адлер популярно об'ясняет австрийскому с'езду социал-демократической партии, что II½ Интернационал ни в коем случае не должен пойти на об'единение только со II Интернационалом без III Интернационала. Все эти господа решают без хозяина. Ни о каком «едином» Интернационале, включающем социал-патриотов и центристов, не может быть и речи. Коммунистический Интернационал теперь находится на лучшем пути к тому, чтобы окончательно завоевать пролетарские массы всего мира. Но верно то, что раз отдельные секции Коминтерна допускают возможность соглашения с партиями II и Амстердамского Интернационалов, то такие же соглашения возможны и в международном масштабе. Исполком Коминтерна сделал уже предложение Амстердаму по вопросу о совместной помощи голодающим России. Амстердам наполовину замолчал это предложение, саботировал его. Исполком Коминтерна сделал аналогичное предложение Амстердаму по вопросу о защите испанских рабочих от белого террора буржуазии и по вопросу о защите юго-славянских рабочих от белого террора помещиков и капиталистов. Эти предложения Амстердам также замалчивает и саботирует. Да оно и понятно! Социал-демократы и деятели желтых профсоюзов, входящих во II Интернационал и в Амстердамское об'единение, самым усердным образом поддерживают юго-славянское правительство в его разбойничьей борьбе против юго-славянских коммунистов.

В среде Исполкома Коминтерна обсуждается вопрос о возможности сделать известное предложение амстердамцам в связи с Вашингтонской Конференцией. Всего вероятнее, что вожди Амстердама будут и впредь замалчивать и саботировать такие предложения.

Коммунистам различных стран надо быть готовыми к обоим случаям: в том случае, если сторонники Амстердама отвергают предложенное им соглашение, их надо разоблачать перед самыми широкими массами рабочих и пригвоздить к позорному столбу, как срывателей пролетарского единства; в том случае, если, скрепя сердце, сторонники Амстердама принимают то или другое наше предложение, необходимо от частного итти к общему, необходимо постепенно, считаясь с конкретными условиями, развивать данное выступление рабочих, поднимая его на большую высоту. В обоих случаях необходимо приковывать внимание беспартийных рабочих масс ко всем перипетиям переговоров, к подготовке выступления и т. д.

Проводя намеченную тактику, считаясь с целой массой конкретных условий, мы вместе с тем должны иметь перед собой одну цель: укрепление своей самостоятельной коммунистической партии, усиление своего собственного красного Профинтерна. Ликвидаторские стремления по отношению к Профинтерну, замечающиеся кое-где среди шатких коммунистов, которые из лозунга «единый фронт» умозаключают к лозунгу «роспуск Профинтерна», должны встретить самый решительный отпор.

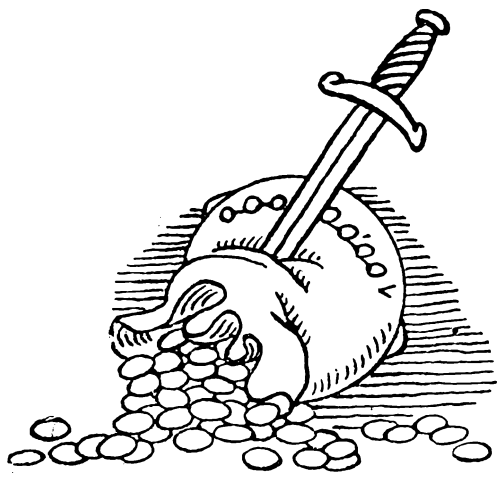
Слов нет, тактика эта сложна и требует гибкости и осторожности. Ошибки на этом пути будут. Чем более сильна данная коммунистическая партия, тем большая идейная ясность у ее руководителей, чем сплоченнее ее ряды, тем успешнее сможет она маневрировать в пределах очерченной тактики и тем успешнее завоюет она на свою сторону новые слои рабочих. Но и более слабым партиям надо же когда нибудь начать учиться искусству завоевания широких беспартийных масс. Чтобы научиться плавать,

волей-неволей приходится броситься в воду. Вода иногда бывает холодная, а главное, она всегда бывает мокра. Учась плавать, можно и утонуть. Но это все-таки не довод против того, чтобы учиться и научиться плавать.

Советской власти в России приходится, разумеется, соразмерять темп своей внутренней и внешней политики с темпом международного пролетарского движения и роста международной революции. И наоборот: политика советской власти, представляющей собою главный оплот международной революции, в свою очередь не в малой степени определяет самый темп развития международного революционного движения. По мере того, как международная революция станет развиваться быстрее, и в жилах Советской России кровь будет пульсировать гораздо более оживленно. При малейшей об'ективной возможности Советская Россия быстро изменит шаг и ускорит темп... Намечающийся под'ем в международном рабочем движении открывает громадные новые возможности.

Из всех идейных течений и политических направлений борющихся среди рабочих—анархизм, реформизм, синдикализм, коммунизм и пр.—коммунизм в настоящее время является не только самым сильным в теоретическом отношении, но и наиболее организованным и сплоченным. Будущее принадлежит коммунизму. И притом—будущее вовсе не столь отдаленное, как это думают многие. События, развивающиеся в международном рабочем движении, с каждым днем доказывают, что излишний пессимизм был бы совершенно не у места. Коммунизм завоюет весь международный пролетариат, а с ним и весь мир.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

НАЛОГОВЫЙ ВОПРОС И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА.

В переживаемую нами стадию распада капиталистического хозяйства, налоговый вопрос получает в тех странах, где упадок капитализма принимает форму недопроизводства *), основное политическое и экономическое значение: это—страны континентальной Европы, принимавшие участие в войне. Наибольшую остроту вопрос этот получает в побежденных странах, где к невероятным расходам, требуемым их собственным государственным аппаратом, присоединяется еще контрибуция, которая должна быть уплачена другим государствам.

Сущность кризиса в этой группе стран заключается в недостаточности производства, вызванной ухудшением мертвого производственного аппарата и понижением работоспособности всех трудящихся. Производство оказывается недостаточным для прокормления рабочего класса, для обеспечения классу капиталистов его привычного комфорта, для обновления и расширения производственного аппарата и для покрытия достигших невероятных размеров государственных потребностей. Экономический кризис капитализма проявляется в форме финансового кризиса государства. Так как государство не в состоянии покрыть своих расходов текущими поступлениями, то оно вынуждено непрерывно бросать в обращение все новые и новые эмиссии бумажных денег. Это влечет за собой безостановочное обесценивание бумажных денег, как в самой стране, так и за границей. Экономический кризис представляется, благодаря этому, валютным кризисом: стремительное обесценивание всех среднеевропейских и восточно-европейских валют по сравнению со стоящими на уровне золотой валюты деньгами нейтральных государств служит показателем обострения экономического кризиса. Разрешение финансового и валютного кризиса было бы возможно только путем уравновешения государственного бюджета, то-есть—если бы этим государствам удалось взять из дохода их граждан в форме налогов такую сумму, которая могла бы покрыть их государственные расходы. Таким образом, налоговый вопрос становится центром политической борьбы во всех этих странах.

Налоговый вопрос является с экономической точки зрения вопросом распределения доходов, т. е. вопросом о том, из какого рода доходов должны покрываться расходы. Каждому роду доходов в современном классовом государстве соответствует какой-нибудь класс или слой населения. Налоговый вопрос разрешается вследствие этого соотношением сил разных классов. Конечно, не в статическом смысле—ибо во время самой борьбы происходит непрерывная перегруппировка различных классов и слоев. Это как раз и дает возможность коммунистической партии, путем твердой политики и умелой тактики, захватить в этой борьбе руководство широкими народными массами, обострить скрытые противоречия, существующие между различными слоями имущих классов, и создать таким путем революционную обстановку. Эта историческая зависимость между налогами и революцией делает в высшей степени важным разбор налогового вопроса с теоретической и тактической точек зрения.

Налоги и общественный строй.

Налоги—это продукт классового государства. В первобытном, не разделенном на классы обществе, в котором не было никакого государства, не существовало также и налогов и налоговой проблемы. При античном рабовладельческом хозяйстве существовали государственные расходы, и поэтому являлась необходимость подвергать граждан налоговому обложению. Но, так как при этой общественной форме угнетенные классы не имеют самостоятельных доходов, то налоги должны были ложиться на господствующие, свободные классы. В средние века налоги должны были уплачивать крепостные. Дворянство и духовенство в принципе пользовались полной свободой от уплаты налогов; этот принцип был составной частью тогдашнего государственного права. Так как эксплуатация трудящихся происходила тогда совершенно явно и открыто в форме взимания податей с крепостных и даровой работы, которую они должны были выполнять на землях помещиков, то налоговый вопрос не представлял собой никакой проблемы. Все расходы классового государства открыто и грубо возлагались, на плечи эксплуатируемого класса.

Буржуазная революция принесла с собой под лозунгом свободы, равенства и братства, всеобщую налоговую повинность для всех граждан. Но так же, как эксплуатация угнетенных классов маскировалась свободным рабочим договором, так же затушевывался и основной вопрос налогового обложения, т. е. вопрос о том, какого рода доход должен быть источником налогов. Наряду с проблемой о

*) Этим словом мы переводим немецкий термин «Unterproduktion» — в противоположность выражению «Ueberproduktion», передаваемому по-русски словом «перепроизводство».

прибыли и прибавочной ценности,—и налоговый вопрос становится политико-экономической проблемой.

Впрочем, экономическое значение этой проблемы было довольно незначительно. Если мы сравним сумму довоенного национального дохода с суммой расходов соответствующих государств, — например, Германии, Франции или Англии,—то мы увидим, что расходы государства не превышали 10% национального дохода. Мы знаем, что суммы национального дохода определяются весьма приблизительно, но все-таки это соотношение показывает, что разрешение налогового вопроса не могло внести сколько нибудь серьезных изменений в распределение доходов капиталистического общества. Это Маркс ясно понимал уже в 1850 г., когда он писал:

> «Условия распределения, покоящиеся непосредственно на буржуазном производстве, соотношение между заработной платой и прибылью, прибылью и процентом на капитал, земельной рентой и прибылью, могут потерпеть от налогов в лучшем случае второстепенные изменения, но никогда не могут быть поколеблены в своей основе. Все исследования и дебаты относительно налогов предполагают вечное существование этих буржуазных отношений. Даже уничтожение налогов могло бы только ускорить ход развития буржуазной собственности и ее противоречий» (Маркс, Посмертные произведения, т. III стр. 435).

Несмотря на эту относительную незначительность налогового вопроса, уже в прошлом столетии не раз возникали ожесточенные схватки классовой борьбы из-за налогов. Лассаль установил, что буржуазия в общем с успехом старалась навалить стоимость содержания классового государства на плечи трудящихся. Социал-демократия стремилась в налоговой борьбе уменьшить бремя пролетариата соответственно с общим направлением ее практической политики, ставившей себе целью возможное улучшение положения пролетариата при существовании капитализма. Мы увидим, что воззрения социал-демократии, по которым улучшение участи рабочего класса связано с накоплением капитала, с обогащением буржуазии, придает ее налоговой политике двойственный характер. Для того, чтобы выяснить основную проблему налогового вопроса, а именно вопрос о том, на какой класс или на какого рода доход должны ложиться налоги, мы вынуждены предварительно остановиться на определении некоторых основных технических налоговых понятий.

Основные понятия учения о налогах.

Если мы сделаем обзор существующих в настоящее время в каком нибудь капиталистическом государстве налогов, то мы увидим бесконечное многообразие разных видов налогов: в Германии, например, имеется сейчас более 40 видов различных налогов. Если мы хотим выделить из этого многообразия то, что нас интересует, т. е. то, что дает ответ на вопрос, на какого рода доход ложатся отдельные виды налогов, то мы должны сделать следующие подразделения.

Формальный и фактический плательщик налога: *Формальным плательщиком налога* является тот, кто непосредственно платит налог государству; *фактическим плательщиком налога* тот, на чей доход в конечном счете ложится налог. При феодальной налоговой системе, когда не существовало товарного хозяйства, формальный плательщик налога был в то же время и фактическим, т. е. тот, кто непосредственно вносил налог государству, сокращал этим свой доход на сумму налога. При современной налоговой системе это обычно не так. Например, налог на сахар уплачивается сахарозаводчиками, но совершенно очевидно, что налог ложится не на них, т. е. что их доход не сокращается на сумму налога, ибо налог в несколько раз превосходит сумму их дохода.

Прямые и косвенные налоги. Это подразделение, в общем, совпадает с предыдущим: прямыми налогами, в общем, являются те, при которых формальный плательщик налога является в то же время и фактическим, тогда как при косвенных налогах плательщик налога не несет сам бремени этого налога. Существуют, правда, исключения: так, например, налог на дома буржуазное учение о налогах относит к прямым налогам, в действительности же это косвенный налог, так как фактическими плательщиками являются квартиронаниматели, а не домовладельцы.

Переложением налогов называется экономический процесс, при помощи которого плательщик налога переносит его тяжесть с себя на другое лицо. Возможностью переложения мы еще займемся подробнее. Пока же мы только заметим, что до войны налоговая борьба в общем велась под лозунгом: «прямые или косвенные налоги»; обычно считали, что косвенные налоги переложимы, а прямые непереложимы. Считалось, что прямые налоги ложатся на имущие классы, на прибавочную ценность, тогда как косвенные—на заработки. Новейший этап развития налоговой системы, непосредственное обложение заработной платы путем подоходного налога, делает это подразделение несостоятельным. Теперь существуют прямые налоги на заработок. Вопрос, значит, нельзя больше ставить так: прямые или косвенные налоги; его необходимо ставить ясно и определенно: налоги на заработок или налоги на прибавочную ценность.

Если мы попробуем сгруппировать налоги, исходя из этой точки зрения, то мы придем, между прочим, к следующим выводам:

1-ая группа: налоги на имущество. К этой группе относятся налог на *наследство и налог на имущество*, если этот последний уплачивается единовременно. В случае же, если последний налог уплачивается в форме ежегодных взносов, то от суммы этих взносов и от общего характера налогового обложения зависит, имеем ли мы дело с настоящим налогом на имущество или с текущим подоходным налогом. Если налоги могут быть

ЛЛОЙД ДЖОРДЖ: ПРИ ОДНОМ ВОСПОМИНАНИИ О НЕСЧАСТНЫХ ГОЛОДНЫХ, У МЕНЯ ДО ТОГО РАЗРЫВАЕТСЯ СЕРДЦЕ, ЧТО Я ДАЖЕ НЕ В СИЛАХ ПОМОЧЬ...

покрыты из текущих доходов, не затрагивая основного имущества, то этот налог только формально является налогом на имущество, будучи по своей экономической сущности одним из видов обложения дохода.

2-ая группа: подоходные налоги. Последние распадаются на 2 группы: *налоги на прибыль*, ложащиеся на полученную в предприятии прибавочную ценность, без различия того, кому она достается в качестве дохода, и на *подоходные налоги* в собственном смысле слова, которые могут лечь, в зависимости от нижней границы обложения, как на заработок, так и на прибавочную ценность. При подоходных налогах имеет большое значение способ обложения. Доход может быть обложен, как это делает английская система, у самого источника, т. е. так, что налог должен быть внесен экономическим субъектом, чрез которого доход поступает к фактическому плательщику. Так, например, арендатор обязан вычесть из арендной платы соответствующую долю причитающегося с собственника земли подоходного налога и внести ее государству. Точно так же акционерное общество должно произвести вычет из дивидендов, банк — из процентов и т. д. Тут важно то, что обязанность уплаты налога возлагается на людей, которые нисколько не заинтересованы в сокрытии истинной суммы подлежащего обложению дохода. Или же доход может быть обложен уже после поступления в руки пользующегося им лица. Это лицо и является в этом случае плательщиком. Общая сумма дохода оценивается, главным образом, на основании его собственных показаний; поэтому он подвергается величайшему искушению утаить, скрыть от обложения возможно большую часть своего дохода.

3-я группа: налоги на обращение. Государство может вмешаться в процесс товарного оборота, не входя в рассмотрение того, кто должен непосредственно или фактически платить налоги, и обложить налогом отдельные виды товаров или все товары в момент их перехода от одного собственника к другому. К этой группе относятся, прежде всего, налоги на оборот, на обращение, и формально некоторые налоги, которые обычно называют налогами на потребление, т. е. такие налоги на обращение, которые взимаются при переходе из одних рук в другие не всех, но лишь определенных товаров. На какого рода доход ложатся эти налоги, зависит от того, на какого рода доход живет последний покупатель.

4-ая группа: таможенные пошлины. Буржуазное учение о налогах не относит пошлин к числу налогов. Но если мы хотим исследовать вопрос, на какого рода доход ложится содержание государства, мы должны отнести пошлины к налогам. По существу они являются налогами на обращение, взимаемыми при переходе товаров через государственную границу. Особенность их заключается в том, что они могут вызвать изменение в распределении доходов внутри страны. Если например, существуют пошлины на товары производимые также внутри страны, то пошлины эти дают возможность к повышению цен на товары собственного производства. Получается, что потребители этих товаров должны уплачивать из своих доходов больше той суммы, которая в виде пошлины поступает в государственную кассу.

5-ая группа: монополии. Монополии отличаются от налогов на потребление только формально. Повышение цены происходит здесь не при переходе товара из одних рук в другие, как при налогах на потребление, а путем непосредственного повышения цены на соответствующие товары государством при помощи прибавки к стоимости производства.

6-ая группа: подати и сборы. Это — виды налогов, взимаемых государством в различных случаях в качестве уплаты за какие либо услуги, причем, в большинстве случаев, фактическая ценность этих услуг совершенно не соответствует плате.

Вопрос о переложении налогов.

Очень часто приходится сталкиваться с тем мнением, что исследование вопроса о том, какие налоги переложимы, совершенно излишне, так как в конце концов, все налоги уплачиваются из продукта труда трудящихся классов. Насколько простым кажется это воззрение, настолько же оно теоретически неправильно. Правда, все государственные расходы уплачиваются из продукта труда трудящихся. Но прежде чем государство предъявит отдельному гражданину требование об уплате налога, общая масса ценностей, созданная трудом трудящихся классов, распределяется между свойственными капитализму видами дохода: земельная рента, прибыль, процент на капитал и заработная плата. Государство взимает налоги уже после этого распределения всей суммы ценности. Тот факт, что все налоги уплачиваются из продукта труда трудящихся, поэтому отнюдь не означает, что все налоги уплачиваются из заработной платы, что всякого рода обложение уменьшает заработок на всю свою сумму.

Конечно, господствующий класс может переложить растущие требования государства на плечи трудящихся. Господствующий класс имеет возможность свалить со своих плеч тяжесть налогов, падающую на его доходы, путем изменения в свою пользу предшествующего обложению основного распределения доходов, т. е. путем понижения реальной заработной платы, увеличения прибавочной ценности и усиления непосредственной эксплуатации рабочего класса. Насколько это ему удастся, — зависит от соотношения сил различных классов. Но это изменение в распределении доходов, это обострение эксплуатации необходимо строго отличать от процесса переложения или непереложения налогов. Говоря о переложении или непереложении налогов, мы должны принимать непосредственно из условий производства выте-

кающее распределение доходов за неизменную, наперед данную величину. Если мы этого не сделаем, проблема переложения налогов полностью, бесследно растворится в проблеме капиталистического распределения доходов. Но подобное смешение проблем не может принести пользы ни в теории, ни на практике.

Итак, если мы согласимся, что существующее до обложения распределение доходов является наперед данной величиной, то обложение будет означать вычет из дохода фактического плательщика налога. Спрашивается: при помощи какого экономического механизма может плательщик налога переложить уплату налога на других? Механизм этот весьма прост: за некоторыми исключениями *), переложение происходит путем повышения цен на продаваемые плательщиком налога товары.

Однако, это переложение налогов в форме повышения цены на товар, нельзя себе наивно представлять, как чисто механическое явление. Мысль о том, что капиталист требуемые с него налоги на прибыль или на доход, не долго думая, может перенести на покупателя товара путем соответствующего увеличения цены на последний, совершенно не вяжется с марксизмом. Если бы данные условия рынка позволяли без дальнейших околичностей повысить цены на товар, то капиталисты не стали бы дожидаться для этого новых налогов. Они бы повысили цену и без того, обеспечив себе таким образом большой барыш. Для разрешения вопроса о возможности переложения налога в форме повышения цен, необходимо исследовать процесс образования цен на основании учения Маркса.

При образовании цен нужно различать, прежде всего, две основные группы товаров. К первой относятся товары, производство которых может быть безгранично увеличено при равной затрате рабочей силы. Вторая группа состоит из товаров, по отношению к которым это невозможно. В первой группе цена — оставляя в стороне временные колебания в зависимости от положения рынка — равняется фактической сумме общественных издержек производства. Наоборот, во второй группе, — куда относятся, главным образом, все продукты сельского хозяйства, — цена зависит от издержек производства полученной с максимальной затратой рабочей силы товарной массы, необходимой еще для удовлетворения общественных потребностей. Произведенные при более благоприятных условиях более дешево товары достигают такой же цены, как произведенные при худших условиях. Разница между стоимостью производства товара, произведенного в худших условиях, и произведенного дешевле, образует источник особого рода дохода: земельной ренты.

Цена, понятно, не зависит непосредственно от количества содержащегося в товаре рабочего времени, а образование цены подчиняется, вследствие различного органического состава капитала, закону средней прибыли; это значит, что все вложенные в процесс производства капиталы должны дать равную прибыль, вне зависимости от того, какая прибавочная ценность получена в данной отрасли производства или в данном предприятии. Во второй группе закон равной прибыли действует в измененной форме: превышающая среднюю прибыль превращается в дифференциальную ренту.

Допустим теперь, что какая нибудь отрасль производства первой группы облагается специальным налогом. Если бы налог фактически ложился на доход с капитала, то это бы означало, что прибыль в этой отрасли производства была бы ниже средней. Но это невозможно, ибо это противоречит закону. Налог должен быть переложен. Товары выпускаются на рынок по соответственно повышенной цене. Теперь могут быть два случая: рынок продолжает принимать товар без задержки, несмотря на повышенную цену. В этом случае налог перелагается на потребителей, без всякого изменения условий производства. Но возможно, что рынок не согласится на повышенную цену. В этом случае часть вложенного в данную отрасль производства капитала перейдет в другие отрасли, производство сократится и, благодаря уменьшению предложения, цены на рынке достигнут той высоты, при которой возможно переложение специального налога.

Иначе обстоит дело, когда *все отрасли первой группы* облагаются *одинаково высоким налогом*, — будет ли это доход на прибыль, подоходный налог, или налог на оборот. Для переложения налога здесь путь перевода капитала в другую отрасль производства закрыт. Чтобы иметь возможность переложить налог, необходимо было бы соответственно повысить все цены. Если такое повышение можно провести на рынке, средняя прибыль остается незатронутой. Но налог ляжет на плечи пролетариата только в той мере, в какой он является потребителем. Часть переложенного налога ложится на самих капиталистов в этом случае не как на производителей, а как на потребителей, причем мы все время принимаем за данное основное распределение ежегодной общей суммы ценности между различными общественными классами. В случае невозможности общего повышения цен, наступило бы уменьшение средней прибыли. Реально вопрос представляется так, что переложение налога было бы возможным относительно предметов первой необходимости и невозможным относительно тех потребляемых рабочим классом предметов, без которых как-нибудь можно обойтись. Ибо если заработок рабочего класса остается без из-

*) Можно, например, представить себе такой случай, что перерабатывающая промышленность, при обложении специальным налогом, попытается переложить его на лиц, от которых она приобретает перерабатываемое ею сырье, путем понижения цен на последнее, но этот случай представляет лишь теоретический интерес и не имеет практического значения.

менения и на него должны быть переложены налоги, то это означает, что рабочий класс может на прежний, выраженный в деньгах заработок, приобрести меньшее количество товаров, чем до тех пор. Сокращение потребления произойдет, конечно, относительно предметов, без которых легче всего можно обойтись. По отношению к такого рода товарам рынок, следовательно, не примет переложения, произойдет превышение предложения над спросом, и налог останется непереложенным. Значит, должен произойти отлив капитала из этих отраслей производства для восстановления средней прибыли.

Совсем иначе дело обстоит со второй группой. Если облагается налогом дифференциальная рента, т. е. доход крупных землевладельцев и зажиточных крестьян, горнозаводская рента и т. п., *то переложение совершенно немыслимо.* Поскольку цена не определяется средней прибылью, а стоимостью производства произведенных в худших условиях и необходимых еще для обеспечения рынка продуктов, постольку, в случае если на последние не ложится налог, переложение становится невозможным. Налог ложится на ренту. Нагляднее всего это можно наблюдать на земельной ренте в чистом виде, при обычной в Англии капиталистической аренде. Если бы подвергнуть обложению в 50 или 80% ренту английских лендлордов, то собственник был бы лишен возможности переложить налог на арендатора и, через посредство последнего, на потребителей. Цена на сельско-хозяйственные продукты в Англии определяется ценой на мировом рынке. Арендатор, значит, не может заплатить ни на грош больше земельной ренты, какая бы большая часть дохода собственника земли ни пошла на уплату налогов. В континентальных условиях, где собственник земли является в то же время сельско-хозяйственным производителем, где, таким образом, земельная рента, прибыль и, возможно еще, и заработная плата сливаются в одно,—этот факт выступает не так ярко; тем не менее, не подлежит сомнению, что налог на земельную ренту и здесь не может быть переложен. Вот основание, почему аграрии еще более упорно противятся серьезному обложению, чем капиталисты, имеющие бо́льшую возможность переложения.

Новейшая стадия развития капитализма характеризуется образованием трестов. Свободной конкуренции настал конец. Поэтому закон о средней прибыли остался в силе лишь частично. Картели определяют цены своих продуктов не на основании стоимости производства, а по правилу образования монопольных цен: они устанавливают такую цену, чтобы сумма их прибыли была максимальной. Сумма эта зависит от количества проданных единиц и полученной с каждой единицы прибыли. Поэтому картель-монополист, несмотря на свое монопольное положение, не повысит цены выше определенной границы, потому что иначе рынок, при существующих условиях распределения дохода, не примет повышения цены. Это значит, что потребление, вследствие повышения цен, сокращается на столько, что сумма прибыли становится меньше, чем приболее низкой продажной цене и большем сбыте.

Если это правильно, то отсюда следует, что картели и тресты не могут попросту, путем повышения цен, переложить на потребителей наложенные на них налоги на прибыль и на имущество. Цена ведь и без того была взвинчена до максимума: может случиться, что для треста даже выгоднее не пытаться прибегнуть к рискованному дальнейшему повышению цен, а заплатить налог на свою прибыль из особой прибыли, получаемой им благодаря монопольному положению.

Само собой понятно, что налоги на наследство или одновременный налог на имущество также непереложимы, так как отсутствует товар, цену на который в связи с этим можно было бы повысить. Налоги на заработок и на доход с заемного капитала, из'ятого из процесса товарообращения, точно также не могут быть переложены при помощи увеличения товарных цен.

Мы видим, таким образом, что о переложении огулом всех видов налогов на заработок, на пролетариат не может быть и речи. Это возлагает обязанность на каждую коммунистическую партию конкретно исследовать виды налогов с точки зрения их переложимости и не уклоняться от этой работы общими неверными фразами. Конкретное исследование всех видов налогов с точки зрения их переложимости вывело бы нас за пределы нашего теоретического обзора. Но нам кажется, что это легко можно осуществить, исходя из вышеизложенных оснований, в каждой отдельной стране.

Налоговая политика социал-демократии.

Налоговая политика социал-демократии всегда носила двойственный характер. С одной стороны, она была направлена к отстаиванию от налогового обложения заработка и трудовых доходов бедных крестьян и мелких ремесленников, образующих отчасти массы избирателей социал-демократических партий. С этой точки зрения социал-демократия требовала *отмены всех косвенных налогов:* прямых налогов на заработок до войны почти не существовало. Государственные расходы должны покрываться прямыми налогами на все виды прибавочной ценности, т. е. подоходными налогами, налогами на наследство и на предметы роскоши. Довоенная английская налоговая система, за исключением таможенных пошлин на определенные предметы потребления широких масс, приблизительно соответствовала требованиям социал-демократии. Для удовлетворения широких масс мелко-буржуазного населения выставлялось требование о свободном от обложения минимуме дохода и о прогрессивном обложении доходов, превосходящих этот минимум, т. е. обложение доходов не

должно было быть пропорционально их величине, а чем выше доход, тем выше процент обложения—принцип, в большей или меньшей степени принятый во всех налоговых системах.

Хотя Маркс, как мы уже указывали, понимал в общем незначительность налогового вопроса, среди социал-демократии всегда можно было найти приверженцев налоговой утопии. Они полагали возможным постепенно «врасти» в социализм при помощи широкого обложения крупных доходов и состояний. Но вскоре обнаружилось, что эта политическая идея в сущности несовместима с принципиальными ревизионистскими воззрениями социал-демократии. Согласно последним, благосостояние пролетариата зависит от накопления капитала, от развития производства, что, кстати сказать, совершенно правильно, если мы решим нисколько не посягать на существование самого капиталистического общественного порядка. Стремление социал-демократии возложить все бремя по поддержанию классового государства на имущие классы и даже, по мере возможности, путем налоговой политики вызвать переход капитализма к социализму, противоречит ее принципиальным ревизионистским воззрениям, согласно которым прогрессивное накопление капитала является необходимым условием для благосостояния пролетариата. Самый умный и последовательный из оппортунистов—Реннер—открыто в этом сознался в своей, во многих отношениях прекрасной работе «Трудящийся народ и налоги». Он говорит, между прочим:

> «Печально, что все вновь образующиеся ценности в современном обществе попадают в карманы частных капиталистов, но это так. Таким образом, всякий прогресс в производстве, т. е. вся экономическая эволюция обусловливается тем, чтобы капиталисты могли беспрепятственно целиком пользоваться для накопления всеми долями своего дохода» (стр. 34).

Далее он открыто заявляет, что столь высокое обложение прибавочной ценности, которое сделало бы невозможным накопление капитала, принесло бы вред пролетариату. Он говорит:

> «В рамках данного капиталистического экономического строя, прибавочная ценность не должна подвергаться слишком высокому обложению, чтобы это не повлекло за собой экономических катастроф и не ввергло попутно и пролетариат в условия понижения заработной платы и безработицы. Было бы опасной для рабочих утопией обложить, не долго думая, налогами всю прибавочную ценность, не затрагивая в остальном капиталистического общественного строя. Пока мы не передаем предприятий государству или обществу, пока они находятся в частных руках, налоги на прибавочную ценность имеют свои строго определенные границы» (стр. 43).

До войны, когда расходы на потребности государства в общем не достигали и 10% суммы так называемого национального дохода, эти теоретические положения не имели практических последствий для налоговой политики социал-демократии. Прибавочная ценность, загребаемая всеми слоями капиталистов, казалась достаточной для покрытия государственных расходов, без угрозы для прогрессивного накопления капитала. Налоговая политика социал-демократии стремилась поэтому, с одной стороны, к защите заработка и трудовых доходов, с другой стороны—к возможному сокращению непроизводительных государственных расходов во избежание слишком резкого воздействия на накопление капитала.

Положение изменилось, благодаря мировой войне. Государственные расходы всех участвующих в войне стран увеличились во много раз по сравнению с мирным временем. В восточно-европейских и средне-европейских странах, в особенности в побежденных, которые, кроме собственных расходов, должны, или по крайней мере—должны были бы, уплачивать контрибуцию, расходы на потребности государства так сильно возросли, что весь доход, состоящий из прибавочной ценности, является недостаточным для их удовлетворения. Случай, теоретически рассмотренный Реннером, получает, благодаря этому, практическое значение. И германская социал-демократия большинства, являющаяся наиболее последовательной представительницей политики, основанной на вечности и нерушимости капиталистического общественного строя, без всяких колебаний заявила в Герлице, что введение налогов на потребление, т. е. обложение заработка, неизбежно для покрытия государственных расходов и должно быть, поэтому, принято рабочим классом. Двойственность социал-демократической политики оказалась таким образом окончательно разрешенной в пользу капитализма.

Правда, может показаться, что выставленное социал-демократическими партиями в Германии и в других странах требование большого единовременного налога на имущества, известное в Германии в форме лозунга: *„обложение золотых ценностей“*, противоречит этой политике оберегания капитализма. В действительности, однако, это не так. Если бы подобное мероприятие могло быть осуществлено в рамках капитализма, без изменения самого капиталистического общественного строя, то оно повлекло бы за собой оздоровление капитализма. Ведь существуют даже буржуазные налоговые политики, как, например, Кучинский, считающие совместимой с капиталистическим общественным строем даже 100%-ую экспроприацию капитала. По мнению Кучинского, после этой финансовой операции немедленно началось бы возрождение капитализма. И, читая программу восстановления II или II½ Интернационала или речи отстаивающего это восстановление Гильфердинга, мы ясно видим, что для них экспроприация части имущества капиталистов означает не переход к социализму, а мероприятие для спасения капитализма. Принципиальное различие воззрений между всеми оттенками социал-демократической партии и нами, заключается в сле-

дующем: они считают, что современный кризис капитализма в Средней и Восточной Европе есть явление преходящее, которое рано или поздно сменится эпохой нормального капитализма. Мы, напротив, думаем, что современный кризис европейского капитализма должен закончиться его гибелью, либо в форме установления диктатуры пролетариата, либо в форме возвращения к средне-вековому варварству. Это различие основных воззрений неминуемо влечет за собой и различную налоговую политику.

Основа налоговой политики коммунистических партий.

В противоположность консервативно-оппортунистическим основным воззрениям всех оттенков социал-демократической партии, ожидающих наступления нового спокойного периода капитализма—или государственного капитализма—и способствующих этому своей налоговой политикой, мы стоим на той точке зрения, что континентальная Европа находится в стадии социальной революции. Поэтому все соображения о том, что необходимо способствовать капиталистическому накоплению богатств, для нас отпадают. Наша политика направлена к обострению финансового кризиса капитализма и к ускорению этим путем развития политического кризиса. Но так как широкие массы пролетариата, бедного крестьянства и мелких ремесленников еще не убедились в кризисе капиталистического общественного строя, или этим вопросом не интересуются, а стремятся, прежде всего, при всеобщем обеднении Европы, отстоять свой и без того невероятно сократившийся доход от посягательств государства, то налоговая политика коммунистических партий должна учитывать это. Мы должны стремиться к переложению всего налогового бремени на капитал и на прибавочную ценность. Мы должны вести положительную налоговую политику. Это отнюдь не означает, что мы должны в данном фазисе капиталистического распада заниматься оппортунистической политикой. Если нам удастся заставить имущие классы покрывать государственные расходы из их дохода или имущества, то это будет означать, что они не смогут не только накоплять капитала, но и сохранить производственный аппарат в его прежнем объеме. Это поведет к дальнейшему разрушению капитализма. Поэтому мы должны решительно принять и отстаивать все те налоговые требования, которые социал-демократическая партия выдвинула в свое время, не считаясь с возможностью накопления капитала, а впоследствии взяла назад, считаясь именно с этим обстоятельством. Конкретно мы должны требовать следующего: заработок и трудовой доход не должны облагаться ни прямыми, ни косвенными налогами; не допустимы такие налоги, которые каким-либо образом могут быть переложены на заработок и трудовой доход.

Мы должны также отстаивать требование экспроприации возможно большей части капиталистической собственности, притом в натуральной форме, потому что, если экспроприация произойдет в форме денежного обложения, то она быстро сократится во много раз, благодаря стремительному обесцениванию денег. Экспроприация имущественных об'ектов в их натуральной форме и использование их государством есть так называемый «государственный капитализм».

Мы говорим *так называемый* государственный капитализм потому, что государство, которое действительно осуществит, как мы этого требуем, экспроприацию не менее половины всей капиталистической собственности, уже не будет капиталистическим государством. Какие бы блестящие теории, доказывающие, что возможна экспроприация капиталистического имущества и одновременное рациональное использование его государством в интересах капиталистов, ни выдумывались, мы считаем это невозможным. Власть буржуазии находится в ее руках вместе с государственным аппаратом принуждения для непосредственного распоряжения орудиями производства всей страны. Буржуазия господствует, но не управляет. Государственный аппарат принуждения постоянно обнаруживает стремление к самостоятельности и к приспособлению к потребностям фактически наиболее могущественного класса. Если буржуазия передаст непосредственное распоряжение орудиями производства в руки государства, будь это даже еще капиталистическое государство, она сдаст этим одну из самых важных своих позиций. Поэтому-то мы и видим, что капиталисты во всех странах изо всех сил противятся экспроприации орудий производства в натуральной форме, введению так называемого государственного капитализма. По этому указанное требование является для коммунистической партии, для рабочего класса, не только не оппортунистической, но единственно правильной политикой. Требование и постепенное достижение контроля над производством со стороны пролетарских организаций, пролетариата, как класса, означает поворот от государственного капитализма к диктатуре пролетариата. Требование экспроприации капиталистической собственности неизбежно влечет за собой требование так называемого государственного капитализма. Несомненно, что на этом пути существуют некоторые опасности, но в современной стадии неустойчивого равновесия классов в Средней и Восточной Европе, в стадии частью скрытой, частью явной социальной революции, лишь опасные пути ведут к цели.

Е. ВАРГА.

О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗАЙМЕ СРЕДИ РАБОЧИХ.

I.

Укрепление экономического положения Советской России, переживающей крайне тяжелое время, имеет в настоящий момент совершенно исключительное значение для всей международной жизни. Советская Россия получила в наследство от царизма и от империалистской войны истощенное народное хозяйство со страшно подорванными производительными силами.

Тот факт, что Советской России пришлось стать в авангарде мировой социальной революции и что она вследствие этого очутилась лицом к лицу со всем враждебным капиталистическим миром, заставил ее принять на себя первые удары об'единенного капитала всех стран. В течение трех лет, с 1917 по 1920 г., кипела ожесточенная гражданская война. В настоящее время, хотя нет непосредственных больших вооруженных нападений, но в скрытой форме борьба против Советской России со стороны мирового капитализма не прекращается, принимая формы экономической войны.

Советская Россия устояла в борьбе с мировым капиталом, но это ей стоило громадных, неизмеримых жертв. В итоге обнаружилось страшное истощение всего организма страны и глубочайшее расстройство хозяйственной жизни. Прошел только один год более или менее спокойной жизни, когда представилась возможность перевести всю работу на мирные рельсы и приняться за исправление разрушенного. Конечно, в этот первый год «мирного» существования не многого удалось достигнуть, и положение продолжает оставаться крайне тяжелым.

Ко всем прочим трудностям присоединилось еще, как известно, и стихийное бедствие: сильнейшая засуха, убившая урожай в наиболее плодородном районе и поставившая под угрозу голодной смерти свыше 20-ти миллионов человек.

Укрепить экономическое положение Советской России можно, во первых, путем использования средств и сил, имеющихся внутри самой Советской России и, во-вторых, путем помощи извне, из других стран, путем международной помощи пролетариата. На внутренний хозяйственный фронт советской властью уже брошены сейчас все силы и средства.

Россия была и есть страна, главным образом, земледельческая, страна крестьянского хозяйства. Крестьянин в Советской России освобожден от помещичьего гнета. Но его хозяйство также сильно пострадало от тех причин, на которые мы указали выше. Советская власть прежде всего и обратила внимание на укрепление крестьянского хозяйства, так как деревня является продовольственной базой города.

Она постаралась всячески облегчить положение крестьянской массы и создать условия, которые бы способствовали развитию производительных сил деревни. Учитывая реальное положение вещей, необходимо было дать стимул к усилению деятельности мелкого производителя, дать ему право свободно торговать излишками своего производства, всячески помочь сельскохозяйственной кооперации, снабдить деревню сельскохозяйственными орудиями и машинами. В эту сторону и направлена сейчас политика советской власти по отношению к сельскому хозяйству. Этим путем предполагается поднять производство в деревне.

В области промышленности также производится крупная реорганизация. При полном почти отсутствии средств и материалов, советская власть не может удержать в своих руках все национализированные предприятия. Она оставляет себе лишь наиболее важные и крупные предприятия, а остальные сдает в аренду. Это является несомненно крупным отступлением от ранее проводившейся экономической политики, но это отступление вынуждено теми явлениями внутренней и внешней жизни, на которые мы только что указали. Зато, ту часть промышленности, которая остается в руках государственных органов, предполагается лучше снабжать, лучше организовать, чтобы дать толчок к ее более быстрому развитию.

Все эти меры преследуют одну основную цель: привлечь массы производителей к более интенсивному труду, поднять производство, устранить препятствия к проявлению самостоятельности и инициативы.

Наконец, производится энергичное сокращение издержек на содержание государственного аппарата и государственных расходов вообще.

Таковы в самых общих чертах меры и усилия советской власти по восстановлению и развитию сельского хозяйства и промышленности.

Но ни одна страна в мире в настоящее время, в XX-м столетии, не может существовать изолированно в течение продолжительного времени. Само развитие производства в каждой стране требует ее участия в мировом хозяйстве. Разрушение экономических связей, произведенное мировой империалистской вой-

ной, нанесло тяжелый удар хозяйству всех стран. Но после того, как в 1918 г. закончилась война, капиталистические страны восстановили свои экономические отношения, восстановили торговлю, а стране, в которой пролетариат оказался у власти,—они об'явили войну и блокаду. Экономическая война, об'явленная капиталистическим миром Советской России, привела к чрезвычайно тяжелым последствиям для ее народного хозяйства.

Поэтому при первой же возможности Советская Россия повела политику, направленную к восстановлению экономических отношений с внешним миром, что является одним из важнейших условий ее экономического укрепления.

Тяжелое экономическое положение России создает не только угрозу для завоеваний пролетариата, но—как это признается всеми—тяжело отзывается и на всей мировой экономической жизни.

II.

Капиталистические страны вынуждены были вступить в сношения с Советской Россией под давлением двух обстоятельств: *во-первых, им это диктовал обострившийся мировой экономический кризис и, во-вторых, рабочий класс требовал, иногда весьма властно, снятия блокады и установления экономических сношений с Советской Россией.*

Комитеты Действия в Англии, рабочие демонстрации в Германии, Америке и Франции — заставляли капиталистические правительства идти на уступки в вопросе об отношениях с Советской Россией. Но само собой разумеется, эти экономические отношения носят ненормальный характер, и Советской России с боем приходится отстаивать свое положение в области мирового хозяйства. Капиталистический мир с тревогой смотрит на усиливающееся влияние Советской России и делает все возможное, чтобы ослабить его.

Ярким примером этого является пред'явление требования об уплате долгов в момент наибольшего обострения голода,—в момент, когда вся капиталистическая Европа собирается отказаться от уплаты военных долгов Америке. Нужна ли лучшая иллюстрация той обстановки, в какой приходится советской власти устанавливать свои отношения с внешним миром? И тем не менее, необходимо преодолеть препятствия на этом пути, чтобы твердо поставить страну на ноги в хозяйственном отношении.

Внешние экономические отношения между Советской Россией и капиталистическими странами выливаются, главным образом, в форму отношений торговых.

Сдача на концессию предприятий—развивается крайне медленно, несмотря на многочисленные предложения и с той и с другой стороны.

До сих пор заключены и подписаны всего лишь две концессии. Вообще нужно заметить, что привлечение иностранного капитала в области промышленности может произойти только после того, как установятся прочные торговые сношения. Торговые отношения начали развиваться с 1920 г. Нижеследующая табличка иллюстрирует ход этого развития.

Внешняя торговля Советской России.

Год	Ввоз (в тысячах пудах).	Вывоз (в тыс. пудах).
1920 (9 мес.) . .	5.223	67.6
1921 » . .	35.586	5.582

Таким образом, мы видим, что ввоз вырос в семь раз, а вывоз почти в десять раз за последние месяцы 1921 г. — в один месяц ввозится столько, сколько за весь 1920 год.

Но этот ввоз составляет все же ничтожную величину, по сравнению с количеством товаров, ввозившихся в Россию в довоенное время.

В 1913 г. было ввезено товаров 936 миллионов пудов, т. е. в 26 раз больше, чем будет ввезено в 1921 году.

Понятно, что от такого сокращения привоза неизбежно страдает народное хозяйство России.

Для восстановления и укрепления экономического положения Советской России нужен приток внешних средств, нужно этот приток расширить и усилить.

Капиталистический мир *сознательно ставит Россию в невыгодные торговые условия.* До сих пор торговля ведется, за редкими исключениями, за наличный денежный расчет. При таких условиях, конечно, достигнуть сколько-нибудь серьезных размеров торговля не может. Необходим кредит, необходимо увеличение оборотных средств.

Капиталистический мир в своей борьбе с Советской Россией будет всячески тормозить это дело, даже несмотря на то, что об'ективные экономические условия принуждают его к обратному. Но в этом отношении, как при установлении первоначальных экономических отношений, так и при развитии их на следующей стадии—на помощь должен придти международный пролетариат, и его помощь может сразу же двинуть дело вперед.

Капиталистические правительства заключают займы, по существу, за счет рабочих. Но если к ним обратится Советская Россия, они, или откажут в займе той стране, где у кормила власти стоит пролетариат, или пред'явят грабительские, бесчеловечные условия. Они это умеют делать. В этом деле — повторяем — может помочь только международный пролетариат.

Советская Россия за займом может и должна обратиться к международному пролетариату. Положение, которое мы обрисовали выше, требует этого.

III.

Каким же образом может быть произведен этот заем?

Советская Россия, по нашему мнению, могла бы выпустить международный заем

среди рабочих для восстановления народного хозяйства и помощи голодающим, скажем, в размере 100 миллионов долларов. Заем выпускается на определенный срок, на 5—10 лет, с тем, что погашение займа начинается с определенного срока,—например,—с 1923 года.

Облигации займа желательно выпустить в мелких купюрах, чтобы их удобнее было разместить среди рабочих масс (5 долл., 10 долл. и 20 долл.). Устанавливается определенный процент, с уплатою его вперед.

Конечно, все технические детали нуждаются в специальной разработке, к участию в которой должны быть привлечены рабочие организации. Осуществление этого займа могло бы явиться вполне реальным делом, если бы за него взялись со всей энергией рабочие организации. Это возможно только при участии профессиональных организаций и рабочей кооперации.

На деньги, полученные от реализации займа, Советская Россия могла бы закупить машины, сельскохозяйственные орудия, материалы, продовольствие для голодающих и сделать ряд заказов заграницей. Это была бы серьезнейшая, действительная поддержка всего народного хозяйства Советской России; это влило бы свежую струю в ее организм и способствовало бы восстановлению ее сил.

Заем мог бы послужить базой для укрепления, расширения и развития внешних экономических отношений. Капиталистический мир волей неволей должен был бы считаться с этим фактом.

Размещение займа 40 миллионов профессионально организованных рабочих с легкостью могли бы выполнить.

Профессиональные организации и крупные центры рабочей кооперации могли бы разместить между собой по значительным частям заем полностью. Советское правительство имело бы дело только с ними, а затем они бы сами разместили его среди более мелких организаций и отдельных рабочих.

Сборы, произведенные в пользу голодающих, уже показали полную возможность привлечения к этому делу пролетариата.

Рабочий класс всего мира на дело Советской России должен смотреть, как на свое собственное дело. Солидарность рабочего класса сказывается не только на словах, но и в конкретном, реальном действии, направленном к определенной общей цели.

Проведение кампании международного займа среди рабочих, будучи направлено к восстановлению и укреплению экономического положения Советской России, вместе с тем способствовало бы и укреплению положения международного пролетариата.

В. МИЛЮТИН.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

(ОСЕНЬ 1921 г.).

Между тем как мировое хозяйство в первые восемь месяцев 1921 г. находилось, в общих чертах, на прежнем низком уровне, сведения за последние два месяца содержат в себе признаки экономического возрождения. Сдвиг с мертвой точки, повидимому, произошел. За это говорит, прежде всего, новое повышение цен в странах с устойчивой валютой. Соответствующие цифры таковы:

	Соед. Штаты.	Япония.	Швейцария.	Голландия.
Апрель	117,5	189,9	—	175,—
Май	115,3	190,6	—	178,—
Июнь	116,5	192,1	178,6	179,—
Июль	120,—	196,5	176,9	174,—
Август . . .	120,3	199,3	180,6	—
Сентябрь . .	—	206,9	—	—

Цифры, относящиеся к другим странам, вследствие колебаний валюты менее показательны. Во Франции и в Италии за последние месяцы также наблюдается повышение цен, в то время как в других странах цены еще продолжают понижаться. Данные относительно производства за последние месяцы также обнаруживают улучшение кон'юнктуры. Эти данные мы приведем при обзоре отдельных стран.

Буржуазная пресса всех стран полна самых радужных надежд. Многие думают даже, что это начало общего расцвета. *Но эти надежды на новый расцвет, по нашему мнению, совершенно неосновательны.* Причины, до сих пор вызывавшие капиталистический кризис, продолжают существовать в полной мере. По прежнему, не устранена основная причина экономического кризиса: распадение капиталистического мирового хозяйства на две не связанные друг с другом части—1) Соединенные Штаты, колониальные государства и Япония, где существует излишек орудий производства и продукты которых не находят себе сбыта, и 2) Германия, Восточная Европа, Польша и Россия, испытывающие нужду вследствие отсутствия возможностей для производства. К относительному перепроизводству в странах первой группы присоединяется производственный кризис в странах второй группы. Чисто внешним образом этот факт проявляется в валютных соотношениях.

Если мы сравним современный курс на Нью-Йоркской бирже с прошлогодним, то получим следующую картину:

		Паритет.	14/X 1920	13/X 1921	27 X 1921
Лондон	(долл. за 1 ф. ст.)	4.87	3.48	3.81	3.94
Швейцария	(центов » 1 фр.) .	19.30	16.—	18.55	—
Голландия	(» » 1 гульд.)	40 20	31.—	33.40	34.01
Швеция .	(» » 1 кр.) . .	26.80	19.65	22.90	23.—
Япония . .	(» » 1 иен.) .	49.35	50.90	47.38	—
Мадрид . .	(» » 1 пез.) .	19.30	14.42	13 34	—
Франция . .	(» » 1 фр.) .	19.30	6.57	7.22	7.27
Италия . .	(» » 1 лир.) .	19.30	4.—	4.86	3.93
Германия .	(» » 1 мар.) .	23.83	1.45	—	0.56

В то время, как валюты западно-европейских нейтральных стран, а также Англии и Франции, в течение года изменились очень мало, германская марка за полгода упала до 1/4 прежней стоимости. Валюты восточно-европейских стран испытали в связи с падением курса марки подобное же понижение. Пропасть между страдающими от перепроизводства и недостаточно производящими странами стала за последний год еще шире.

Отсюда следует, что ожидание повышения кон'юнктуры, которое охватило бы все мировое хозяйство, совершенно необосновано. Если мы и наталкиваемся на тот факт, что одновременно в Соединенных Штатах и Германии наблюдается улучшение кон'юнктуры, то причины и значение этого явления в обеих странах в корне различны. Было бы совершенно неправильно стараться об'яснить эти явления одинаковым образом. Мы должны рассмотреть их порознь.

Кон'юнктура в странах с высокой валютой.

Из стран этой группы важнейшей являются С.-Американские Соединенные Штаты. Здесь за сентябрь и октябрь наблюдаются признаки улучшения кон'юнктуры. Рассматривая причины этого явления, мы должны учесть то обстоятельство, что 90% всего производства Соединенных Штатов потребляется внутри страны. Поэтому, как ни велики затруднения, испытываемые экспортом, благодаря валютным условиям, внутренняя сила страны все же мало по малу берет свое. Весьма показательно, что улучшение началось с хлопчато-бумажной промышленности, испытавшей в текущем году неурожай. Весь урожай дал 6½ миллионов тюков, т. е. половину нормального. Это вызвало сильное увеличение цен на хлопок и оживление в текстильной промышленности. Согласно «Манчестер Гардиан» (от 13/X) в августе из имеющихся 35,6 миллионов прядильных станков, в ходу были 33,1 миллиона, в среднем в течение 8,6 часов в день. По сравнению с началом года, когда почти половина станков бездействовала, это большой прогресс. Мы находим, таким образом, в этой *стране перепроизводства улучшение кон'юнктуры, благодаря частью естественному, частью искусственно, систематически вызванному недопроизводству в одной из важнейших отраслей промышленности.* Весьма знаменательно для этого обстоятельства, что «Американское Хлопчатобумажное Об'единение» приняло на своем годовом собрании в Бирмингаме (Алабама, Америка) резолюцию, требующую от фермеров, чтобы посевная площадь хлопка в 1922 г. не превышала таковой минувшего сезона.

Улучшение наблюдается также в железоделательной и сталелитейной промышленности. Хотя в августе экспорт железа и стали был ниже, чем во все предыдущие годы, начиная с августа 1909 г.,—производство в этом месяце уже достигло 954.000 тонн против 864.000 в июле. Доходы стального треста представляют собой за последние месяцы следующую картину:

Апрель	7.337.000	Июль	5.157.000
Май	7.731.000	Август	6.503.000
Июнь	6.824.000	Сентябрь	7.258.000

По последним сведениям, в сентябре были снова пущены в ход 15 доменных печей, и экспорт достиг наибольших размеров за этот год. По данным «Айрон Тред Ревью», стальное и железное производство Соединенных Штатов достигает в настоящий момент 40% своей полной производительности, в то время, как в середине лета производительность равнялась 25%.

Улучшение наблюдается и в третьей отрасли промышленности—в нефтяной, отчасти также благодаря сокращению производства, главным образом, в Мексике. Цена на нефть поднялась с 2,25 долларов в конце июня до 3 долларов в начале октября.

Несмотря на указанное улучшение кон'юнктуры, общее положение в Соединенных Штатах продолжает быть критическим *).

Наряду с упомянутыми отраслями промышленности, отмеченными улучшающейся кон'юнктурой, существуют другие, где наблюдается ухудшение. Так, наприм., производство в автомобильной промышленности в сентябре было на 4% ниже, чем в августе; в октябре здесь также не замечается улучшения. Судя по последним сообщениям «United States Employers Service» в Вашингтоне, безработица немного уменьшилась. Из 65-и крупнейших промышленных центров сообщают, что сейчас занято на 1,2% больше рабочих, чем месяц тому назад. Относительно числа безработных мы не имеем новых данных; по всей вероятности, оно продолжает составлять около 6 миллионов. В статье, помещенной во «Франкфуртер Цейтунг» 26-го октября, мы читаем следующее: «Нужда заставляет многих предлагать свои услуги путем публикаций в газетах на известное количество месяцев, за пищу и кров, в качестве рабочих, или вернее рабов». Издающейся в Америке «Джорнале д'Италиа» сообщают, что в Бостоне состоялась публичная продажа с аукциона 150 чел. белых и черных, однако, обнаружилось отсутствие спроса, так что проданными оказались только 12 «штук». «Дела продолжают идти по-прежнему», пишет газета. «Пайки безработным были розданы в недостаточном количестве; у дверей официального распределительного пункта в Нью-Йорке дело дошло до кровавого побоища между голодающими».

Улучшению экономических условий в Соединенных Штатах мешают известные внутренние причины: 1) понижение покупательной способности фермеров, вызванное падением на мировом рынке цен на сельско-хозяйственные продукты; 2) сильно повышенное, благодаря войне, налоговое обложение. Согласно исчислению «Экономического Бюро» (№ 38), оказывается следующее:

	Национальный доход. Миллиарды	Налоговое обложение. долларов.	%
1910	30,5	1	3
1921	60,—	5½	9

При таких условиях, естественно, что крупный капитал Соединенных Штатов напрягает все силы для того, чтобы при помощи государственной политической власти обеспечить себе новые области для сбыта на мировом рынке. Это стремление ведет к международным конфликтам с японскими, английскими и французскими капиталистами, которые также усиленно ищут сбыта на мировом рынке для излишков производства своей крупной промышленности. Вашингтонская конференция является попыткой Соединенных Штатов использовать свое финансовое и экономическое превосходство для того, чтобы оттеснить, для начала—мирным путем, Японию и Англию от единственной не захваченной еще капитализмом области — Китая.

Если американское народное хозяйство в состоянии, благодаря грандиозному масштабу внутреннего рынка, несмотря на затрудняющую экспорт высокую валюту, смягчить кризис, то последний все еще в полной мере господствует в маленьких европейских нейтральных странах, находящихся в большей зависимости от международного обмена. Так, например, мы читаем, что в *Швеции* в июле из 134 доменных печей действовали только 20, а экспорт леса упал с 200 миллионов в прошлом году до 40 миллионов. Число бездействующих судов достигало в июне 1921 г. 45% общего тоннажа. Число безработных среди профессионально организованных рабочих было 8%, и капиталисты добились понижения заработной платы на 20—50%. За первые восемь месяцев текущего года ввоз понизился по сравнению с прошлым годом на 64%, а вывоз на 55%.

Подобные же условия находим мы *в Голландии и Швейцарии*. Амстердамская корреспонденция, помещенная в номере «Франкфуртер Цейтунг» от 28-го октября; сообщает, между прочим, следующее: «Общий экономический кризис особенно сильно отразился в Голландии, вследствие того, что ее вывоз был почти совершенно прекращен валютными условиями и страна оказалась наводненной дешевыми заграничными товарами, так что голландские фабрики не могли с прибылью

*) Сами американцы более оптимистичны. Газета «Манчестер Гардиан» от 3/XI сообщает в заметке, озаглавленной «Worst over but no immediate boom» («Самое худшее уже позади, но—пока еще никакого непосредственного расцвета»), что впервые за 14 месяцев заказы, полученные стальным трестом, превышают количество, заказанное в предыдущий месяц, а потребление хлопчатой бумаги в сентябре больше, чем во все месяцы с июля 1920 г.

работать ни на внутренний, ни на внешний рынок... Целый ряд голландских промышленных предприятий думает о перенесении производства в Германию. Безработица, благодаря этому, чрезвычайно велика. Положение голландского земледелия также плохо, вследствие падения цен на хлеб, овощи и ш. д. Подводя итог, приходится сказать, что перспективы для голландской торгово-промышленной жизни, пока что, очень мало утешительны... Поворот к лучшему может наступить в Голландии только в случае успокоения валютного рынка, т. е. когда деловая жизнь сможет развиваться на более устойчивом базисе».

Из тех нейтральных стран, народное хозяйство которых испытало, благодаря созданной войной кон'юнктуре, быстрый расцвет, Испания уже потерпела полное крушение. Активный во время войны торговый баланс за первое полугодие 1921 г. обнаруживает превышение ввоза в 400 миллионов золотых песо. Попытки искусственно охранить возникшую во время войны слабую промышленность страны при помощи высоких охранительных пошлин можно считать неудавшимися. Следствием пассивного торгового баланса является резкое падение испанской валюты: при окончании войны она была равна золотой, теперь же дизажио дошло до 30%.

Англия.

Экономическое положение Англии столь же неопределенно, как оно было в течение всего текущего года. Тяжелая социальная борьба первого полугодия, приведшая во время забастовки углекопов почти к полной приостановке промышленного производства, все еще чувствуется. Кроме того, Англии недостает обширного внутреннего сбыта, имеющегося в Соединенных Штатах; английская промышленность гораздо более зависит от мирового рынка, чем американская. Поэтому здесь гораздо сильнее, чем в Америке, дает себя чувствовать затрудняющий экспорт высокий курс валюты. Исследуя важнейшие отрасли английской промышленности, мы получаем следующую картину:

Уголь. Кон'юнктура на угольном рынке все еще очень плоха. Цены имеют тенденцию к понижению, сбыт мало оживлен, многие шахты закрываются, другие работают не все время. Число безработных углекопов еженедельно возрастает. В одном только Южном Уэльсе «в конце октября, было более 12.000 безработных углекопов» («Манчестер Гардиан» от 24 января).

«Daily Herald» сообщает, что правительство отказало углепромышленникам в испрашиваемой ими для поддержки их предприятий субсидии в 3 милл. фунтов стерлингов; отказ этот является фактом величайшего значения и, несомненно, будет иметь крупные последствия. Шахтовладельцы заявили, что это вынуждает их понизить заработную плату и еще более сократить производство. Для Нортумберландского и Дэргамского округа об'явленные уже предполагаемые ставки предусматривают понижение заработной платы на четыре и два шиллинга за смену, в Шотландии понижение должно равняться 3 шиллингам за смену.

Все же «Daily Herald» считает вопрос о новом понижении заработной платы не столь важным по сравнению с тем обстоятельством, что среди углекопов уже сейчас насчитывается 150.000 безработных; из работающих же 75% заняты не все время. Правительственная поддержка необходима для разрешения угольного кризиса.

Железо и сталь. Английская железная и стальная промышленность в течение осени сильно страдала от конкуренции со стороны французского, бельгийского и германского ввоза. Лишь весьма значительное понижение цен дало возможность противостоять этой заграничной конкуренции. В конце октября, по сведениям «Таймс'а» от 29-го октября, действовали всего лишь 80 доменных печей. Но все же существует тенденция к улучшению, и капиталисты надеются на деятельное, хотя и медленное, повышение кон'юнктуры.

Текстильная промышленность. В английской текстильной промышленности замечается несомненное, хотя и незначительное, улучшение. За последние недели большие закупки сделали, главным образом, азиатские рынки. В то же время «Times commercial» от 29-го октября пишет, что проданные в Индию текстильные товары не находят там сбыта, а скопляются у оптовых и комиссионных торговцев. Сбыту текстильных товаров в Средней и Восточной Европе мешают очень плохие валютные условия.

Тяжелое положение английского народного хозяйства отражают данные о внешней торговле. Вся английская внешняя торговля за первые 9 месяцев 1921 г. дает по сравнению с прошлым годом понижение импорта на 44,6% и экспорта на 48,5%. Рассматривая отдельные категории товаров, мы видим, что колоссальное понижение испытали, главным образом, текстильные товары. Важнейшие цифры вывоза следующие:

	В милл. фун. стерлингов.	
	1920 г.	1921 г.
Уголь	78,5 »	27,9 »
Железо, сталь и изделия из них.	95,5 »	47,9 »
Бумажные пряжа и материи . .	309,3 »	129,1 »
Шерстяные пряжа и материи .	105,6 »	42,9 »
Прочие материи	35,4 »	13,6 »

Может казаться, что это понижение вызвано исключительно сильным падением цен. Но это верно только отчасти. Количество бумажных товаров в квадратных ярдах упало на половину, по сравнению с прошлым годом; шерстяных, полотняных и пеньковых — менее чем на треть.

Интересно, что при общем быстром понижении английского экспорта, существуют группы товаров, вывоз которых поднялся по своей стоимости, несмотря на сильное падение цен. Это следующие группы:

	В милл. фун. 1920 г.	1921 г.
Машины	42,2 »	57,6 »
Электрические принадлежности	8,0 »	10,6 »
Транспортные средства (паровозы, суда и т. д.)	40,1 »	41,5 »

Это обстоятельство показывает, что индустриализация заокеанских стран продолжается и в период кризиса. Относительно части этого вывоза — вывоза текстильных машин — мы имеем более детальные данные. Эта отрасль промышленности переживает с октября прошлого года настоящий расцвет. Вывоз превышает уровень 1913 г. Главными покупателями являются: Франция, Соединенные Штаты, Япония и Китай. Возможно, что тут происходит замена износившихся за время войны машин новыми. Во всяком случае достойно внимания, что Япония и Китай продолжают пополнять и расширять свой производственный аппарат в период самой худшей конъюнктуры текстильной промышленности.

Общее положение английского народного хозяйства, несмотря на признаки незначительного улучшения, очень не утешительно. Согласно официальным сведениям, 21-го октября было 1,423.000 совершенно безработных и 287 работающих не все время. Число безработных, равнявшееся в конце июля двум миллионам, с тех пор медленно уменьшалось. Лишь в третью неделю октября произошло новое увеличение на 40.000, а в четвертую неделю того же месяца на 160.000. Однако, министр труда повидимому прав, утверждая, что это увеличение только кажущееся; благодаря новой постановке дела помощи безработным, в список попали безработные, ранее потерявшие уже право на помощь по старому закону. Экономические отчеты руководящих органов английской прессы от конца октября не дают основания для предположений о таком реальном ухудшении положения на рынке труда.

Картина тяжелого экономического положения Англии дополняется тем, что с 31 марта 1921 г. государственный долг вновь увеличился на 178 миллионов фунтов, главным образом, вследствие забастовки углекопов. Английская буржуазия и английское правительство судорожно изыскивают средства для восстановления экспорта. Английская буржуазия требует, в первую очередь, повышения производительности, отмены восьми-часового дня и некоторого ограничения помощи безработным. Английское правительство старается оградить экспортеров от потерь на валюте путем государственных гарантий. Убеждение, что Англия не в силах будет сохранить за собой роль мирового промышленного поставщика, обнаруживается в двух показательных течениях: 1) в постоянно повторяемом требовании о развитии английского сельского хозяйства и о возвращении излишней для промышленности рабочей силы в деревню; 2) в пользующейся государственной поддержкой эмиграции в английские колонии. Эти явления отражают в себе прогрессирующую индустриализацию заокеанских стран. Происходит нивеллировка мирового хозяйства.

Франция и Италия.

В экономическом положении этих стран за последние месяцы наблюдается значительное изменение. Но имеющиеся экономические данные настолько неполны и противоречивы, что очень трудно получить сколько-нибудь ясную картину. Благодаря присоединению Эльзас-Лотарингии и восстановлению заводов в Северной Франции, промышленная физиономия Франции за последний год сильно изменилась: Франция стала экспортером продуктов металлической промышленности. Лучше всего это видно на данных о внешней торговле:

	1920	1921
	В тысячах тонн.	
Ввоз за первое полугодие:		
Необработанное железо	59	15
Стальные изделия	164	64
Вывоз:		
Необработанное железо	191	288
Стальные изделия	164	236

За последние месяцы в Северной Франции и Люксембурге было пущено в ход несколько новых доменных печей; в общем же французские промышленники жалуются на невозможность борьбы с германской конкуренцией. Высокие пошлины не оказывают никакой помощи, т. к. германские цены оказывают свое действие через Бельгию, против которой не могут быть применены исключительные пошлины. Положение французской металлической промышленности хорошо характеризуется в письме французского экономиста Франсиса Лора к Ратенау. Он пишет следующее:

«Мы располагаем в настоящее время наилучшим техническим оборудованием во всей Европе, а делать нам нечего. Вкладываешь свой капитал и не получаешь ничего даже на амортизацию. Мы приближаемся к краху. Если бы у нас было не больше заводов, чем до войны,.... то мы могли бы при наличии самого ограниченного экспорта, как в 1914 г., найти сбыт почти для всего нашего производства на внутреннем рынке. Но аннексированные германские заводы дают нам еще 5 миллионов тонн таких же продуктов. Что нам делать с этими новыми 5 миллионами тонн? Наше производство, правда, удвоилось, но ему нужно найти сбыт. У нас нет серьезной клиентуры за-границей, а создать ее в один-два дня нельзя. Таким образом, мы задыхаемся от перепроизводства. Вот наше положение в области металлической промышленности» («Кельнише Цейтунг» от 25-го октября 1921 г.).

Автор письма приходит к заключению, что германское и французское металлургическое производство должны создать общую организацию для сбыта на мировом рынке.

Но в общем, экономическое положение Франции, повидимому, скорее улучшается, чем ухуд-

шается. Ярко выраженный аграрный характер страны дает возможность быстрее справиться с причиненным войной ущербом, чем в странах с более сильно развитой промышленностью. Урожай был много лучше прошлогоднего и повысил покупательную способность сельского населения, что оказало благотворное влияние на обрабатывающую промышленность. Безработица, по крайней мере по официальным данным, уменьшается ежемесячно, и в настоящий момент, за исключением Парижа, она не больше, чем в довоенное время. Рассматривая цифры внешней торговли, мы видим за последние четыре месяца следующую картину:

	Ввоз	Вывоз
	В миллионах	франков.
Июнь	1,723	1,750
Июль	1,469	1,563
Август	1,731	1,776
Сентябрь	2,225	1,776

В первые 8 месяцев торговый баланс Франции, в противоположность довоенному времени, был активным. Но знатоки экономической жизни указывали, что эта активность вызвана сильно понизившимся ввозом сырья. В сентябре проявилась вновь сильная пассивность торгового баланса, вызванная усиленной закупкой промышленного сырья. Благодаря этому, рушатся все комбинации, построенные на активности французского торгового баланса *).

Самым тяжким бременем на французскую экономическую жизнь ложатся невероятные расходы на милитаризм и все еще неупорядоченные государственные финансы. Французское государство своими доходами с трудом покрывает половину расходов. Все расходы на восстановление, на уплату процентов и пенсий, вызванные войной, около 16 миллиардов в год, попросту записываются на счет Германии, хотя причитающаяся Франции доля платежей на восстановление, даже если бы Германия была в состоянии уплатить их полностью, не достигает и 4 миллиардов франков в год. Кроме того, уплата процентов по колоссальному внешнему долгу Германии, все еще отсрочивается Англией и Соединенными Штатами. Французские капиталисты оказывают упорное сопротивление обложению доходов. При этих условиях достойно удивления, что курс французского франка все еще равняется ок. 30% золотой стоимости.

Экономическое положение Италии значительно хуже, чем Франции. Искусственно развитая во время войны металлургическая промышленность при современной свободной конкуренции еще менее способна к конкуренции, чем французская. В текстильной промышленности кульминационный пункт кризиса, повидимому, уже пройден. В конце июня сокращение прядильного производства равнялось 38%, а ткацкого 15%. В настоящее время итальянские текстильные фабрики вновь работают нормально, а прядильни обеспечены в среднем заказами на три месяца. Покупателями итальянских текстильных товаров являются, преимущественно, балканские государства, Малая Азия и Восток. Этому способствует низкий курс итальянской валюты («Франкфуртер Цейтунг» от 31 октября 1921 г.).

В общем же экономическое положение Италии, в особенности—состояние государственных финансов, продолжает быть очень тяжелым, улучшение курса валюты, наблюдавшееся весной, оказалось непрочным и дизажио в настоящее время еще несколько больше, чем год тому назад.

Кон'юнктура в странах с недопроизводством.

В то время, как в странах с хорошим курсом валюты проявляются до сих пор лишь признаки незначительного и, повидимому, преходящего улучшения кон'юнктуры,—в странах, страдающих от недопроизводства, мы наблюдаем спекулятивный расцвет. Эти страны отличаются низким, сильно колеблющимся и безостановочно ухудшающимся курсом валюты. Каждая новая волна понижения курса валюты вызывает здесь бурный заграничный спрос на готовые товары. За этим следует новое повышение цен, пока их уровень не приблизится опять к ценам мирового рынка. Тогда в торговле с за-границей начинается застой, течение торгово-промышленной жизни замирает. Так как производство этих стран не покрывает потребности внутреннего рынка, т. к. их торговый баланс по отношению к за-границе отличается значительной пассивностью, а государственный бюджет страдает громадным дефицитом,—понижение валюты должно повторяться через каждые несколько месяцев. Благодаря этому, вся экономическая жизнь становится в зависимость от курса валюты; всякое предприятие вырождается в спекуляции на валюте.

Типичным для этой группы стран является современное положение в Германии. Сравнительно медленное понижение ценности германской валюты в течение первых девяти месяцев текущего года сменилось в октябре, в связи с платежами по восстановлению и потерей Верхней Силезии, катастрофическим падением марки. Важнейшие валюты, следующим образом, котируются на берлинской бирже:

	Конец июля.	Середина октября	Конец октября.
100 голл. гульденов .	2.475.—	4 945.—	6.519.—
1 фунт стерлингов	290.—	576.—	744.25
1 доллар	81.—	150.—	181.—
100 французск. фр. .	621.—	1.064.—	1.324.—
100 швейцарск. фр. .	1.321.—	2.877.—	3.496.—
100 австр. кр. штемп.	9.15	7.98	9.48
100 чешских кр. . . .	101.25	159.80	193.30

*) Цифры внешней торговли за первые 9 месяцев.

	Милл. франков.		Милл. тонн.	
	Ввоз.	Вывоз.	Ввоз.	Вывоз.
1920 г.	38,0	19.6	36,2	9
1921 г.	15,8	15,9	24,8	10,7

Это катастрофическое падение марки вызвало известные явления распродажи. Германские заводы получают крупные заказы из за границы. Германские текстильные фабрики полностью обеспечены заказами вплоть до поздней весны 1922 г. Германская металлургическая промышленность также работает опять почти полным ходом. Заграничные покупатели осаждают все предприятия в германских городах и скупают все товары, прежде всего, наилучших сортов. В больших берлинских универсальных магазинах иностранцы скупают буквально все. «Характерно, например, что один из самых больших берлинских универсальных магазинов нанимает для обслуживания иностранных покупателей 10 постоянных переводчиков; к этому нужно добавить еще около ста знающих иностранные языки служащих, которые теперь тоже исполняют обязанности переводчиков. Самыми рьяными покупателями являются скандинавцы, голландцы, южно-американцы, швейцарцы и японцы. Они покупают большими и малыми партиями все самое лучшее и дорогое, преимущественно—готовое платье, дамское и мужское белье, кожаные и золотые изделия, все сорта текстильных товаров, электрические, хозяйственные и прочие обиходные принадлежности» («Берлинер Тагеблат»).

Особый вид распродажи—это пограничная торговля. На длинной сухопутной границе Германии появляются в качестве покупателей датчане, голландцы, бельгийцы, французы, швейцарцы, а за последний месяц и чехо-словаки. Распродажа приняла столь бурный характер, что германское правительство было вынуждено запретить так называемое «малое пограничное движение», т. е. свободный вывоз ограниченного количества текстильных товаров, обуви и т. д. Наплыв иностранных покупателей, ежедневно растущие цены и явное опустение магазинов побуждают имеющую средства германскую публику делать запасы: все, что можно хранить, закупается и хранится богатыми людьми. Существующий и, без того, недостаток товаров, благодаря этому, еще усиливается.

Все эти явления создают в глазах коммерсантов впечатление высокой кон'юнктуры *), обещающей возможность колоссальных спекулятивных барышей. Но если мы взглянем на дело с точки зрения политической экономии и спросим себя, окрепло ли, благодаря этому, германское хозяйство и повысилось ли производство, то не сможем дать утвердительного ответа. Что сейчас в Германии нет особенно большой безработицы, это — факт неоспоримый. Безработица не больше, чем в нормальные довоенные годы. Но производство теперь значительно меньше. Производительность уменьшилась вследствие плохого питания рабочих, вследствие того, что износившийся во время войны производственный аппарат еще далеко не восстановлен и что преимущества мирового экономического разделения труда не могут быть использованы Германией по причине валютных затруднений. Большая часть буржуазии предпочитает спекулировать на валюте и на товарах, вместо того, чтобы принимать деятельное участие в производстве.

При запаздывании экономической статистики трудно составить конкретную, опирающуюся на цифры картину производства. Кроме того, весьма важные данные систематически утаиваются из политических соображений.

Улучшение производства наблюдается в сельском хозяйстве: на основании установленного среднего урожая с гектара и данных о посевной площади, на 1921 г. получается следующий предположительный общий урожай, для сравнения с которым мы приводим окончательные данные об урожаях 1920 и 1913 г.г.

	Общий сбор злаков в тоннах.		
	1921	1920	1913
Пшеница	2.663.460	2.255.055	4.061.099
Рожь	6.608.023	4.971.800	19.219.606
Озимая полба	203 346	178.864	437.971
Яровой ячмень . . .	1.792.904	1.799.713	3.052,057
Овес	4 715.672	4.870.126	8.712.485

Разница по сравнению с 1913 г., таким образом, все еще невероятно велика.

Добыча угля в Германии повысилась за первые девять месяцев текущего года приблизительно на 10%, но все еще она значительно меньше, чем в последнем году перед войной, несмотря на большое число рабочих.

Добыча выражается за время с января по сентябрь в следующих цифрах, сравниваемых со статистическими данными за прежние годы (в тысячах тонн):

	1921 г.	1920 г.	1913 г.
Каменный уголь. . . .	100.601	95.736	130.177
Бурый уголь	90.820	81.192	64.132
Кокс.	30.761	18.293	22.768
Брикеты из каменного угля	4.274	3.571	4.406
Брикеты из бурого угля.	27.237	17.919	15.993

Добыча за сентябрь по сравнению с августом несколько понизилась.

	Сентябрь 1921 г.	Август 1921 г.
Каменный уголь. . . .	11.607	11.726
Бурый уголь.	10.358	10.606
Кокс.	2.278	2.246
Брикеты из каменного угля.	520	529
Брикеты из бурого угля.	2.471	2.582

*) Последний номер «Рейхсарбейтсблат'а» дает следующую картину германского рынка труда: число совершенно безработных, получающих поддержку из средств общественного попечительства о безработных (исключая членов семьи), понизилось за отчетный месяц с 233.006 (на 1 сентября) до 189.407 (на 1 октября). Это означает уменьшение на 43.599 чел, или 18% (в предыдущем месяце 13%). Особенно сильно проявилось уменьшение случаев обращения за помощью к попечительству о безработных в отношении лиц женского пола... Не безынтересно сравнить имеющиеся данные о безработице с цифрами довоенного времени. По статистике рабочих союзов, число безработных с июля этого года меньше, чем перед высокой кон'юнктурой 1913 г.: на 100 попавших в отчет членов приходилось в июле 1921 г. 2,6 безработных против 2,9 в июле 1913 г., в августе соответствующие цифры равняются 2,2 и 2,8, в сентябре 1,3 и 2,7. Сличая в статистике число безработных за сентябрь; начиная с 1907 г., мы увидим, что за исключением ненормальных 1917 и 1918 военных годов, оно никогда не было ниже, чем в этом году.

Цифры за октябрь еще не опубликованы.

Интересно, что как раз в момент начала распродажной кон'юнктуры, развитие производства тормозится недостатком угля и плохим состоянием транспорта. Так в «Кёльнише Цейтунг» от 28 октября мы читаем следующее: «Дело снабжения Южной Германии углем опять обстоит так плохо, как, кажется, никогда еще не было. Транспортных средств не хватает как для водного, так и для сухопутного транспорта. Положение в Южной Германии совершенно безнадежно. Уровень воды в Рейне опять понизился настолько, что судоходство теряет почти всякий смысл и лишь малые грузы могут быть доставлены до Маннгейма. Сообщение с расположенными далее вверх по реке перегрузочными пунктами пришлось совершенно приостановить. На улучшение этого положения надеяться не приходится... Несколько более благоприятные условия судоходства, существовавшие в пред'идущие месяцы, к сожалению, не могли быть использованы для своевременной подготовки к настоящему положению, которое давно можно было предвидеть,—вследствие того, что угольный синдикат, связанный поставками, предписанными по мирному договору, и необходимостью помочь Северу и Востоку, лишенный подвоза угля из Верхней Силезии, оказался не в состоянии предоставить в распоряжение Южной Германии необходимое ей количество угля, а теперь недостаток вагонов вряд ли позволит перевести в Южную Германию нужное количество угля по железной дороге... Нигде нет запасов, и опять располагающая наибольшими заказами промышленность не в состоянии будет их выполнить вследствие недостатка топлива... Положение опять обострилось, ухудшившись даже сравнительно со временем войны и периодом последовавших за ней продолжительных забастовок... Можно было бы, конечно, совершенно устранить недостаток в угле доставкой саарского угля, горы которого за отсутствием сбыта лежат теперь в Саарбрюккене, Лаутенбурге, Страсбурге и Киле, несмотря на введение регулярно перемежающихся смен. Два месяца тому назад была создана организация для сбыта этого угля, которая и приступила к работе 1 сентября. Но существующие во Франции цены, вследствие падения марки, сравнительно так высоки, что лишь потребители, обеспеченные особо выгодными заграничными заказами, в состоянии платить их».

Если мы исследуем работу железнодорожного транспорта, то мы получим до конца первого полугодия следующие цифры:

Транспортирование грузов в тысячах осе-километров.

	1920 г.	1921 г.
Апрель	1.223.764	1.358.563
Май	1.273.913	1.108.168
Июнь	1.287.579	1.225 758
Июль	1.270.319	1.327.782
	5.055.575	5.020.271

Неудовлетворительная работа железных дорог дает себя знать, прежде всего, в большом недостатке картофеля. Вопрос о картофеле, дороговизна и недостаток его, вызванные отчасти тем, что аграрии придерживают урожай в спекулятивных целях, вообще является одним из наиболее жгучих вопросов для всех слоев малоимущего населения. По данным германского министра путей сообщения, товарное движение в августе, сентябре и октябре месяце текущего года было значительно больше, чем в 1920 г. Причина тому, что транспорт все-таки не справляется, — чрезвычайно низкий уровень воды в реках и, главным образом, спекуляция. В то время, как в прошлом году важнейшие предметы массового потребления еще находились в ведении государства и поэтому обыкновенно перевозились только один раз, от места производства до места распределения, в настоящее время колоссальные грузы из спекулятивных соображений перевозятся по несколько раз из одного конца Германии в другой, в зависимости от курса валюты и состояния цен.

Что касается движения цен, то октябрьских индексных чисел у нас еще нет. Но цены на отдельные товары, вследствие падения курса марки, быстро пошли на повышение: экономические отделы газет почти не содержат других известий, кроме сообщений о ежедневном повышении цен. Поэтому индексные цифры о прожиточном минимуме за октябрь месяц, несомненно, отметят сильное повышение. В ближайшее время рабочим придется серьезно бороться за заработную плату, чтобы по возможности отстоять свой прежний уровень жизни.

Мы видим, таким образом, что экономическая жизнь Германии всецело зависит от курса марки, т. е. от взаимоотношений с за границей. При таких условиях большое значение имела бы своевременная и надежная статистика внешней торговли, тем более, что вся заграничная капиталистическая пресса полна жалоб на массовый германский экспорт дешевых товаров. В настоящий момент в нашем распоряжении имеется лишь статистика внешней торговли за июнь и июль, притом лишь в суммах стоимости, без детальных данных о количестве товаров.

Третью часть ввоза составляли сельскохозяйственные продукты, в то время, как в вывозе преобладают фабрикаты.

Согласно этим цифрам, внешняя торговля Германии носит неизменно пассивный характер, что дает достаточное об'яснение—наряду с обязательствами по восстановлению — все непрекращающегося падения курса марки. Но необходимо заметить, что оценка товаров производится по старым ценам. Поэтому эти цифры не дают фактической картины внешней торговли.

Во всяком случае, из этих цифровых данных видна относительная незначительность германского вывоза. Вывоз в июле составлял 6 миллиардов бумажных марок, т. е. по курсу того времени около 300 миллионов золотых марок. Это соответствовало бы годичному

вывозу приблизительно в 3,6 миллиардов золотых марок. Накинув 50% на слишком низкую оценку, мы получим в круглых цифрах—5½ миллиардов, т. е. германский вывоз по сравнению с довоенным временем сократился на половину. *Показательно для расшатанной в конец системы мирового хозяйства, что ограничение этого относительно незначительного вывоза стало краеугольным камнем экономической политики всех капиталистических стран.*

Экономическое положение всех остальных стран, относящихся к группе, страдающей от недопроизводства, т. е. *Немецкой Австрии, Венгрии, Польши, Румынии, Югославии* и т. д. в общих чертах аналогично существующему в Германии. Падение курса марки сопровождалось параллельным падением валюты и этих стран. О состоянии их производства мы имеем лишь весьма неполные сведения. Относительно Польши сообщение английского «Экономиста» от 15 октября 1921 г. приводит следующие данные: «Промышленное и сельско-хозяйственное производство по сравнению с прошлым годом увеличилось на 17% в угольной, на 40% в соляной промышленности, на 75% в сельском хозяйстве, на 85% в железной, на 50% в текстильной и на 34% в сахарной промышленности. На польских фабриках и заводах работает сейчас 340.000 рабочих, между тем как в минувшем году работало 260.000.

Среди стран с недопроизводством и низкой валютой особое положение занимает *Чехо-Словакия*, где при высокой по сравнению с пограничными государствами валюте, кризис выражается в форме перепроизводства. Чешская промышленность уже в середине лета не могла выдержать конкуренции с германской. Уже в августе были погашены доменные печи в Кладно и Кенигингофе, которые в последний год войны дали почти 4 миллиона центнеров железа. Причиной этого, по общему отзыву, является германская конкуренция. В начале августа метро-центнер чешского брускового железа стоил 315 чешских крон, германское же только 210 марок; чешское листовое железо стоило 395 чешских крон, а германское 182 марки. Это цены начала августа, т. е. того времени, когда чешская крона и германская марка стояли приблизительно на одном уровне («Industrie- & Handelszeitung» от 29/VIII—1921 г.). В настоящий момент чешская крона стоит примерно вдвое больше, чем германская марка. Нетрудно понять поэтому, что теперь чешская промышленность еще менее способна конкурировать с германской, чем в августе. Из всех пограничных германских местностей сообщают о скупке всех готовых товаров чешскими пограничными жителями. Таким образом, мы видим, что при современном расстройстве европейского хозяйства, как низкий, так и высокий курс валюты приводят к экономическому кризису.

На экономических условиях в заокеанских странах, мы подробно остановимся в другой раз. Мы уже указали, что индустриализация этих стран и в настоящий период кризиса, несмотря на сильную конкуренцию со стороны европейской промышленности, продолжается, отчасти при поддержке правительства.

Хаос в экономической политике.

При современном состоянии кризиса в капиталистическом мировом хозяйстве должен был, конечно, возникнуть хаос и в экономической политике различных государств. Сущность кризиса заключается в нарушении мирового экономического равновесия, что выражается — как мы уже указывали — в том, что в одной части капиталистического мира наблюдается избыток орудий производства и недостаток сбыта, в то время, как в другой части производство не удовлетворяет собственной потребности и происходит прогрессивное обнищание народного хозяйства. Это раздвоение мирового хозяйства внешне проявляется в пропасти, существующей между стоимостями валюты обеих частей. *Все политико-экономические попытки направлены к восстановлению нарушенного равновесия мирового хозяйства.* Само собой понятно, что подобные попытки в странах с перепроизводством будут носить совершенно иной характер, чем в странах, где кризис вызван недопроизводством.

Все стремления стран, испытывающих избыток в продуктах и страдающих, вследствие этого, от недостатка сбыта, т. е. в первую очередь—Соединенных Штатов, Японии и Англии, направлены к завоеванию новых областей для сбыта своих излишков. Для этого существуют два пути: 1) вовлечение в систему капиталистического хозяйства областей, которые до сих пор были к ней непричастны или были ею мало затронуты; 2) экономическое восстановление областей, которые до мировой войны были составными частями всей области капиталистического мирового хозяйства, но вследствие обеднения выбыли из числа покупателей.

Главнейшей из стран первой категории является Китай, с его 400 миллионами населения, которые до сих пор были подвластны капитализму лишь в очень ограниченной степени. Три великие мировые державы — Америки, Англии и Японии — стремятся теперь завоевать здесь возможно более монопольное положение. Во время мировой войны здесь особенно прочно обосновалась Япония. Экономический смысл Вашингтонской Конференции заключается в том, чтобы путем политических угроз заставить Японию очистить эту доминирующую позицию.

Области, выбывшие почти совершенно из мирового оборота—это Россия, Польша, Малая Азия, Балканы, части бывшей австро-венгерской монархии и Германия, что в общей сложности составляет около 300 миллионов, т. е. ⅜ населения капиталистического мира. Экономическая политика, которой требуют наиболее разумные вожди капиталистиче-

ского мира, ставит себе целью экономическое возрождение этих областей. Такой результат мог бы быть достигнут только в том случае, если бы излишние для стран, где существует перепроизводство, орудия производства удалось перевезти при помощи широко поставленной мировой кредитной операции в указанные обедневшие области. За последние два года, действительно, появился целый ряд проектов международных кредитных организаций, но ни один из них не был проведен в жизнь. Последним проектом такого рода является Европейский Банк Вандерлипа. Основанный на американские капиталы, с правом выпускать для европейского обращения банкноты, равноценные американскому доллару, этот банк представляет из себя по существу широко задуманное, весьма прочное и выгодное кредитное предприятие американского капитала.

Не приведшие ни к каким результатам совещания относительно международных кредитных операций побудили Центральный Союз Германских Банков и Банкиров отклонить приглашение на проектируемую «Sound Currency Association» в начале декабря с. г. международную валютную конференцию в Лондоне. «Президиум Центрального Союза выразил английскому союзу свою благодарность, но не счел возможным принять приглашение, так как участие в международных экспертных совещаниях по вопросу об оздоровлении больной валюты Германии и других стран представляется бесцельным до тех пор, пока не существует гарантий, что постановления экспертов встретят должное внимание со стороны правительств руководящих стран, в особенности, поскольку для восстановления валюты необходимо выполнение политических условий». («Берлинер Тагеблат»).

Этот отказ подвергся резкой критике в германской прессе.

Другое течение экономической политики подходит к разрешению этой проблемы с отрицательной стороны. Как известно, задолженность Европы Соединенным Штатам выражается в сумме около 12 миллиардов золотом. С другой стороны, континентальные страны Европы должны подобную же сумму Англии. Эти внешние долги лежат тяжелым бременем на Франции и Италии. Они вынуждают эти страны возлагать на Германию невыносимо тяжкие обязательства, что препятствует экономическому оздоровлению последней. В то же время Германия вынуждена, вследствие обязательств по восстановлению, выбрасывать на мировой рынок большие массы товаров по дешевым ценам, чем она создает невыносимую конкуренцию странам с высокой валютой. Это положение ведущей становится все более ясным в особенности английским политикам. Сначала Асквит говорил, что: «Мы должны прежде всего ликвидировать междусоюзнические долги»; вскоре после этого бывший английский министр Мак-Кенна заявил: «Что касается английских требований, то я не только надеюсь, что они никогда не будут оплачены, но если бы это было в моей власти, то я бы их аннулировал». Несмотря на официальные опровержения английского правительства, не может быть сомнения в том, что существует стремление разрешить экономические затруднения способом, уже предложенным в свое время Кекснесом, т. е.: Соединенные Штаты прощают долги своим союзникам; Англия прощает долги европейским странам Антанты, а Франция понижает свои требования к Германии до посильных для этой последней размеров. Это, с буржуазной точки зрения очень разумное предложение, вновь потерпело крах, вследствие сопротивления Соединенных Штатов, желающих сохранить свои требования, как средство политического давления на Европу. Комиссия сената, образованная недавно в Соединенных Штатах для урегулирования этого вопроса, получила наказ — не допускать аннулирования долгов европейских государств.

Проблема восстановления входит лишь как особая часть в общую картину кризиса мирового хозяйства. Вопрос носит двойственный характер и вызывает постоянные колебания политики держав Антанты. Франция настаивает на том, что Германия должна уплатить по всем обязательствам Версальского мира. Французская пресса все время повторяет, что платежеспособность германского государства отнюдь не тождественна с платежеспособностью германского народа. Бриан также заявил в своей речи в сенате, что германские капиталисты, члены Германской Народной Партии, могут и должны заплатить [1]). С другой стороны, понятно, что все усиливающееся давление на Германию вызывает все большее падение германской марки и, тем самым, все более ожесточенную конкуренцию германских товаров на мировом рынке [2]).

---

[1]) «Договор не говорит, что должно платить германское государство, а Германия со всеми своими движимыми и недвижимыми богатствами... В Германии есть люди, которые в состоянии платить, «в особенности среди членов Народной Партии и других капиталистов».

[2]) В речи, которую произнес бывший английский министр финансов Мак-Кенна в конституционном клубе, он заявил, что уплата Германией первого миллиарда и уплата долгов союзниками будет скорее несчастием, чем радостным событием. До тех пор, пока на Германию возложены платежные обязательства на 30 лет вперед, Англия будет иметь свои 2 миллиона безработных. «Я бы с большей радостью убедился в том», продолжал Мак-Кенна, «что наш народ производительно трудится, чем в том, что он стремится захватить остатки германского богатства». Он хотел бы, чтобы на Германию были возложены небольшие ежегодные взносы, которые она в состоянии уплатить при условии, что ее вывоз будет превышать ввоз. Массы марок, без разбора выбрасываемые на заграничные рынки, должны все больше понижать их стоимость, а массы марок, попадающих на заграничные рынки, все будут увеличиваться. «Чем больше мы будем стараться»—закончил он—«понизить наши цены, тем больше увеличится количество марок, попадающих за границу. В результате германцы могут продавать по более низким ценам, чем мы. Цена, которую Англия, а также и Америка, должны заплатить за германские платежи по восстановлению, заключается в миллионах безработных, которые до тех пор не найдут себе занятий, пока не смогут быть проданными английские товары» «(Кёльнише Цейтунг» от 27/X—21 г.).

Таким образом, в то время, как с одной стороны Германия вынуждена вывозить за бесценок свои товары, страны, в пользу которых должна была бы по смыслу Версальского договора пойти прибыль от этого экспорта, ограждают себя запретительными мероприятиями от проникновения изделий германской промышленности. Англия, классическая страна свободной торговли, как известно, приняла закон о борьбе с понижением цен, направленный, главным образом, против Германии, но вместе с тем и против Франции и всех стран, с которыми не существует специальных торговых договоров. Тариф предусматривает пошлину в размере 33⅓% стоимости ввозимых товаров, если они вследствие низкого курса валюты той страны, продуктом производства которой они являются, могут продаваться на английском рынке по более дешевой цене, чем аналогичные товары английского производства. Растяжимость этого параграфа еще увеличивается благодаря постановлению, что для применения этой охранительной пошлины должно быть доказано, что в данном случае иностранная конкуренция угрожает рынку труда. Решение вопроса о применении или неприменении пошлины принадлежит Департаменту Торговли. Подробные инструкции о применении этого закона еще не опубликованы, но, повидимому, закон этот должен служить политическим оружием. Франция, как известно, повысила свои пошлины на 300%. Все нейтральные государства — Швейцария, Голландия, Швеция, а также и Соединенные Штаты, — также приняли за последнее время меры против проникновения германских товаров. Теперь вся эта охранительная система, благодаря вновь наблюдающемуся колоссальному падению курса марки, стала непригодной.

Нет факта более показательного для хаотического состояния капиталистического мирового хозяйства, чем стремление капиталистических кругов в странах высокой валюты восстановить мировое экономическое равновесие путем искусственно вызванного падения собственной валюты. Так, наприм., Союз Британской Промышленности предложил резко понизить подоходный налог, чтобы заполнить брешь в государственных финансах выпуском бумажных денег («Франкфуртер Цейтунг» от 28/X—21 г.).

31 октября в Берне состоялась созванная швейцарским министром народного хозяйства конференция финансистов. Здесь также обсуждался план о том, чтобы остановить при помощи искусственного увеличения количества бумажных денег повышение курса швейцарского франка и понизить швейцарскую валюту. Но предложенный план был отвергнут. В настоящее время определенно утверждают также, хотя документальных данных пока еще нет, что американское правительство уже приняло практические меры для искусственного понижения американской валюты.

Та же самая проблема, рассматриваемая со стороны государств с низкой валютой, облекается в форму распродажи товаров, необходимых для собственной страны. В качестве мер борьбы с этим появляются запрещение вывоза, вывозные пошлины и искусственное затруднение товарного экспорта. Мы, видим таким образом, совершенно хаотическое состояние: с одной стороны, необходимость для Германии вывозить товары, чтобы иметь возможность выполнить обязательства по восстановлению, с другой стороны — мероприятия стран с высокой валютой против германского ввоза и мероприятия самой Германии для воспрепятствования вывозу. Само собой понятно, что проблема восстановления может быть разрешена только международной организацией, при помощи международного соглашения. Висбаденское соглашение и поездка германских профессиональных деятелей в Северную Францию являются попытками в этом направлении. С другой стороны, проектируемая кредитная помощь германской промышленности германскому правительству является попыткой добиться переброски излишних для стран, где царит перепроизводство, орудий производства, в страны, страдающие от недопроизводства. Мы видим, таким образом, что в экономической политике различные стремления перекрещиваются и носят столь же хаотический характер, как и само капиталистическое мировое хозяйство.

Д-р ПАВЛОВСКИЙ.

КРИЗИС МАЛОЙ АНТАНТЫ И ВЕНГРИИ.

В государствах, образовавшихся из частей бывшей австро-венгерской монархии, происходят в настоящее время чрезвычайно поучительные события, имеющие значение для всей европейской политики. Проявляются тенденции, не только играющие решающую роль в судьбе чешского, австрийского, югославянского, румынского, венгерского и болгарского пролетариата, но и влияющие на политику таких крупных капиталистических государств, как Италия и Франция, а также в значительной степени и на международное положение Советской России.

Агрессивные тенденции наблюдаются в трех направлениях. Первое: вооружение Румынии против Советской России. Второе: вооруженное выступление Венгрии Хорти в Западной Венгрии. Третье: начатые Югославией военные действия в Албании.

Эти три агрессивные тенденции проявляются с большой резкостью в политике государств Малой Антанты и балканских стран. Указанные тенденции то подкрепляют друг друга, то скрещиваются, но действуют, во всяком случае, сообща и одновременно.

Исследуем, поэтому, по очереди все эти движущие силы.

1. Румыния против Советской России.

Боярская Румыния лихорадочно вооружается против Советской России. Бессарабия и Трансильвания представляют из себя колоссальные склады оружия. Румыния мобилизует все большие массы войск. Она получает все большие количества боевых припасов и оружия от Франции. Французские официальные круги также не могут уже отрицать существования широко поставленного транспорта боевых припасов, но прикрашивают это лживыми уверениями, что Румыния вынуждена оградить себя от агрессивных намерений Советской России. Каждый рабочий знает, что Советская Россия собирает все свои силы для борьбы с голодом, а не с Румынией, и еще лучше знают это дипломаты Антанты. Румыния готовится к нападению на Советскую Россию по приказу Франции.

Внутреннее положение Румынии делает эту в мировой войне вдруг выросшую страну мало приспособленной для военных действий. Ее промышленность не развита, а сельское хозяйство находится в упадке. Взяточничество и всеобщая продажность достигли невероятных размеров. Транспорт совершенно недостаточен. Финансовый дефицит все увеличивается. Захваченные в мировой войне новые провинции, Бессарабия, Буковина, Трансильвания и Добруджа, удерживаются только при помощи грубой силы. Бюрократия еще молода, случайна по своему составу, неопытна и безгранично продажна. С побежденным после всеобщей забастовки 1920 г. пролетариатом, с обреченной на подпольное существование коммунистической партией, также как с исполненным революционными традициями крестьянством и различными ирредентистскими движениями, стоящее у власти боярство расправляется драконовскими мерами. Образовавшуюся, благодаря войне, боярскую Великую Румынию спасает от краха до поры до времени только колоссальная армия, многочисленная полиция, жандармерия и, наконец, политическая охрана, так наз. сигуранца. Содержание такой вооруженной силы стоит, однако, громадных денег. Эти деньги страдающее хроническим дефицитом государство румынских бояр может получить только от Франции. На французские деньги и французское снаряжение только и существует румынская вооруженная сила. Франция содержит румынскую армию и распоряжается ею. Содержание и вооружение румынской армии для Франции — лишь расходы по возвращению данных царской России в долг миллиардов. И чем больше становится внутренняя разруха в Румынии, чем в большей степени владычество бояр держится на одном насилии, тем важнее становится армия для существования румынских господствующих классов и тем больший вес приобретает слово Франции, содержащей ее. А это, в свою очередь, означает, что чем менее Румыния приспособлена к войне, тем скорее она может быть к ней вынуждена французской буржуазией, страстно жаждущей вернуть свои миллиарды. Румыния боится войны, она чувствует, что война с Советской Россией, осуществившей раздел земли, легко может стать для Румынии роковой. Румынское крестьянство после войны захватило часть господской земли, как раз ту часть, которую ему уже десятки лет обещали. Новая «земельная реформа» отчасти есть не что иное, как санкционирование этого революционного захвата, отчасти же является попыткой румынских помещиков вернуть себе утерянную землю. Румынское боярство еще не забыло ужасов кровавых крестьянских восстаний, и при обсуждении в румынском парламенте земельной реформы, один из оппозиционных депутатов, дрожа от страха, спросил: «Что мы будем делать с крестьянами в случае новой войны? Что мы им обещаем тогда, если мы уже сейчас производим раздел крупных имений?» В этом, действительно, и заключается большой вопрос, который возникнет для румынских бояр в случае любой войны, особенно же войны с Советской Россией. Война выдвинет в Румынии не только крестьянский вопрос, но и вопрос об угнетенном пролетариате. Кроме того, она выдвинет также вопрос о Буковине, Бессарабии, Трансильвании и Добрудже, вопрос обо всей ирредентe. Однако, Франция прикажет, а неисполнение ее приказа повлечет за собой крушение румынской армии и, следовательно, ребром поставит эти вопросы уже не в будущем, а в настоящем. Франция прикажет,— и живущий у нее на содержании сутенер, румынская армия, бросится против Украйны.

2. Венгрия адмирала Хорти против Малой Антанты.

Венгрия переживает сейчас серьезный кризис. Последствия Трианонского мира и экономический кризис все обостряют внутреннюю борьбу отдельных классовых групп, принадлежащих к господствующим классам, а, с другой стороны, все усиливают натиск пролетариата. Узурпировавший власть после свержения диктатуры пролетариата «христианский курс», охвачен агонией. В первый период своего существования он был господством мелкой городской буржуазии и интеллигенции (при поддержке крестьянских масс). Это господство выражалось, с одной стороны, в подавлении промышленных и сельскохозяйственных рабочих, а с другой—в борьбе с крупным капиталом и крупным землевладением. Подавить пролетариат действительно удалось. Но борьба с крупным капиталом и крупным землевладением окончилась позорнейшим фиаско. Земельная реформа, которая должна была отнять землю у помещиков, правда, стала законом, но благодаря тому, что местное, комитатское управление находится в руках помещиков, провести этот закон в жизнь не удалось. До настоящего времени роздано крестьянам менее 5.000 иохов *) земли. Борьба с крупным капиталом превратилась в какую-то карикатуру. Единственным результатом ее была отмена концессий на кинематографы.

Провозглашенный «христианским курсом» крестовый поход против еврейского банковского капитала завершился, в конце концов, назначением директора самого типичного еврейского предприятия, Пештского Коммерческого Банка, на пост финансового диктатора страны. Крупный капитал, проникавший сначала в среду представителей христианского курса путем подкупа, потайными ходами, вступил теперь в государственную жизнь в качестве диктатора, с невозмутимой наглостью, через главные под'езды министерств. Лозунгами начального периода христианского курса были: борьба с еврейскими откупщиками, с еврейским капиталом и с большими квартирами богатых евреев. Сами вожди называли это—белым большевизмом. И вот, белый большевизм попал в катастрофическое положение, дефицит государственного бюджета заставил его сделаться верным слугою банков. Национальный и иностранный крупный капитал требует от него «правопорядка», т. е. отказа от направленных против капитала мероприятий и прекращения отдельных выступлений офицерских банд против богатых евреев. «Христианский большевизм», стиснув зубы, вынужден был отказаться от своего мелкобуржуазного антимилитаризма. Но и это не помогло ему. Последствия Трианонского мира и общий экономический кризис влекли его с головокружительной быстротой к катастрофе. Промышленное производство все уменьшается, а разруха в сельском хозяйстве увеличивается с каждым днем. Предпринятая с большим шумом попытка укрепления валюты закончилась полным крушением венгерской кроны. Ужасающая дороговизна и колоссальная армия поглощают все государственные доходы. Диктатура финансового диктатора за год привела к тому, что предназначенную для урегулирования государственного бюджета крупную сумму, полученную путем конфискации имуществ, пришлось употребить на повышение жалованья чиновникам и, после долгого перерыва, вновь приступить к печатанию бумажных денег, причем уже первый выпуск равняется 10 миллиардам.

Экономический и финансовый кризис страшно обостряет отношения между классами, совместно господствовавшими до сих пор под маской христианства. Помещики-аристократы подняли настоящую травлю против крестьянских вождей партии мелких сельских хозяев, и деревенские кулаки открыто угрожают крестьянской диктатурой. В лоне христианско-национальной партии все усиливается расхождение между буржуазией и помещиками с одной стороны, и представляющими мелкую городскую буржуазию элементами — с другой. Поэтому в партии царит сильный раскол и происходит перегруппировка по всей линии. Предпринимаются серьезные попытки к об'единению землевладельцев из партии мелких сельских хозяев с буржуазией и крупными землевладельцами из христианско-национальной партии, а также мелко-крестьянского элемента партии мелких сельских хозяев с мелкой городской буржуазией и интеллигенцией: та часть крупного землевладения, которая находится в союзе с финансовым капиталом и примкнула сначала к старой либеральной партии, затем к партии Национального Труда, к так называемому направлению Стефана Тиссы,—после того, как она была совершенно вытеснена с политической арены, открыто провозглашает в комитатах борьбу с Национальным Собранием мелкой буржуазии и мелкого крестьянства. Она выражает сомнение в правомочности Национального Собрания и требует созыва старых Палаты Депутатов и Верхней Палаты. Другая, более склонная к католичеству и примыкающая скорее к крупной промышленности часть крупного землевладения (направление Андраши) также перешла в наступление и требует упразднения господства крестьян. Оба направления сходятся на том, что агрессивная контр-революция, собственно говоря—тоже революция, и требуют поэтому восстановления прежнего «порядка и спокойствия». Оба направления—легитимистские, габсбургские и карлистские. Карлизм, будучи типично христианским направлением, не отказывается, однако, и от поддержки евреев. Либералы находятся в союзе с еврейским банковским капиталом, а крупное землевладение направления Андраши стремится в первую очередь к об'единению с вассониевской демократической, городской, еврейской мелкой и средней буржуазией.

*) Т. е. менее 2900 гектаров, или 2600 десятин.

Политика всех этих классов становится еще более запутанной, благодаря вопросу о короле. Оставляя в стороне мелкие оттенки, мы находим, что здесь все резче проявляются два крупных направления. Первое—это карлисты. Они хотят возвратить на престол Габсбургов, как законных государей. Опорой этого направления являются помещики, крупные капиталисты, буржуазия вообще, евреи и часть интеллигенции, т. е. классы, бывшие у власти при Габсбургах или надеющиеся встать у кормила правления при их будущем господстве: Возвращение Габсбургов означает окончательный отказ от земельной реформы, конец белого большевизма, прекращение еврейских погромов, кроме того—восстановление прежней Венгрии, восстановление территориальной неприкосновенности, обратное завоевание Словакии, Трансильвании, Бачки, Баната и Западной Венгрии.

Второе направление — это сторонники свободного избрания короля. Его опора: крестьянство, большая часть низшего офицерства и часть интеллигенции. Среди венгерского крестьянства все еще живы традиции революции 48-го года. Освобождение крепостных было достигнуто Кошутом и революцией против воли Габсбургов. Интеллигенция и часть офицерства постоянно подвергались гонениям со стороны черно-желтого направления. Поэтому они враждебны Габсбургам и до известной степени антиклерикальны. С течением времени это направление все больше обращалось к поддержке Хорти. Последний захватил в свое время власть в качестве наместника Габсбургов. Затем он становится все более самостоятельным: в своем роде генерал Монк навыворот! Теперь он намерен удержать за собой власть, принятую им от имени законного короля. Борьба между карлистами и хортистами проникла во все формации христианского курса. Офицерские отряды в армии распались на две части: приверженцев Проная (хортисты) и сторонников Остенбурга (карлисты). Крупные общественные организации белого террора также распадаются на два лагеря. Задунайские элементы «Пробуждающихся Мадьяр» (Лингауэр, Шмеречани)—карлисты; элементы же, действующие между Дунаем и Тиссой (Хейяс)—хортисты. «Мовс», организация низшего офицерства с Гёмбёсом во главе, стоит на стороне Хорти; «Никош», организация высшего офицерства, во главе с Лукачичем, настроена в пользу Габсбургов.

Существуют два слоя, которые могут решительно вмешаться в эту борьбу за власть, ведущуюся классами, партиями и отдельными кликами. Один из них—пролетариат. Промышленный и сельско-хозяйственный пролетариат за последний год уже несколько оправился от удара. В настоящее время в Венгрии опять существует рабочее движение. Четверть миллиона организованных рабочих стоят под одним и тем же знаменем. Возродилась также организация сельско-хозяйственных рабочих. Но все еще всесильная государственная власть беспримерно подлая измена социал-демократии и слабость коммунистической партии не дают пролетариату возможности стать активным фактором политической жизни. За последние недели одна забастовка сменяется другой, один локаут следует за другим. Аресты членов возникающих независимо друг от друга коммунистических организаций происходят теперь почти каждую неделю. Социал-демократия в политическом отношении является простым придатком союза буржуазии и рабочих, в котором главную роль играют крупные промышленники; на последних депутатских выборах она опустилась до роли «голосующей скотины», подающей свои голоса за кандидатов промышленников. Взаимная борьба господствующих классов обеспечила уже сейчас свободу профессиональному движению, и в ближайшем будущем Венгерская Коммунистическая Партия, вступив на путь, указанный Исполкомом Коминтерна, превратит венгерский промышленный и сельский пролетариат в решающий фактор. В настоящее время, однако, не пролетариат, а интеллигенция руководит политической жизнью страны. Она является сейчас в Венгрии наиболее агрессивным и деятельным слоем. Не уяснив себе роли интеллигенции, нельзя понять ни внешней, ни внутренней политики Венгрии адмирала Хорти. Авантюра в Западной Венгрии была затеяна, главным образом, интеллигенцией. Это она подняла знамя белого большевизма и территориальной неприкосновенности.

Из кого же состоит эта интеллигенция? Из чиновников, комитатской бюрократии, министерских писцов и секретарей, судей и нотариусов, финансистов, адвокатов, учителей и профессоров, жандармов и священников, писателей, артистов, художников и студентов. Интеллигенция была с самого начала наиболее злобствующим и крикливым элементом в движении белого террора. Указанные группы ненавидят не только пролетариат, но и другой современный капиталистический класс—буржуазию. Во время войны и экономического кризиса они, как во всей остальной Средней Европе, так и в Венгрии, пошерпели полный крах и обнищали. Им больше нечего терять, почему они и склонны к восстаниям. Они живут на определенное жалование, которое постоянно отстает от непрерывно повышающихся цен. Число чиновников достигает в Венгрии в настоящий момент 25.000. Потребительское общество чиновников снабжает 800.000 чел. Десять процентов населения страны являются, таким образом, государственными служащими. Недовольство и агрессивность этих слоев чрезвычайно усиливается притоком сотен тысяч беженцев. Из областей прежней Венгрии, которая была в три раза больше теперешней, бежала в маленькую нынешнюю Венгрию вся говорящая по-венгерски интеллигенция. В старой Венгрии родным языком интеллигенции всюду был венгерский, ибо прежде венгерское государство было ни чем иным, как аппаратом говорящих по венгерски господствующих классов для систематич

ского угнетения не только трудящихся масс, но и буржуазии других национальностей. Все центральное, государственное и местное, комитатское управление, школа и пресса, церковь, литература, театр и наука искусственно принуждались к пользованию венгерским языком во всей стране, не исключая и румынских, словацких и сербских областей.

Все эти говорящие по венгерски судьи и вице-нотариусы, бургомистры, учителя и профессора, адвокаты, железнодорожники, журналисты и чиновники всех категорий сотнями тысяч покидали «уступленные» области и переселились теперь в Венгрию. Обнищавшая, благодаря войне и последовавшему за диктатурой пролетариата разгрому страны румынскими боярами, Венгрия, конечно, не в состоянии содержать всю интеллигенцию прежней Венгрии, которая была в три раза больше; она не в силах прокормить и оплатить даже офицерский корпус белой гвардии и штат чиновников активно действующего аппарата контр-революции. Сотни тысяч чиновников-беженцев существуют на нищенские субсидии и в большинстве случаев не имеют даже пристанища. Правда, в Будапеште насильно реквизируются большие квартиры богатых евреев, но несмотря на это, часть беженцев живет в железнодорожных вагонах. Официоз правительства «Uj Nemzedèk» пишет: «Жилищная нужда губит и венгерский транспорт. Как известно, 4.500 товарных вагонов из шюттерского вагонного парка венгерских государственных железных дорог заняты под жилье. С несомненностью установлено, что треть вагонного состава государственных железных дорог все еще не может выполнять своего назначения». Вагонные обитатели даже учредили для защиты своих интересов особый союз.

Эта бежавшая от нужды и кое-как прозябающая интеллигенция является важнейшим, самым активным элементом белого большевизма. Она требует жилищной диктатуры, т. е. реквизиции квартир богатых евреев. Она требует отнятия у евреев концессий на кинематографы, киоски и гостиницы и передачи всего этого в ее руки. Эти элементы заставляют правительство, которое по отношению к ним находится в совершенно беспомощном положении, провозглашать антикапиталистические лозунги. Если посмеет шевельнуться промышленный или сельский пролетариат, то правительство, нисколько не стесняясь, может на это ответить ружейными и пулеметными залпами. А в случае восстания контр-революционной интеллигенции правительству белого террора очень трудно было бы прибегнуть к силе, ибо эта интеллигенция ведь кровь от крови его и плоть от плоти его. Белые террористские банды кадровых и запасных офицеров суть не что иное, как составные части той же интеллигенции. Аппарат белого террора совершенно непригоден поэтому для насильственного подавления этой мятежной контр-революционной интеллигенции. Она является в Венгрии единственным общественным слоем, который пользуется свободой собраний, союзов и печати. Ее организацию составляют многочисленные офицерские отряды, офицерская организация «Мове», Союз Пробуждающихся Мадьяр, министерские и университетские батальоны. Эти организации, как теперь жалуется все более ориентирующееся на крупное землевладение и крупную буржуазию правительство христианского курса, образуют государство в государстве, не подчиняются распоряжениям правительства, мешают своими «индивидуальными выступлениями» проведению в жизнь правительственных мер, являются более террористическими, чем белый террор правительства. Это те элементы, которые не только кастрируют в Будапеште рабочих, но и убивают и грабят богатых купцов и евреев. Они не только грабят рабочие кассы, врываются в помещения профсоюзов, но с револьверами в руках грабят публику и в буржуазных кафэ и клубах; не только выбрасывают пролетариев из квартир, предоставленных им во время диктатуры, но вселяют также при помощи вооруженной силы беженцев, живших до сих пор в вагонах, в квартиры банкиров Леопольдштадта. Они не только изгоняют сельский пролетариат из социализированных во время диктатуры пролетариата усадеб, но организуют также вооруженные банды для разграбления в венгерской части Альфельда поместий богатых евреев и магнатов. Вождями этих элементов являются Фридрих и Хейяс.

Чрезвычайно многочисленная масса чиновничества и беженской интеллигенции, оказавшаяся в отчаянном положении, является в тоже время наиболее агрессивной носительницей идеи территориальной неприкосновенности. Современная урезанная Венгрия эти слои удовлетворить не может. Чтобы окончательно не погибнуть, не опуститься в ряды пролетариата,—эти элементы ничто так не ненавидят, ничего так не боятся, как физического труда—они должны восстановить прежнюю Великую Венгрию. Потеря Словакии, Трансильвании, Бачки и Западной Венгрии означает для них потерю должностей, а обратное завоевание этих областей обещает им возвращение на службу, с жалованием, квартирой и всем прежним влиянием. Лозунг этих элементов: «В Великой Венгрии—рай, в теперешней помирай». На их знамени начертано: «Никогда! Никогда! Никогда!», что должно выражать протест против Трианонского мира, против раздробления страны. Уже давно находящиеся под чешским, румынским и сербским господством комитаты все еще устраивают в Будапеште общие собрания. Бежавшие из Пресбурга и Клаузенбурга университеты и поныне именуют себя Пошонским и Колошварским, хотя Пошони уже давно называется Братислава, а Колошвар—Клуй. Зельмечская горная академия, уже несколько лет находящаяся в Сопроне, продолжает называться по прежнему. Эта отчаявшаяся, борющаяся с ужасающей нуждой, исполненная туманной мании величия и стра-

дающая болезненным шовинизмом интеллигенция и в настоящее время является наиболее активной и агрессивной движущей силой венгерской политики. К ней примыкает разоренный капитализмом элемент мелкой городской буржуазии, также боящийся пролетаризации, и тот офицерский элемент, который, лишившись прежнего положения благодаря Трианонскому миру, хотя и благополучно устроился при режиме адмирала Хорти в разных белогвардейских формациях, носящих название «городской охраны» или «пожарной команды», все-же постоянно трепещет за свое будущее. Далее, к ней примыкают не окончившие университета студенты, потерявшие место чиновники, разорившиеся купцы, короче говоря—все, кого долголетняя война выбила из прежней колеи и лишила возможности вести привычный образ жизни,—все, кого Трианонский мир и экономический кризис навсегда лишили средств к существованию.

Все эти отчаявшиеся, доведенные до нищеты, боящиеся окончательной пролетаризации, сбитые с толку беспокойные элементы вначале поддерживали Хорти и христианский курс. Однако разочарования следовали за разочарованиями. Христианский курс не в состоянии обеспечить им ни жилища, ни средств к существованию. Хорти подписал Трианонский мир, Хорти пришел к соглашению с чехами и отдал себя в распоряжение Антанты. Хорти не придпринимает ни одного шага для восстановления территориальной неприкосновенности. Отчаявшиеся и пропрезвившиеся слои эти все резче выступают против Хорти и все большими массами переходят в лагерь карлистов. В них мы видим странную смесь красно-бело-зеленого шовинизма с черно-желтым легитимизмом, ракошиевского духа с обожанием Габсбургов. В той же мере, в какой христианский курс превратился в господство помещиков и капиталистов, т. е. поскольку белый большевизм докатился до либерального католицизма и поскольку провозгласивший территориальную неприкосновенность Хорти дошел до подписания Трианонского мира и сделался ставленником Антанты, постольку же эти элементы превратились из опоры государства Хорти в орудие для его разрушения.

Только учитывая все это, только уяснив себе роль указанных слоев, можно разобраться в современной венгерской внутренней политике и во всем западно-венгерском вопросе. Организаторами и режиссерами западно-венгерской авантюры являются вожди этих слоев, Фридрих и Хейяс. Фридрих, главный руководитель левого крыла карлистского движения, ирредентизма, ненависти к Трианонскому миру и антихортизма, ясно и открыто провозгласил новый лозунг: «Единственный выход—это самим завоевать себе отечество. Остаток венгерского государства не в состоянии содержать чиновников, содержать этот колоссальный аппарат... Великой Венгрии посвящена моя авантюристическая политика... Я больше не политик, не депутат, а только солдат, и, как солдат, я до последней капли крови буду бороться за возвращение отторгнутых областей!»

Западно-венгерская авантюра является первой попыткой возвратить «отторгнутые» области. В Западной Венгрии банды Фридриха боролись не только за нее, но и за Трансильванию и Словакию. Они состоят, главным образом, из беженцев-интеллигентов, трансильванцев, зеклерцов, слушателей земледельческой горной академии, студентов, офицеров запаса, отставных и кадровых офицеров и беженцев-чиновников. Часть этого элемента (зеклерцы и воспитанники зельмечской горной академии) боролись и в рядах армии диктатуры пролетариата, в надежде, что диктатура пролетариата вернет «отторгнутые области».

Как только Фридрих и карлисты зашевелились, Хорти тоже не мог оставаться пассивным. Его популярность и без того тает, даже среди самых убежденных его приверженцев. Если он окончательно сдаст позицию территориальной неприкосновенности, он подготовит свое собственное падение. Поэтому Хорти вынужден был поддерживать карлистскую авантюру фридриховцев, хотя он и сознает, что банды Фридриха, в случае успеха, обратятся против него. Хорти участвовал в западно-венгерской авантюре против своей воли, ибо она противоречит его интересам. Он держится теперь, главным образом, благодаря тому, что Малая Антанта, считает его пребывание на венгерском престоле меньшим злом, чем возвращение Габсбургов.

Пока весь христианский курс нераздельно поддерживал Хорти, внешняя политика правительства была ясна и понятна. Ее квинтэссенцией был «договор, заключенный в Геделле». Этот договор был не чем иным, как сдачей Франции в аренду венгерской национальной армии для похода против Советской России. Его заключение поставило бы Венгрию в то же положение, в котором сейчас находятся Польша и Румыния. Венгрия превратилась бы в вассала Франции в борьбе с Советской Россией. Окончательному заключению этого договора помешало сопротивление Англии и Малой Антанты. С того момента, как пути Хорти и карлистов разошлись, в венгерской внешней политике борятся два направления. Первое из них—это направление Хорти, стремящегося стать наемником Антанты, договориться с Малой Антантой и обещающего отказаться не только от Габсбургов, но и от «отторгнутых областей», если ему дадут вооружить национальную армию и сделают небольшие территориальные уступки: вернуть Чаллокез, находящийся в руках чехов, и Сопрон с окрестностями, отданный австрийцам. Второе направление образуют карлисты. Они не желают примириться с Трианонским миром и намерены начать борьбу, если не с Польшей, то с Малой Антантой. Они хотят при помощи некоторых кругов французской и английской дипломатии вер-

нуть Габсбургов и готовятся к обратному завоеванию Словакии и Трансильвании.

В западно-венгерской авантюре участвовали вооруженные силы обоих направлений. Хорти знал, что эта авантюра могла стать для него роковой, ибо он понимает, что если Фридриху удастся основать «самостоятельное, независимое и нейтральное» западно-венгерское карлистское государство, то последнее вступит с ним в смертельную борьбу и вернет на престол Карла Габсбурга. Если же это не удастся, если Большая или Малая Антанта задушит авантюру вооруженной рукой, то в общем крушении может погибнуть и он вместе с карлистами. Несмотря на это, он вынужден был принять участие в авантюре и стремится теперь выпутаться из нее при помощи переговоров. Он готов удовлетвориться Сопроном и окрестностями. Но только он; а карлисты на это не согласны.

Тщетно Хорти эвакуирует теперь Бургенланд, карлисты его не эвакуируют.

Таким образом, Венгрия Хорти и Фридриха со всеми ее слепыми внутренними противоречиями является сейчас клином, вбитым в тело Малой Антанты, препятствием для ее укрепления, для ее окончательной единой организации. Но так как единственный истинный смысл существования Малой Антанты—это угроза против Советской России, то ирония судьбы заключается в том, что самое антибольшевистское государство в Европе, Венгрия адмирала Хорти, является в настоящий момент наиболее серьезным препятствием для установления в Средней Европе прочного, единого антибольшевистского фронта.

3. Соглашение между Малой Антантой и Хорти.

Под давлением буржуазии Большой Антанты и для уменьшения сил собственного пролетариата, правительства Малой Антанты стремятся во чтобы то ни стало договориться с Хорти. При наличии различных карлистских движений (наиболее активные карлисты—в Словакии, Австрии, Венгрии и Хорватии), соглашение это было бы в интересах не только Хорти, но и Малой Антанты. Последняя стремится установить свою гегемонию в государствах бывшей австро-венгерской монархии. Относительно Австрии это в значительной степени удалось, теперь черед за Венгрией. Эту цель преследуют свидания в Братиславе и Брюнне. Во имя той же цели «демократ» и «республиканец» Бенеш сел за один стол с представителем нынешней Венгрии, роялистом графом Банри.

Малая Антанта проделала, в общем, значительную эволюцию. Она образовалась под знаком «демократии, республики и соглашения с Советской Россией». Но внутренняя классовая борьба в составляющих ее странах все сильнее изменяет направление ее внешней политики. Крупные успехи коммунистического движения в Югославии, всеобщая забастовка в конце 1920 г. в Румынии и грандиозная всеобщая забастовка в Чехо-Словакии были поворотным пунктом не только во внутренней, но и во внешней политике. Во внутренней политике демократия сменилась белым террором против рабочего движения в Румынии и Югославии и преследованиями коммунистов в Чехо-Словакии. Во внешней же политике место соглашения с Советской Россией заняла война с ней. Румын Авереску начал с программы мира с Советской Россией, теперь же руководит румынской мобилизацией, направленной против Советской России и Украины.

Румыния, сознающая свою внутреннюю слабость, только в том случае может рискнуть на военную авантюру против Советской России, если, кроме французских денег и боевых припасов, ей будет обеспечена активная поддержка Чехо-Словакии и Югославии. Малая Антанта—не только политический, но и военный союз. До тех пор, пока между Румынией, Югославией и Чехо-Словакией лежит неразоруженная Венгрия, пока существует венгерская национальная армия и пока Малая Антанта не уверена, в какую сторону эта армия обратит свое оружие, она не может решиться на вторжение в Советскую Россию. Попытки придти к соглашению с Хорти имеют, таким образом, целью развязать руки Малой Антанте для готовящейся борьбы с Советской Россией. Ей необходимо договориться с Хорти, поддержать его борьбу с пролетариатом и карлистами, чтобы Румыния спокойно могла двинуть свои войска из Трансильваний в Бессарабию, не опасаясь, что армия Хорти ударит ей в тыл и венгерская ирредента в Трансильвании устроит восстание в самый решительный момент. Она должна придти к соглашению с Хорти для того, чтобы Чехо-Словакия была в состоянии безбоязненно двинуть свои войска на помощь сражающейся с Красной Армией Румынии, не опасаясь за участь Словакии. Без соглашения с Венгрией Хорти, подготовка Малой Антантой войны с Советской Россией является неполной как в дипломатическом, так и в военном отношении. Только соглашение с Хорти, укрепление его позиции против карлистов и разрешение западно-венгерского вопроса при помощи компромисса в ущерб Австрии и в пользу Хорти—что отняло бы почву у карлистской агитации—позволит Малой Антанте, не опасаясь Габсбургов, приступить к осуществлению своей главной задачи, к удушению Советской России.

Соглашение Малой Антанты с Хорти означало бы следующее:

1) Укрепление режима Хорти и, тем самым, новый сильный написк для подавления просыпающегося венгерского рабочего движения.

2) Полную изоляцию австрийского пролетариата и оставление его на произвол судьбы пред лицом габсбургской опасности.

3) Окончательное уничтожение последних остатков чешской демократии, ожесточеннейшие преследования, по юго-славянскому и румынскому образцу, направленные против чешского пролетариата, толкаемого к выступлению экономическим кризисом.

Соглашение с Хорти, таким образом, повлекло бы за собой—непосредственно: значительное уменьшение силы сопротивления всего пролетариата на территории бывшей австро-венгерской монархии, сильное укрепление позиции буржуазии в государствах Малой Антанты и в балканских странах, а косвенно—благодаря угрозе Советской России—ослабление всего средне-европейского пролетариата.

4. Окончательное распадение Австрии.

Своим соглашением с Хорти и Большая и Малая Антанта предали Австрию. Австрия, руководимая своими социал-демократами, первая полностью подчинилась господству Антанты. По желанию Антанты социал-демократы окончательно разоружили Австрию. Социал-демократы, исполняя волю Антанты, в свое время предали Венгерскую Советскую Республику и предают теперь ежедневно Российскую. Австрия, под руководством социал-демократов, строила всю свою политику, главным образом, на надежде получить кредит у буржуазии Антанты, т. е. на величине совершенно проблематической. Герои II½ Интернационала, Отто Бауэр, Фриц Адлер и Реннер, постоянно кричали, что только ориентация в сторону Антанты и союз с христианско-социалистической буржуазией могут спасти австрийский пролетариат от белого террора и голодной смерти. В результате этой политики — как теперь они сами, бия себя в грудь, ежедневно признают—австрийскому пролетариату никогда еще не угрожали так сильно, как теперь, террор габсбургской реставрации и ужасная опасность физической смерти от голода.

Австрия благополучно докатилась до самого дна пропасти. Финансовый крах—полный, валюта обесценена, продовольственное снабжение зависит от заграницы, но в иностранной валюте Австрия не в состоянии платить. Отчаянная паника потребителей и спекуляция на валюте разных «дельцов» привели страну к полному бестоварью. Напрасно перекупщики загребают все большие барыши, число безработных растет непрерывно. Правительство переживает один кризис за другим. Неустойчивость производства увеличивается до невыносимых размеров, благодаря угрожающей все новыми ужасами неустойчивости финансового и политического положения. Антанта ежедневно обещает кредиты, но до сих пор никаких признаков этих кредитов не видно. Социал-демократия вырабатывает финансовую программу для спасения буржуазного государства, однако неблагодарная буржуазия не желает заботиться о своем спасении. Вместо кредитов, Антанта подарила Австрийской Республике Западную Венгрию, т. е., другими словами, возложила на нее обязанность охранять границу в 250 километров длиной от вторжения венгерских карлистских банд; в результате: вместо внешних кредитов от Антанты—многомиллиардные военные расходы. Падение валюты влечет за собой еженедельное вздорожание на 100% не только изделий промышленности, но и продуктов питания; одна часть рабочих за другой об'являет забастовку, чиновники требуют все нового повышения жалованья. Государство не перестает печатать все новые миллиарды денег, каждый выпуск которых увеличивает дороговизну на 100%. Бюрократия профсоюзов исполняет свой долг: она прилагает все усилия к тому, чтобы при помощи своей сдерживающей политики заставить рабочих и дальше голодать, и старается спасти буржуазное государство, пока это еще возможно. Однако, пролетариат уже не так послушен, как раньше. Большая железнодорожная забастовка, которая вспыхнула против воли бюрократии профсоюзов и которую не удалось сорвать, несмотря на все усилия бюрократии профсоюзов и социал-демократической партии, ясно показала, насколько пошатнулось влияние профсоюзной бюрократии. Руководящий орган австрийского чиновничества «Нейе Фрейе Прессе» был совершенно прав, говоря в связи с железнодорожной забастовкой о кризисе государства и профсоюзов. Австрийское буржуазное государство фактически существует сейчас только благодаря профсоюзной бюрократии, так что кризис профсоюзов действительно является также и кризисом государства. В пролетарских массах уже началось сильное брожение, началось массовое движение выхода из социал-демократической партии, хотя второй фазис этого движения—обращение к коммунизму—еще не наступил. Все ярче проявляющаяся тенденция пролетарских масс: «прочь от социал-демократии», дополняется все с большей силой пробивающейся тенденцией мелкобуржуазных и крестьянских масс: «прочь от Вены, прочь от Австрии». Сепаратистское движение с новой силой вспыхнуло в Тироле и Зальцбурге. Вырисовываются два направления: одно стремится освободиться от социал-демократической Вены, чтобы соединиться с Баварией под властью династии Виттельсбахов в клерикальную монархию с господством офицеров и богатых крестьян. Второе направление—карлистское. Его цель—об'единение с Венгрией, т. е. восстановление, хотя и в уменьшенном виде, австро-венгерской, также клерикальной, монархии с Габсбургами на троне. Из двух австрийских правительственных партий — христианские социалисты склоняются к карлистам, а пангерманисты, будучи антикарлистами, смотрят в сторону Баварии. Но политику правительства, собственно говоря, не направляет ни одна из образующих его буржуазных партий. Эта политика определяется, в первую очередь, мощно организованными рабочими массами.

Финансовый, правительственный, государственный и профессиональный кризис достигает крайней остроты, благодаря кризису во внешней политике, в связи с вопросом о Западной Венгрии. По приказу Антанты Австрия послала в Западную Венгрию своих жандармов. Однако, банды Фридриха и Хейяса разбили их и заставили отступить. Впрочем, карлистских австрийских жандармов не особенно то надо было и гнать, так как они и без того не хотели сражаться с венгерскими карлистами. Под давлением социал-демократической партии австрийское правительство против своей собственной воли предприняло попытку занять Западную Венгрию силами ничтожной австрийской армии. Генералы Антанты, высшие покровители адмирала Хорти, этого не допустили. Ободренные этим банды Фридриха вторглись на австрийскую территорию. Австрия была вынуждена перебросить с венгерской границы свое ополчение. Это ополчение, хотя социал-демократы и изгнали из него коммунистические элементы, все еще состоит из пролетариев, командование же, офицеры — из карлистов. Не только часть австрийских гражданских властей и командного состава жандармерии, но и офицеры ополчения в настоящее время постоянно поддерживают тайные сношения с венгерскими бандами. В случае серьезного столкновения австрийское ополчение, состоящее всего из 18.000 человек, хотя мирный договор и разрешил повысить его численность до 30.000, ни при каких условиях не могло бы вступить в бой с венгерской и австрийской реакцией. Реакционная буржуазия Тироля и Штирии, располагающая вооруженными организациями, так называемым местным ополчением, в таком случае, как она это открыто заявила, отказалась бы выступить против Хорти и ударила бы в тыл австрийскому пролетариату. В самой Вене один контр-революционный заговор сменяется другим, «черно-желтая партия» роялистов и «офицерский союз фронтовиков» конкурируют, так сказать, в открытую.

Австрия находится накануне гражданской войны. Офицеры-заговорщики и крестьянские местные ополчения уже вооружены. Пролетариат все громче требует оружия. Христианские социалисты, хотя и враждебные Хорти, исключительно из склонности к его врагам-карлистам, высказываются против вооружения пролетариата. Пангерманисты, ненавидя Габсбургов и заранее крича «караул» по поводу их реставрации, все же боятся вооружения пролетариата и предпочитают «вооружить народ», т. е. поддерживающие их буржуазные и крестьянские слои.

Между тем, борьба с бандами на австрийско-венгерской границе все время продолжается. Постановления Венецианской конференции забыты, и карлистские банды Фридриха, когда наступит благоприятный, по их мнению, момент, ворвутся в австрийские владения и пойдут на Винернейштадт и Вену, не встречая серьезного сопротивления. Вождь венгерских карлистов, граф Юлий Андраши, громогласно заявлял, что западно-венгерские повстанцы находятся всего лишь в одном переходе от Вены. Банды бунтовщиков уже сейчас открыто ведут в австрийской армии и на австрийской территории карлистскую пропаганду. В своих прокламациях они печатают габсбургский гимн «Боже Храни».

Какая ирония судьбы! Венгерские карлисты предают проклятию за большевизм то самое христианско-социалистическое, пангерманское австрийское правительство, которое больше, чем кто либо другой, содействовало укреплению карлистского господства в Венгрии. Австрийские социал-демократы, своей изменой сделавшие все, что только было возможно, для свержения Венгерской Советской Республики и перехода власти в руки Хорти, теперь в страхе ожидают нападения венгерской национальной армии. Реннер в августе 1920 г., в момент предварительного заключения Теделлского договора почтительнейше заявил в качестве австрийского министра иностранных дел, что, учитывая русскую опасность, он понимает необходимость венгерских вооружений и против них не возражает, а только просит, чтобы они не были направлены против Австрии. Он уже тогда должен был знать, что штыки Хорти угрожают не столько «восточному большевизму», для которого наступление нескольких венгерских дивизий, право, не представляет серьезной опасности, сколько австрийскому полусоциал-демократическому правительству, которое приверженцы Хорти как раз и окрестили «западным большевизмом». Год тому назад социал-демократ Реннер «понимал» вооружение Хорти и Фридрихов против русского пролетариата, хотя в первую очередь оно было направлено против венгерских рабочих. Теперь, когда штыки Фридриха и Хорти грозят смести с лица земли австрийскую социал-демократию, этот мудрец хватается за голову, бросается в отчаянии в Прагу, помогает устранять разногласие между чешской и немецкой буржуазией, стремится отдать немецкую социал-демократию в услужение чешскому государству — и все лишь для того, чтобы выклянчить для австрийской социал-демократии и буржуазии дипломатическую, а в случае надобности и военную поддержку у Бенеша и Массарика. Для полного распадения Австрии недостаточны были мировая война и С.-Жерменский договор, экономический кризис и нападение западно-венгерских банд, карлистская опасность и Хорти, — для этого требовалось полное и окончательное разложение австрийской социал-демократии и профсоюзной бюрократии.

5. Необходимость использования разногласий между буржуазными государствами.

Кроме разногласий между Малой и Большой Антантой, расхождения интересов чешской и венгерской буржуазии, партийных раздоров между хортистами и карлистами и

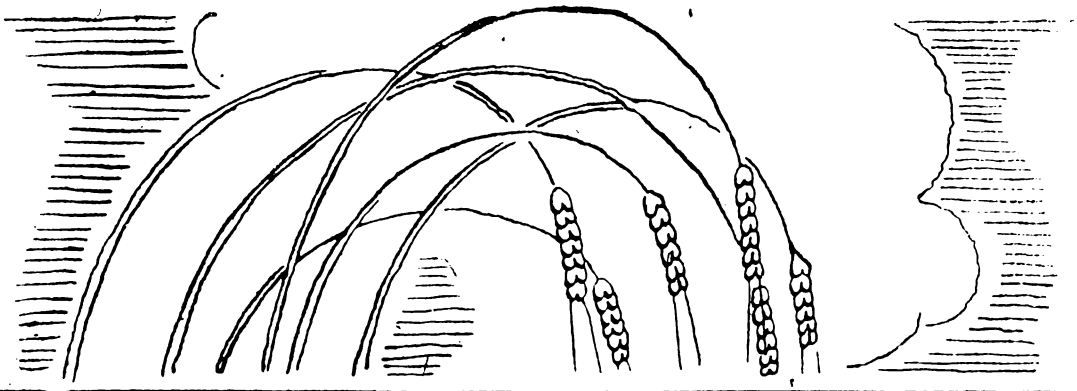
борьбы в среде австрийских христианских националистов, есть еще и другие противоречия интересов, мешающие буржуазии придунайских и балканских стран действовать в полном единении против пролетариата и России. Одно из важнейших разногласий—существует между Югославией и Италией. Это разногласие между итальянской и югославянской буржуазией было вызвано вопросами об Албании, о Фиуме и о проходящем вдоль Западной Венгрии югославянском и чешском коридоре. Борьба между югославянским и итальянским пролетариатом вызвала посредничество Италии в пользу хортистов в западно-венгерском вопросе. Этот раздор побудил Италию созвать, против воли Малой Антанты, Венецианскую конференцию. Наряду с поддержкой французских роялистов, итальянско-югославянский конфликт был главной причиной того, что хортисты не потерпели полного фиаско в западно-венгерском вопросе, и помешал интервенции Малой Антанты в пользу Австрии. Конфликт между Италией и Югославией все больше превращается в важный фактор международной жизни. С одной стороны, он вызывает все большее расхождение между Италией и Францией, с другой же—заставляет Италию искать дружбы хортистской Венгрии против Югославии, а если окажется нужным, то и против Чехо-Словакии.

Пролетариат должен использовать в собственных интересах всю внутреннюю борьбу, происходящую между классами капиталистического общества, и все конфликты между буржуазными государствами. Лишь твердая, сплоченная международная политика пролетариата придунайских и балканских стран может спасти его от организованного буржуазного террора и уменьшить опасность войны, грозящей господствующему русскому пролетариату. Ни стремящаяся спасти буржуазное государство и поддерживающая правительства стран Малой Антанты политика социал-демократии, ни пустая, бессодержательная пацифистская политика, не могут быть политикой пролетариата. Не в интересах пролетариата вести политику, подобную той, к которой в Чехо-Словакии склоняются некоторые вожди рабочего класса, т. е. политику, главный лозунг которой гласит: мы не пожертвуем ни одним чешским пролетарием ради очищения Западной Венгрии! Эта расплывчатая пацифистская политика, собственно говоря, — близорука даже с пацифистской точки зрения, ибо мир с Венгрией Хорти означает, при современном международном положении, не что иное, как войну с Советской Россией. Новая же война с Советской Россией была бы мировой войной буржуазии с пролетариатом. Учитывая возможность прорыва пролетарского фронта, считаясь с возможностью прорыва фронта Советской России, пролетариат должен примириться с местной войной между Чехией и Венгрией. Пацифистская политика мира во что бы то ни стало—не коммунистическая политика. А при современном положении эта политика не является даже дальновидной и с точки зрения пацифизма, как такового.

Не пригодна для пролетариата также и политика чешской и австрийской социал-демократии. Чешская социал-демократия слепо следует Бенешу, австрийская же, с какой-то извращенностью поддерживающая капитализм, образует в настоящее время не только в Австрии, но, благодаря экскурсиям Реннера, и в Чехо-Словакии, главную опору государства.

Политика же венгерской социал-демократической партии—это подлая измена интересам пролетариата, это политика, постоянно колеблющаяся между поддержкой хортистов и карлистов и устойчивая лишь в отношении измены пролетариату. Ее достойно дополняет политика буржуазных радикалов и независимых социалистов венгерской эмиграции, преследующих своей безнадежной любовью союз чешской, румынской и югославянской буржуазии и стремящихся таким путем свергнуть Хорти. Политика господ Реннера, Кунфи и Яши в равной степени опирается на Бенеша и Массарика. Но ни один из них не решается опереться на мощь пролетариата, на чем, главным образом, должна быть основана коммунистическая политика. Мы должны добиться международного об'единения пролетариата придунайских и балканских стран, чтобы эти об'единенные пролетарские силы были в состоянии прорвать смыкающийся в настоящий момент фронт Малой Антанты и хортистской Венгрии. Австрийская Коммунистическая Партия должна требовать вооружения рабочих, а Венгерская Коммунистическая Партия—энергично вмешаться в пробуждающееся к новой жизни венгерское рабочее движение и при помощи широко поставленной военной пропаганды дезорганизовать мобилизованные Хорти крестьянские массы. Болгарская Коммунистическая Партия должна стараться не допустить соглашения между румынской и болгарской буржуазией. Но важнейшая задача лежит на Чешской Коммунистической Партии: наши чешские товарищи должны помешать соглашению между Бенешом и Хорти. Находящиеся в разных странах отряды Коммунистического Интернационала должны сплоченно выступить на борьбу с Малой Антантой, стремящейся в настоящее время политическим и дипломатическим путем превратить свои армии в единое целое.

ИОСИФ ПОГАНИ.

ГРЯДУЩИЙ КРАХ ГЕРМАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ.

I.

Итог последних трех лет.

На днях исполнилась трехлетняя годовщина крушения германского империализма. Три года прошло с тех пор, как бразды правления выпали из рук феодальной касты, которая под давлением капитала, стремящегося расширить сферу своего влияния, вовлекла Германию в войну, проиграла эту войну и тем самым надолго лишила германскую буржуазию возможности играть роль самостоятельного фактора в мировой политике. Эта годовщина наступила в обстановке, дававшей феодальным элементам возможность в свою очередь задать *буржуазии* следующий вопрос: вы говорите, что мы—юнкеры—оказались неспособными управлять Германией, а как же вы сами управляли ею в течение последних трех лет? Буржуазия опять-таки может предложить *социал-демократам* подписаться вместе с нею под итогом этих трех лет, ибо в течение этого периода господа из банкирских контор и господа из социал-демократического секретариата и профсоюзных картелей правили вместе. Итог этих трех лет является, поэтому, *итогом коалиции буржуазии с вождями большинства германского рабочего класса.* Дни этой коалиции сочтены, даже если временно ей удастся расширить свои пределы, став коалицией всех элементов от Стиннеса до Шейдемана. Близок тот день, когда германские рабочие произведут проверку итогов этой коалиции, и подготовка к этому дню должна стать неотложной задачей всех тех, кто предостерегал пролетариат от союза с буржуазией.

Когда в ноябре 1918 г. власть выпала из рук кайзера, буржуазия была не менее разбита, чем класс юнкеров. Власть перешла в руки рабочего класса. Но вожди его большинства ни минуты не верили в возможность самостоятельного управления государством. Они заранее были убеждены в том, что рабочий класс не дорос до гигантских задач, поставленных перед ним крушением германского империализма. В своей неспособности самостоятельно управлять Германией независимые были также твердо убеждены, как и социал-демократы. Привлечение Шиффферов и Эрцбергеров (а вовсе не только военных специалистов) к делу политического управления республикой, которую представляло во внешних сношениях правительство народных уполномоченных, служит лучшим доказательством того, что вся германская социал-демократия, как правая, так и левая, единодушно была того мнения, что пролетариат может преодолеть все трудности только при содействии буржуазии.

Коалиция с буржуазией в самой стране, капитуляция перед Антантой и надежда на помощь Америки—таковы были альфа и омега политики вождей значительного большинства германского рабочего класса. И после всего того, что показал опыт революционного массового движения в Германии за последние три года, если мы не хотим обманывать самих себя, мы должны прямо и открыто признать, *что эта политика была политикой большинства германского рабочего класса.* Германские рабочие отнюдь не думали, что они капитулируют перед буржуазией. Они сознавали свою силу и были убеждены, что коалиция приведет их не к капитуляции, а к значительному улучшению их положения. После нескольких лет тяжелых лишений, нужды и нищеты, им казалось, что если они добьются от буржуазии повышения заработной платы и введения восьмичасового рабочего дня, то это будет весьма существенным улучшением их положения. После нескольких лет полнейшего военного рабства они могли теперь сказать самим себе: мы завоевали демократию, абсолютную свободу движения; вожди наших профсоюзов стали министрами, и ничто в государстве не может быть предпринято без их согласия. Они не падали духом и тогда, когда в декабре 1918 г. на первом с'езде советов принимали постановление о назначении выборов в национальное собра-

ние. Они надеялись на победу рабочего класса демократическим путем и были убеждены, что даже если эта надежда не осуществится, то рабочий класс все же завоюет себе на выборах столь прочную позицию и, идя этим демократическим путем, сумеет добиться такого влияния, что, видя результаты этого, нация на следующих выборах отдаст власть в их руки. День за днем разрушались эти надежды, и, прежде всего, причиной этого была политика социал-демократии. Социалисты большинства заявили рабочему классу, что единственный путь, по которому они могут выйти из нужды и нищеты, это путь демократии, *но едва они успели заявить это, как в тот же день социал-демократия большинства сошла с этого пути.* Ее вожди отлично знали, что единственная революционная организация, могущая быть их серьезным противником—*союз «Спартак»*,-была лишь слабым течением среди рабочих масс, лишенным всякой массовой организации. Со стороны «Спартака» не могло быть поэтому непосредственной опасности на том пути, на который вступила социал-демократия. Тем не менее, социал-демократия поспешила пустить в ход репрессии против коммунистического движения; она провоцировала коммунистов на выступления, расчитывая покончить с этим движением, пока оно еще не окрепло. Начиная с того момента, когда Эберт велел выкатить орудия против засевших в манеже матросов, переходя к январьским волнениям, провоцированным отставкой Эйхгорна, и, далее, к мартовским дням, когда Носке сообщениями об лихтенбергских ужасах сознательно стремился вызвать погром всех революционеров,—социал-демократия все время стремилась искоренить коммунистическое движение вооруженной рукой. В то же время эбертовская республика отказалась от всякой борьбы с контр-революционными элементами, ибо, задавшись целью подавить революционное рабочее движение силой оружия, она должна была опереться на элементы, наиболее подходящие к роли палачей, т. е. на офицеров, стремящихся под предлогом защиты эбертовской республики захватить в свои руки все технические средства для контр-революционного переворота. Результатом борьбы Социалдемократической Партии Германии с революционным рабочим движением было завоевание старым офицерством доминирующего положения в государстве. *Капповский мятеж* был тому наглядным доказательством, и его неудача отнюдь не изменила общего положения вещей. Весь аппарат государственной власти находится в руках белых офицеров. Разница лишь в том, что место неосторожной клики Лютвица заняла теперь очень умная и осторожная клика генерала Зеекта, которая умеет терпеливо ждать. *На шею германской республики старым вильгельмовским офицерством накинута петля, и всецело от воли этих офицеров зависит, когда они найдут нужным, ее затянуть.*

Социалисты большинства отдали политическую власть в руки офицеров, а в экономической области капитулировали перед об'единенным капиталом. В своей агитации они заявляли, что социализм нельзя ввести сразу, что осуществлять его нужно систематически, шаг за шагом, передавая наиболее зрелые отрасли промышленности в руки государства, и постепенно демократизируя управление этих государственных предприятий. Введенные законом фабрично-заводские советы должны были служить для рабочих практической школой управления промышленностью. Исследования и труды Комиссии по Социализации уже сейчас составляют целую библиотеку, а на деле в порядке дня стоит теперь вопрос о передаче государственных железных дорог в руки частных предпринимателей! Смешно было бы даже подумать, что гг. Стиннес и К° хоть на минуту отказались от своих планов. Сначала они, следуя политической манере Стиннеса, грубо выставили свои требования, не учитывая того, что после пятидесятилетнего существования Германской Империи нельзя так просто в один прекрасный день об'явить распродажу с аукциона государственных хозяйственных предприятий частным промышленникам. Обжегшись, благодаря своей неуклюжей грубости, Стиннес и его друзья решили проводить свои планы исподволь, осторожнее. В настоящее время обсуждается вопрос о том, как передать железные дороги заводчикам, сохранив в то же время формальное подчинение их государству. *Социал-демократы с величайшим возмущением выступили против планов Стиннеса, и никто в Германии, где теперь, повидимому, перестали даже следить за собственной политической литературой, не обратил их внимания на то, что план передачи железных дорог в руки частных капиталистов есть детище подлинного духовного вождя германской социал-демократии большинства—Парвуса,* который в своей книге об экономическом возрождении Германии развивает его во всех подробностях. И Парвус выдвигает этот план не потому, что он сам принадлежит к числу участников распродажи Германии с аукциона. *Парвус делает лишь выводы из политики германской социал-демократии.* Ясно, что хаотическое состояние германского хозяйства дольше продолжаться не может. Если демократическая республика путем престирования промышленности и учреждения государственного контроля над ней не положит конца распродаже всей Германии десятками тысяч отдельных спекулянтов, то это сделают германские картели. Крупные акулы не могут, конечно, спокойно смотреть на то, как мелкие хищники растаскивают производительные силы Германии. И нельзя даже утверждать, что с экономической точки зрения «стиннезация» хозяйства не будет предпочтительнее растаскивания его разными мелкими Склярцами. *Отказавшись от всякой попытки внести организованность или хотя бы контроль в народное*

хозяйство, социал-демократы подготовили почву для того, чтобы Стиннес мог выступить в роли спасителя отечества. Крик, поднятый социал-демократами против Стиннеса, против порабощения республики германскими угольными и железными королями, не остановит разбойничьего набега крупных промышленников и банкиров. Сама социал-демократия не верит в то, что современное бесконтрольное хозяйничание частных спекулянтов лучше господства трестов и картелей, которое хотя и означает организацию промышленности в интересах крупного капитала, но все-же является выходом из хаоса. И если социал-демократы не решатся вступить на путь государственной организации промышленности и государственного контроля над производством, то им придется прекратить всякую борьбу против «стиннезации» Германии. Парвус, выступая в своей книге с подобным предложением, высказывает лишь то, что шейдемановцы вынуждены будут сделать в силу об'ективных условий. Германский рабочий класс должен знать, что сейчас речь идет не *о коалиции со Стиннесом, а что настал последний час, и германскому рабочему классу угрожает полная капитуляция перед трестами и картелями, сдача на милость победителей—железоделательных и угольных королей.*

Капитуляция перед германской буржуазией является частичной капитуляцией перед буржуазией всемирной. В ноябре 1918 г. Германия потерпела военный крах. Германские социал-демократы ищут в этом оправдания своей политики. Они говорят: военный разгром германского империализма, нежелание рабочих масс продолжать борьбу даже во имя защиты республики неизбежно должны были привести к подобной капитуляции. Неправильность этого утверждения не трудно доказать. Достаточно раскрыть любую из многочисленных книг, посвященных Версальской конференции, чтобы убедиться в том, насколько остро сами победители чувствовали, что они сидят на вулкане. Кейнс говорит: «казалось, что все, происходящее в Версале, какой-то сон». В самом деле! В момент военного разгрома Германия имела возможность опереться на Советскую Россию; сколько-нибудь боеспособная Польша не отделяла в то время Россию от Германии. Не берясь сама за оружие, Германия могла бы, используя это положение дипломатическим путем, создать для Антанты, страдавшей от внутренних разногласий, величайшие затруднения. При той жажде мира, которая охватывала тогда массы в странах Антанты, Антанте было бы очень трудно продолжать с Германией вооруженную борьбу. Германская социал-демократия вместе с буржуазией, из боязни перед революционной частью пролетариата, предали Германию в руки Антанты. Германская буржуазия стремилась во что бы то ни стало заключить мир с Антантой, чтобы развязать себе руки для ликвидации революционного кризиса внутри страны. Она при этом все еще тешила себя надеждой, что после подписания мира, Антанта скинет еще что-нибудь с пред'явленного счета. Уже в ноябре 1918 г. Шиффер — этот переодетый демократом национал-либерал—заявил в своей речи о финансовом положении Германии, что Антанта не будет в состоянии сама управлять Германией и поэтому пощадит своих приказчиков—германских капиталистов. Эта надежда на амнистию со стороны Антанты оказалась ни на чем не основанной иллюзией. Положение Франции не позволяет ей отказаться от ограбления Германии. Она может пойти на некоторые незначительные уступки, но не считает возможным согласиться даже на такую форму эксплоатации Германии, при которой последняя будет постепенно выплачивать свой долг Антанте, в то же время сама мало-по-малу выходя из экономического хаоса. Спекуляция на амнистию со стороны Антанты превратилась теперь в сплошное надувательство, в которое ни один серьезный человек уже не верит. Разумеется, когда Германия потерпит полное экономическое крушение, тогда перед Антантой встанет вопрос, как выжать причитающуюся ей дань из обанкротившейся страны. Возможно, что она *возьмет германские шахты и железные дороги в залог* и этим завершит гибель Германии, как самостоятельной экономической единицы. Другого выхода у нее не может быть по той простой причине, что все скинутое с пред'явленного Германии счета пришлось бы ей самой возместить Франции. Насколько Англия и Америка спешат ликвидировать долги более слабых союзников, видно из их отношения к вопросу о взаимном аннулировании долгов. У Америки—этого главного кредитора — конечно, нет никаких оснований *выпускать из рук такие средства давления на европейскую политику,* как долги союзников. Германская буржуазия *в финансовом отношении сейчас — полный банкрот.* Уплата первого миллиарда вызвала такое экономическое потрясение, что даже слепым должно быть ясно, что Германия не долго будет в состоянии продолжать политику выполнения версальских обязательств. Парвус, книга которого об экономическом восстановлении безусловно является самым глубоким буржуазным анализом экономического положения Германии и проблемы восстановления, совершенно открыто и совершенно правильно заявляет, что Германия обанкротилась. Если германская буржуазия этого банкротства не признает, то лишь из боязни, что на открытое провозглашение несостоятельности Франции ответит оккупацией Рурской области. Если же Германия в момент, когда она окажется не в состоянии выполнять свои обязательства, проявит желание продолжать платежи и придти к новому соглашению, то Франция, мол, согласится рассрочить уплату долга. Расчет, построенный на благоразумии парижских шейлоков, является открытым при-

знанием полного банкротства германской буржуазной и социал-демократической политики.

Итак, итог трех лет сводится к тому, что *республика* находится во власти *контр-революционеров*, могущих ее в любой момент задушить. Контр-революция располагает армией, в ее руках вся администрация, она может безнаказанно совершать какие угодно преступления, не рискуя даже арестом, не говоря уже о наказании. *В хозяйственном отношении страна переживает банкротство.* Внешне функционирующий промышленный аппарат и судорожные усилия капиталистов не дать ему остановиться, могут ввести в заблуждение лишь самого поверхностного наблюдателя. Увеличение вывоза, вызываемое падением курса марки, неизбежно влечет за собой длительное экономическое ослабление Германии, ибо при ограниченном ввозе сырья вывоз высасывает все экономические силы страны. Растущее обнищание рабочего класса, несмотря на дутую высокую конъюнктуру,—это факт, который германским рабочим доказывать не приходится. Уже то простое обстоятельство, что общее индексное число стоимости германских товаров, которое по исчислениям «Франкфуртер Цейтунг» равнялось в июне 128,. 6 ноября достигло 248, а заработная плата за это время отнюдь не удвоилась, бросает достаточно яркий свет на все положение. Государственное банкротство, приближающееся с каждым днем, сделает экономическое положение пролетариата катастрофическим. *Германская социал-демократия, без поддержки которой за все это время не могло существовать ни одно буржуазное правительство, очутилась перед разбитым корытом.* Ее метод коалиции с буржуазией потерпел неслыханное в истории банкротство.

Германская социал-демократия похлопывает по плечу русских коммунистов, и г. Шейдеман посылает приветствия московским шейдеманам. Германская социал-демократическая пресса несомненно ответит на этот подведенный нами итог четерехлетними итогами Российской Советской Республики и спросит: а разве русские коммунисты не вынуждены теперь, после четырех лет пребывания у власти, идти на величайшие уступки мировому капиталу? Разве они при помощи революционной диктатуры достигли больше, чем мы? Ответ на все эти вопросы может быть очень краток. Представьте себе, что армию, которая билась четыре года, истекая кровью и терпя лишения, и которая отходит на новые позиции, сохраняя в своих руках все важнейшие линии связи и средства борьбы, встречают дезертиры насмешками: «Ага! А мы оказались умнее вас, мы удрали, не сражаясь». Ясно, что бойцы дали бы им такой ответ, воспроизвести который мы здесь не можем!

Для нас важны, впрочем, не споры о прошлом, а вопросы будущего; нас интересуют *не шейдеманы, а те миллионы германских пролетариев, которые до сих пор еще стоят за социал-демократией большинства.* И этим миллионам мы говорим: никогда русские коммунисты не воображали, что коммунизм можно ввести изолированно, в одной только России. Они пошли впереди европейского пролетариата, ибо они должны были это сделать и могли только своим примером воздействовать на рабочий класс других стран. Четырехлетней борьбой, благодаря диктатуре пролетариата, они обеспечили независимость России. Так как западно-европейский рабочий класс не в состоянии так быстро придти на помощь Российской Советской Республике, как мы, коммунисты, этого бы хотели, то последняя вынуждена сделать известные уступки мировому капиталу; за машины, которые она не может получить от пролетариата, ей приходится платить концессиями. Ей необходимо сконцентрировать свои ослабевшие силы для того, чтобы удержать в своих руках важнейшие отрасли промышленности, и поэтому среднюю и мелкую промышленность приходится сдать в аренду капиталистам. *Но власть свою она сохраняет, и эта власть направлена на защиту рабочего класса.* Даже отступая, Советская Россия представляет собою силу, с которой противнику приходится считаться. И насколько он ее боится—это яснее всего видно из того, что он не решается согласиться на делаемые ею уступки, чтобы не усилить ее революционной мощи. *Германия же—это развалина, и ее демократические правительства—простые марионетки в руках правителей Лондона и Парижа.* Причина этого кроется не только в том, что географическое положение Германии не так благоприятно, как—России, но также в том, что *руководящая партия германского пролетариата—социал-демократия, с самого начала отказалась от всякой борьбы, от всякой подготовки к ней и даже от всякой мысли о ней, еще до борьбы сложив оружие.* Все остальное является лишь следствием этих фактов. В настоящий момент германская социал-демократия и германские рабочие массы находятся *на распутьи.* И, может быть, это в последний раз им предоставляется решить, сойти ли им с прежнего пути и, положившись на мощь великого германского рабочего класса, на новом пути искать выхода из создавшегося положения, или же слепо продолжать идти навстречу катастрофе.

II.

Выход.

Хозяйственная проблема Германии состоит в том, что по сравнению с довоенным временем в ней несомненно сократилось производство, уменьшились ввоз и вывоз. И несмотря на то, что таким образом сузилась экономическая жизнь страны, Германия должна платить Антанте громадную дань, должна вывозить миллиардные ценности, не полу-

чая никакого эквивалента. Одновременно с этим, внутри Германии, несомненно, произошло изменение в распределении дохода. Бывшие «верхи» буржуазии потребляют гораздо больше, чем раньше. Промышленность перешла, в значительной своей части, на производство предметов роскоши для имущих классов и занята всевозможными махинациями, единственная цель которых состоит в том, чтобы как можно больше вывозить, получая за свои товары иностранные векселя, которые остаются за границей, т. е. вне пределов досягаемости германского налогового обложения. Такое положение вещей ясно указывает, где именно нужно искать выхода.

Первый вопрос, который напрашивается сам собой, это — *может ли Германия по-просту прекратить дальнейшую уплату контрибуции Антанте?* На этот вопрос приходится ответить *отрицательно.* Внезапный отказ от выполнения условий Версальского мира несомненно повлек бы за собой оккупацию Германии или ее важнейших промышленных областей. Насколько такая продолжительная оккупация оказалась бы выгодной для французского правительства—это другой вопрос. Стоимость этой оккупации, ее политические последствия для самой Франции и усиление экономического краха Германии, несомненно, не увеличили, а уменьшили бы шансы Франции на получение контрибуции. Но на первое время подобная политика привела бы к неограниченному господству союзников в Германии и могла бы, при известных условиях, вызвать социальную катастрофу, отнюдь не напоминающую тот хаос, из которого возникает новое светило, ибо под крылышком оккупационных властей, худшие отбросы германской буржуазии поделили бы власть с завоевателями. Они совместно угнетали бы и обирали рабочий класс. Даже, если бы в Германии рабочему классу удалось захватить в свои руки власть, он бы *не мог играть ва-банк.* Еще в 1919 году товарищи, полемизировавшие с Лауфенбергом и Вольфгеймом, указывали на то, что коммунистическая партия, не несущая никакой ответственности за Версальский мир, тем не менее никоим образом не должна брать на себя обязательство — немедленно же аннулировать его в случае завоевания власти рабочим классом. Не подлежит никакому сомнению, что в случае перехода власти в руки рабочего класса, Антанте, для принятия против Германии мер вооруженного воздействия, пришлось бы преодолеть гораздо более серьезные затруднения. Она бы встретила гораздо более упорное сопротивление со стороны собственных рабочих, чем тогда, когда ей приходится иметь дело с буржуазной Германией. Но пока германский рабочий класс еще не в состоянии завоевать власть. Его господство еще не оказало психологического давления на массы в странах Антанты, и мы должны исходить из того положения, *что Германии в ближайшем будущем приходится считаться с необходимостью уплаты контрибуции Антанте* Такое германское правительство, о котором Антанта знала бы, что оно считается не только с внешней необходимостью, но и с *внутренней невозможностью,* что оно не только строит планы, но и может решиться на серьезный шаг, наверное, могло бы добиться рассрочки и сокращения платежей. Во всяком случае, политика такого правительства должна была бы быть направлена на то, чтобы, учитывая необходимость в ближайшем будущем, выплачивать контрибуцию капиталистическим странам, изыскать в самой Германии *новые источники для этих платежей.*

Каким образом можно производить платежи, *не накидывая петлю на шею рабочего класса?* Только путем развития до крайних пределов производительных сил Германии. Для этого необходимо, прежде всего, удалить и истребить всех паразитов, присосавшихся к германскому народному хозяйству. Дальнейшим мероприятием было бы внесение порядка в экономический хаос, прекращение производства ненужных предметов за счет необходимых. Все это требует *контроля над производством и применения приемов, дающих правительству возможность осуществлять необходимые меры.* Социал-демократы и независимые требуют *обложения золотых ценностей,* а Союз Профсоюзов устанавливает размер этого обложения в 25%. Что же означает обложение золотых ценностей? Государство получит в качестве налога часть акций. *Что же оно с ним сделает?* В этом весь вопрос. Если бы оно продало эти акции за границу, чтобы получить за них иностранную валюту для погашения обязательств по восстановлению, то это только ухудшило бы общее положение. Рабочий класс должен понять, что *обложение золотых ценностей является выходом только в том случае, если оно предоставляет государству возможность оказывать влияние на направление, род и размеры производства и на цены, короче говоря — если бы оно послужило исходной точкой для реорганизации производства, для устранения капиталистической анархии.* Тут не важно уже сейчас определить, какое количество акций должно находиться в руках государства. Это вопрос налоговых потребностей, а не контроля над производством. С этой точки зрения, например, участие государства в основных отраслях промышленности должно быть больше, чем в прочих. Государство должно иметь такую долю участия в производстве, которая позволяла бы ему руководить промышленностью, не прибегая к полной национализации.

Отказ от полной национализации оправдывается не только тем, что для конфискации всех важнейших орудий производства промышленности и крупного землевладения необходимо победить буржуазию в открытой борьбе. Даже если бы рабочий класс и завоевал власть, он не был бы в состоянии сразу взять в свои руки управление всем производством. Ему пришлось бы делать это постепенно. Русский рабочий класс, Россий-

15-я Госуд. тип.

Расстрел. С картины германского художника Гольца

ска: Коммунистическая Партия также не собиралась в 1917 г. одним ударом произвести социализацию всего производства. К этому их впоследствии вынудили обстоятельства. На первое время речь шла бы, как мы уже сказали, о том, чтобы путем руководящего участия государства в промышленности поднять производство и помешать расточению продуктов промышленности. Государство трестировало бы промышленность под своим руководством, не беря управление ею в свои руки. *Производством совместно управляли бы представители прежней частной промышленности, представители рабочих организаций и представители государства.* Так как при подобных условиях все «деловые тайны» находились бы в руках государства, то оно могло бы гораздо целесообразнее использовать продукты производства для уплаты по обязательствам, чем до сих пор. Не продавая в иностранные руки орудий производства, государство имело бы в своих руках серьезные реальные основания для получения заграничного кредита. Рабочие организации могли бы участвовать в фактическом контроле над производством и в управлении им: то участие в экономической жизни страны, которое им предоставлялось законом о фабрично-заводских советах, было одной лишь насмешкой.

Настоящее обложение реальных ценностей, как первый шаг политики, направленной к реорганизации производства, т. е. политики, не укладывающейся в рамки капитализма, конечно, *вызвало бы самое упорное сопротивление со стороны буржуазии.* Опираясь на контр-революционно настроенную администрацию, на реакционное командование рейхсвера и на белые организации, промышленный и финансовый капитал сделал бы все от него зависящее, чтобы сорвать эту политику. Правительство, которое серьезно стремилось бы спасти рабочие массы от непосильного налогового гнета и вело бы серьезную борьбу за реорганизацию промышленности, было бы вынуждено с самого начала принять меры к тому, чтобы не дать себя раздавить. Оно должно было бы поставить во главе рейхсвера офицеров, для которых спасение Германии дороже, чем спасение спекулянтских барышей; ему пришлось бы поработать над рейхсвером, удалив из него все враждебные элементы и заменив их организованными рабочими из профсоюзов; ему понадобилось бы принять меры к тому, чтобы административная власть не находилась в руках реакционеров; оно должно было бы опереться на массы пролетариата и на забитую и загнанную в настоящее время мелкую буржуазию, суметь войти в контакт с деревенской беднотой, внушить всем этим элементам, что речь идет не об экспериментах за их счет, а о политике, которая настолько же в их интересах, насколько и в интересах рабочего класса. *Есть ли такая буржуазная партия, которая согласилась бы поддерживать подобную политику?* Отдельные представители буржуазного класса, если бы перед ними был поставлен вопрос: с кем они пойдут, со спекулянтами или с рабочим классом; что они предпочитают, капитуляцию перед иностранным капитализмом, гибель Германии, превращение ее в иностранную колонию или же рабочее правительство, — может быть, и склонились бы на сторону пролетариата. Но что нет такой буржуазной партии, которая сделала бы подобный же выбор,—это не подлежит ни малейшему сомнению. *Отказ от коалиции с буржуазией является, таким образом, необходимым условием указанной политики.* Без разрыва с буржуазией, всякие разговоры об обложении золотых ценностей и об облегчении положения масс—или обман, или самообман. Для осуществления этой политики необходима другая коалиция—*коалиция рабочих* города и деревни, рабочих как физического, так и умственного труда; необходимо правительство, опирающееся на миллионы организованных в проф. союзы рабочих и служащих, коалиция всех трудящихся, которые не хотят погибнуть от нужды и не согласятся отдать Германию на растерзание иностранным капиталистам.

Лозунг рабочего правительства для спасения германского народа, должен исходить из рабочих масс, которые этот лозунг должен сплотить в железную фалангу. *Эта политика может победить только тогда, когда она будет политикой широких рабочих масс, а не простой комбинацией попавших в затруднительное положение партийных вождей.* Не руководящие органы партии и не парламентские фракции должны будут выносить на себе тяжесть борьбы, а широкие рабочие массы; и только в том случае, если они будут исполнены решимости бороться за свое дело, им удастся, если не совсем выбраться из нужды, то сделать хоть шаг вперед в этом направлении.

III.

Боязнь государственного капитализма

Доступен ли указанный путь Германской Коммунистической Партии? Тот, кто ответит отрицательно на этот вопрос, должен доказать, что, идя по этому пути, партия нарушит интересы германского рабочего класса, что есть другой, лучший путь, который может вывести рабочих Германии из их настоящего положения. *Другого пути нет!* А раз это так, то все возражения, делаемые против вступления на этот путь, основываются исключительно на недовольстве тем, что эволюция Германии пошла не по тому направлению, которое для нас было бы более желательным. Но не мы предписывали истории ее пути, а она указывает нам наши. Аргументы, выдвигаемые против указанного пути, с теоретической точки зрения не выдерживают критики.

Первое возражение относится к тому результату, которого мы, в лучшем случае, можем этим достигнуть: это не коммунизм, а *государственный капитализм* — заявляют нам с разных сторон, ссылаясь на старые дебаты, которые некогда велись в международной социал-демократии о так называемом государственном социализме, т. е., в действительности, о государственном капитализме. Все аргументы, выдвигаемые в настоящее время товарищами в этом споре, повторяют лишь то, что 40 лет тому назад говорилось Жюлем Гэдом и другими «радикальными» социал - демократическими вождями. Мы не можем здесь, за недостатком места, привести все соответственные цитаты из книг и речей Гэда. Каждый товарищ, интересующийся партийной историей, может их найти в изобилующем документальными данными труде Макса Шимпеля: «Взгляд на партийно-историческое прошлое» («Вопрос о монополии и рабочий класс». Берлин, 1917 г., издание «Форвертса»).

Эти аргументы сводились к тому, что государственный капитализм увеличивает мощь капиталистического государства и, препятствуя кризисам, укрепляет капиталистическое общество. Экономическое развитие давно уже опровергло эти аргументы. В настоящее время во всех странах развитого капитализма господствуют тресты и картели с их системой черных списков, от которых отдельный рабочий не может укрыться ни в одном частном предприятии. Переход производства в руки государства в этом отношении не может ухудшить положения. Наоборот, против враждебной рабочим политики государства пролетариат может бороться широким фронтом, в то время как при раздроблении фронта рабочих на изолированные выступления в отдельных предприятиях, они обречены на неуспех, так как капиталисты имеют возможность оказывать друг другу поддержку за кулисами своих союзов, у рабочих же создается такое впечатление, будто борьба ведется не во имя общих интересов, а за интересы той или иной отдельной группы. Что касается того, будто государственный капитализм укрепляет капиталистический общественный строй, то на это возражение каждый германский рабочий может ответить сам. Во всем мире частный капитал стремится уничтожить все остатки системы государственного регулирования промышленности, введенной во время войны. *При таких условиях, требование участия государства в промышленности означает ожесточенную борьбу с буржуазией. В положении, создавшемся сейчас в Германии, когда речь идет о том, чтобы государство конфисковало значительную часть орудий производства путем налогового обложения, т. е. без выкупа,—путь к «государственному капитализму» есть путь революционной борьбы, который при определенных условиях может привести к борьбе рабочего класса за власть.* Некоторые товарищи опасаются, что коммунистическая партия, выставляя подобные требования, тем самым признает, что мы должны неизбежно пройти чрез эпоху государственного капитализма прежде, чем рабочий класс победит. Это-де было бы признанием правоты марксистов типа Кунова, говоривших, что время победы мировой революции еще не настало, что мы должны предварительно пройти чрез эпоху государственного капитализма. Взгляд Кунова был, конечно, неверен. Победа мировой революции не совершается столь механически, что сначала капиталистический класс заботливо подготовляет для нас почву, передавая централизованное производство в руки государства, так чтобы нам потом осталось только взять в свои руки государственную власть, найдя все хозяйство в полном порядке.

Пролетарская революция—как это и было в России—может разразиться еще до превращения частного капитализма в государственный и может победить во всем мире без предварительной победы государственного капитализма. Из этого, однако, не следует, что *в странах, где мировая революция созревает медленно и с трудом, в наших интересах не было бы превращение частной капиталистической монополии в государственную*, что является крупным шагом вперед по пути организационной подготовки социализма, особенно там, где этого требует положение рабочего класса, где изменения, направленные в сторону государственного капитализма, могут оградить рабочих от нового увеличения налогового бремени.

Разве мы не повторяли постоянно, что до тех пор, пока рабочий класс не завоюет власти, нелепо говорить о социализации? Разве мы не боролись с социал-демократическими проектами социализации, называя их шарлатанством? Мы и до сих пор делали это и впредь будем это делать. Время для социализма настанет тогда, когда пролетариат одержит победу над буржуазией. Участие государства в производстве, даже при рабочем правительстве, не говоря уже о коалиции с буржуазией, еще не социализм и не социализация. Это господство капитализма, контролируемого государством. Наша борьба была направлена *против замаскирования этого факта.* Когда германский рабочий класс в конце 1918 г. и в начале 1919 г. пошел на приступ бастилий капитализма, коалиционные правительства старались остановить его натиск уверениями, что социализация уже осуществляется. Мы же говорили рабочим: без завоевания политической власти не может быть никакой социализации. Если вы хотите добиться социализма и сделать орудия производства общим достоянием рабочего класса, то вы должны захватить в свои руки власть и, пользуясь ею, сломить сопротивление буржуазии. Рабочий класс дал социал-демократам обмануть себя. Он не только не добился социализма, но вынужден теперь быть свидетелем того, как частный капитал старается превратить все орудия производства, которые

до сих пор принадлежали государству, частную монополию капитала и взвалить все тягости на плечи рабочего класса, И вот мы говорим: так как рабочий класс в большинстве своем еще не проникнут желанием свергнуть буржуазию и вступить во владение орудиями производства, то он должен, по крайней мере, *хоть отстоять себя от бремени новых налогов.* Он должен, по крайней мере, добиться гарантии того, что его положение не ухудшится до катастрофических пределов. Вступая в борьбу за ближайший этап, за государственный капитализм, он придет к борьбе за дальнейшие этапы, за контроль над производством.

Товарищи, ратующие за обложение золотых ценностей, требующие контроля над производством и в то же время боящиеся слов «трестирование промышленности» и «государственный капитализм»—похожи на того крещеного еврея, который ел по пятницам мясное жаркое, называя его рыбой и заявляя, что, как он сам посредством окропления водой превратился из еврея в верующего христианина, так и мясо это он своей молитвой превращает в рыбу. Но люди, видевшие это мясо, не могли поверить в то, что это—рыба, так же как верующие католики едва ли считали нашего крещеного еврея истинным сыном христианской церкви. У Германской Коммунистической Партии нет никаких оснований прибегать к молитвам для превращения своих требований из мяса в рыбу в глазах широких масс. Наоборот! Она должна помочь рабочим ясно разобраться в том, что они делают и за что они борются. Да и нечего нам бояться сказать рабочим, что в их интересах будет трестирование промышленности и банков и подчинение их контролю государства. Это—отнюдь не новое требование. *Оно было выдвинуто еще в 1919 г., когда мы требовали контроля над производством.* Что такое контроль над производством? Рабочие должны быть в курсе не только того, что фабрикант производит и как он продает, но для них должны быть открыты его «деловые тайны», чтобы они могли бороться с хаотическим состоянием производства, с царящей в нем расточительностью. Поэтому рабочие, выдвигая лозунги контроля над производством, поняли уже в 1919 г., что этот контроль немыслимо осуществлять на каждой отдельной фабрике и, в особенности, собственными силами каждой маленькой группы рабочих. Они боролись за то, чтобы фабрично-заводские советы об'единились по отраслям производства, чтобы в каждой отрасли был введен их централизованный контроль и чтобы была создана общая организация, как в каждом округе, так и во всей стране, для контроля над всей экономической жизнью. Но если фабрично-заводские советы и об'единятся, а каждый завод будет в то же время самостоятельно регулировать свое производство, самостоятельно покупая машины и сырье и продавая товары, то не может быть и речи о централизованном вконтроле над производством. Тогда получится резкое *расхождение между централизацией человеческого материала в производстве и децентрализованной организацией мертвого инвентаря.*

Этот вопрос о связи между государственным трестированием промышленности и контролем над производством не мог так ясно встать перед массами потому, что контроль над производством превратился в пародию, когда были введены законодательным путем фабрично-заводские советы. Борьба за обложение реальных ценностей означает *возобновление революционной борьбы за контроль над производством.* Условия этой борьбы мы должны тщательно раз'яснять рабочим, ничего не затушевывая.

IV.

Рабочее правительство и Коммунистическая Партия Германии.

Пока нет рабочего правительства, рабочий класс может бороться за контроль над производством и за облегчение налогового бремени, но он не может добиться осуществления этих мер. Как же?—возразят на это некоторые товарищи: ведь целью Коммунистической Партии Германии является установление советского правительства. Только в советском правительстве могут принимать участие коммунисты, согласно резолюции по вопросу о правительстве в Тюрингии.

Это—совершенно ложный вывод. Советское правительство—это форма господства рабочего класса. В парламенте, в котором буржуазия составляет даже меньшинство, невозможно провести социализма, не только потому, что такое меньшинство стремилось бы при помощи парламентских уловок помешать пролетарскому правительству действовать быстро и энергично, но и потому, что буржуазия не потерпела бы посягательства парламентского большинства на право собственности, а об'явила бы гражданскую войну этому большинству и его правительству, что вырвало бы почву из под ног общего парламента рабочих и капиталистов. Необходимость советского правительства, т. е. правительства, находящегося в руках пролетарских организаций, состоящих из представителей отдельных предприятий, вытекает из того, что рабочее правительство, прежде всего, должно стремиться к изменению экономических отношений. Поэтому оно должно опираться на общие пролетарские организации, на пролетариат, об'единенный по предприятиям. Базирование пролетарского правительства на советах обеспечивает ему теснейшую связь с предприятиями. Советское правительство будет поэтому формой правления победоносного рабочего класса. Но все это еще нисколько не предрешает вопроса о том, *каким путем мы можем придти к советскому правительству.*

Путь, ведущий к установлению советской власти, может быть таков, что рабочий класс будет терпеть гнет и порабощение до тех пор, пока значительное большинство его не поймет, что победить он может только при помощи диктатуры и власти советов. Но возможен и другой путь, а именно — такой, что рабочий класс будет идти все дальше по пути демократии, завоюет демократическим путем большинство в парламенте, образует рабочее правительство и *лишь затем, благодаря опыту этого правительства, благодаря борьбе, которую буржуазия, пользуясь своими демократическими правами, будет вести с этим правительством, будет вынужден вступить в борьбу за диктатуру.* Коммунисты, которые принципиально отвергали бы эту вторую возможность, доказали бы только, что они — упрямые, оторванные от действительности доктринеры, неспособные вести борьбу на исторически данной почве. Они напоминали бы тех танцоров, которые умеют танцовать только от печки.

Почему же мы в 1918 и 1919 гг. считались только с возможностью первого пути? По той простой причине, что капиталистический мир переживал в то время острый революционный кризис, *период демобилизации.* Во время таких кризисов массы созревают очень быстро, и поэтому была возможность достигнуть цели кратчайшим путем. Нашей обязанностью было избавить пролетариат от трудностей окольного пути. Традиции, усталость пролетариата оказались сильнее, чем мы думали. Буржуазия справилась с кризисом, вызванным демобилизацией. Натиск пролетариата был отбит, и лишь теперь, мало по малу пролетариат начинает снова выходить из своей неподвижности под ударами экономического кризиса, реакции и хозяйственной разрухи. От своих демократических иллюзий пролетариат еще не совсем освободился. Он еще не проникся железной решимостью. Медленно приступает он к борьбе. Но борьба начинается, и внешние условия заставят его бороться все с большей энергией. От науки собственного опыта избавить его мы не можем. *Очень возможно, что во многих странах он должен будет проделать опыт с рабочим правительством.* Что же в таком случае должны делать коммунисты? Должны ли они отойти от пролетариата, противопоставляя его послезавтрашний день его настоящему дню? Это было бы опасной политикой. Они должны *помогать пролетариату освободиться от своих иллюзий путем борьбы.*

Для этой цели они должны разрешить двойную задачу: во первых, показать большинству рабочего класса путем участия в борьбе за цели, выдвигаемые ходом событий и степенью развития пролетариата, что они не эгоисты, думающие о своих собственных интересах, а его лучшие борцы; во вторых, они должны в то же время разъяснить ему, что те методы, которых придерживается его большинство, недостаточны и что необходимо вооружиться более острым оружием. *Итак, они должны бороться совместно с пролетариатом демократическим путем за рабочее правительство и научить пролетариат, какими средствами он может укрепить это правительство, поддержать его в борьбе с капиталом и усилить его.* Только так мы можем достигнуть диктатуры пролетариата и советской власти.

А каким образом мы можем поддерживать не-коммунистическое рабочее правительство? Борясь вместе с рабочими всех прочих партий за необходимые переходные требования и, с полным соблюдением боевой дисциплины, подвергая деловой критике всякую половинчатость, всякое колебание этого рабочего правительства. *Должны ли мы отказаться от участия в этом правительстве?* Должны ли мы его поддерживать только извне, поскольку оно борется с капиталом? *Или мы должны сами войти в это правительство? Если рабочее правительство даст обязательство делать все, что необходимо в данных условиях для борьбы с капиталом, то коммунистическая партия должна принять в нем участие.* Если бы социал-демократы, независимые и вожди профсоюзов — мы опять возвращаемся теперь к конкретным германским условиям — обязались в случае перехода власти в их руки, при помощи налогов добиться для государства такой доли участия в промышленности, которая позволила бы рабочему правительству действительно контролировать производство, чтобы таким путем выполнять, пока это будет необходимо, обязательства по восстановлению; если бы они обязались для осуществления этой политики очистить государственный административный аппарат от реакционных элементов и принять меры к тому, чтобы сделать из рейхсвера орган защиты республики и рабочих интересов; если бы они, далее, обязались сделать все необходимое для того, чтобы обеспечить возможность совместного экономического восстановления Германии и России, ибо без экономического общения промышленной страны с страной земледельческой немыслимо восстановление Германии, — *тогда долгом коммунистов было бы войти в состав такого правительства и взять на себя ответственность за его политику перед всем мировым рабочим классом.* Но если бы это правительство колебалось, не решаясь вступить на указанный, единственно правильный путь, то тогда невозможно было бы взять на себя ответственность за него. Коммунистической партии пришлось бы ограничиться поддержкой его лишь постольку, поскольку оно боролось бы за интересы рабочего класса. Но и в этом случае коммунистическая партия при своей критике рабочего правительства должна была бы действовать так, чтобы не помочь буржуазии свергнуть его. *Следующий шаг вперед по пути к советскому правительству был бы тогда возможен только в том случае, если бы за это высказалось подавляющее большинство пролетариата.* Всякий путь, всякая попытка коммунистического меньшинства использовать разрыв с буржуазией для

свержения рабочего правительства, были бы преступлением. Такая попытка была бы непростительной глупостью, ибо социализм в Германии может победить, только опираясь на большинство рабочего класса. Иного пути к победе не существует.

Мы думаем, что вышеизложенный взгляд не встретит возражения в рядах Коммунистической Партии Германии. Из многострадальной истории германского рабочего класса, из ряда собственных поражений и побед партия почерпнула достаточный опыт, делающий ее вполне зрелой для подобной политики. Об этом свидетельствуют и прения на последних заседаниях расширенного Центрального Комитета партии. Если до сих пор социал-демократы постоянно говорили, что коалиция с буржуазией необходима, так как в рабочем классе не существует единства даже по поводу ближайших задач, то мы не станем теперь спорить, кто был виноват в этом. *Мы констатируем лишь, что, когда встанет вопрос о сплочении рабочего класса для борьбы за жизнь, для того, чтобы вырваться из болота, Коммунистическая Партия Германии* не заставит себя ждать. От социал-демократических партий и вождей профсоюзов будет зависеть успех этого совместного шага.

V.

Социал-демократия на распутьи.

Если бы решение вопроса зависело исключительно от большинства вождей социал-демократии и профсоюзов, то предлагаемая нами политика была бы чистейшей иллюзией. Большинство социал-демократии, высказавшееся в Герлице за союз с наиболее типичными представителями крупного германского капитала, германского империализма и гогенцоллернской монархии, за союз с Германской Народной Партией, сделает, конечно, все от нее зависящее, чтобы уклониться от борьбы с капиталом, без которой невозможно образование рабочего правительства. Не подлежит ни малейшему сомнению, что большинство социал-демократических партийных вождей и сейчас бледнеет при одной мысли об этой борьбе; что они даже теперь, когда Стиннес своим требованием передачи железных дорог частному капиталу показал, к чему он стремится, отнюдь не отказались от коалиции с ним. Но ход событий зависит не только от того, *чего хотят или не хотят вожди социал-демократов, а также от того, к чему их вынуждают обстоятельства.* Хозяйственная разруха в Германии продолжает идти своим чередом. Возможно, что несмотря на катастрофическое падение курса марки, Германии удастся внести следующий платеж. Это однако, только увеличит разруху. А что будет, если Антанта не согласится отсрочить дальнейшие платежи и подвергнуть пересмотру Версальский мир? *Тогда без коренного изменения экономического строя, без обращения к рабочему классу других стран, которое может исходить только от рабочего правительства, нельзя будет спасти даже самое существование Германии, как отдельного государства.* А будут ли рабочие массы по-прежнему безропотно терпеть нищету? Последние нападения на магазины являются грозным предостережением для социал-демократии. *Может создаться такое положение, при котором даже скользкие, как угри, социал-демократы не сумеют извернуться, и им придется выбирать между ответственностью за окончательную катастрофу, за полное порабощение германского рабочего класса, и борьбой!* В такой момент коммунистическая партия должна не только быть сама готова, но она должна приложить все старания к тому, чтобы усилить через профсоюзы давление масс на социал-демократов и поставить перед ними вопрос: хотят ли они *не только надеть ярмо рабства на германский рабочий класс, но и сами погибнуть, как партия?* Необходимо встряхнуть рабочие массы в профсоюзах, так, чтобы их настроение заставило вождей социал-демократии ответить на вопрос: готовы ли они *в последний час* перед катастрофой, пока еще не поздно, решиться на борьбу?

Возможно, что кризис примет более затяжной характер, что Антанта в последний момент, чтобы избежать образования рабочего правительства, сделает уступки германской буржуазии. Возможно, что социал-демократия, отравленная последствиями своей политики военного и послевоенного времени, не найдет в себе мужества и в последний, решительный час. Тогда обнищание германского рабочего класса достигнет крайних пределов, и сбитый с толку политикой вождей социал-демократии и профсоюзов, он не будет в состоянии выступить сомкнутым фронтом, а мы, коммунисты, одни не будем в состоянии отвести от него самый тяжкий удар. Мы будем вынуждены, скрепя сердце, терпеливо продолжать работу организации масс и, будить их сознание до того момента, пока *значительное большинство пролетариата не сплотится около нашего знамени для борьбы на жизнь и на смерть. Но и в этом случае нам ни на минуту не придется раскаиваться в том, что мы выбрали именно этот путь. Наш выбор покажет массам, что мы действовали как их лучшая часть, как передовые их борцы в истинном смысле этого слова, и они устремятся к нам, разрушая все партийные барьеры.* Мы, соглашающиеся во имя общего рабочего дела отбросить все партийные перегородки, будем тогда единственными борцами за благо этих масс и одни добьемся победы.

VI.

Ближайшие задачи.

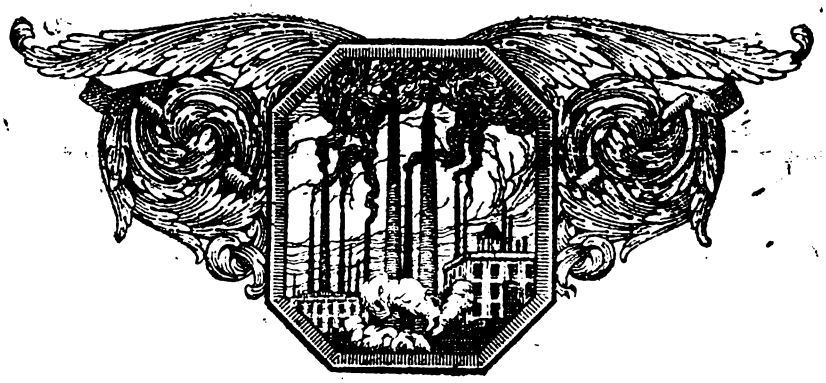
Ближайшие задачи состоят в том, чтобы приспособить партию к указанной нами, единственно возможной революционной по-

литике, превратить каждого коммуниста в пропагандиста идеи сплочения рабочих сил для борьбы, заставить всю партию проникнуться мыслью о том, что мы стоим перед поворотным пунктом и что поэтому партия должна быть большой и сильной.

Вторая задача состоит в том, чтобы во всех без исключения предприятиях Германии ознакомить рабочих с точкой зрения партии, заставить их сомкнуть ряды и об'единиться для общей борьбы, отметая все партийные преграды. Дальнейшим шагом после этой агитационной и организационной работы будет попытка об'единить все партии, претендующие на звание рабочих партий, для борьбы *за роспуск рейхстага, для общей избирательной борьбы сомкнутым фронтом, под лозунгом рабочего правительства*, которое мужественно и решительно вступит в бой с прогрессирующим порабощением германского трудящегося народа.

Вот задачи ближайших месяцев. Только в том случае, если партия сумеет с ними справиться и будет неустанно выполнять их с величайшей энергией и энтузиазмом, она сможет сказать, что исполнила свой долг перед пролетариатом.

Карл БРЕМЕР

НОЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ГЕРМАНИИ.

О ноябрьском перевороте 1918 г. в Германии, о его причинах и всех сопровождавших его событиях уже написан целый ряд книг, дающих весьма противоречивое представление об этом перевороте. Особенно противоречивые взгляды высказываются о действии революционных сил, об'единившихся в союзе «Спартак». Когда читаешь, как Ледебур в своем «Процессе 1919 г.» излагает причины и ход ноябрьского переворота вплоть до январских боев, выставляя себя отцом революции; когда читаешь книгу Эмиля Барта «Из мастерской революции», в которой он называет себя организатором революции; когда читаешь книгу Эдуарда Бернштейна «Германская Революция» и произведения социал-демократических вождей, приписывающих себе заслугу ноябрьского переворота, то получаешь, правда, весьма пеструю, но отнюдь не соответствующую действительности картину. Все эти авторы сходятся в одном: все они осуждают спартаковское движение и его вождей, прибегая для обоснования этого осуждения к подтасовкам и клевете или повторяя эти нападки, не дав себе труда ознакомиться самим с тем, как было дело. Последнее относится, прежде всего, к Бернштейну, который в своей книге сам признается, что он не был тогда в первых рядах движения и не может поэтому говорить, как «участник» его. Тем не менее, он, нисколько не стесняясь, повторяет лживые утверждения, особенно о тогдашней деятельности Карла Либкнехта, сознательно пущенные в оборот другими из политической демагогии или болезненного самолюбия. Это единодушие в клеветнических нападках на спартаковцев вполне понятно, ибо «Спартак» был тогда единственным революционным ядром движения, и его вожди были обличителями того предательства, которым, начиная с первого же дня после ноябрьского переворота и по сие время, было отмечено все поведение вождей Германской Социалдемократической Партии и Независимой Социалдемократической Партии Германии. Поэтому было бы вполне своевременным, хотя бы в самых общих чертах, обрисовать роль спартаковского движения в ноябрьском перевороте вплоть до январских боев 1919 г. Автор этих строк считает себя тем более призванным к этому, что он в то время работал в Центральном Бюро «Спартака», в самом тесном сотрудничестве с Карлом Либкнехтом и принимал непосредственное участие в борьбе.

Поскольку в Германии возможна была сознательная и планомерная подготовка ноябрьского переворота,—заслугу этой подготовки надо целиком приписать спартаковскому движению. Подготовка началась с того момента, когда в августе 1914 г. всеми социалистическими партиями, за незначительными исключениями, была совершена неслыханная измена пролетарским принципам интернационализма. Название «Спартак» было, правда, придумано позже, но это был все тот же кружок товарищей, который сплотился непосредственно после об'явления войны, несмотря на все доносы социалдемократических вождей и на все преследования, для того, чтобы при помощи дискуссий и распространения прокламаций раз'яснять рабочим массам совершенное по отношению к ним преступление. Несмотря на всю брань и клевету, несмотря на все аресты и мобилизации, этот кружок товарищей продолжал свою просветительную работу, не переставая стремиться к тому, чтобы положить конец бойне народов путем международного соглашения с единомышленниками-рабочими в других странах. Социал-демократические вожди при каждом наступлении питали надежду, что победа их правительства и поражение остальных положит конец войне. Они продолжали голосовать за все новые и новые кредиты, продолжали писать о необходимости защиты отечества и «правого дела» и, нисколько не стесняясь, возлагали свои надежды на применение самых варварских способов ведения войны. Между тем, «Спартак» организовал свои силы по всей стране с таким успехом, что оппозиция рабочего класса против военной политики, против гражданского мира между вождями профсоюзов и предпринимателями, против закона о «вспомогательной службе» и введения «брюквенных периодов» усиливалась с каждым месяцем, дойдя, наконец, до стихийных забастовок. В особенности влияли на развитие этой оппозиции парламентские выступления Карла Либкнехта, который при первом голосовании за кредиты, подчиняясь партийной дисциплине, еще не решился открыто проявить свое враждебное отношение к войне, но, при голосовании следующих кредитов, в декабре 1914 г., подал свой голос против них и ясно и определенно высказался против военной политики, засвидетельствовав таким образом перед всем миром, что социалистическая идея интернационализма в Германии еще не захлебнулась в крови и что разговоры о единении германского народа наглая ложь. Как свора раз'яренных псов набросились вожди социал-демократии на «нарушителя дисциплины», их злоба, вылившаяся в безудержном

потоке ругательств по адресу врага отечества, не знала границ, они порвали с ним всякие фракционные сношения. Либкнехт был взят на военную службу, как солдат рабочей команды; таким образом правительство хотело насильно зажать ему рот. Тысячи ищеек были мобилизованы для того, чтобы выследить, где печатаются спартаковские прокламации и кто их распространяет; тысячи рабочих, участвовавших в спартаковском движении, были посланы на фронт, и результат этого был лишь тот, что и там начал распространяться дух сопротивления бойне народов. Лозунг «Долой войну», провозглашенный Либкнехтом, который был тогда солдатом рабочей команды, на первомайской демонстрации 1916 года в Берлине, стал зажженным во тьме маяком для все растущего спартаковского движения. И хотя Либкнехт был заключен в тюрьму и Роза Люксембург подвергнута аресту, никакие тюремные стены не могли заглушить их пропаганду против войны. В «письмах Спартака» и маленьких агитационных листках, выходивших из под их пера, товарищи-участники спартаковского движения находили материал против войны, который они разносили в самые отдаленные хижины, распространяли по фабрикам, этапным пунктам и фронтам. Если эта работа послужила поводом к тому, что «Спартаку» было предъявлено обвинение в предательском разложении фронта, то это является лучшим свидетельством о работе спартаковцев, которым они по справедливости могут гордиться. При этом не следует упускать из виду что спартаковское движение против войны находило себе наилучшую поддержку в буквальном безумных военных мерах Людендорфа, который совершенно открыто посылал тысячи солдат на верную смерть, не щадя их нервов и заставляя их мечтать о тюрьме, как о рае. Внутри страны спартаковское движение находило поддержку в ужасном недоедании, от которого массами гибли дети и взрослые. В рядах социал-демократической партии, также стало расти недовольство военной политикой вождей и их репрессиями по отношению к представителям оппозиции (разгон оппозиционной редакции «Форвертс'а», удаление оппозиционно-настроенных ответственных партийных работников и исключение из партии вождей оппозиции); это недовольство стало выражаться в таких контр-репрессиях, как отказ платить членские взносы, и в открытой борьбе с Центральным Комитетом партии. Раскол парламентской фракции, в конце концов, привел к расколу всей партийной организации, который, в свою очередь, повлек за собой основание Независимой Социалдемократической Партии в апреле 1917 г. Хотя вожди «Спартака» и находились в оппозиции к колеблющейся политике вождей, они все же примкнули к новой партии, намереваясь оказывать решительное воздействие на ее политику в духе своего движения.

Февральская революция 1917 г. в России свергнувшая царизм, и еще более того—октябрьская революция, приведшая к окончанию войны для России и к установлению диктатуры пролетариата, давали революционным силам в Германии надежду на то, что их работа увенчается не только окончанием войны, но и свержением милитаристской монархии. Советы рабочих и солдатских депутатов, которые впервые были организованы еще во время русской революции 1905 г., взяли в России в свои руки политическую власть, свергли во дни октябрьской революции буржуазную демократию, экспроприировали под руководством большевиков капиталистов и помещиков и приступили к коммунистическому строительству. Как ни старалось германское правительство, с его вспомогательными органами, держать германских рабочих в неведении относительно происходивших в России событий, оно все же вынуждено было допустить в Германию после Брестского мира посольство Российского Рабоче-Крестьянского правительства. Они не могли помешать большевистским вождям, стоявшим во главе посольства, вступить в самые тесные сношения с представителями все более крепнущего революционного движения и оказывать этому движению усиленную поддержку.

Единственными активными носителями этого движения были спартаковские группы, раскинувшие свои пропагандистские ячейки по всей стране; члены этих групп, хотя и входили в организации Независимой Социалдемократической Партии, но становились во все более и более резкую оппозицию к ее вождям. В Берлине кроме того, образовалось, в связи с забастовкой металлистов в январе 1918 г., об'единение делегатов рабочих металлических производств, которые сначала производили сборы в пользу семейств рабочих, отправленных на фронт или арестованных за участие в забастовке. Из этой организации помощи возник кружок революционных старост, состоявший почти исключительно из металлистов, устраивавший свои собрания очень конспиративно и допускавший с особенным разбором новых членов в свою среду. Во главе кружка стоял председатель комиссии по оказанию помощи, Эмиль Барт, который, несмотря на все свои отрицательные качества, все же весьма энергично работал над созданием этого кружка революционных старост. К сожалению, Барт не имел никакой политической подготовки и склонен был смотреть на деятельность этих революционных старост, как вождь кучки заговорщиков, думая, что победа революции зависит от того, окажется ли в руках революционных рабочих несколько сот лишних револьверов и ручных гранат, или нет. Спартаковское движение было для него книгой за семью печатями, диалектики революционной борьбы он совершенно не понимал, и те, кто подобно Бернг-

штейну и др. пристегивают Барта к «Спартаку», доказывают этим лишь свое полное незнакомство со спартаковским движением. Несмотря на это, спартаковское движение старалось и этот берлинский кружок революционных старост заставить служить своим целям. Так как кружок поставил себе главной целью вооружение работающих на крупных механических заводах Берлина надежных товарищей, которые в случае восстания, должны были играть роль ударной группы, то «Спартак» предоставил ему значительную часть необходимых для сего денежных средств, поступивших в руки Барта. Обострение политического кризиса в Германии, вызванное к лету 1918 г. военными поражениями на западном фронте и достигшим небывалой остроты в рабочих и солдатских массах настроением против продолжения войны, требовало решительных действий. «Спартак» созвал 7-го октября 1918 г. подпольную конференцию в Гоне, на которой было, между прочим, постановлено призвать рабочий класс к образованию рабочих и солдатских советов и положить конец войне революционным восстанием. Когда Либкнехт 21 октября был освобожден из тюрьмы правительством принца Макса, он немедленно же стал вместе с тов. Мейером и Пиком принимать участие в берлинских заседаниях революционных старост, где также обсуждался вопрос об организации вооруженного восстания в ближайшее же время. Когда во время переговоров об этом, через курьеров, было получено известие о матросских восстаниях, было решено созвать в субботу, 2-го ноября, заседание старост для окончательного решения вопроса о восстании. На этом заседании представители «Спартака» тов. Либкнехт, Мейер и Пик, предложили начать восстание всеобщей забастовкой, выставив требования немедленного перемирия, освобождения политических заключенных и снятия осадного положения, и одновременно с этим призвать рабочих и солдат к созданию рабочих и солдатских советов. Только после того, как выяснится, пойдут ли рабочие за этими лозунгами, выступление должно было быть доведено до вооруженного восстания в целях свержения правительства. Но эти предложения встретили сопротивление со стороны Барта, Рихарда Мюллера, Ледебура и Деймига, называвших их революционной гимнастикой и желавших непременно сыграть ва-банк, немедленно же начав выступление вооруженным восстанием для свержения правительства. К участию в военной подготовке восстания Ледебур привлек некоего обер-лейтенанта Вальца, командовавшего саперной ротой. Он набросал план восстания в Берлине, основанный, главным образом, на присоединении к рабочим войск берлинского гарнизона; ибо для борьбы с этими войсками вооружение рабочих револьверами и ручными гранатами было совершенно недостаточным. На заседании старост 2 ноября президиумом было внесено предложение начать восстание в понедельник, 4 ноября. Обер-лейтенант Вальц должен был со своим отрядом саперов и рабочими крупных заводов южных предместий Берлина обойти ряд казарм и постараться привлечь солдат к участию в восстании. Затем должны были быть заняты здания правительственных и военных учреждений, а все дальнейшие шаги должны были зависеть от хода восстания. Но на заседании старост обнаружилось, что сами старосты не были уверены в том, что им удастся привести восстание к победе; они оговаривались тем, что у рабочих на фабриках и заводах нет достаточного количества револьверов, что рабочие вообще не подготовлены и поэтому вряд ли в значительном числе примкнут к восстанию. Вся ничтожность этой организации, о мнимом значении которой для революции с таким таинственным видом любил говорить Барт, обнаружилась в тот момент, когда в портах Северного и Балтийского моря началось восстание. В одном из этих портов уже 28 октября матросы одного линейного корабля отказались выйти в море, заявив, что не хотят больше быть пушечным мясом. Этот отказ в повиновении через несколько дней перешел в открытый бунт, приведший 3 ноября к образованию солдатского совета, а затем 5 ноября и рабочего совета в Киле. Отсюда движение с невероятной быстротой перекинулось в другие города Северо-Западной, а затем и Южной Германии. Революционные старосты в Берлине на заседании своем 2 ноября высказались против вооруженного восстания и даже против всеобщей забастовки, взяв на себя обязательство в ближайшие дни наверстать все то, что до сих пор не было сделано. Эта отсрочка революционного восстания в Берлине привела к совершенно неожиданному результату. Обер-лейтенант Вальц, у которого все было подготовлено к восстанию на 4-е ноября, побежал к своему начальнику и покаялся во всем, выдав все планы революционных старост. Этим он, сам того не желая, принудил их к принятию быстрого решения. На своем собрании в среду, 6-го ноября, они постановили призвать берлинских рабочих к восстанию лишь 11 ноября. Либкнехт и другие представители «Спартака» продолжали требовать более быстрого выступления, но Барт, Ледебур, Деймиг и Мюллер никак не могли решиться на это. Липман и Гаазе были против всякого восстания вообще, рисуя последствия такого восстания в самых мрачных красках, хотя раньше они нисколько не возражали против вооружения рабочих револьверами, о котором им было отлично известно. Когда же в пятницу, 8 ноября, военные власти, вследствие предательства Вальца, произвели арест Деймига и находившийся при нем письменный план восстания попал в руки полиции, Исполнительный комитет революционных старост немедленно же постановил призвать рабочих Берлина к уходу 9 ноября с заводов и к

началу борьбы за мир, свободу, за хлеб и социалистическую республику. Наспех составленное воззвание, подписанное Исполнительным Комитетом Рабочего и Солдатского Совета — Бартом, Брюлем, Эккертом, Франке, Гаазе, Аедебуром, Либкнехтом, Нейендорфом, Пиком, Вегманом,—было отпечатано и распространено по заводам. Одновременно с этим и «Спартаком» была выпущена прокламация, за подписью Либкнехта и Мейера, также призывавшая рабочих к борьбе за республику. Вожди социал-демократии, частью уже вошедшие в состав правительства, пытались предотвратить рабочее восстание путем переговоров с рейхсканцлером об отречении кайзера и кронпринца. До требования республики они подняться не могли, требуя лишь большего влияния социал-демократии на деятельность имперского правительства. Они спокойно позволяли рейхсканцлеру оттягивать решение со дня на день и лишь тогда, когда рабочие восстали по всей стране, когда часть владетельных князей была выгнана и воззвания «Спартака» и революционных старост проникли во все крупные берлинские заводы, вожди социал-демократии решились призвать берлинских рабочих ко всеобщей забастовке. Утро 9 ноября ознаменовалось гигантским выступлением всех берлинских рабочих, при виде которого правительство и обычно столь решительные генералы не рискнули вывести войска на борьбу с рабочими. Да подобная попытка и не имела бы никакого успеха, ибо войска немедленно же примкнули к рабочим. Солдаты с радостью сбрасывали с себя цепи военной дисциплины, многие из них захватывали все оружие, какое только они могли унести, и уходили из казарм. Поэтому совершенно излишним было опубликованное особое об'явление рейхсканцлера о том, что войсками не будет пущено в ход оружие. Как сгнившее здание, рухнула милитаристская монархия, Кайзер и кронпринц бежали, и Фриц Эберт, поднявшись из хаоса, воссел на рейхсканцлерский стул. Он, прежде всего, предложил населению покинуть улицы и позаботиться о восстановлении порядка и спокойствия. Филипп Шейдеман сразу вошел в свою новую роль: сидя в здании рейхстага, он провозгласил свободную германскую республику и, со своей стороны, стал призывать сограждан к спокойствию и порядку. Это все были люди, которые впродолжение четырех лет с лишним ползали на коленях перед Вильгельмом II, утверждали один за другим все военные кредиты и не уставали забрасывать клеветой и бранью всех тех, кто призывал рабочих на борьбу с войной и с преступными виновниками ее. Теперь в один миг они приспособились к новому положению, намереваясь продолжать свое дело предательства интересов рабочего класса. Старый режим был свергнут, пожалуй, слишком легко. Прежние властители трусливо скрылись в свои норы, и рабочим достаточно было только протянуть руку, чтобы взять власть. Но это, может быть, как раз и было причиной того, что они не сумели оценить, как следует, все значение свалившейся к ним в руки власти и не сумели использовать ее. Рабочий класс не захотел взять власть, а предоставил ее тем, кто до сих пор вел его на помочах.

Вопрос об образовании правительства молодой республики был первым испытанием для пролетариата. Солдаты образовали солдатский совет, члены которого, почти все без исключения, были политически совершенно безграмотны и в руках социал-демократических вождей послужили орудием против революционных рабочих. Они настаивали на том, чтобы в состав нового правительства вошли представители социал-демократии, хотя рабочие питали к ним величайшее недоверие. Переговоры об образовании правительства происходили под вечер 9 ноября и, по свидетельству Бернштейна, даже г. Эберт был согласен на то, чтобы Карл Либкнехт вошел в состав правительства. Эберт слишком хорошо знал, с каким недоверием относятся к нему рабочие, и хотел путем привлечения Либкнехта устранить это недоверие к правительству. О готовности Либкнехта войти в правительство сложилась потом целая легенда, один из вариантов которой утверждает даже, что он был членом первого правительства республики. Но это—заведомая ложь, распускаемая, главным образом, независимыми, которые хотят таким образом выставить в более мягком свете свое сотрудничество в правительстве с социал-демократическими предателями. Как же, однако, в действительности обстояло дело с этой готовностью Либкнехта войти в состав правительства? Солдатский совет осаждал Либкнехта требованиями войти в правительство, так как этому совету внушали, что только отказ Либкнехта мешает образованию правительства и вследствие этого не может быть заключено перемирие на фронте. Либкнехта упрекали в том, что он, отказываясь войти в правительство, этим самым берет на себя вину за смерть каждого солдата, погибающего еще на фронте. Под таким моральным давлением, оказываемым солдатами на Либкнехта, он, в конце концов, заявил о своей готовности на известных условиях вступить в правительство, образованное из социал-демократов и независимых, но только на три дня, пока не будет заключено перемирие. Либкнехт выставлял следующие условия:

1. Германия должна быть социалистической республикой.

2. В этой республике вся исполнительная, законодательная и судебная власть должна находиться исключительно в руках депутатов, избранных всем трудящимся населением и солдатами.

3. Исключение из правительства всех буржуазных членов его.

4. Участие в правительстве будет продолжаться только три дня в качестве временной меры образования правительства, способного заключить перемирие.

5. Министры-специалисты считаются лишь техническими помощниками собственного, имеющего решающую власть кабинета.

6. Равноправие обоих руководителей кабинета.

Либкнехт не имел возможности переговорить с руководящими товарищами из «Спартака» об этих условиях и о том вступлении в правительство, которого от него так настойчиво требовали. Роза Люксембург тогда еще не вернулась из Бреславля, где она сидела в тюрьме. Несколько других товарищей из «Спартака» захватили редакцию «Берлинер Локаль-Анцейгера» и превратили эту, служившую до сих пор интересам тяжелой индустрии, газету в «Роте Фане», орган «Спартака». Когда товарищи узнали о переговорах относительно возможного вступления Либкнехта в состав правительства, они решительно высказались против этого плана, который, впрочем, не имел никакого практического значения, хотя бы уже потому, что представители социал-демократии отклонили требования Либкнехта, к которым присоединились также и вожди Независимой Социал-демократической Партии Германии. Таким образом, Либкнехт никогда не входил в состав правительства и никогда не изъявлял готовности сотрудничать с социал-предателями хоть на минуту дольше, чем это было необходимо для заключения перемирия. То, что социал-демократы отклонили требования Либкнехта, ясно показывало, каковы были их подлинные намерения в связи с переходом власти в их руки. Они возбуждали в казармах политически неподготовленных солдат против спартаковцев, уверяли их, что те хотят насадить в Германии большевизм, который они изображали солдатам в самом ужасном виде. Наряду с Эбертом, Шейдеманом и Ландсбергом, в Совет Народных Уполномоченных вступили независимые—Дитман, Гаазе и Барт. Последнего нарочно называли представителем «Спартака», чтобы создать среди рабочих такое впечатление, будто «Спартак» участвует в правительстве. Когда в воскресенье, 10 ноября, избранные в казармах и на заводах солдатские и рабочие советы собрались для выборов правительства и Исполнительного Комитета рабочих и солдатских советов, «Спартак» распространил среди них записку, в которой он выставлял следующий лозунг:

«Ни один голос не должен быть подан за правительственных социалистов. Они в течение четырех лет предавали революцию и будут продолжать это делать и впредь.

«Ни один голос не должен быть подан за социалиста, который готов вступить в правительство совместно с буржуазией или с правительственными социалистами. Товарищи! Буржуазия и правые социалисты хотят привлечь вас в правительство, чтобы вы помогли им скрыть их грехи. Но это было бы недостойно вас. Пусть они совсем уйдут или одни несут последствия преступной военной политики».

Первое собрание рабочих и солдатских советов полностью отразило весь жалкий характер происшедшей революции и явственно показало, что никакого изменения в истинном характере власти не наступило; что по прежнему господствовать будет буржуазия, хотя и в измененной государственной форме. Это было весьма пестрое собрание, на котором политически неподготовленные солдаты составляли почти 2/3 общего числа участников. Мандаты не контролировались, так что это скорее был открытый митинг, а не собрание рабочих и солдатских советов. В председатели указанного собрания, кроме Рихарда Мюллера, был избран также упомянутый уже обер-лейтенант Вальц, который оказался предателем накануне переворота. При таких обстоятельствах не было ничего удивительного в том, что большая часть собравшихся протестовала против Либкнехта, когда он в своей речи указал на то, что контр-революция уже проникла в их среду. Он призывал поэтому рабочих и солдат к немедленному же проведению в жизнь целого ряда мер, если они хотят оградить себя от контр-революции; так, между прочим, он предлагал: разоружение всех рабочих и солдат, не стоящих на платформе нового порядка, передачу всех командных должностей уполномоченным рабочих и солдатских советов, уничтожение всех буржуазных парламентов и династий, замену их единой социалистической республикой и властью рабочих и солдатских советов; кроме того, немедленно должно быть возвращено высланное 4-го ноября посольство Российского Рабоче-Крестьянского правительства. К этой речи Либкнехта слушатели, в особенности солдаты, отнеслись как к нарушению дорогого всем единения; они были до такой степени восстановлены социал-демократами против спартаковцев, что не могли даже спокойно отдать себе отчет в том, что говорил им Либкнехт. Социал-демократы натвердили им, что только правительство, составленное поровну из социал-демократов и независимых, может обеспечить организованный ход революции. Они не обратили никакого внимания на предостережение «Спартака» не выбирать социал-демократов. А так как, кроме того, Исполнительный Комитет, который должен был быть высшей государственной инстанцией и контрольным органом правительства, состоял наполовину из рабочих и наполовину из солдат, рабочую же часть составляли наполовину социал-демократы и независимые, то подавляющее большинство Исполнительного Комитета стояло на платформе социал-демократии, вожди которой, таким образом, обеспечили себе прочное большинство. После этого судьба ноябрьского переворота была решена, и вполне понятно, конечно, что при таких условиях представители «Спартака» отказались от вступления в Исполнительный Комитет.

В тот же день Роза Люксембург поздно вечером, когда собрание уже закончилось,

прибыла из Бреславля в Берлин, освобожденная из тюрьмы революцией. Лео Иогихес также вышел из стен тюрьмы в этот самый вечер, и вот, в помещении бывшей редакции «Берлинер Локаль-Анцейгера» снова встретились эти товарищи, которые в течение нескольких лет были оторваны друг от друга произволом военных властей. «Берлинер-Локаль-Анцейгер» был, как мы уже указывали, за день до этого занят спартаковцами, и текущий номер газеты вышел с заголовком: «Роте Фане». Хотя этот первый нумер, кроме уже набранного материала, содержал только краткое сообщение о переходе газеты в руки «Спартака», но все же в утреннем выпуске 10 ноября составившие редакцию товарищи опубликовали уже программу для революционных рабочих. Рабочим и солдатам редакция советывала не следовать призывам «рейхсканцлера» Эберта, не покидать улиц, но оставаться вооруженными и быть на чеку. Призывы рейхсканцлера, говорилось в газете, имеют целью лишь восстановление старого «порядка». В воззвании к рабочим и солдатам были выставлены 10 требований, осуществлением которых рабочие и солдаты должны укрепить свою власть. Резким нападкам подвергались также за военную политику и измену рабочему классу правительственные социалисты, с которыми редакция предлагала порвать всякое общение. Вечером 9 ноября только и удалось написать это воззвание и несколько коротеньких заметок, но редакция заявляла, что следующий нумер будет целиком составлен из собственных статей. Этому однако, не суждено было сбыться. Владельцы служившего интересам тяжелой индустрии «Локаль - Анцейгера» обратились к Эберту, с просьбой о защите их собственности от посягательств спартаковцев, и он обещал исполнить эту просьбу. Они подкупили целый отряд солдат, которые на следующий день, когда Роза Люксембург, с некоторыми другими товарищами, собиралась приняться за редактирование следующего нумера газеты, окружили помещение. Владельцы подкупили также наборщиков, которые отказались брать работу от редакции «Роте Фане». Дело едва не кончилось тем, что Роза Люксембург на другой день после революции должна была быть арестована солдатами, по требованию капиталистов из «Локаль-Анцейгера», за нарушение неприкосновенности жилища. На этом случае также обнаружилось все бессилие, все ничтожество Исполнительного Комитета, приказавшего, по нашему требованию, чтобы владельцы «Локал-Анцейгера» продолжали печатать «Роте Фане». Но высший орган молодой республики не имел достаточно власти даже для того, чтобы настоять на исполнении своей воли преодолеть сопротивление какой-то одной капиталистической компании. Кроме того, этот случай вызвал спор о компетенции между Исполнительным Комитетом и правительством, которое, будучи озабочено защитой капиталистической собственности, отрицало закономерность распоряжения Исполнительного Комитета: Владельцы «Локаль-Анцейгера» находились под защитой г. Эберта, и это послужило препятствием к дальнейшему выходу в свет «Роте Фане», хотя газета эта в гораздо большей степени была органом широких рабочих масс Берлина, чем «Форвертс», или издаваемый независимыми «Интернационал», превратившийся впоследствии в «Фрейхейт». Прошла целая неделя, пока «Спартаку» удалось найти буржуазную типографию, согласившуюся печатать «Роте Фане». Буржуазия, уже спустя несколько дней, почувствовала, что новое правительство стоит целиком на ее стороне и что ей грозит опасность лишь со стороны кругов, предводительствуемых «Спартаком». Правительство, или как оно себя величало, Совет Народных Уполномоченных, выпустило 12 ноября воззвание к германскому народу, в котором оно заявляло, что все перемены, произведенные переворотом, получают «законную силу», но при этом оно ни слова не говорило ни о рабочих и солдатских советах, ни об урегулировании вопроса о командовании, ни о республике, ни о возвращении русского посольства, упоминая зато и о защите собственности, и об упорядоченном производстве, и о свободе личности и о том, что не позднее 1 января будет введен максимальный восьмичасовой рабочий день. Говорилось также о созыве учредительного собрания и о всеобщем избирательном праве, причем опять таки не было сказано, о каком собственно собрании идет речь—о собрании советов или о буржуазном Национальном Собрании.

В это время, когда необходимо было мобилизовать рабочие массы на борьбу против открытых реакционных поползновений правительства, когда социал-демократические и независимые газеты безоговорочно поддерживали это правительство, у «Спартака» не было газеты, в которой он мог бы каждый день бросать в массы революционные лозунги, призывая рабочих к революционной борьбе. 12-го ноября конституировался Центральный Комитет «Спартака», в организационном отношении все еще принадлежавшего к Независимой Социал-Демократической Партии, но сохранявшего полную свободу в своей пропаганде и агитации. Роза Люксембург изложила на заседании программу работы на ближайшее время, в которой предусматривалось издание ежедневной газеты, научного органа, газеты для женщин и газеты для солдат; далее, солдаты должны были быть об'единены в особую организацию—Красный Солдатский Союз, и агитация среди них должна была принять самый интенсивный характер. Кроме того, прежние спартаковские группы, согласно этой программе, должны быть об'единены по всей стране в прочную организацию и постоянно снабжаться агитационным материалом. Спартаковцы представляли собой в Независимой Партии действительный рабочий элемент, и поэтому руководящие ор-

ганы партии вынуждены были примириться с этой особой организацией «Спартака», хотя подобное положение и было для партии совершенно невыносимым. Представители независимых в Совете Народных Уполномоченных во всем покорно поддерживали реакционную политику шейдемановцев или, во всяком случае, ничем не проявляли своего несогласия с этой политикой; а представители независимых в Исполнительном Комитете не имели достаточно мужества для того, чтобы протестовать против этой политики; они, правда, усиленно дискутировали этот вопрос при закрытых дверях, но не призывали масс на борьбу с реакционными тенденциями, весьма откровенно проявлявшимися во все более наглом поведении офицеров и буржуазии. Среди возвращающихся с фронта солдат офицеры сеяли возмущение против Берлина, где, по их словам, безудержно хозяйничали спартаковцы. Эта правда спартаковцев велась также социал-демократами и независимыми, предательскую деятельность которых спартаковцы разоблачали перед лицом масс. Таким образом, с безусловной неизбежностью случилось то, что 6-го декабря, всего лишь три недели спустя после ноябрьского переворота, был устроен реакционный путч с целью свержения так называемого Советского Правительства, т. е. правительства, состоявшего из Исполнительного Комитета и Совета Народных Уполномоченных. Само собою разумеется, что при этом редакция «Rote Fahne» должна была подвергнуться нападению обманутых солдат, искавших мнимые миллионы; что должны были быть арестованы тов. Люксембург и тов. Либкнехт. Не было простой случайностью и то, что в тот же день надлежаще обработанные войсковые части стреляли, в другой части Берлина, в разрешенную независимым начальником полиции демонстрацию революционных солдат, причем несколько человек было убито и ранено. Все эти события с полной очевидностью показывали, что не только буржуазия опять чувствует себя госпожей положения, но и правительство не питает ни малейшего намерения опереться на революционные рабочие массы, а, напротив того, всеми средствами пытается ослабить их силы. К этим революционным силам тогда принадлежали еще в Берлине и матросы, объединившиеся в Народную Морскую Дивизию. Хотя эти матросы и не имели политической подготовки, но они все же поддерживали довольно тесные связи с революционными рабочими, к которым они по духу чувствовали себя ближе, чем к правительству. Правительство пыталось поэтому удалить матросов из Берлина, прекратив выдачу им жалованья. А когда матросы запротестовали против этого, то правительство призвало на помощь генерала Леквиса с его настроенными против революционеров войсками, которые устроили матросам 24-го декабря кровавое Рождество. Но поспешившие на помощь матросам рабочие заставили правительство отказаться от проведения в жизнь целиком всего этого плана. Матросов не удалось изгнать из Берлина, у правительства не хватило даже мужества открыто признаться в том, что оно отдало приказ о расстреле матросов. «Спартак» немедленно же призвал берлинских рабочих к протесту против этой гнусной игры правительства; и рабочие откликнулись на этот призыв грандиозной демонстрацией. «Спартаку пришлось напрячь все свои силы, чтобы удержать возбужденные рабочие массы от нападения на здание, в котором помещалось правительство, что, несомненно, привело-бы к еще большему кровопролитию. Не удалось однако помешать тому, что довольно значительный отряд рабочих занял здание «Форвертса» и выгнал из него редакторов, ежедневно выливавших на спартаковское движение ушаты брани и клеветы. Свои нападки, они, главным образом, направляли против обоих вождей—Люксембург и Либкнехта, пуская в ход тот же жаргон, на котором буржуазные газеты ежедневно требовали убийства этих наших товарищей. Образованная рабочими редакция выпустила вместо «Форвертса» «Rote Форвертс», но уже на следующий день они вынуждены были покинуть помещение, причем данный редакторам «Форвертса» урок прошел для них совершенно бесследно. Своими мерами против матросов правительство настолько скомпрометировало себя в глазах рабочих, что представители независимых сочли самым благоразумным выйти из его состава. Но вина, которую они взвалили на себя в течение немногих недель участия в правительстве, этим не могла быть заглажена. Члены партии, принадлежавшие к «Спартаку», требовали от руководящих органов независимых немедленного созыва партийного с'езда, который должен был высказаться по этому поводу. Руководящие органы партии отказались созвать с'езд, ссылаясь на существующие, якобы, транспортные трудности, и это привело к выходу членов «Спартака» из Независимой Партии и к основанию Германской Коммунистической Партии, которое состоялось накануне Нового Года. Было вполне естественно, что число вступивших в партию членов далеко не соответствовало количеству приверженцев спартаковского движения. Многие остались в Независимой Партии, решив подождать партийного с'езда, а до него работать внутри партии в духе спартаковского движения и постараться воздействовать на решение с'езда в революционном направлении. Кроме того, при принявших уже тогда ожесточенный характер преследованиях спартаковцев, принадлежность к коммунистической партии требовала решимости быть готовым на крайние жертвы и бороться в первых рядах. А этой решимости недоставало еще очень многим рабочим.

Правительство, которое после ухода независимых состояло исключительно из социал-демократов, могло теперь, прикрываясь постановлениями веймарского Конгресса со-

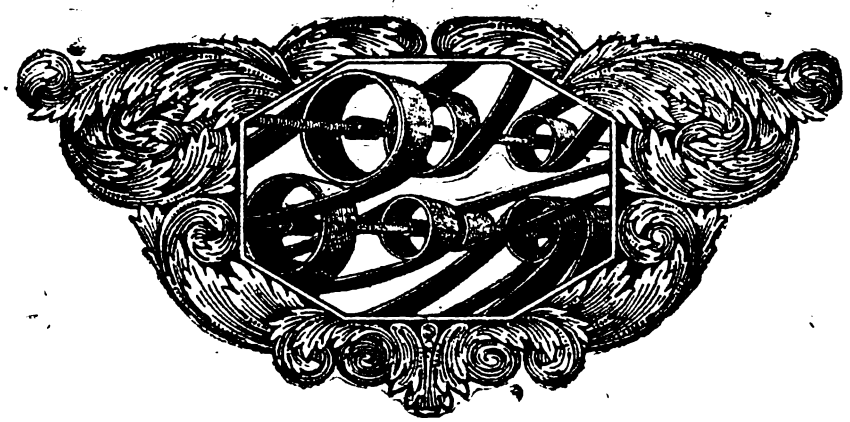
ветов, сосноявшегося в середине декабря, приступить к уничтожению последнего оплота революционной части берлинских рабочих. Таким оплотом был берлинский «полицей-президиум», во главе которого стоял независимый Эйхгорн. Подчиненная ему охранная милиция состояла большей частью из рабочих, также не согласных с политикой правительства. Правительство надеялось, что передача «полицей-президиума» в руки социал-демократа Эрнста изменит и настроение охранной милиции. Оно приказало Эйхгорну сложить с себя полномочия, но последний отказался покинуть свой пост. На совместном заседании руководящих органов берлинских независимых и коммунистической партии с революционными старостами было решено начать борьбу против нового шага правительства. Но Центральный Комитет независимых держался все время на заднем плане, хотя на нем-то и лежала большая доля вины за то, что дело дошло до этой борьбы. Таким образом, вспыхнуло 5-го января кровавое январское восстание, которое вошло в историю революции под названием «спартаковского восстания», хотя руководство им вовсе не находилось в руках коммунистической партии. Правда, «Роте Фане» была единственной газетой, энергично и решительно посвящавшей все свои силы этой борьбе и ежедневно помещавшей на своих столбцах ее лозунги, но на деле все практические шаги этого вооруженного рабочего восстания диктовались избранным революционными старостами комитетом, в состав которого, впрочем, входили от Центрального Комитета коммунистической партии тов. Либкнехта и Пик. К сожалению, оба эти товарища, вследствие возложенной на них восстанием работы, были лишены возможности поддерживать тесную связь с остальными товарищами из спартаковского Центрального Комитета и, таким образом, действовать с ними в постоянном контакте. Уже в первый день восстания обнаружилось, что комитет не располагал силами, необходимыми для руководства восстанием. Недоставало товарищей с военной подготовкой, которые могли бы руководить тысячами вооруженных рабочих по всем правилам стратегии, так что рабочие бесцельно и беспорядочно маршировали по улицам; не было в комитете и единого политического руководства, которое отдавало бы себе с самого начала ясный отчет в политической цели и условиях победы этого восстания. Таким образом, все было предоставлено игре случая, и целые дни и часы проходили в бесплодных совещаниях, причем независимые вели тайные переговоры с правительством о прекращении борьбы, а массы уставали от бесплодного шатания по улицам в течение целых дней, в то время, как правительство собирало силы для подавления восстания. Когда Центральный Комитет коммунистической партии увидел, что эти недостатки и слабости в руководстве восстанием, а также переговоры вождей независимых делают поражение рабочих неизбежным, он потребовал от Либкнехта и Пика выхода из комитета, чтобы не брать на себя ответственности за те шаги, которые вытекали из этого безнадежного положения. Само собой разумеется, что Либкнехт и Пик с самого начала протестовали против переговоров с правительством, которые давали ему возможность выиграть время и порождали в рабочих надежду на разрешение борьбы мирным путем, а это, в свою очередь, ослабляло рабочих и усиливало положение правительства. Оба товарища старались с самого начала своей работы в комитете сконцентрировать все силы рабочих и направить их в слабые места, обнаруженные правительством в первые дни. К сожалению, и обещания о присоединении берлинского гарнизона к рабочим, которые были даны, когда решался вопрос о восстании, оказались также неисполненными: войска держались сначала выжидательно, а затем даже враждебно по отношению к рабочим. Несомненно, что неспособность комитета руководить восстанием способствовала такому поведению войск. Даже Народная Морская Дивизия, обязанная рабочим за помощь, оказанную ей во время рождественских боев, так и не решилась поддержать восстание и, когда ее предводитель Дорренбах на время отлучился, остальные ее вожди продались правительству и открыто перешли на его сторону. Несколько недель спустя, правительство отблагодарило ее за эту измену рабочим, подвергнув ее окончательному разгрому,— причем 32 матроса были расстреляны обер-лейтенантом Фогелем. Когда правительство стянуло достаточно войск, оно 11 января отдало приказ произвести нападение на революционный Берлин, причем специально отобранные правительством и специально обработанные для этого генералами войска устроили ужасную кровавую баню борющимся рабочим. Все коммунисты были об'явлены вне закона, для расстрела достаточно было членского билета К. П. Г. Под предлогом поисков оружия, в домах искали коммунистов, пошли доносы за доносами, и все ужасы, начиная с полевых судов и кончая убийствами из-за угла безоружных заключенных, все эти ужасы, которые победоносная буржуазия всегда пускала в ход против побежденных рабочих, повторились в эти дни.

Как тщательно оберегали ближайшие сотрудники Розы Люксембург и Карла Либкнехта их жизнь, как ни настаивали они на том, чтобы те хоть на время удалились в безопасное место, ни та, ни другой не хотели покинуть своего поста в редакции «Роте Фане», считая своим долгом быть с рабочими в эти тяжелые дни. Почти ежедневно приходилось менять квартиру, в которой они делали свою редакционную работу, так как жильцы соседних квартир обращали внимание на общение их с другими сотрудниками и никто не мог гарантировать их от предательства. Была назначена высокая плата за выдачу или убийство обоих товарищей. «Форвертс» в

одном стихотворении выражал сожаление, что Роза Люксембург, Либкнехт и Радек не находятся в числе убитых бойцов, и даже лица, близко стоящие к правительству, призывали к убийству первых двух товарищей. Таким образом, ничто не могло предотвратить гнусного убийства обоих вождей спартаковского движения, когда они, благодаря предательству, попали в руки белогвардейцев. Последние, безусловно, рассчитывали на одобрение правительства, ибо оно ничего не предприняло для защиты безоружных пленников и пыталось оправдать зверское убийство возбуждением солдат. Однако, верные правительству офицеры вовсе не были так возбуждены; они хладнокровно подготовили убийство и знали, что этим они оказывают услугу не только своему классу, но и социал-демократическому правительству.

Величайшую потерю понесло революционное движение германских рабочих, лишившись этих своих вождей. Но уничтожить идею, которую они олицетворяли, оказалось невозможным. Их дух продолжает жить среди рабочих. Все же, сколько ошибок и заблуждений удалось бы избежать нашим рабочим, если бы у них не отняли этих двух вождей! Уверенность в своих силах была бы больше и, может быть, привела бы к тому, что революционное движение в Германии не раздробилось бы, а стало бы крепко сплоченной силой, с помощью которой пролетариат завершил бы победой свой решительный бой с буржуазией. В настоящее время в Германии почти ничего не осталось от тех завоеваний, которые принес рабочим ноябрьский переворот, и сильнее, чем когда бы то ни было раньше, страдает рабочий класс от распада капиталистического хозяйства и от господства буржуазии, прикрываемого ширмой демократической республики. Из политического и экономического кризиса, постигшего все капиталистические страны, для рабочего класса есть один только выход — это завоевание политической власти, для того, чтобы посредством установления своей диктатуры победить все враждебные силы и заменить капиталистическое, основанное на прибыли, хозяйство коммунизмом. По этому пути должны пойти и пойдут германские рабочие, несмотря на все преграды, вызываемые их собственною неподготовленностью или воздвигаемые их врагами.

Вильгельм ПИК.

ПУТЬ ПАУЛЯ ЛЕВИ ОТ СЕКТЫ К МАССОВОЙ ПАРТИИ.

Пауль Леви утверждает, что Коммунистический Интернационал является не средством для об'единения широких рабочих масс и осуществления пролетарской революции, а, наоборот, тормазом, мешающим достижению этих целей. Виноват в этом, по его мнению, не III Интернационал, как таковой, виноваты его высокомерные вожди, отталкивающие от себя пролетариат или использующие его, как слепое орудие, а также злополучные постановления II Всемирного Конгресса, навязанные Конгрессу этими вождями. Вожди Коммунистического Интернационала и постановления II Всемирного Конгресса, утверждает он, могут внести только раскол и взаимное озлобление в среду рабочего класса, обеспечив победу врагам пролетариата. Пауль Леви утверждает далее, что вожди III Интернационала «сознательно или — что еще хуже — бессознательно, хотят превратить пролетарские массовые партии в секты узколобых фанатиков». Короче говоря, Пауль Леви повторяет, в иных словах, утверждения Дитмана, Лонге, Серрати и др. Поэтому, нам кажется небесполезным подвергнуть тщательному рассмотрению вопрос о том, что представляет собою Пауль Леви как человек и как руководитель широких пролетарских масс, чтобы установить, на основании его собственных утверждений, имеем ли мы дело с честным и даровитым человеком, который, с болью в сердце, критически разбирает непростительные, приносящие пролетариату вред ошибки, или же просто — с зарвавшимся критиканом. Дело в том, что критику Пауля Леви невозможно отделить от его личности. Ибо для него эта ожесточенная критика отнюдь не являлась единственным путем для достижения преобразований в партии: он был ведь общепризнанным вождем германских коммунистов после убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта и вплоть до своего добровольного ухода из Центрального Комитета партии в феврале 1921 г. У Пауля Леви было поэтому достаточно времени и, как мы укажем далее, достаточно возможностей для того, чтобы доказать, что он истинный *вождь*, действительно способный привлечь в коммунистическую партию широкие рабочие массы и наметить цель и направление для революционных слоев рабочих, стремящихся к наивысшему развитию своих сил и готовых всем пожертвовать для пользы дела. Путь, по которому он шел, должен был это доказать.

На учредительном партийном с'езде Коммунистической Партии Германии в конце декабря 1918 г. Паулю Леви впервые представился случай воздействовать на делегатов революционно-настроенных рабочих. Он говорил на этом с'езде о необходимости принять участие в выборах в Национальное Собрание. Задача была не из легких. Ведь мы знаем, что даже Розе Люксембург, пользовавшейся значительно большим влиянием, не удалось удержать большинство участников конгресса от неправильных решений. Речь Леви была холодна и мало убедительна; в ней не было той страстности, которая необходима для того, чтобы увлечь слушателей. У членов с'езда после этой речи отнюдь не осталось такого впечатления, что Пауль Леви станет когда-нибудь тем вождем, который так нужен партии. После убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта, в январе месяце партийные товарищи с тревожным чувством спрашивали себя, кому теперь доверить руководство партией. В эти тяжелые для партии дни Пауль Леви не проявил той инициативы, какая была необходима в интересах истекавшего кровью Спартаковского движения.

Он мог бы уже тогда взять в свои руки судьбы партии и, так как все смотрели на него, как на друга Розы Люксембург, он не встретил бы ни с чьей стороны серьезного сопротивления. Его враждебное, полное ненависти отношение к последнему путчистическому выступлению Карла Либкнехта заставляло его оставаться в стороне. В марте коммунистическую партию постиг новый удар: был убит Лео Иогихес. Партия перешла на нелегальное положение, и все только и говорили о том, как бы найти вождя, который мог бы взять в свои руки судьбу союза «Спартак». Ничто не мешало тогда Паулю Леви стать самым влиятельным руководителем партии. Но он, со своей стороны, не сделал ни шага для того, чтобы стать во главе партии. Напротив, на нелегальном заседании в Берлине, в мае 1919 г., понадобилось все красноречие Клары Цеткиной и целый дождь похвал, превозносивших его выдающиеся способности, для того, чтобы уговорить Пауля Леви взять на себя руководство партией. Он согласился на это только после упорного сопротивления. На том же заседании он обмолвился замечанием, которое тогда показалось незначительным, теперь же бросает свет на самую сущность этого человека. Был выработан устав только что основанной партии, и возник спор о том, согласуются ли некоторые из принятых постановлений с этим уставом; во время спора Пауль Леви, говоря очень пренебрежительно о параграфах устава, заявил: «Я их еще ни разу не читал». Было очевидно, что он считал эту презрительно брошенную фразу очень остроумной.

В мае 1919 г. в Средней Германии, на Рейне, на побережьи и в Берлине началась серьезная борьба рабочих, выступивших на защиту завоеваний революции. Профсоюзы, почти ничем не проявившие себя в первые недели революции, разрослись за этот проме-

жуток времени в могущественные организации. Их вожди снова приобрели сильное влияние на революционное движение и использовали это влияние в интересах капиталистов. Это вызвало в среде революционных рабочих бурную реакцию против бюрократии профсоюзов. Все чаще и настойчивее стал раздаваться призыв к выходу из профсоюзов. Если бы у коммунистической партии в эти дни была программа, дающая ясные и определенные директивы относительно профсоюзов, то партия, несомненно, могла бы приобрести большое влияние среди рабочих. Но партия не имела никакой программы по вопросу о профсоюзах, в ней царила полнейшая путаница. Выступали на сцену различные знахари, предлагавшие всевозможные панацеи, и, конечно, было чрезвычайно трудно в этом хаосе найти цель и направление. Пауль Леви не нашел ни того, ни другого. Он решительно поддерживал создание Унио на Горнорабочих, поддерживал и защищал создание коммунистического союза земледельческих рабочих и коммунистического союза железнодорожников. Он заигрывал со сторонниками раскола в профсоюзах, настаивая при этом лишь на одном ограничительном условии, а именно, чтобы от союзов откалывались не *отдельные личности, а целые местные группы*. Товарищи, выступавшие тогда против этих теорий раскола и против этих экспериментов образования новых союзов, не встречали поддержки ни со стороны партии, ни у ее «самой светлой головы», зато позже на их долю выпало удовольствие ликвидировать эти опыты и, защищая очевидные ошибки коммунистической партии в вопросе о профсоюзах, поплатиться своим именем и влиянием среди профессионально-организованных рабочих. Пауль Леви считал вполне естественным, что другим приходится расплачиваться за его ошибки. Еще после партийного с'езда в Гейдельберге стоило не малого труда хоть сколько нибудь уберечь авторитет партии от вредных ошибок и случайных решений по вопросу о профсоюзах. Органы профсоюзов преподносили каждую неделю своим читателям сопоставление поистине взаимно противоречивших лозунгов руководителей коммунистической партии в вопросе о профсоюзах. И, читая эти лозунги, действительно трудно было удержаться от горькой усмешки. И уж, конечно, не Паулю Леви принадлежит главная заслуга в том, что теперь Коммунистический Интернационал и германская партия выработали, наконец, ясную позицию по отношению к профессиональному движению и этим вернули себе доверие масс.

На партийном с'езде в Гейдельберге Пауль Леви оказал большую услугу партии своей энергичной борьбой против политического индифферентизма и зарождавшихся синдикалистских тенденций, которыми Вольфгейм, Лауфенберг, Рюле и др. пытались отравить организм партии. Но тон кампании, в организационных интересах начатой Леви против тех товарищей, которые по существу были вполне согласны с принятыми тезисами и сомневались только в целесообразности их применения для наказания за прошлые грехи, напоминал своей свирепостью приемы того доктора, который, чтобы вылечить больного, отхватил у него обе руки и обе ноги, да еще вдобавок вырвал и часть внутренностей.

Рабочие, входившие в партию, принесли громадные жертвы, они хотели во что бы то ни стало спасти единство своей организации. Они не могли понять, зачем над ними производятся эти внезапные эксперименты и почему к ним применяются такие зверские методы лечения. Членам партии не было дано даже срока для того, чтобы как следует продумать гейдельбергские постановления, и так как партийные органы были закрыты почти во всех значительных городах, то обсуждение резолюций с'езда было чрезвычайно затруднено. Мы, не колеблясь, заявляем, что Пауль Леви виноват в том, что, возмущенные грубым тоном его нападок, широкие коммунистические слои перешли в лагерь Коммунистической Рабочей Партии Германии и что борьба среди коммунистических рабочих приняла, к вящей радости их врагов, такие невероятные размеры. Личное нерасположение Леви к Шредеру, Рюле, Вольфгейму и Лауфенбергу заставило его потерять всякую меру в разговорах с рабочими; он принял высокомерный тон, вместо того, чтобы говорить, как учитель, и этим на долгое время лишил партию возможности сговориться со многими честными, дельными товарищами.

На партийном с'езде в Гейдельберге Пауль Леви, между прочим, выступил с пророческим заявлением, что кризис германского капитализма достигнет своего апогея только в 1926 году. Он рассматривал кризис германского капитализма только с точки зрения его затруднений в платежах Антанте. Он не понимал всего значения других препятствий, стоявших на пути восстановления германского капитализма. Это не позволяло ему видеть того, что все политическое и экономическое положение Германии чревато кризисом. Яснее всего выразилось это его убеждение о медленном темпе революционного развития в речи его на заседании Берлинского военного суда в начале марта 1920 года. Пауль Леви хотел издать в виде брошюры эту несколько странную защиту нашего коммунистического миропонимания и наших тактических взглядов на применение революционных средств борьбы для свержения буржуазии. Партия, однако, нашла более целесообразным не предавать широкой гласности речь своего председателя, чтобы не вызвать подавленного настроения среди борющегося пролетариата. В каком положении оказался бы Пауль Леви, как вождь партии, если бы эта речь его была опубликована накануне Каповского мятежа! Позднее он выставлял в смешном виде поведение во время Каповского мятежа тех самых товарищей, которые за несколько дней до того спасли его от смеш-

ного положения. Его критическое отношение к тактике партии в первые дни Капповского мятежа не вытекало из глубокого и ясного понимания всех возможностей борьбы против буржуазии в этот момент: Оно было интуитивно, было вызвано уже однажды пережитым подобным же положением. Доказательством этого служит его ненапечатанная защитительная речь. Возможно, что Пауль Леви познакомит еще читателей своего журнала с этой речью, для того, чтобы все могли узнать и оценить, как он все заранее предвидел...

Во время майской конференции Независимой Социалистической Партии в Лейпциге, Пауль Леви упражнялся в дипломатическом искусстве, стараясь повлиять на Независимую Социалистическую Партию. Он очень часто ездил на совещания с левыми вождями Н. С. П., и мы едва ли ошибемся, если припишем его влиянию три статьи Курта Гейера о диктатуре пролетариата. В этих статьях Курт Гейер обнаружил необузданный радикализм, доказывая, что диктатура пролетариата должна быть диктатурой меньшинства, направленной против отсталой части рабочего класса, против тех, кто ждет еще спасения от Социал-демократической Партии Германии. Словом, он говорит о диктатуре революционного авангарда. Любопытно сравнить теперь речи и статьи людей, окружающих Пауля Леви, с тем, что они говорили и писали еще полгода тому назад! Не наша вина, что эти люди поставили себя в такое смешное положение, как политические деятели. Оказывается, что их суждения целиком зависят от данной революционной кон'юнктуры.

Когда Пауль Леви возвратился со II Всемирного Конгресса Интернационала, душу его раздирало внутреннее противоречие. Он упрекал Центральный Комитет в недостаточно энергичном использовании политической обстановки, в недостаточной боевой активности, в неумении во-время примкнуть к рвущимся в бой массам: при наступлении русских войск на Варшаву положение в Восточной Пруссии было якобы вполне созревшим для провозглашения советской республики. Через несколько дней обнаружилось, однако, что этот радикализм дальше поверхности не шел. Теперь Пауль Леви начал борьбу против так называемой партийной левой. Он выдумал нового врага, который якобы, как некий червь, изнутри подтачивает коммунистическую партию. Опасность ему мерещилась всюду. Он открывал никогда не существовавшие заговоры. Он сеял взаимное недоверие, так что никто в партии не был уверен в том, что он не предан и не продан. Его речи были полны туманных намеков. Он никогда не говорил ничего конкретного. У товарищей, постоянно встречавшихся с ним, всегда получалось такое чувство, что его голова полна противоречий и каких-то задних мыслей. В особенную ярость привело его принятие в III Интернационал в качестве сочувствующего члена Коммунистической Рабочей Партии Германии. Он принял это за личное оскорбление себе со стороны московских товарищей, за унижение его достоинства и в этом политическом акте искал каких-то чисто личных мотивов. От этих неврастенических выходок страдало руководство партией.

Его избрание в члены рейхстага давало ему случай и возможность показать, чем должен отличаться революционный парламентаризм от того оппортунистического парламентаризма, которым занимаются другие рабочие партии. Это было тем более необходимо, что как раз вопрос о парламентаризме был главной причиной раскола в коммунистической партии. Пауль Леви всегда утверждал, что участие в парламенте может быть двоякого рода: революционер может использовать парламентскую трибуну для того, чтобы звать массы на борьбу. Карл Либкнехт своим примером доказал это. Но оказалось, что Пауль Леви не Карл Либкнехт: говоря, в парламенте, он не обращался к массам, его голос ни разу не прозвучал гневным воплем угнетенных, на парламентской трибуне он не развернул боевого знамени трудящихся масс. Он говорил, как образованный, весьма начитанный адвокат. Он доказывал государственным людям, как они глупы, как много противоречий можно найти между их словами и делами, приводил в своих речах цитаты из литературных произведений классической древности и эпохи возрождения, во всяком случае, доказывая этим, что среди коммунистов есть классически-образованный человек, который, к тому же, по крайней мере, если верить ему самому, еще и прекрасный адвокат. Если парламентская деятельность и не сделала его глашатаем революции, то, с другой стороны, она дала ему возможность интимного общения с вождями Независимой Социал-демократической Партии. Он все больше и больше отходил от собственной партии и приближался к тем, с кем впоследствии нам суждено было вступить в союз. Таким образом он сделался фактическим вождем левого крыла Независимой Социал-демократической Партии, не будучи членом ее, и отдалился от союза «Спартак», председателем которого он был. Если товарищи жаловались на его поведение, он отвечал им насмешливыми, презрительными замечаниями. В интересах истины надо, впрочем, заметить, что с будущими товарищами из Независимой Социал-демократической Партии он считался еще меньше, чем с собственными товарищами по Центральному Комитету союза «Спартак». Особенно презрительно отзывался он о Гейере, Деймиге и других, с которыми он теперь так тесно связан, зачастую награждая их эпитетами, заимствованными из царства животных.

После партийного с'езда в Галле было чрезвычайно важно как можно скорее добиться слияния левого крыла Н. С. П. с союзом «Спартак». Малейшая потеря времени могла быть использована противником, который в большинстве районов держал в сво-

их руках весь партийный аппарат. Леви не содействовал ускорению процесса слияния в той мере, в какой это было необходимо с политической точки зрения. Он поддерживал в других оппортунистический образ мыслей. Незадолго до об'единительного с'езда он заявил, что оставляет политическую деятельность и что предпринял уже шаги для возвращения к адвокатской профессии, так как она дает возможность лучше жить и не связана *с такими* неприятностями. Большинство сотоварищей Леви по Центральному Комитету союза «Спартак» были так возмущены его постоянными капризами, что они только потому стали уговаривать его взять на себя председательствование в новой партии, что были уверены в том, что Леви, не будучи членом Центрального Комитета, может быть лишь опасен для партии. Они не раз уже убеждались в том, что партийная дисциплина, по его мнению, обязательна только для других, а не для него самого. После долгих настояний он выразил, наконец, готовность взять обратно свой ультиматум об отставке, если партия согласится избрать двух председателей с более широкими полномочиями, ибо «с такой дурацкой машиной, как состоящий из 14 членов президиум, никакая разумная работа невозможна». Несмотря на оскорбительность подобной мотивировки для остальных членов Центрального Комитета, его предложение было принято, так как все признавали желательным для партии создание единого, стройного руководящего органа. Каждый с радостью готов был подчиниться такому органу.

Пауль Леви и Эрнст Деймиг вступили на пост председателей, и казалось, что теперь можно было ожидать осуществления самых заветных надежд. Партия теперь не была уже маленькой сектой: после слияния в ней насчитывалось несколько сот тысяч членов; коммунистическая партия стала массовой партией.

На об'единительном партийном с'езде Леви, обращаясь в своей речи к германскому пролетариату, об'яснял ему, что спасение он может найти только в коммунистической партии. Свою речь он закончил следующими словами: «Учитывая наше положение и их положение, мы всем революционным рабочим, стоящим до сих пор еще вне коммунистической партии, говорим: introite, nam hic dii sunt—войдите сюда, потому что здесь, у нас—боги». Эта громкая фраза налагала на оратора большие обязательства. Рабочим, стоявшим вне партии, необходимо было теперь доказать, что боги именно в ней. В противном случае партия оказалась бы смешной в глазах этих рабочих. А поведение Леви после этой речи было таково, что слова о богах, пребывающих у нас, должны были быть германскими рабочими восприняты, как хвастовство, граничащее с манией величия. Ни разу не выступил он, как истинный вождь новой партии. Ему дали власть, а он совершенно не использовал ее. Его умоляли использовать эту председательскую власть, а он умышленно не делал этого. Он не председательствовал на собраниях. Он не подготовлял порядка дня. Во время заседаний он читал газеты и не слушал того, что говорят. Когда приближалось время обеда, он, нисколько не стесняясь, уходил, покидая зал заседаний. Он заявлял, что ему необходимо во-время ложиться спать, и требовал, чтобы все считались с этим. Он требовал величайшей аккуратности от других, а сам на собраниях, где он должен был выступать, заставлял товарищей часами ожидать своего прихода. Короче, всем своим поведением он настолько затруднял работу своим сотрудникам и сочленам по партии, что никто не чувствовал себя вполне довольным, работая под его руководством. Душой он не был ни с партией, ни с рабочими. Они были для него только об'ектами, над которыми он проделывал опыты применения своих внезапно появляющихся и столь же внезапно исчезающих идей. Леви—человек, несомненно, способный, но у него никогда не было уменья согреть других теплом своих способностей. А как мог он быть руководителем партии, когда ему не хватало сил для того, чтобы управлять самим собою? Партия имела двух председателей, облеченных полнотою власти, но в руководстве ею чувствовалась ужасающая беспомощность. Каждый день приносил доказательство того, что председатели вовсе не руководят партией, а изнывают под бременем своей неиспользованной власти.

Позиция Леви в итальянском вопросе достаточно известна. В этом случае он прекратил борьбу чуть ли не раньше, чем он ее начал. Когда ему указывали на двойную игру серратианцев, на опасности, которые влечет за собой поддержка Серрати, когда ему говорили, что нельзя так односторонне всю вину возлагать на представителей Исполкома, тогда Леви решил бросить вызов другим членам Центрального Комитета. Он не считал нужным приводить доказательства. Он просто заявлял. Он выступил с разными заподазриваниями по адресу Интернационала. Когда товарищи потребовали у него доказательств, то он назвал этих товарищей дураками и ослами, которые не понимают, какая игра ведется за кулисами Исполкома Интернационала. Он заявил, что слагает с себя обязанности председателя. Несмотря на его оскорбительные отзывы о товарищах, его просили все же не приносить партии вреда своим уходом. Его просили попытаться хоть вкратце об'яснить, почему он считает ошибочной тактику Коммунистического Интернационала, для того, чтобы можно было оздоровить Коминтерн. Леви возразил на это, что это совершенно безнадежное предприятие; несогласные с ним члены Центрального Комитета, уговаривая его продолжать совместную работу, доказывают-де этим лишь свою бесхарактерность и отсутствие чувства собственного достоинства.

С того момента, когда он вышел из Центрального Комитета партии, начинается его кампания мести. Человек, который, стоя до

сих пор на самом ответственном посту в партии, не находил в себе нужной инициативы, силы, ясности и выдержки, почувствовал себя вдруг юным Зигфридом. Он с нескрываемой радостью подчеркивал ошибки, так называемой, левой. Он желал этих ошибок, так как не раз он предсказывал полное банкротство этой левой. Ему казалось, что мартовское выступление означает полный крах левого крыла в партии и что вместе с тем это выступление поможет свержению ненавистного ему Исполкома III Интернационала, а это свержение, в свою очередь, будет означать крах постановлений II Всемирного Конгресса,—и тогда, может быть, наступит, наконец, день, когда Пауль Леви поднимется на горизонте яркой звездой, как общепризнанный спаситель коммунистического движения всего мира. Его критика не знает никаких границ. Он не признает никакой дисциплины, своими поступками он провоцирует всех партийных товарищей. Он не слагает своих парламентских полномочий, несмотря на данное им в свое время честное слово сделать это по первому же требованию партии. Округ, от которого он был избран, единогласно постановил требовать этого. Леви воспользовался случаем для того, чтобы публично дискредитировать партию и партийную дисциплину, он заявил в буржуазном рейхстаге о своем решении не расставаться с мандатом, даже если коммунистическая партия потребует от него этого на основании заранее подписанного им заявления.

Составив обвинительный акт, т. е. написав брошюру «Наш Путь», он поставил эпиграфом к этой брошюре слова Флориана Гейера:

> «Гром и молния, что мне теперь до того, Все равно, раскаиваешься ли ты или не раскаиваешься, заставляли ли тебя или не заставляли. Знаете ли вы, что вы наделали? Самое правое дело, самое благородное, самое святое дело, которое Господь один только раз дал вам в руки и, может быть, никогда больше не даст,—в ваших руках оно испакостилось, как драгоценность в свином хлеву».

В ответ на это жестокое обвинение рабочие спрашивали, что сделал Пауль Леви для того, чтобы удержать партию от того преступления, в котором он ее обвиняет. Ответ вытекал сам собой из поведения Леви в течение его трехлетнего председательствования. Приговор рабочих был таков: ты не имеешь права все это говорить, потому что ты ничего не сделал для того, чтобы приобрести такое право. Ты говоришь, что хотел спасти партию, но твои поступки были направлены на то, чтобы толкнуть ее в пропасть. Ты называл себя преданнейшим другом партии и теперь присоединился к ее злейшим врагам. Ты не был ее защитником в самые тяжелые минуты, и теперь выступаешь в качестве обвинителя. Ты не соблюдал дисциплины, ты презирал ее и попирал ее ногами. Ты не связан душой с партией, ты—лишь безгранично тщеславный человек, для которого партия была только средством придать блеск собственной личности; с твоим уходом партия не потеряла ничего.

Может быть, этот приговор был несколько жесток, но никогда ни один вождь партии всеми своими поступками не отгораживался так от масс, как Пауль Леви.

Он сжег за собой все мосты, ведущие к III Интернационалу и к Коммунистической Партии Германии, сделав предварительно попытку взорвать партию изнутри. После своего исключения, он организовал в партии заговор. Он наталкивал товарищей, питавших к нему доверие, на поступки, вредящие партии. Он делал все, что только могло принести вред партии, так как он ведь приговорил ее к смерти, после того, как она не пошла по его пути; несмотря на его пророчества, она крепнет и оздоровляется, и для того, чтобы ее погубить, он продолжает свою кампанию мести и злобы. Некоторые из его сторонников идут за ним по личной склонности к нему, другие следуют за ним, веря в то, что он очень одаренный, но непонятый человек, который еще покажет себя в будущем. Последние—это те, которые потеряли веру в себя и в свое дело, которые испугались гигантских задач, стоящих перед коммунистической партией, и чувствуют, что эти задачи им не по плечу. Пауль Леви обвинял партию и Интернационал в том, что они стремятся не к организации масс, но к образованию сект, что они представляют собою секту активных бунтарских элементов, бакунистов, бланкистов. В действительности же его собственный путь вел к созданию секты—секты импотентов.

Леви человек, в сущности, очень одаренный и он мог бы быть выдающейся силой в Коммунистическом Интернационале, если бы его гордость, его недисциплинированный характер, его постоянно прорывающееся высокомерие в обращении с массами не лишали его качеств, необходимых для истинного вождя. Такие люди обречены на то, чтобы разбивать, а не создавать, они неизбежно должны, в конце концов, принести вред всякому движению. Мы еще раз ярко осветили личность Леви и его деятельность внутри Коммунистической Партии Германии; мы сделали это потому, что люди с подобными качествами имеются и в коммунистических партиях других стран, для которых поэтому небесполезно изучить поведение таких людей. Они говорят много красивых слов о мобилизации пролетарских масс, и их словам доверяют, на них опираются как на каменную гору, и вдруг в один прекрасный день оказывается, что путь их ведет от массовой партии к секте.

Фриц Геккерт.

ПИСЬМО К НЕМЕЦКИМ КОММУНИСТАМ *).

Уважаемые товарищи!

Я намеревался в обстоятельной статье изложить свой взгляд на уроки III Конгресса Коммунистического Интернационала. К сожалению, мне не удалось по болезни взяться за эту работу до сих пор. Назначение с'езда вашей партии, «Об'единенной Коммунистической Партии Германии» (V. K. P. D.), на 23 августа заставляет меня поспешить с этим письмом, которое я должен закончить в несколько часов, чтобы не опоздать отправить его в Германию.

Насколько я могу судить, положение коммунистической партии в Германии особенно тяжело. Это понятно.

Во-первых и главным образом, международное положение Германии чрезвычайно быстро и резко обострило, начиная с конца 1918 года, ее внутренний революционный кризис; толкая авангард пролетариата на немедленное завоевание власти. В то же время и немецкая и вся международная буржуазия, великолепно вооруженные и организованные, обученные «русским опытом», обрушились на революционный пролетариат Германии с бешеной ненавистью. Десятки тысяч лучших людей Германии, ее революционных рабочих, перебиты и замучены буржуазией, ее героями — Носке и К°, ее прямыми слугами — Шейдеманами и т. д., ее косвенными и «тонкими» (и потому особенно для нее ценными) пособниками — рыцарями «II½ Интернационала», с их подлой бесхарактерностью, колебаниями, педантизмом, мещанством. Вооруженная буржуазия ставила ловушки безоружным рабочим, убивала их массами, убивала их вождей, систематически подкарауливая одного за другим, великолепно используя при этом контрреволюционный вой из среды социал-демократов обоих оттенков, и шейдемановского и каутскианского. А действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось, вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеманы, Легины, Давиды и К°) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К°) бандой лакеев капитала. В каждом честном, сознательном рабочем, который принимал Базельский манифест 1912 года за чистую монету, а не за «отписку» негодяев «II» и «II½» разряда, с невероятной остротой просыпалась ненависть к оппортунизму старой германской социал-демократии, и эта ненависть — самое благородное, самое великое чувство лучших людей из угнетенной и эксплуатируемой массы — ослепляла людей, не позволяла им рассуждать хладнокровно, вырабатывать свою правильную стратегию в ответ на превосходную стратегию вооруженных, организованных, обученных «русским опытом», поддержанных Францией, Англией, Америкой капиталистов Антанты; эта ненависть толкала на преждевременные восстания.

Вот почему развитие революционного рабочего движения в Германии шло, начиная с конца 1918 года, особенно тяжелым и мучительным путем. Но оно шло и неуклонно идет вперед. Постепенная передвижка налево рабочей массы, настоящего большинства трудящихся и эксплуатируемых в Германии, как организованных в старые, меньшевистские (т. е. служащие буржуазии) профсоюзы, так и неорганизованных совсем или почти совсем, — это факт неоспоримый. Не терять хладнокровия и выдержки; систематически исправлять ошибки прошлого; неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их; терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий; вырабатывать в себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом» в особенности) передовой буржуазии, — вот что надо делать и вот что будет делать немецкий пролетариат, вот что гарантирует ему победу.

С другой стороны, в данную минуту тяжелое положение Коммунистической Партии Германии еще более затруднено отколом плохоньких коммунистов слева («Коммунистическая Рабочая Партия Германии», K. A. P. D.) и справа (Пауль Леви с своим журальчиком: «Наш Путь» или «Совет»).

«Левые», или «ка-а-писты», получили от нас достаточно предупреждений на международной арене, начиная с II Конгресса Коминтерна. Пока еще не выработались, по крайней мере в главнейших странах, достаточно крепкие, опытные, коммунистические партии, участие полуанархистских элементов на наших международных с'ездах приходится терпеть, и оно даже до известной степени полезно. Полезно постольку, поскольку эти элементы служат наглядным, «устрашающим примером» для неопытных коммунистов, а также постольку, поскольку сами они еще способны учиться. Во всем мире анархизм распадается — и не со вчерашнего дня, а с начала империалистской войны 1914—1918 г.г. —

*) *От ред.:* По случайным причинам письмо тов. Ленина печатается в «К. И.» с опозданием. За это время П. Леви еще дальше ушел вправо.

на два течения: за-советское и противосоветское, за диктатуру пролетариата и против нее. Надо дать этому процессу распада анархизма назреть и дозреть. В Западной Европе почти нет людей, переживших сколько-нибудь крупные революции; опыт великих революций там почти совершенно забыт; а переход от желания быть революционным и от разговоров (и резолюций) о революции к действительной революционной работе есть очень трудный, медленный, мучительный переход.

Разумеется, однако, что лишь в меру можно и должно терпеть полуанархистские элементы. В Германии мы их терпели очень долго. III Конгресс Коммунистического Интернационала поставил им ультиматум с точным сроком. Если они теперь сами ушли из Коммунистического Интернационала, тем лучше. Во-первых, они избавили нас от труда исключать их. Во-вторых, перед всеми колеблющимися рабочими, перед всеми, кто имел тяготение к анархизму из ненависти к оппортунизму старой социал-демократии, теперь продемонстрировано с особой обстоятельностью и особой наглядностью, доказано точными фактами, что Коммунистический Интернационал был терпелив, что он вовсе не изгонял анархистов немедленно и безусловно, что он внимательно их выслушивал и помогал им учиться.

Теперь надо поменьше обращать внимания на ка-а-пистов. Мы делаем только им рекламу своей полемикой с ними. Они слишком неумны; брать их в серьез неправильно; сердиться на них не стоит. Влияния в массах они не имеют и не получат, если мы сами не будем делать ошибок. Предоставим этому течению вымереть естественной смертью; рабочие сами разберутся в его несостоятельности. Будем пообстоятельнее пропагандировать и применять на деле организационные и тактические решения III Конгресса Коминтерна и поменьше делать рекламу ка-а-пистам полемикой с ними. Детская болезнь левизны проходит и пройдет с ростом движения.

Точно также и Паулю Леви мы напрасно помогаем теперь, напрасно делаем ему рекламу полемикой с ним. Ему только того и хочется, чтобы мы с ним спорили. Надо забыть о нем после решения III Конгресса Коминтерна и все внимание, все силы направить на мирную (без склоки, без полемики, без вспоминания вчерашних драк), деловую, положительную работу в духе решений нашего III Конгресса. Против этого общего и единогласного решения III Конгресса немало грешит, по моему убеждению, статья тов. К. Радека: «III Всемирный Конгресс о мартовском выступлении и дальнейшая тактика» (в центральном органе Об'единенной Коммунистической Партии «Красное Знамя», №№ от 14 и 15 июля 1921 г.). Статья эта, присланная мне одним товарищем из кругов польских коммунистов, без всякой надобности—и с прямым вредом для дела—заострена не только против Пауля Леви (это было бы совсем еще неважно), но и против Клары Цеткиной. А Клара Цеткина сама заключила в Москве, во время III Конгресса, «мирный договор» с Цека («Централе») Об'единенной Коммунистической Партии Германии о дружной, нефракционной работе. И этот договор был одобрен всеми нами. Тов. К. Радек в своем неуместном полемическом усердии договорился до такой неправды, что приписал Цеткиной мысль, будто она «откладывает» (verlegt) «всякое выступление партии» (jede allgemeine Aktion der Partei) «до того дня, когда поднимутся великие массы» (auf den Tag, wo die grossen Massen aufstehen werden). Разумеется, что такими приемами тов. К. Радек оказывает такую услугу Паулю Леви, лучше которой ему нельзя бы и желать. Паулю Леви только того и хочется, чтобы споры бесконечно затягивались, чтобы в споры втягивалось побольше народу, чтобы Цеткину старались оттолкнуть от партии полемическими нарушениями того «мирного договора», который она же заключила и который всем Коммунистическим Интернационалом был одобрен. Тов. К. Радек дал своей статьей прекрасный образчик того, как «слева» помогают Паулю Леви.

Здесь я должен об'яснить немецким товарищам, почему я так долго защищал Пауля Леви на III Конгрессе. Во-первых, потому, что я познакомился с Леви через Радека в Швейцарии в 1915 или 1916 году. Леви уже тогда был большевиком. А я не могу не питать известного недоверия к тем, кто пришел к большевизму *лишь после* его победы в России и ряда побед на международной арене. Но, разумеется, эта причина сравнительно неважная, ибо я все же знаю Пауля Леви лично весьма мало. Несравненно важнее была вторая причина, именно та, что Леви *прав по существу* во многом в своей критике мартовского выступления 1921 года в Германии (конечно, не в том, будто это выступление было «путчем»: это утверждение Пауля Леви есть вздор).

Правда, Леви сделал все возможное и много невозможного для того, чтобы ослабить и испортить свою критику, чтобы затруднить себе и другим понимание *существа* дела массой мелочей, в которых он явно неправ. Леви облек свою критику в недопустимую и вредную форму. Леви, проповедующий другим осторожную и обдуманную стратегию, сам наглупил хуже всякого мальчишки, пустившись в бой так преждевременно, так неподготовленно, так нелепо, так дико, что он наверняка проигрывал «бой» (и на долгие годы портил или затруднял себе работу), хотя этот «бой» можно и должно было выиграть. Леви поступил, как «интеллигентский анархист» (если я не ошибаюсь, это называется по немецки Edelanarchist) вместо того, чтобы поступить как организованный член пролетарского Коммунистического Интернационала. Леви нарушил дисциплину.

Этим рядом невероятно глупых ошибок Леви затруднил сосредоточение внимания на существе дела. А существо дела, т. е. оценка и *исправление* многочисленных ошибок, допущенных Об'единенной Коммунистической Партией Германии при мартовском выступлении 1921 года, имело и имеет громадную важность. Для раз'яснения и исправления этих ошибок (которые кое-кем возводились в перл марксистской тактики), *надо было* стоять на *правом* крыле во время III Конгресса Коминтерна. Иначе *линия* Коминтерна была бы *неверна*.

Я защищал и должен был защищать Леви, поскольку я видел перед собой таких противников его, которые по-простому кричали о «меньшевизме» и «центризме», не желая видеть ошибок мартовского выступления и необходимости их раз'яснить и исправить. Такие люди превращали революционный марксизм в карикатуру, борьбу с «центризмом»—в смешной спорт. Такие люди грозили принести величайший вред всему делу, ибо «никто в мире не в состоянии скомпрометировать революционных марксистов, если они сами себя не скомпрометируют».

Я говорил таким людям: допустим, что Леви стал меньшевиком. Мало зная его лично, я не стану упираться, если мне докажут это. Но пока это еще не доказано. Пока доказано только то, что он *потерял голову*. За это одно об'являть человека меньшевиком есть ребяческая глупость. Выработка опытных и влиятельнейших вождей партии—долгое, трудное дело. А без этого диктатура пролетариата, «единство воли» его останутся фразой. У нас, в России выработка группы руководителей шла 15 лет (1903—1917), 15 лет борьбы с меньшевизмом, 15 лет преследований царизма, 15 лет, среди коих были годы первой революции (1905), великой и могучей революции. И все же у нас бывали печальные случаи «потери головы» даже превосходнейшими товарищами. Если западноевропейские товарищи воображают, что они застрахованы от подобных «печальных случаев», то это такое ребячество, с которым нельзя не бороться.

Леви должен был быть исключен за нарушение дисциплины. Тактика должна была быть определена *на основе* подробнейшего раз'яснения и исправления ошибок мартовского выступления 1921 г. Если *после* этого Леви захочет вести себя по старому, тогда он подтвердит правильность его исключения, тогда тем с большей силой, тем с большей убедительностью для колеблющихся или неуверенных рабочих будет доказана полнейшая правильность решений III Конгресса о Пауле Леви.

И чем осторожнее подходил я на Конгрессе к оценке ошибок Леви, тем с большей уверенностью могу я сказать теперь, что Леви поторопился подтвердить худшие предположения. Передо мной лежит № 6 его журнальчика «Наш Путь» (от 15. VII. 1921). Из редакционного заявления, которое напечатано во главе журнала, видно, что решения III Конгресса Паулю Леви известны. Его ответ на них? Меньшевистские словечки о «великом отлучении» (Grosser Bann), о «церковном праве» (Kanonisches Recht), о том, что он будет «обсуждать» эти решения «с полной свободой» (in vollständiger Freiheit). Какая же тут свобода может быть полнее, если человек освобожден от звания члена партии и члена Коминтерна! А писать у него, Леви, будут, видите ли, члены партии анонимно!

Сначала — подвох против партии, драка из-за угла, порча работы партии.

Потом—обсуждение решений Конгресса по существу.

Это великолепно.

Но этим Леви и убивает себя окончательно.

Паулю Леви хочется продлить драку.

Величайшей стратегической ошибкой будет удовлетворение этого желания. Я бы посоветовал немецким товарищам: запретить полемику с Леви и с его журнальчиком на страницах ежедневной прессы партии. Не надо делать ему рекламы. Не надо позволять ему отвлекать внимание борющейся партии от важного на неважное. В случаях крайней необходимости полемизировать в еженедельных, ежемесячных журналах или брошюрах и, по возможности, не доставлять ка-а-пистам и Паулю Леви удовольствия, которое они испытывают, когда называют их по имени, а говорить просто о «некоторых не очень умных критиках, желающих непременно считать себя за коммунистов».

Мне сообщают, что на последнем заседании Расширенного Центрального Комитета (Ausschuss) даже левый Фрисланд вынужден был резко выступить против играющего в левизну и желающего упражняться в спорте «травли центристов» Маслова. Неразумность (говоря мягко) поведения этого Маслова сказалась и здесь, в Москве. Право, следовало бы немецкой партии откомандировать годика на два в Советскую Россию этого Маслова и 2—3 его единомышленников и соратников, явно не желающих соблюдать «мирного договора» и усердствующих не по разуму. Мы бы им нашли полезное дело. Мы бы их переварили. А польза для международного и для немецкого движения была бы явная.

Во что бы то ни стало немецкие коммунисты должны кончить внутреннюю драку, отсечь драчливые элементы с обеих сторон, забыть о Пауле Леви и о ка-а-пистах, заняться настоящим делом.

Дела много.

Тактическая и организационная резолюции III Конгресса Коммунистического Интернационала знаменуют, по моему, большой шаг движения вперед. Все силы надо напрячь, чтобы на деле провести обе эти резолюции в жизнь. Это трудно, но это можно и должно сделать.

Сначала коммунисты должны были на весь мир провозгласить свои принципы. Это сделано на I Конгрессе. Это первый шаг

Вторым шагом было организационное оформление Коммунистического Интернационала и выработка условий приема в него,— условий отделения на деле от центристов, от прямых и косвенных агентов буржуазии внутри рабочего движения. Это сделано на II Конгрессе.

На III Конгрессе надо было начать деловую, положительную работу, определить конкретно, учитывая практический опыт начатой уже коммунистической борьбы, определить, *как именно* работать дальше в отношении тактическом и в отношении организационном. Этот третий шаг мы и сделали. Мы имеем армию коммунистов во всем мире. Она еще плохо обучена, плохо организована. Величайшим вредом для дела было бы забвение этой истины или боязнь признать ее. Эту армию надо деловым образом, с величайшей осторожностью и строгостью проверяя себя, изучая опыт своего собственного движения, как следует обучать, как следует организовать, испытать на всяческих маневрах, на разнообразных сражениях, на операциях наступления и отступления. Без этой долгой и тяжелой школы победить нельзя.

«Гвоздем» положения в международном коммунистическом движении летом 1921 года было то, что некоторые из лучших и влиятельнейших частей Коминтерна не совсем правильно поняли эту задачу, *чуточку преувеличили* «борьбу с центризмом», *чуточку перешли* ту грань, за которой эта борьба превращается в спорт, за которой начинается компрометация революционного марксизма.

В этом был «гвоздь» III Конгресса.

Преувеличение было небольшое. Но опасность его была громадная. Бороться с ним было трудно, ибо преувеличение совершали действительно лучшие, преданнейшие элементы, без которых, пожалуй, и вовсе не было бы Коминтерна. В тактических поправках, напечатанных в газете «Москва» на немецком, французском и английском языках за подписью делегаций немецкой, венгерской и итальянской, это преувеличение сказалось вполне определенно,—тем более определенно, что поправки внесены были к законченному уже (после долгой и всесторонней подготовительной работы) проекту резолюции. Отклонение этих поправок было *выпрямлением* линии Коминтерна, было победой над опасностью преувеличения.

А преувеличение, если бы его не исправить, погубило бы Коминтерн наверняка. Ибо «никто в мире не сможет скомпрометировать революционных марксистов, если они сами себя не скомпрометируют». Никто в мире не сможет помешать победе коммунистов над II-ым и II½-ым Интернационалами (а это значит, в условиях Западной Европы и Америки 20-го века, после первой империалистской войны, — победе над буржуазией), *если* сами коммунисты не помешают ей.

А преувеличить, хотя бы чуточку, это и значит помешать победе.

Преувеличить борьбу с центризмом значит *спасти* центризм, *укрепить* его положение, его влияние на рабочих.

Вести победоносную борьбу с центризмом мы, в интернациональном масштабе, научились за период с II до III Конгресса. Это доказано делом. Эту борьбу мы продолжим (исключение Леви и партии Серрати) до конца.

Но вести борьбу против неправильных преувеличений в борьбе с центризмом мы *еще не* научились в интернациональном масштабе. Но мы этот свой недостаток поняли, как доказал ход и исход III Конгресса. И именно потому, что мы свой недостаток сознали, *мы от него избавимся.*

А тогда мы будем непобедимы, ибо без опоры внутри пролетариата (через буржуазных агентов II-го и II½-го Интернационалов) буржуазия в Западной Европе и Америке удержать власть *не в состоянии.*

Более тщательная, более солидная подготовка к новым, все более решающим битвам как оборонительным, так и наступательным,—вот в чем основное и главное в решениях III Конгресса.

... «Коммунизм станет в Италии массовой силой, если Коммунистическая Партия Италии, борясь непрерывно, непреклонно против оппортунистической политики серратианства, в то же время окажется в состоянии связаться с массами пролетариата в профсоюзах, в стачках, в сражениях против контр-революционных организаций фашистов, слить вместе движения всех организаций рабочего класса, превратить его самопроизвольные выступления в тщательно подготовленные сражения»...

...«Об'единенная Коммунистическая Партия Германии тем успешнее будет в состоянии проводить массовые выступления, чем лучше в будущем станет она приспособлять свои боевые лозунги к действительной ситуации, тщательнейшим образом изучать эту ситуацию, осуществлять выступления наиболее об'единенно, дисциплинированно»... Таковы существеннейшие места тактической резолюции III Конгресса.

Завоевание на нашу сторону большинства пролетариата — вот «главнейшая задача» (заглавие § 3 в тактической резолюции).

Это завоевание большинства мы, конечно, не понимаем формально, как понимают рыцари мещанской «демократии» из II½ Интернационала. Когда в Риме в июле 1921 года весь пролетариат пошел за коммунистами против фашистов, и реформистский пролетариат из профсоюзов, и центристский из партии Серрати, это было *завоевание большинства* рабочего класса на нашу сторону.

Это было еще далеко, далеко не решающее, только частичное, только мимолетное, только локальное завоевание. Но это было завоевание большинства. Такое завоевание

возможно — даже тогда, когда большинство пролетариата формально идет за вождями из буржуазии или за вождями, проводящими буржуазную политику (каковы все вожди II и II½ Интернационалов), или когда большинство пролетариата колеблется. Такое завоевание неуклонно во всем мире подвигается всюду и всячески вперед. Будем солиднее и тщательнее подготовлять его, не упустим ни одного серьезного случая, когда буржуазия заставляет пролетариат подниматься на борьбу, научимся правильно определять моменты, когда *массы* пролетариата *не могут* не подняться вместе с нами.

Тогда победа обеспечена, как бы ни были еще тяжелы отдельные поражения и отдельные переходы в нашем великом походе.

Наши тактические и стратегические приемы отстали еще (если судить в интернациональном масштабе) от превосходной стратегии буржуазии, которая научилась на примере России и не даст себя «взять врасплох». Но сил больше, неизмеримо больше за нами, тактике в стратегии мы учимся, мы подвинули вперед эту «науку» на опыте ошибок мартовского выступления 1921-го года. Мы одолеем эту «науку» целиком.

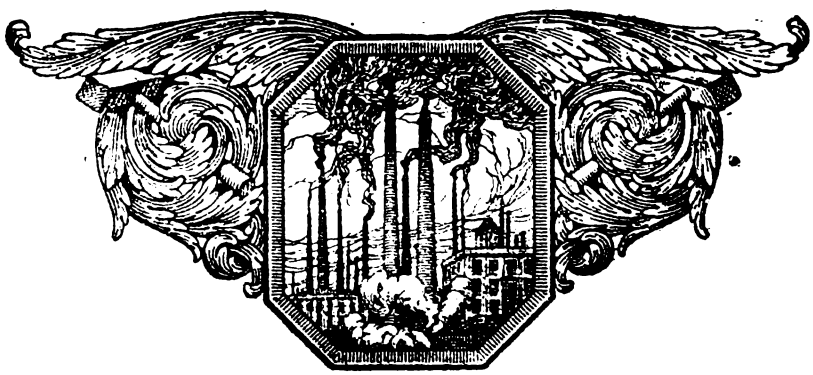
Наши партии еще в громадном большинстве стран далеко, далеко не таковы, какovыми должны быть настоящие коммунистические партии, настоящие авангарды действительно революционного и единственно революционного класса, с поголовным участием всех членов партии в борьбе, в движении, в повседневной жизни масс. Но мы знаем этот наш недостаток, мы его вскрыли с наибольшей наглядностью в резолюции III Конгресса о работе партии. И мы этот недостаток преодолеем.

Товарищи, немецкие коммунисты! Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы ваш партийный с'езд 22 августа покончил твердой рукой и навсегда с мелкой борьбой с отколовшимися влево и вправо. Довольно внутрипартийной борьбы! Долой всякого, кто пожелает еще прямо или косвенно затягивать ее! Мы знаем теперь свои задачи много яснее, конкретнее, нагляднее, чем вчера; мы не боимся указывать открыто на свои ошибки, чтобы исправлять их. Мы отдадим теперь все силы партии на ее лучшую организацию, на повышение качества и содержания ее работы, на создание более тесной связи с массами, на выработку все более и более правильной и точной тактики и стратегии рабочего класса.

С коммунистическим приветом

Н. ЛЕНИН.

14 августа 1921 года.

СИНДИКАЛИСТЫ И КОММУНИСТЫ ВО ФРАНЦИИ.

Самым серьезным и, вместе с тем, самым щекотливым из вопросов, стоящих в настоящее время перед французской революционной мыслью, является, без сомнения, вопрос о синдикализме. Вопрос здесь заключается не столько в деятельности партии в синдикатах, сколько в отношениях между коммунистической партией и подлинно революционными синдикалистами. Как осуществить согласие, единение и плодотворное сотрудничество всех революционно-коммунистических элементов во Франции? Вопрос—разрешить так трудно потому, что над ним тяготеет все прошедшее, традиции старого рабочего движения. При изучении этого вопроса и при попытках к его разрешению, необходимо считаться с этими традициями, от которых, не смотря ни на что, революционеры еще не совсем освободились. Коммунистическая партия—молода: она появилась на свет лишь после раскола в Туре. Она приняласъ за очищение своих рядов и выпрямление своей политической линии, что привлекло к ней симпатии рабочих масс и всех революционеров. Но то, что произошло в Туре, было только началом, предвещающим наступление новой эры. В первый год своего существования партия не оправдала тех надежд, которые возлагались на нее революционерами; в своей политике она проявляла нерешительность, колебания, неуверенность в себе; над нею тяготело реформистское прошлое социалистической партии Жореса, Реноделя и Лонге. Правда, после с'езда в Туре она проделала серьезную и крупную организационную работу: она сплотила 130 тысяч своих сторонников, поставила на прочное основание и расширила свою печать, развила пропаганду. Но у нее не было политического руководства. Ее Центральный Комитет, поглощенный мелкими организационными и административными заботами, не был политическим органом, направляющим изо-дня в день всю мысль и деятельность партии; в этот первый год существования коммунистической партии ей не хватало дисциплины и коллективного сознания.

Во Всеобщей Конфедерации Труда хозяевами положения остались политики военного времени, но поднявшееся против них революционное синдикалистское меньшинство все росло, усиливаясь с каждым конгрессом. Еще до с'езда в Лилле большинство конфедерации старалось избавиться от меньшинства и вызвать раскол путем исключения синдикалистов меньшинства. Жуо и его ад'ютанты забили на с'езде в Лилле отбой, видя враждебное отношение рабочих масс к их политике внесения раскола в профсоюзное движение. Но после Лилля политика раскола продолжается; большинство конфедерации боится нового с'езда, на котором ему угрожает поражение, и пользуясь всяким поводом, оно старается толкнуть меньшинство на разрыв. Случаи исключения синдикатов меньшинства учащаются, так что меньшинству грозит распыление и истощение до будущего с'езда. Не надо забывать, что хотя Всеобщая Конфедерация Труда и собрала во время войны более двух миллионов сторонников, но она не сумела удержать своих позиций. Провал майского (1920 г.) забастовочного движения, вследствие измены вождей конфедерации, вызвал массовый уход из организаций, в которых теперь остались лишь прежние их кадры.

Те элементы, которые вели во Всеобщей Конфедерации Труда ожесточенную и упорную борьбу с реформизмом и об'единились ныне в Революционные Синдикалистские Комитеты, не имеют до сих пор никакой определенной программы. Они по прежнему находятся во власти революционно-синдикалистских традиций прежней Всеобщей Конфедерации Труда. Их более или менее ясною и сознательною целью является направить снова Всеобщую Конфедерацию Труда на тот революционный путь, по которому она шла и боролась до войны. Конечно, и синдикалисты понимают, что в мире произошли события большой исторической важности и что с этими событиями должны считаться все революционеры. Они знают, что эти события требуют точной ориентации революционной мысли и тактики. Но Революционные Синдикалистские Комитеты не проделали этой необходимой работы мысли, сосредоточившись на отрицательной, по самому своему существу, программе борьбы с Жуо, Мергеймом и конфедерационным реформизмом; а в положительном смысле они ограничились лишь сохранением верности традициям и прошлому революционного синдикализма.

Это отсутствие положительной революционной мысли и программы составляют слабую сторону синдикалистского меньшинства. Оно парализует почти всю его деятельность, ибо как только это меньшинство сходит с узкой арены борьбы с большинством и подходит к великим запросам революционной мысли, оно наталкивается в

своей собственной среде на оппозицию, на различные течения, которые, с того дня, когда это меньшинство станет большинством, неизбежно будут препятствовать его плодотворной работе.

Тенденции меньшинства.

В Революционных Синдикалистских Комитетах наблюдается четыре наиболее ярко выраженных направления, сила и значение которых различны, но изменчивы, ибо, как и сама эта организация, они еще не выявили своей основной идеи и не имеют точной, ясно выраженной программы. В общей путанице умов, различные группы постепенно кристаллизуются на следующих четырех полюсах.

1. Анархисты. Они находятся под влиянием «Либертера» и принадлежат к явным контр-революционерам. Крепко держась за свою идеологию, как верующие за свою веру, как фанатики за культ обрядности,—они ничему не научились и не хотят ничему научиться на опыте истории. Они идут своим путем, повторяя заученные до войны и русской революции догматы и напоминая священников, неустанно твердящих символ веры или слова молитвы. Как все догматики, они не в состоянии освежить свою мысль. Они революционеры только на словах. В действительности-же, они ничего не понимают в революции и стали ее врагами, ибо принципы старого буржуазного либерализма, продолжающие жить в их «либертерной» идеологии, мешают им понять требования социальной революции. Их влияние в Революционных Синдикалистских Комитетах ничтожно, но не подлежит сомнению, что оно будет усиливаться в связи с попытками некоторых товарищей-коммунистов подчинить профессиональное движение руководству партии.

2. Чистые синдикалисты. Так называют себя анархо-синдикалисты, являющиеся представителями старого направления, господствовавшего до войны во Всеобщей Конфедерации Труда. Их взгляды выражают ныне Вердье, Бенар и Кентон, в свою очередь находящиеся под влиянием Гриффюэля. Не заглядывая, подобно анархистам, среди формул прошлого, сохраняя более тесный контакт с жизнью и борьбою, которую ведет рабочий класс, и будучи, прежде всего, людьми действия, они хорошо понимают, что история за последние десять лет принесла кое-что новое, с чем революционеры должны считаться. Но и они не приступили к обновлению своей идеологии, предпочитая повторять старые шаблоны и ссылаться на традиции прошлого. Амьенская Хартия, автономия синдикатов, федерализм, борьба с засилием государства, самодавлеющей синдикализм—вот те «табу», те священные формулы, к которым они прибегают во всех случаях, вместо того, чтобы размышлять и развивать свою мысль. Но под этими формулами прошлого чувствуется беспокойство и колебания в их душе. С глазу на глаз они охотно соглашаются, что Амьенская Хартия устарела и что история требует пересмотра и исправления теорий довоенного времени. Но как только их мысль начинает работать, они снова возвращаются в колею традиций. Они отрицают революционную роль коммунистической партии. По их мнению, проводником революции остается активное меньшинство, которое сплотилось в лоне Всеобщей Конфедерации Труда и должно организоваться, чтобы быть способным к руководству всем ходом революции. Эти товарищи отгораживают для партии в борьбе рабочего класса узкое пространство политической борьбы, именуемой, согласно их фразеологии, «парламентской». По их мнению, партия играет второстепенную и, может-быть, даже совершенно ненужную роль. Несомненно, что в этой тенденции окристаллизовались теории французского довоенного синдикализма, которые были глубоко революционными и передовыми в тот момент, когда они были формулированы и провозглашены Всеобщей Конфедерацией Труда—в противовес реформистскому социализму,—но, теперь, после опыта русской революции и других революционных движений, возникших после войны, теории эти во многом опровергнуты самой жизнью. Попытки воскресить в новых изменившихся исторических условиях, прошлое, которое когда то было революционным, еще не свидетельствуют об истинно революционном духе.

Эта тенденция, хотя ее и отстаивают секретари Революционных Синдикалистских Комитетов, не является господствующею в меньшинстве конфедерации. Но, подобно анархистской тенденции, и она усиливается, благодаря попыткам подчинить профсоюзы партии.

3. Синдикалисты-коммунисты, группирующиеся вокруг «Ви Увриер» и возглавляемые Монатом, Монмуссо и Росмером, идейно руководят синдикальным меньшинством. Искренние революционеры, люди мысли и дела, они в корне обновили свои революционные идеи под влиянием исторического опыта. Они привили коммунизм к старому, но здоровому и жизнеспособному стволу революционного синдикализма. Когда они формулируют свои взгляды на все великие вопросы революции, они делают это в духе конгрессов Коминтерна. Свободные от шаблонов какой бы то ни было идеологии, они готовы принять, без предубеждений и предрассудков, все то, что необходимо для торжества революции. Но и они, находясь под влиянием наследия прошлого и конфедерационных традиций, до сих пор не постарались еще ясно формулировать свою нынешнюю точку зрения и ничего не сделали для того, чтобы распространить ее за пределы небольших кружков своих единомышленников и придать ей форму положительной, точной и широкой программы. Они подвергли обновлению свои взгляды на все великие вопросы революции, но не сделали этого с до-

статочной широтой. Они колеблются и, может быть, боятся неизбежных, логических последствий своей теоретической эволюции в области тактики. Стремясь во что бы то ни стало к победе над конфедерационным большинством, они избегают в Революционных Синдикалистских Комитетах ясной формулировки своих взглядов, не желая ослабить борющееся меньшинство идейными спорами и пререканиями.

4. Коммунисты-сторонники подчинения синдикатов партии. Исполком Коминтерна, по случаю III Конгресса, подверг критике деятельность или, вернее, бездеятельность французской партии в области синдикалистского движения, требуя, чтобы она заняла определенную позицию и проводила бы через входящих в профсоюзы своих членов идеи коммунизма в профессиональных организациях, подобно тому, как агитируют за свои взгляды анархисты и синдикалисты. Некоторые товарищи, в том числе Лорио и Томмази, неправильно, как мне кажется, истолковавшие критические замечания и постановления Исполкома, провозгласили идею подчинения профессионального движения коммунистической партии. Эта тенденция вызвала в Революционных Синдикалистских Комитетах большое волнение и страстные споры об автономии или подчинении профессионального движения партии. В результате, эти стремления подчинить синдикалистское движение руководству партии повели к укреплению анархистских и чисто-синдикалистских тенденций, вызвав, в то же время, споры и распри среди синдикалистов-коммунистов.

Позиция партии.

Какую позицию занимала и занимает французская партия в этой борьбе направлений и в этом важном вопросе профессионального движения?

Партия долго хранила молчание. Она не останавливалась ни на одной из точек зрения. Она широко открыла столбцы «Юманите» для представителей всех тенденций, даже для тех, которые отрицают ее революционную роль. Впрочем в партии имеются сторонники всех направлений, за исключением, может-быть, анархистского. В коммунистической партии есть даже члены, поддерживающие Жуо и голосующие за него на с'ездах конфедерации. Все видные вожди чистого синдикализма — Вердье, Кэнтон и сам Гриффюэль—состоят членами партии. Впрочем, большинство членов партии составляет главные кадры синдикалистов-коммунистов. Разумеется, такое положение в партии не может быть терпимо, и на Марсельском с'езде, созываемом в декабре, партии придется обсудить вопрос о синдикализме, выработать соответственную программу и установить определенную политическую линию. Какова должна быть эта политика? Какова должна быть тактика Коминтерна по отношению к этому вопросу?

Партия должна ясно и открыто заявить, что она считает своим правом и долгом активно заниматься всеми вопросами, затрагивающими жизнь и развитие рабочего движения, т. е. что она считает своим правом и долгом сказать свое слово и в вопросах профдвижения. Она должна вступить в борьбу со всеми направлениями, за исключением того, которому следуют синдикалисты-коммунисты; она должна бороться энергично и беспощадно, пользуясь в этой борьбе имеющимися у нее мощным и страшным оружием периодической печати. Необходимо, чтобы после Марсельского с'езда ни в центральном органе партии, ни в ее организациях, не оставалось места для сторонников конфедерационного большинства и для чистых синдикалистов, отрицающих революционную роль партии или стремящихся свести ее на нет. Партия должна также решительно противиться всем стремлениям к подчинению профсоюзов. Здесь мы постараемся точно формулировать свой взгляд, для того чтобы рассеять все недоразумения. Подобно всем формулам, слова *подчинение* и *автономия* приобрели во Франции некое абсолютное значение. Из-за этих слов ведется война, причем, однако, до сих пор не установлен их точный смысл и не формулированы выражаемые ими мысли. По мнению наших товарищей из «Ви Увриер», подчинение означает механическое, организационное подчинение профсоюзных организаций руководящему органу партии. Необходимо раз навсегда, определенно заявить, что такое подчинение профсоюзов партии до сих пор не входило— нигде и никогда—в планы Коминтерна. Последний требовал лишь от всех партий, чтобы через своих членов, входящих в профсоюзы, они проводили бы в широкие массы профессионального движения революционные идеи коммунизма и чтобы коммунисты, члены профсоюзов, вместе с тем всегда оставались дисциплинированными и сознательными членами партии. Ведь, мы всегда утверждали, что доверия рабочего класса и влияния в профсоюзах наша партия добьется только своей работой, своей пропагандой, преданностью коммунистов профсоюзному делу. *Это—вопрос доверия, а не принуждения.* Если партия своею разумной революционной политикой будет умело руководить борьбою рабочего класса,—поддерживая его своими указаниями и ведя его к победе, то она приобретет, вне всякого сомнения, доверие широких масс и тот нравственный авторитет, который создается именно доверием, а не механическою властью над массами и над их профессиональными организациями. Мы думаем, что во Франции, как и в других странах, такая пропаганда могла бы веститься небольшими комитетами или коммунистическими ячейками, вкрапленными во все профессиональные организации. Наша мысль, плохо истолкованная и неправильно понятая, вызвала оппозицию со стороны значительной части наших товарищей, синдикалистов-коммунистов. Слово «ячейка» стало во Франции

одним из тех жупелов, которые служат не для точного выражения той или иной определенной мысли, а для устрашения.

Наши отношения к синдикалистам.

Мы уже говорили, что по всем главным вопросам социальной революции синдикалисты с нами согласны. Любой номер газеты «Ви Увриер» дает вполне определенное и красноречивое доказательство этому. В частных беседах и дружеских спорах с Монатом, Монмуссо и другими товарищами этого направления мы затрагивали разные вопросы, по которым у нас могло бы оказаться с ними более или менее значительное расхождение: вопросы о диктатуре пролетариата, о революционном централизме, о Красной Армии, о революционной полиции, об отмене свобод для всех контр-революционеров; по всем этим пунктам у нас с ними не оказалось разногласий. Полное согласие обнаружилось также по поводу тезисов, принятых конгрессами Коминтерна. Названные товарищи сами не прочь признать, что их нынешние взгляды — много ближе к нашим, чем к прежнему революционному синдикализму, пропитанному анархизмом. И мы пользуемся случаем, чтобы еще раз просить их, в интересах нашего общего дела, не ограничиваться высказыванием этой новой точки зрения лишь в тесных кружках или в случайных статьях, но проводить ее ясно и открыто, создавая этим ту общую почву, на которой мы могли бы сойтись с ними при возможном расхождении наших отдельных взглядов и стоя на которой мы всегда могли бы по товарищески подвергать обсуждению все тактические вопросы, вызываемые взаимоотношениями между революционными синдикалистами и коммунистами.

Мы также вполне согласны с ними — мы заявляем об этом без всяких оговорок и задних мыслей — в том, что отношения между коммунистической партией и революционными профсоюзами не должны быть построены на подчинении одной из сторон. Но для разрешения этого вопроса одних только заявлений об органической независимости профсоюзного движения от политических партий — еще недостаточно. Хотят-ли этого наши товарищи или нет, но коммунистическая партия существует и стремится стать революционной; она располагает мощными органами печати и пользуется бесспорным влиянием в рабочих массах и в многочисленных слоях мелкого крестьянства. Синдикалисты не могут игнорировать эту революционную партию. Каждый революционер поймет всю необходимость теснейшего координирования и об'единения всех революционных сил против об'единенной буржуазии. В «Ви Увриер» товарищи-синдикалисты неоднократно указывали на необходимость считаться с коммунистической партией. В № 120 этой газеты от 19/VIII—1921 года, Семар заявляет, между прочим, следующее:

«Бороться с политиканами-карьеристами всех родов — можно и должно: но вести борьбу с коммунизмом из-за существующих в его среде нескольких политиканов, было бы равносильно уменьшению ценности революционного опыта, равносильно борьбе с идеалом, к которому стремится социальная революция.

«Коммунистическая партия не есть собственность нескольких политиканов; это — организация, охватывающая тысячи находящихся вне сферы влияния профсоюзов, рабочих и крестьян, которые поддерживали и будут поддерживать синдикалистов в их общественных выступлениях.

«Синдикализм — сила самодовлеющая, но он не может пренебрегать организованными элементами, способными помочь ему в деле социального преобразования; ему не следует бороться с коммунизмом, который является орудием освобождения, этапом к самому коренному преобразованию общества: — такая борьба была бы борьбой с революцией».

В том-же номере, сам Монат, говоря об Амьенской Хартии и заявив, что «она не отвечает» запросам нынешнего дня, пишет:

«С 1906 года взаимное положение синдикатов и партии изменилось. У нас есть «Мильерановская» Всеобщая Конфедерация Труда и коммунистическая партия, старающаяся стать революционною.

«...Может-ли синдикализм игнорировать другие революционные силы и относиться к ним с пренебрежением? Нет, не может».

И далее: «Наша формулировка автономии и независимости синдикального движения, исправленная и дополненная продиктованными жизнью требованиями, вполне отвечает ощущаемой ныне глубокой потребности».

Таким образом, революционные синдикалисты считаются с существованием коммунистической партии, но в то же время относительно роли, которую может и должна играть эта партия в социальной революции, господствует полная путаница в их взглядах. А между тем, решить вопрос об отношениях между синдикалистами и коммунистами можно только, выяснив вопрос о роли партии. Многие синдикалисты - коммунисты присоединились к партии после турского с'езда. Но они остались как-бы вне ее организации и за пределами ее деятельности. Самую резкую и страстную критику деятельности партии мне пришлось слышать именно в среде синдикалистов, состоящих членами партии. Эти товарищи смотрят на партию, как на нечто им чуждое, как на личную собственность нескольких политических деятелей и профессиональных журналистов. Они не понимают, что партия — это они сами и что ее слабые стороны — отражение их собственных недостатков. Зачем им было присоединяться к партии, раз они не хотят участвовать в ее жизни, не хотят использовать свое влияние для успешного завершения начатой в Туре очистки ее рядов и для придания ей революционного характера? На одном небольшом собрании, где было около тридцати таких

товарищей, некоторые из них, отвечая на этот вопрос, говорили, что они присоединились к партии с одной стороны для того, чтобы выразить ей свои симпатии в тот момент, когда она выпрямляла свою политическую линию, с другой стороны—для того, чтобы вести через нее революционную пропаганду там, куда синдикализм проникнуть не может. Таким образом, и эти товарищи, присоединяясь к партии, игнорируют или отрицают ее роль, как действительного проводника революции. По их мнению, эта роль принадлежит исключительно революционному синдикализму.

В таких путах продолжает биться революционная мысль наших товарищей-синдикалистов. У них осталась от прежнего синдикализма мысль о самодовлеющем значении профессионального движения и, хотя они и считаются с существованием революционной партии, существование это их сильно смущает: они не знают, какую отвести ей роль в общей борьбе и—как это ни печально—смотрят на нее как на конкурента, с которым, может быть, придется бороться. Монат, в той-же статье в «Ви Увриер», говорит:

«Если деятельность синдикализма не может быть самодовлеющей, то он должен направлять свои усилия к тому, чтобы давать максимум результата, чтобы исполнять самую большую часть революционной работы»... «В тот день, когда родилась мысль о всеобщей забастовке, явилась на свет и идея синдикалистской автономии, и всякое синдикалистское движение, признающее всеобщую забастовку, может требовать себе права на самостоятельность, может отказываться от подчинения партии, может заявлять о том, что синдикат—это революционная организация по существу... Объединение всех рабочих, воодушевляемых революционной мыслью, совершается инстинктивно, механически во Всеобщей Конфедерации Труда, и в этой классовой организации сойдутся все направления, чтобы сплотить и удесятерить в ней свои силы».

Руководящая мысль Монатта, которая часто проглядывает в его статьях и о которой он говорил нам в наших личных беседах,—не что иное, как старая синдикалистская идея: сознательное революционное меньшинство, сгруппированное в синдикаты, вовлекает рабочие массы в борьбу и готовит их к революции. Если одного синдикализма недостаточно для осуществления задач революции, то он должен стараться развивать свою организацию и расширять свою деятельность, стремясь взять на себя осуществление большей части этих задач и напрягая все силы к тому, чтобы осуществить их целиком. Монат хорошо понимает, что, если синдикализм захочет осуществить революцию своими собственными средствами, то он утратит свой профессиональный характер, перестанет объединять широкие пролетарские массы для борьбы за экономические интересы и начнет медленно и постепенно превращаться в политическую партию. И само собой разумеется, что это будет специальная политическая партия, пополняемая исключительно рабочими - синдикалистами; пропаганда и деятельность которой будут иметь своей главной ареной синдикаты. Монат соглашается с нами, что то была бы партия политическая, организация родственная нам. Но так как программа ее не отличалась бы по существу от коммунистической, то эта организация явилась бы второй коммунистической партией. Монат полагает, что эта двойственность не повредила бы революционной работе, что между обеими коммунистическими партиями установилось бы нечто вроде соревнования, очень выгодного для развития революции.

Но эта мысль не выдерживает критики. Франция не так богата революционными и коммунистическими силами, чтобы позволить себе роскошь иметь две коммунистические партии, которые состязались бы между собой на революционной арене. Это соревнование выродилось бы очень скоро во взаимную борьбу и привело бы к печальным конфликтам, сущность которых рабочий класс не мог бы понять. Движение, находясь под действием двух различных притягательных полюсов, оспаривающих друг у друга влияние над ним, попало бы в положение Буриданова осла. Впрочем, Монат—и нам это кажется очень странным—ошибается также, утверждая, что об'единение всех рабочих совершится инстинктивно и механически в революционной и коммунистической Всеобщей Конфедерации Труда, где *сойдутся различные направления*. Ведь чем к большей точности эта синдикалистская партия будет стремиться в своих взглядах и в своей революционной программе, чем больше она будет стремиться к осуществлению всех задач революции, тем больше будут сталкиваться и бороться между собой наблюдаемые ныне в Революционных Синдикалистских Комитетах различные направления и тенденции. Один лишь, правда самый существенный, вопрос о диктатуре пролетариата может отколоть всех анархистов и чистых синдикалистов от революционной Всеобщей Конфедерации Труда.

Монат слишком хорошо знаком с внутренним состоянием Революционных Синдикалистских Комитетов, чтобы серьезно питать иллюзии на счет попыток образования такой новой партии коммунистов-синдикалистов. Партия эта пока еще очень далека от осуществления, но если бы даже она существовала уже, то вопрос об ее отношениях к другой коммунистической партии оставался бы открытым и нерешенным, и долгом всех революционеров было бы согласование их работы.

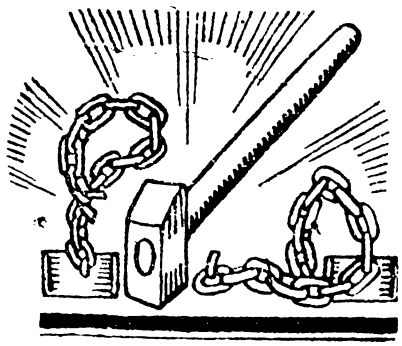
Монмуссо, как мы убедились из наших личных бесед с ним, понял это обстоятельство; он согласен, чтобы партии была предоставлена некоторая роль и в подготовке революции и в осуществлении самой револю-

ции. По его мнению, следовало бы разделить работу: в то время, как синдикалисты подготовляли бы пролетариат к революции, партия должна бы довольствоваться пропагандою среди находящихся вне сферы влияния профсоюзов кругов интеллигенции и крестьянства, стремясь, если не вовлечь их в революцию, то, по крайней мере, нейтрализовать их в развертывающейся борьбе. Монмуссо думает, что после революции партия могла бы дать пролетарскому правительству дипломатов и финансистов нового строя, так как профсоюзы не могут дать достаточно подготовленных для этого дела людей. Совершенно ясно, что такое разделение труда, при котором синдикатам предоставляется чисто пролетарская деятельность, а партии отводится работа в средних классах и мелком крестьянстве, совершенно для нас неприемлемо. Партия очень скоро неизбежно превратилась бы в мелкобуржуазную организацию. Ни одна коммунистическая партия никогда не согласится отказаться от работы среди пролетариата. Ее дело нейтрализации и вовлечения в революцию мелкого крестьянства и интеллигенции может получить истинно революционные размеры только в том случае, если оно будет выполняться пролетарскою партиею под контролем и постоянным воздействием фабрично-заводского пролетариата. К тому же такое разделение труда предполагает общее руководство и связь между организациями, сотрудничающими в одном и том же деле,—и, таким образом, вопрос все же остается открытым. Нам кажется, что единственным решением задачи является реальное и активное присоединение всех синдикалистов-коммунистов к партии и отказ их от той мысли, что синдикализм может один взять на себя осуществление всех задач революции.

К такому выводу логически пришел и Росмер, отстаивающий этот взгляд в спорах со своими старыми друзьями из «Ви Увриер». Мы знаем, конечно, что это рещение вопроса наталкивается на некоторого рода инстинктивное предубеждение против всего того, что является политической партиею. Это предубеждение есть, несомненно, наследие, оставшееся от прежней Всеобщей Конфеоерации Труда, — но революционеры должны освободиться от всех старых предрассудков, даже от тех, которые достались им от дорогого прошлого и поддерживаются современной ошибочной тактикой коммунистической партии. Ибо это предубеждение отчасти об'ясняется тем, что партия, в течение нынешнего года, не оправдала всех возлагавшихся на нее надежд. Но синдикалисты-коммунисты, вместо того, чтобы пользоваться этим предлогом и пускать его в ход для поддержания своих старых предрассудков относительно партии, должны бы, напротив, считать своим революционным долгом превращение этой новой и юной партии, с ее могущественной печатью и влиянием, в подлинно-революционный фактор, в родственную им группу, в которой об'единятся все коммунисты, так же как и в существующих наряду с ней красных профсоюзах, в которых они будут вести борьбу с реформизмом и анархизмом в его различных видах и проявлениях.

Наши товарищи из «Ви Увриер», которых все эти вопросы, конечно, очень смущают, обыкновенно молчат и выжидают. Мы вели с ними длинные споры в ряде частных бесед. Мы уверены в том, что этими вопросами интересуется весь рабочий класс Франции, а не только небольшой круг активных работников; поэтому мы и приглашаем их к гласному, товарищескому обсуждению этих вопросов, надеясь, что они постараются, по нашему примеру, точно выразить свои взгляды и что, в результате, мы придем вполне искренно и сознательно к такому решению, которое будет свободно от сектантских соображений и, вместе с тем, будет отвечать интересам развития революционного движения во Франции.

Ж. Эмбер-Дроз.

III КОНГРЕСС ФАШИСТОВ.

(7—9 НОЯБРЯ 1921 Г.)

Такие суждения о фашистах, как «фашизм следует считать революционным движением» или наоборот: «фашизм — это белая гвардия контр-революции» — неправильны и поверхностны. *Фашизм — это боевой отряд финансового и промышленного капитала;* направление и методы его борьбы зависят от соответствующей экономической и политической обстановки.

Первое его выступление имело место в конце 1914 года. С момента возникновения мировой войны обострилась рознь между буржуазией и аграриями. За последние два десятилетия итальянский капитализм стал силой, имеющей решительное влияние в Верхней Италии; однако, он еще не был в состоянии утвердиться во всей Италии. Империалистическая война казалась буржуазии самым удобным путем для осуществления ее целей: непосредственной, заключавшейся в достижении экономических выгод и возможностей дальнейшего развития, и косвенной, состоявшей в овладении государственным аппаратом. Аграрии, которые менее всего были заинтересованы в войне, оказывали при помощи своих государственных органов (парламент, правительство, династия) и своей прессы отчаянное сопротивление, борясь против участия в войне. Буржуазия, нравственно и материально поддерживаемая представителями заграничной буржуазии (в первую голову, французской), все усиливала свою пропаганду. *Муссолини основал в начале 1914 года свою газету „Пополо д'Италиа" с единственной целью развить самую энергичную пропаганду в пользу вступления Италии в войну.* Борьба между аграриями и буржуазией велась не на живот, а на смерть. Весною 1915 г. интервенционисты провозгласили лозунг: «Война — или республика», ибо и то и другое, в конечном счете, обещало буржуазии одинаковые выгоды. Аграрии были оттеснены на задний план: в интересах империалистического капитала была об'явлена война, и в то же время буржуазия взяла в свои руки государственный аппарат.

Эта крупная победа обеспечила буржуазии продолжительное затишье на внутренних фронтах. Спорадические рабочие бунты (как, напр., в Турине, в 1917 г.) она подавляла силою государственного аппарата. Только в последний год войны «фашистам» опять пришлось появиться на сцене, для того, чтобы искусственно, усиленной пропагандой постараться поддержать в массах военное воодушевление.

Из войны итальянский капитализм, а также и его государственный аппарат, вышел обессиленным, дезорганизованным и истощенным. И на этот раз фашисты (Муссолини со товарищи!) опомнились первые, и теперь они впервые выступили под именем фашистов (в марте 1921 года).

Обстановка теперь была совершенно иная, чем в 1914—1915 г.г. Аграрии — как будто умерли; господами положения являлись рабочие. Этому положению соответствовала и пропаганда фашистов, с ее лозунгами: «Восстановление авторитета государственной власти, во что бы то ни стало!» и т. п. Эта пропаганда, конечно, была пока еще весьма скромной: — скорее робкие пожелания, чем пропаганда. Капитализм был слишком расстроен для того, чтобы предпринимать серьезные шаги для реорганизации своего государства. А когда, несмотря на грандиознейшую готовность к жертвам со стороны масс, все резче стала обозначаться неспособность вождей трудящихся, то воскресли «умершие», т. е. аграрии. В начале лета 1920 года образование правительства принял на себя Джолитти. И он тоже придерживался программы «восстановления авторитета государственной власти — во что бы то ни стало!», однако, в его устах эти слова имели иной смысл, чем в устах капиталистов.

Фашисты не стали медлить ни минуты; они тотчас же возобновили войну на оба фронта: против Джолитти (правительство и династия, конечно, и на этот раз были лишь ширмой для аграриев) и против рабочих всех категорий.

Однако, самым опасным врагом, несомненно, были все же пролетарские массы, как для Джолитти, так и для фашистов. Поэтому борьба между аграриями и буржуазией оставалась в течение некоторого времени на втором плане. Лишь когда Джолитти удалось, при помощи величайшего предательства, которое знает история итальянского движения, разоружить рабочих (в сентябре 1920 года), борьба между аграриями и буржуазией приняла резкие формы и стала все более и более обостряться. Наряду с карательными экспедициями против Бирж Труда и кооперативов, фашисты открывают ожесточенную кампанию против правительства и династии (выражающих интересы аграриев). Весною 1921 года они уже требуют головы Джолитти и низложения королевского дома. Герцог Аостский (член королевского дома)

ЛУИ БАДИНА,
французский коммунист, механик французского военного флота, осужденный на каторгу за то, что он руководил восстанием французских моряков в Одессе.

организует вооруженные с ног до головы ударные отряды для действий против фашистов... Эти явления и дают поверхностному наблюдателю повод видеть в фашизме своеобразное «революционное движение».

Мы подходим к апрелю 1921 года. Буржуазия борется с величайшим кризисом, который значительно усилился благодаря финансовой политике правительства (улучшение курса валюты, застой во внешней торговле, остановка заводов, падение цен); ее белая гвардия, в которую теперь превратился фашизм, бросается в самые отчаянные авантюры. Безоружные рабочие массы терроризованы белыми бандами; организации разбиты. Джолитти пользуется случаем и делает самый блестящий ход во всей своей политике: он распускает парламент и назначает на 15-е мая новые выборы.

Выборная кампания. Вместо резкого выступления против фашистов (это дало бы передышку рабочим, а этого-то Джолитти ни в коем случае не хотел), он предоставляет им полную свободу действия (нейтралитет государственной власти в борьбе политических партий!) и отчасти этим *), а отчасти также вступлением в выборный блок с фашистами **), он толкает аграриев в ряды фашистов. Переполнение фашистских групп, так называемых «фаши», т. е. «связок», аграриями произошло в невероятно короткий промежуток времени; с начала мая в «связках» и в их прессе прекращаются всякие нападки на аграриев. В то же время «фаши» лишаются существовавшего до сих пор отдельно руководящего центра, что опять-таки идет на пользу аграриям. Это и есть тот период, когда фашизм представляется как бы боевым отрядом об'единенной контр-революции. Мы подчеркиваем: это сделалось без согласия буржуазии и вопреки ее намерениям.

Когда «настоящие» фашисты (фашисты 1919 года, как они себя именуют), поняли, наконец, истинный смысл всего происходящего, Муссолини немедленно же опубликовал длинное интервью, в котором он подчеркивает республиканский характер фашизма и запрещает только что избранным депутатам-фашистам присутствовать при чтении тронной речи, «потому что фашист не должен и не может кричать: Да здравствует король!»

Переполнение фашистских «связок» аграриями вызвало глубокий кризис в фашизме, продолжающийся еще и поныне. После упомянутого интервью около 15 депутатов немедленно же перешли в другие партии. Из остальных же 35-ти большинство заявило, что хотя они и роялисты, но вовсе не склонны покидать ряды фашистов. Было созвано совместное совещание депутатов и районных секретарей, на котором Муссолини остался в меньшинстве! Тогда он заявил, что не хочет вызвать раскола в фашизме.

Теперь начинается глухая, но вполне сознательная борьба внутри фашистского движения за очистку его. «Настоящие» с самого начала находятся в положении обороняющейся стороны.

Соглашение о перемирии, заключенное Муссолини, так сказать за спиною аграриев, с социалистами, должно было предоставить ему бо́льшую свободу действий против аграриев.

Главный пункт программы III Конгресса: преобразование движения в партию—имеет прежде всего целью окончательное устранение аграриев и в то же время должен послужить исходной точкой для осуществления очень далеко идущих планов.

Перед конгрессом, по словам Муссолини, было поставлено три задачи: 1) ликвидация прошлого; 2) принятие новой программы; 3) конституирование фашизма (бывшего до сих пор движением) в партию («в партию, не похожую ни на одну из уже существующих партий; в партию, которая является армией в самом подлинном смысле этого слова и повинуется своему начальнику!»—Муссолини в «Пополо д'Италиа»).

Мы констатируем, что конгресс не разрешил этих задач, а лишь отсрочил их разрешение. Соотношение сил внутри фашизма окончательно еще не установилось, хотя тенденция развития за последнее время представляется более благоприятной для Муссолини.

Муссолини перед конгрессом заявлял, что он подготовляет генеральное наступление, однако, когда он увидел настроение *) конгресса... он обнял, или, вернее, принял в свои об'ятия бросившихся к нему с поцелуями Гранди и Марсика (вождей противной стороны).

Что касается первой из трех задач, то прошлое было «ликвидировано» таким образом, что конгресс, в виду угроз Муссолини, не проронил о нем ни слова.

По вопросу о программе фашистов Муссолини произнес длинную речь. В конце ее ему устроили большую овацию... и конгресс решил, что программа должна быть выработана новым президиумом и представлена на рассмотрение следующего конгресса. Однако, в президиум оказались избранными и противники Муссолини, вследствие чего Муссолини и его друзья до сих пор отказываются войти в президиум!

Приведем наиболее замечательные выдержки из речи Муссолини:

*) Карательные экспедиции и против сельских рабочих, в особенности в Средней Италии и смежных с нею областях Верхней Италии, где аграрии и поныне еще являются самым многочисленным элементом среди фашистов (Тоскана Эмилиа, Венето).

**) Фашисты были почти совершенно лишены приверженцев среди избирателей, что находит себе об'яснение в положении капитализма. Без вступления в блок с аграриями они не смогли бы получить и 10 мандатов.

*) Можно говорить лишь о настроении. В конгрессе принимала участие, кроме 4.000 делегатов, еще и публика. До правильного голосования дело вообще не дошло. Буржуазная пресса признает, что она еще ни на одном конгрессе не видела подобного беспорядка.

а) «*Демократия* может, пожалуй, быть средством, но никогда не может быть целью! Если бы завтра слишком демократическое развитие нашей национальной жизни поставило нас лицом к лицу с опасностью, например, упадка нации, то мы восстали бы против демократии и наложили бы свое «вето».

б) *О нации и государстве.* «Что такое государство? — Мы—нация. И мы хотим, чтобы государство, путем известного процесса, отождествилось с нацией, т.-е. мы хотим, чтобы государство являлось высшим выражением души и воли нации, и чтобы оно проявляло свой авторитет за всех и против всех».

в) *О войне.* «Мы гордимся тем, что это мы в 1915 году выдвинули серьезную, возвышенную формулу: «Война или республика». И если ныне Италия среди немногих держав обсуждает в Вашингтоне судьбы всего мира, то это заслуга интервенционистов 1915 года».

г) *О форме правления.* «Многие полагали тогда что я хочу втянуть Италию в республиканское движение. Такого намерения у меня не было. Но кто из вас решился бы поклясться в том, что существующая конституционная форма правления всегда может самым интенсивным образом представлять интересы нации? Возможно, что завтра создастся такая историческая обстановка, при которой фашисты, чтобы не допустить худшего позора (!), вынуждены будут приступить к разрушению существующей конституционной формы правления. Но сейчас такое движение было бы нецелесообразно: антинационалистические элементы использовали бы его в своих собственных выгодах».

д) *По вопросу о государственном управлении* он высказывается за безусловную централизацию. «Фашисты должны бороться со всяким сепаратистским движением».

е) *По поводу империализма* он говорит: «Каждый отдельный субъект—империалист в том смысле, что он старается расширить свои возможности развития; и если какой-либо народ не чувствует той же потребности, то он перестает быть живым организмом. Если народ замыкается в своих границах, стараясь улучшить условия своего домашнего существования и превращается в дикарей, то такой народ приближается к упадку, к своей смерти».

ж) *Об экономической политике.* «В вопросах экономики мы—либералы в классическом смысле слова; т.-е. мы того мнения, что судьбы национального хозяйства не должны быть переданы в руки более или менее коллективной и бюрократической власти. Я был бы склонен, по-возможности, вернуть железные дороги, почту, телеграф и т. п. частным предпринимателям, отчасти и для того, чтобы освободить государство от бремени этих экономических функций, которые, в действительности, весьма не экономичны».

И он заканчивает: «Мы, либералы в экономике, отнюдь не являемся таковыми в политике. Когда мы изгоним либерализм из политики, мы спасем нацию!» («Пополо Д'Италиа», от 9 ноября 1921 г.).

Муссолини предложил конгрессу проект устава новой партии. Гранди, вождь противной стороны, заявил по вопросу о партии: «Чтобы не было никаких недоразумений, я прямо заявляю, что я не противник создания партии, но я противник определенной формы партии, не отражающей идеализма фашистского движения. Ибо слово «партия» допускает двоякое толкование: если понимать под словом «партия» политическую силу, которая действует в стране путем соревнования на выборах и в парламенте—через посредство известного числа своих политических представителей, то мы—уже партия и таковой мы являемся со времени последних выборов. Но если понимать под словом «партия» такое движение, которое имеет свою собственную идеологию, свою собственную физиономию, свою собственную дифференциацию, то мы еще не партия, и чтобы стать таковой, *конгресс должен наметить программные линии широкого движения!*»

Конгресс вынес следующую резолюцию:

«Третий Конгресс заявляет, что иллюстрированные Муссолини в его речи и дополненные в речах докладчиков постулаты он признает основными требованиями фашизма, и просит новый Национальный Совет собрать до истечения настоящего года, чтобы придать окончательную форму программе и уставу Национальной Фашистской Партии».

Хотя Муссолини не высказался точнее по вопросу об экономических организациях, да и вообще доклады по этому вопросу были весьма скудны и бессодержательны, все же по всему видно, что эта резолюция имеет также в виду и создание экономических организаций (синдикатов, кооперативов и т. д.).

Борьба внутри фашизма приближается к своей последней стадии. Буржуазия видит свои цели совершенно ясно. На другой день после конгресса Муссолини писал в «Пополо д'Италиа»:

«От конституирования фашизма в партию мы не должны ожидать непосредственных результатов: на первое время фашизм останется тем, чем он был до сих пор: отрицательной силой в том смысле, что он всегда готов ответить на насильническую борьбу анти-националистских партий насилием же; в то же время, однако, он начинает действительно политическую подготовительную работу, которая даст ему возможность *взять, частью или целиком, судьбы нации в свои руки.* То обстоятельство, что, хотя бы лишь в виде гипотезы, появилась идея об образовании *фашистского государства*, служит доказательством, что фашизм в своей тенденции уже ныне способен руководить судьбою нации».

Из отчета Генерального Секретаря фашистов о конгрессе, мы заимствуем следующие данные:

В марте 1919 г. Муссолини начинает свою деятельность и основывает первые «связки» («фаши»).

В октябре 1919 г. (I конгресс во Флоренции) насчитывается 56 «фаши», с общим числом около 17.000 членов.

В мае 1920 г. (II конгресс в Милане)—около 100 «фаши» и около 30.000 членов.

В декабре 1920 г. число «фаши» достигает около 800.

В феврале 1921 г. оно превышает 1.000.

В мае 1921 имелось более 2.000 «фаши».

На III конгрессе участвовали представители 2.200 «фаши», с общим числом 320.000 членов. (Все эти данные, по нашему мнению, сильно преувеличены!)

О социальном составе участников движения говорят данные анкеты, произведенной среди 151.644 членов. Вот эти данные:

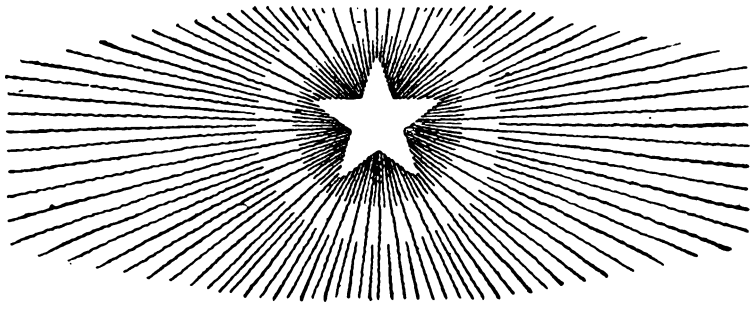
Торговцы	13.878
Фабриканты	4.269
Лица свободных профессий	9.981
Служащие государств. учреждений	7.208
Служащие частных учреждений	14.989
Педагоги	1.680
Студенты	19.783
Помещики	18.084
Рабочие промышленных предприятий	23.418
Сельские рабочие	36.847
Моряки	1.506
ИТОГО	151.643

По поводу этих данных мы должны, однако, заметить, что приводимое число рабочих более чем сомнительно. Правда, в «фаши» вступили некоторые элементы «люмпенпролетариата» (большей частью, бывшие рабочие, получившие военные отличия), но и их численность в фашистских группах, в действительности, поразительно мала. Приведенные цифры об'ясняются, скорее всего, тем, что у фашистов насчитывается 614 профессиональных групп и 138 кооперативов! Это—те напуганные систематическими «карательными экспедициями» организации, которые, ради спасения себя от разгрома, вступили в «фаши», чтобы при первом же удобном случае отомстить своим насильникам, что уже и случилось во многих местах.

Об успехе фашистов среди широких рабочих масс не может быть и речи.

Борьба между рабочими и фашистами, ход которой лишь по временам несколько изменяется в зависимости от того, поддерживают ли фашисты аграриев или ведут против них более или менее открытую борьбу, продолжается с прежней ожесточенностью. Об этом свидетельствуют—убитые и раненые рабочие, которые и сейчас, как и прежде, почти ежедневно падают от руки фашистов. Свидетельствует о том же и общая забастовка в Риме, которая парализовала самый конгресс фашистов. Эта общая забастовка была об'явлена и дружно поддержана не только Коммунистической Партией Италии, но и всеми другими местными пролетарскими организациями и даже республиканцами. Фашисты оказались столь же бессильными перед рабочими массами, как и правительство, которое поэтому-то и должно было следовать применяемой Джолитти в подобных случаях тактике «нейтралитета». Муссолини же отдал приказ об отступлении и о поспешном от'езде фашистов.

В.

КАРДИФСКИЙ КОНГРЕСС.

Кардифский конгресс английских профсоюзов не оправдал тех надежд, которые на него возлагали сознательные рабочие. Конгрессу, прежде всего, предстояло разрешить вопрос об об'единении рабочего движения в Англии по всему фронту труда. Этого основного вопроса конгресс не только не разрешил, но всячески избегал всего, что могло способствовать его разрешению. Так, например, резолюция, требовавшая расследования причин краха Тройственного Союза, была снята с очереди, и председатель Пульстон даже не допустил дискуссии по этому крайне важному вопросу. Таким образом, конгресс, по вине его правых вождей, был лишен возможности подвергнуть критике поведение заправил Тройственного Союза во время забастовки углекопов. Это было сделано, конечно, под предлогом сохранения единства рабочего фронта, который, кстати сказать, еще не существует и который нельзя создать без тщательного учета горьких опытов прошлого. Если до сих пор конгресс в той форме, в которой он существовал, не был способен на какое-либо руководство рабочим движением и поэтому никакой реальной пользы пролетариату не приносил, то на этот раз он оказался даже плохим «дискуссионным собранием» (как его однажды назвали супруги Вебб) .Тем, что конгрессу был зажат рот по столь важному вопросу, как выяснение причин катастрофических поражений рабочего класса Англии за последние 3 года, правые вожди лишний раз обнаружили свою неслыханную трусость, лишний раз показали, как они проводят на деле «истинный» демократизм в противовес «диктаторам-коммунистам».

Не разрешив самого кардинального, самого жгучего вопроса об об'единении рабочего движения, не создав необходимых органов для руководства борьбой пролетариата, а оставшись такой же пустой говорильней, какой он был до сих пор, конгресс тем самым обрек рабочих на новые и еще более катастрофические поражения. Рабочие не могут мириться со своим теперешним положением. Миллионы безработных не могут без конца стоять в прихожих городских управ (как это можно наблюдать сейчас в Лондоне и в других промышленных центрах) в ожидании подачек. Сотни тысяч рабочих, работающих только часть времени и не получающих за свой труд прожиточного минимума, не будут безропотно ждать, пока их выбросят на улицу. Миллионы рабочих, заработная плата которых катится вниз с неслыханной быстротой, не вечно будут молчать. Борьба неминуема и неизбежна.

Заправилы конгресса отлично знают положение вещей, они знают, что другого выхода, кроме борьбы, у рабочих нет. Они знают, что буржуазию, в особенности теперь когда она не нуждается в рабочих руках, и не боится пустых угроз со стороны политиканов из Рабочей Партии, можно заставить пойти на уступки, при теперешней ситуации, только тяжелой, упорной борьбой. Они все это прекрасно понимают, а между тем, они ничего не сделали в Кардифе для того, чтобы подготовить пролетариат к успешной борьбе. В переживаемый нами момент невиданного доселе экономического кризиса, с многомиллионной безработицей, с постоянно понижающейся заработной платой, при отсутствии сколько-нибудь заметных признаков улучшения в международном экономическом положении, единственное орудие пролетариата в борьбе с буржуазией и буржуазным правительством — это единство рабочего движения при наивысшей централизованности и сплоченности всех пролетарских сил. Такое единство конгресс должен был создать прежде всего и раньше всего. Его лозунгом должно было быть: «Пролетарии всей Англии, об'единяйтесь, об'единяйтесь вокруг единого фабричного комитета, вокруг существующих (но, по вине правых вождей, до сих пор влачивших жалкое существование) Городских Рабочих Советов, вокруг Генерального Штаба, избранного специально созванным конгрессом представителей масс!» Этот призыв был бы подхвачен миллионами пролетариев. В результате, рабочее движение было бы об'единено, централизовано, сплочено и приведено в боевую готовность. Из населения в 48 миллионов, говорит статистик Дридж, существование 28 миллионов зависит от субсидий в той или иной форме. Безработным грозят большие лишения, кадры безработных с каждым днем все увеличиваются, реальная заработная плата рабочих, пока еще занятых в производстве, уменьшается. Такова, в основных чертах, об'ективная обстановка, настоятельно требующая безотлагательного об'единения рабочего класса по всему фронту для активной борьбы.

Но конгресс этого повелительного требования не учел. Он уделил много внимания обсуждению вопросов о Лиге Наций, о всеобщем разоружении, похвалил президента Гардинга за его человеколюбивые стремления к всеобщему миру. Точно так же эти политиканы некогда хвалили Вильсона за его стремление к спасению демократии. Вожди конгресса нападали на правительство, но главные вопросы рабочего движения они совершенно обошли, а если и касались их, то выказывали при этом колебания и нерешительность. Этому выбору тем со стороны вождей, разумеется, не приходится удивляться. Ра-

бочее движение требует ясных и конкретных ответов на вопросы, выдвигаемые настоящим кризисом. Таких ответов конгресс не дал. Между тем, о Лиге Наций, о всеобщем разоружении можно говорить сколько угодно, можно выносить любые резолюции; это никого ни к чему не обязываеш.

Незадолго до Кардифского Конгресса Профсоюзов Коминтерн и Профинтерн обратились к английским рабочим с воззванием о задачах рабочего движения в Англии. О конгрессе профсоюзов воззвание, между прочим, говорит следующее: «Конгресс профсоюзов в той форме, в какой он существовал до сих пор и под его теперешним руководством, не только является организацией, неспособной повести рабочий класс к победе, но он неспособен даже *защищать* его от наступления капитализма. Ежегодные заседания конгресса дают возможность некоторым вождям упражняться в красноречии перед рабочей аудиторией. Практическая деятельность конгресса сводится к вынесению множества резолюций и к благим пожеланиям». Далее воззвание говорит, что теперь, когда рабочий класс более чем когда-либо нуждается в авторитетном и боевом руководстве, конгресс профсоюзов ничего реального не делает. Воззвание обращает внимание рабочих на то, что в последнее время сами вожди конгресса заговорили о необходимости образования Генерального Штаба Труда. Это доказывает, что они признают наличность сильного течения в пролетариате в пользу об'единения рабочего движения. Но когда правые вожди говорят о Генеральном Штабе Труда, они хотят лишь посеять в массах новые иллюзии, будто они намечают нечто новое, действительно способное улучшить отчаянное положение рабочих. На самом же деле это «новое» не идет дальше новых форм об'единения старых вождей, которые уже достаточно ясно доказали свою неспособность повести рабочих на приступ против цитаделей капиталистического строя. На деле они будут поддерживать прежнюю распыленность и дезорганизацию. Воззвание предостерегает английских рабочих от тех махинаций, к которым прибегнут правые вожди, чтобы свести дело об'единения рабочего движения к одной лишь перемене названий старых организаций.

Более детальный отчет о конгрессе покажет, что наши предостережения английским рабочим были совершенно правильны и вполне уместны.

Чем занимались на Конгрессе.

На Кардифском Конгрессе Профсоюзов принимали участие представители от 6.400.000 рабочих, организованных в профсоюзах. Число это несколько ниже количества рабочих, представленных на прошлогоднем, Портсмутском, Конгрессе, но в сравнении с 1913 годом знаменует гигантское увеличение числа организованных рабочих, чуть ли не на 4.000.000.

Речь Пультона при открытии конгресса сразу же обнаружила, что и в этом году — и даже в той исключительной обстановке, в которой собрался конгресс — не предполагается поставить на обсуждение широкие задачи рабочего движения; это была самая бессодержательная, самая бесцветная, самая консервативная речь, которая когда-либо произносилась на конгрессе профсоюзов. Эта речь явилась неожиданной даже для буржуазии, которая на этот раз ждала более решительного выступления со стороны вождей профсоюзов. «Манчестер Гардиан» усомнился даже, выразил ли Пультон в своей речи действительное настроение рабочих масс. По речам председателей конгресса, говорит буржуазный орган, опасно судить о рабочем движении, опасно составлять себе окончательное мнение о его целях.

«Манчестер Гардиан», вероятно, ждал, что серьезность переживаемого момента толкнет вождей на более решительные действия, чем до сих пор. Но уже эта первая речь председателя успокоила буржуазию, дав ей понять, что конгресс и на этот раз никакой опасности для нее не представляет и ее господству нисколько не угрожает. Пультон повторял лишь обычные фразы о необходимости замены капиталистического строя социалистическим, не преминув, конечно, прибавить «эволюционным путем, без пролития крови».

Но речь его была не только консервативна, не только изобиловала стертыми, как старый медный пятак, фразами, — она заслуживает самого резкого осуждения и в своей «фактической» части, в особенности там, где говорится о прошлой деятельности конгресса. «Мы должны», сказал председатель, «поздравить себя с успехами, достигнутыми нами в борьбе против попыток буржуазии сократить заработную плату и ухудшить положение безработных. Это тем более радостно, что нам удалось достичь этих успехов, несмотря на наличность недостатков в аппарате рабочего движения». Такое заявление в устах одного из вождей рабочего движения, в особенности теперь, является прямым издевательством над рабочими. Ни одно выступление рабочих за последние три года не увенчалось успехом, несмотря на то, что с каждым новым выступлением задачи, которые ставили себе рабочие, все суживались, требования их становились все скромнее. От требований национализации и рабочего контроля, выставленных в 1919 г., углекопы при последней своей забастовке дошли до требования самого скудного прожиточного минимума. И при всей скромности своих требований рабочие все-ж терпели поражение за поражением, именно потому, что они боролись разрозненными группами, без об'единяющего боевого руководства со стороны конгресса профсоюзов и при полном равнодушии со стороны представителей Рабочей Партии в парламенте. Теперь, когда заработная плата миллионов рабочих сократилась и продолжает с каждым днем еще более сокращаться, когда

безработных насчитывается уже свыше двух миллионов и они постепенно лишаются своих субсидий, когда около миллиона человек работают только часть времени, Пультон (в присутствии делегации от безработных) осмеливается говорить, что «мы можем поздравить себя с успехами, достигнутыми нами в борьбе против попыток буржуазии сократить заработную плату и ухудшить жизнь безработных!»

Но Пультон дошел до апогея бесстыдства, когда выразил восхищение по поводу героической борьбы углекопов в последней забастовке. Вожди Тройственного Союза предали углекопов, когда последние нуждались в помощи в своей борьбе с буржуазией и правительством, а теперь, когда побежденные углекопы вынуждены работать на условиях, продиктованных работодателями, те же вожди выражают восхищение по поводу их героической борьбы!

Что касается об'единения рабочего движения, то Пультон и здесь бросил подачку лѣвому течению, признав необходимость «новых методов» в строительстве профессиональных организаций. «Профсоюзы должны согласиться с тем, что одно лишь признание необходимости единства и благие пожелания в этом направлении недостаточны». Но вопрос об об'единении рабочего класса вокруг своих центров Пультон понимает своеобразно. «Необходимо», сказал он, «чтобы при крупных столкновениях между трудом и капиталом немедленно же происходил обмен мнений между Генеральным Советом и профсоюзами». Для него сложный и важный вопрос о координировании и централизации рабочего движения сводится к простому обмену мнений между автономными профсоюзами и Генеральным Советом.

По вопросу о безработице Пультон ограничился несколькими фразами о безвыходном положении безработных и о том, что нужно сократить число рабочих дней в неделе, чтобы дать работу безработным. Но об этом ниже.

Словом, из речи председателя ясно было, что работы конгресса и в этом году—и в исключительной обстановке невиданного экономического кризиса—мало будут отличаться от работ предыдущих конгрессов. Несколько избитых фраз о мирном социализме, несколько слов об об'единении рабочего движения, паллиативы для борьбы с безработицей,—вот содержание всей работы конгресса.

Новый Генеральный Совет.

Фред Брамлей, заместитель секретаря Парламентского Комитета Конгресса Профсоюзов, говорит («Дейли Геролъд», от 5 сентября), что теперь в первый раз в истории рабочего движения мы будем иметь авторитетную организацию с ясно выраженными функциями, организацию, на обязанности которой лежит создание располагающего всеми нужными средствами, работоспособного и активного административного центра, который будет координировать работу профсоюзов. Речь идет о новом Генеральном Совете, который на Кардифском Конгрессе был создан вместо Парламентского Комитета. Ниже мы сравним эти два органа конгресса профсоюзов и увидим, действительно ли Генеральный Совет является тем органом, который мог бы создать координирующий рабочее движение центр.

Что касается данной Брамлеем оценки характера рабочего движения и причин того, что пролетариат терпел поражения, то мы с ним вполне согласны. Брамлей говорит, что рабочее движение в той форме, в которой оно до сих пор существовало, терпело катастрофические поражения потому, что не было единого фронта в общенациональном масштабе, не было централизованного и авторитетного руководства, способного мобилизовать все силы пролетариата. Он перечисляет все поражения с октября 1919 г. и об'ясняет их той же причиной—отсутствием в рабочем движении постоянного, полновластного и предприимчивого центра.

Все это бесспорно так. Наше воззвание к английским рабочим так и охарактеризовало состояние рабочего движения в Англии, как это теперь делает Брамлей. Но наши выводы отличаются от тех, к которым он пришел. Анализ рабочего движения за последние три года, а также и всей экономической и политической обстановки, в которой рабочим приходится вести классовую борьбу, приводит нас к тому выводу, что единственный выход из положения, в котором сейчас находится английский пролетариат, заключается в его полном об'единении, начиная с фабрично-заводских комитетов, городских рабочих советов, вплоть до генерального штаба всего рабочего движения, штаба, действительно облеченного всей полнотой власти, координирующего и направляющего все проявления профессионального и политического движения. Брамлей, на основании того же анализа, приходит к такому выводу, что вновь созданный Генеральный Совет как раз и есть тот орган, который об'единит рабочее движение; по его мнению, Генеральный Совет сделает все приготовления ко всеобщей забастовке, когда таковую надо будет об'явить. Когда забастовка уже будет об'явлена, Совет будет постоянным органом, разрабатывающим план борьбы и мобилизующим пролетарскую армию. Он должным образом вооружает и снабжает рабочих и руководит их действиями. Если нужно войти в переговоры с врагом, Генеральный Совет войдет в переговоры. Все это звучит очень воинственно, но Генеральный Совет, если бы даже и хотел выполнять все функции, которыми наделяет его Брамлей, то и тогда ничего не мог бы сделать, по той простой причине, что он является штабом без армии. Характер этого учреждения, смысл, который вожди профсоюзов вкладывают в него, вовсе не соответствуют тем задачам, которые наметил для него Брамлей.

Последний или просто убаюкивает самого себя иллюзиями, что новый Генеральный Совет является якобы авторитетной организацией, штабом труда, или же сознательно втирает очки рабочему классу, старается убедить его, что вожди пошли навстречу потребностям в новых организационных формах классовой борьбы, хочет отвлечь этим внимание рабочих от насущных задач. Сознательные рабочие не дадут себя ввести в заблуждение. Что же касается отсталых рабочих, то при ближайшем же столкновении с буржуазией они убедятся в истинном характере и значении Генерального Совета. Кроме того, английские коммунисты не преминут разоблачить истинный смысл этого штаба без армии и будут продолжать борьбу за действительный генеральный штаб труда.

Основные положения конституции Парламентского Комитета предписывали ему: 1) следить за законодательством в интересах рабочих, 2) ходатайствовать перед парламентом о проведении законодательных мер, выработанных конгрессом профсоюзов. Но с тех пор, как образовалась Рабочая Партия, Парламентский Комитет стал анахронизмом, потому что он лишился своих основных функций — следить за законодательством в интересах рабочих или добиваться такового посредством «lobbying», т. е. кулуарной политики, означающей попросту попрошайничание в парламентских передних. Заботу выполнения политических функций рабочего движения взяла на себя Рабочая Партия. На долю Парламентского Комитета оставалась чисто техническая работа по составлению порядка дня конгресса и по подготовке текста резолюций и т. д. О каком либо координировании и тем более руководстве рабочим движением тут и говорить не приходится.

В основе своей вновь избранный Генеральный Совет мало отличается от прежнего Парламентского Комитета. То, чем был Парламентский Комитет в политическом смысле, Генеральный Совет будет в экономическом. Первый мог только *следить* за рабочим законодательством, второй будет только *следить* за рабочим движением. Подобно тому, как Парламентский Комитет не мог заставить депутатов Нижней Палаты проводить законодательные меры в пользу пролетариата, а мог только ходатайствовать перед ними, упрашивать их, так и Генеральный Совет не может заставить вождей профсоюзов подчиниться его воле.

«Генеральный Совет следит за всем рабочим движением (индустриальным) и пытается, где возможно, координировать экономическую борьбу. Совет способствует общим действиям рабочего движения и т. д. Там, где возникают разногласия или где существует угроза разногласий между союзами, Совет должен употребить свое влияние для улажения этих разногласий. *При всем этом сохраняется полная автономия профсоюзов*». Таковы основные положения конституции Генерального Совета.

Тут речь идет не об автономии профсоюзов в политическом смысле, в смысле независимости от той или иной политической партии. В этом отношении английское профессиональное движение стоит на вполне разумной и здоровой платформе, поскольку оно имеет свою собственную политическую партию. Речь идет о независимости профсоюзов от конгресса и его центрального органа — Генерального Совета, который, таким образом, является штабом без армии или штабом добровольческих независимых частей. Смотря по доброй воле этих разрозненных, между собой не спаянных частей, они могут подчиняться или не подчиняться Генеральному Совету *).

Из вышеприведенных основных положений конституции Генерального Совета не трудно понять, что означает на деле заявление Брамлея о том, что «в первый раз в истории рабочего движения мы будем иметь авторитетную организацию профсоюзов с ясно выраженными функциями, — организацию, на обязанности которой лежит создание (developing, собственно «развитие») располагающего всеми необходимыми средствами работоспособного и активного административного центра, который будет координировать работу профсоюзов». На деле мы видим, что от нового Генерального Совета еще далеко до Генерального Штаба, что Генеральному Совету еще только *предстоит* создать такой орган.

Но даже «обязанность» Генерального Совета создать авторитетный центр рабочего движения на деле серьезного значения не имеет, и если судить по отношению заправил конгресса к вопросу о выборе постоянного председателя для Генерального Совета, то можно легко себе представить, чем окажется этот «авторитетный центр» на деле. Конгресс отвергнул предложение избрать постоянного председателя для Генерального Совета на том основании, что это создаст двоевластие между секретарем и председателем. Делегат от Национального Союза Железнодорожников был против постоянного председателя потому, что, как он выразился, он вообще против оловянных божков. Делегат от Федерации Углекопов признал, что выбор председателя был бы, конечно, революционной мерой, но что лучше всего отложить вопрос на 12 месяцев.

---

*) Конечно, такое положение вещей отражается и на политической деятельности рабочего класса. Коль скоро все решения Конгресса и его Генерального Совета, вообще говоря, необязательны для профсоюзов, то в частности его решения в области политики для профсоюзов также необязательны. Профсоюзы, не входящие в Рабочую Партию, имеют, например, свои специальные денежные средства для расходования на политические цели. На эти средства они посылают своих собственных кандидатов в парламент. Этим, между прочим, об'ясняются причины наличности такой массы старичков-депутатов от рабочих в парламенте. Союзы, чтобы отделаться от своих престарелых вождей, посылают их в парламент, где они доживают последние дни свои в полном мире и в некотором довольстве.

На самом же деле конгресс отвергнул это предложение потому, что это пахнет централизацией, а, стало быть, является нарушением автономии профсоюзов. Если председательство означает хотя бы только намек на централизм в рабочем движении, то его нужно незамедлительно отвергнуть, что конгрессом и было сделано.

По другому вопросу конгресс еще яснее доказал, чего он ждет от Генерального Совета в деле координирования действий рабочих. Это было по поводу кровавого конфликта между рабочими на судостроительных верфях в Бельфасте (Ирландия). Об этом конфликте корреспондент «Daily Herald» в номере от 8 сентября говорит, что «еще в прошлом году Парламентский Комитет назначил комиссию для расследования конфликта между карсонистами и синфейнерами, членами одних и тех же профсоюзов, из которых карсонисты исключили синфейнеров. Комиссия Парламентского Комитета не была в состоянии положить конец этому конфликту. Гиль и Пурсель, члены Парламентского Комитета, предложили конгрессу дать комиссии полномочия для того, чтобы заставить профсоюзы в Бельфасте положить конец конфликту. Если бы конгресс воспользовался этим случаем, чтобы проявить свой авторитет, он в первый раз за все время своего существования расширил бы свои функции, превратившись из ни к чему не обязывающего дискуссионного собрания в организацию, обладающую властью подчинять своей воле входящие в его состав профсоюзы. Да и обязанности нового Генерального Совета предусматривают вмешательство его в такие конфликты, как конфликт в Бельфасте. Но тем не менее конгресс в этот конфликт не вмешался, ограничившись лишь тем, что поручил комиссии оставаться на месте до тех пор, пока конфликт не будет улажен».

Если сам конгресс признал себя недостаточно компетентным для того, чтобы надлежащим образом вмешаться в братоубийственную распрю рабочих в Бельфасте, то что же будет на практике означать тот пункт конституции, по которому Генеральный Совет «следит за рабочим движением и координирует его действия»? Вмешательство конгресса в Бельфастский конфликт, его авторитетное заявление, что он не позволит вождям союзов относиться безучастно к натравливанию одних рабочих на других, угроза исключить из среды участников рабочего движения и заклеймить позором тех вождей профсоюзов, которые выбросили синфейнеров из своих организаций, наказ Генеральному Совету провести эту угрозу в жизнь,— эти меры сразу показали бы, что конгресс действительно вступил на путь координирования рабочего движения, что он действительно стремится к централизации. Но конгресс ничего этого не сделал, не сделал, прежде всего, потому, что он все еще стоит на точке зрения автономии профсоюзов, что он все еще смотрит на себя, как на дискуссионное собрание. Конгресс отказался признать кровавый конфликт между рабочими в Ирландии своим делом. Этим своим шагом он, конечно, спас идею автономии, но вместе с тем он уничтожил всякую надежду на то, что Генеральный Совет явится об'единяющим органом рабочего движения.

Прежде чем перейти к рассмотрению дальнейших работ конгресса, мы скажем несколько слов по поводу статьи Бен Тернера в «Дейли Геролд» от 7 сентября. Автор выступает в защиту профсоюзов от нападок со стороны его «коммунистических друзей», особенно из лагеря бывшей Социалистической Рабочей Партии. Автор говорит о той пользе, которую профсоюзы принесли и приносят рабочим. Он перечисляет некоторые отрасли производства, с которыми он сам был связан за последние 40 лет, и говорит о себе, как о живом свидетеле успехов, достигнутых профессиональным движением за последние полстолетия. Рабочие текстильной промышленности 30—40 лет тому назад работали 56 и больше часов в неделю. Благодаря профсоюзам, рабочая неделя была сокращена до 48 часов. «Раньше рабочие пили чай из жбанов, а теперь пьют из чашек и стаканов. Раньше рабочие ели за непокрытым скатертью столом, а теперь столы покрываются клеенкой». Конечно, говорит автор, проблема безработицы осталась неизменной. Безработица—это зло, об'ясняющееся никуда негодной системой коммерциализма (заметьте не капитализма). Далее автор говорит, что профсоюзы необходимы до тех пор, пока существует заработная плата.

Бен Тернер выступил в защиту профсоюзов от нападок коммунистов как раз тогда, когда заседал конгресс. Для чего это ему понадобилось? Всякий, кто хоть немного знаком с позицией коммунистов (я не говорю о коммунистах типа немецких «каапистов», или Сильвии Панкхерст, или группы Спор, или Глазговских С.-Р. П.), знает или, по крайней мере должен знать, что они нападают не на профсоюзы, как на классовые организации рабочих, а на тех их руководителей, которые используют свое положение вождей не в интересах пролетариата, а в интересах буржуазии, которые всегда и всячески срывают об'единенные выступления рабочих. Бен Тернер должен был знать, что как раз коммунисты непрестанно ведут борьбу против всяких стремлений к уходу из профсоюзов и созданию других союзов, наряду с существующими. Как раз коммунисты обязаны оставаться в профсоюзах и участвовать в их повседневной борьбе даже за те незначительные улучшения, о которых говорит Бен Тернер.

Коммунисты говорят, что профсоюзы необходимы не только теперь, пока существует капиталистический строй, но они будут необходимы и после того, как будет уничтожено господство капитализма. Коммунисты не нападают на профсоюзы, как на таковые, они лишь стремятся к тому, чтобы очистить эти исторически необходи-

мые классовые организации от тех руководящих элементов, которые используют профсоюзы в интересах классовых врагов рабочих. Коммунисты являются истинными защитниками профсоюзов от всех элементов, ведущих их к гибели.

Выступление Бен Тернера с некоторыми выпадами против коммунистов как раз во время конгресса имело целью не защиту профсоюзов от нападок со стороны его «друзей»-коммунистов,—оно преследовало совершенно другую цель: отвлечь внимание рабочих как раз от главного вопроса, поднятого коммунистами. Коммунисты говорят, что основная задача рабочего движения в настоящий момент, это об'единение, централизация и приведение пролетарских организаций в боевую готовность,—если понадобится, то и против воли тех вождей, которые этому противятся. Вместо того, чтобы говорить по существу об этом самом кардинальном вопросе, Бен Тернер отпугивает рабочих от коммунистов, будто бы стремящихся к разрушению профсоюзов. Эта подтасовка понятий и инсинуация по адресу коммунистов должны встретить самый резкий отпор.

Бен Тернер берет под свою защиту не только профсоюзы, но и их вождей, причем он говорит, что «каждый руководитель профсоюзов относится дружелюбно к положительной, созидательной критике; не справедливо и не рационально, поэтому, когда наши крайне левые друзья ругают непристойными словами всех вождей, не разделяющих их убеждений, когда они называют их мошенниками и шулерами». (Отмечу, между прочим, что на заседании конгресса профсоюзов как раз накануне появления цитируемой статьи Бен Тернера, один делегат, вовсе не крайне левый, сидевший против Томаса, говорившего с трибуны, назвал его шулером). Тут наш автор опять искажает факты. Мы критикуем не вождей вообще, *а определенных вождей*. И вовсе не за то, что они не разделяют наших убеждений, а за то, что они при всяком удобном случае изменяют пролетариату. Мы спрашиваем у доброго Бен Тернера, нужно ли критиковать тех вождей, которые были ответственны за позорный крах Тройственного Союза и за поражение миллиона углекопов, и, если их критиковать нужно, то в какой именно форме? Бен Тернер хочет убедить нас в том, что вожди типа Томаса—младенцы, которых можно поучать и наставлять только добром и лаской. Вместо того, чтобы открыто назвать их изменниками и пригвоздить их к позорному столбу, следовало бы, по Бен Тернеру, мягко и осторожно об'яснить им, что неприлично и нехорошо за спиной углекопов строить против них совместно с Ллойд-Джорджем козни, в результате которых миллион углекопов после неслыханных лишений и отчаянной борьбы должен был вернуться на работу в свои темные подземелья, фактически на условиях, продиктованных работодателями. Человек метит в премьер-министры рабочего правительства, пишет предисловия к книгам банкиров, которым он поет хвалебные гимны, а Бен Тернер предлагает нам относиться к нему, как к заблуждающемуся ребенку, который, видите ли, не умеет ориентироваться, не обладает достаточным опытом и поэтому нуждается в «созидательной» критике. Да, малосознательным, отсталым, но честным работникам в профсоюзах нужно помогать разбираться в вопросах классовой борьбы, их нужно учить; а что касается вождей типа Томаса, то их нужно разоблачать самым беспощадным образом *)...

Конгресс и безработица.

Мариот в статье «Перспективы Индустрии» («Contemporary Review», август с. г.) так определяет экономическое положение Англии: более двух миллионов человек лишены работы, сотни тысяч работают только часть времени. Почему?—спрашивает Мариот и отвечает: не потому, что нет потребности в английских товарах,—потребность в них никогда еще не была столь велика, как теперь—а потому, что мы не можем производить товары по цене, которую могли бы платить иностранные покупатели. Мы не можем конкурировать с иностранными производителями на нашем собственном рынке, не говоря уже о внешнем рынке.

Американская сталь и железо обходится английскому покупателю на 4 или на 5 фунтов стерлингов за тонну дешевле, чем сталь и железо английского производства. Англия покупает бельгийское железо для котлов по цене от 7 до 9 фунтов стерлингов за тонну, в то время как внутреннее производство того же железа обходится в 14—15 и даже 17 фунтов стерлингов. Почти все страны Южной Америки, Центральной Европы и др. дают свои заказы на машины германским и австрийским заводам. То же наблюдается и в текстильном производстве в Ланкашире, и т. д.

В 1913 году общая добыча угля в Англии равнялась 287.000.000 тонн, причем из этого количества 77.307.000 тонн вывозилось за границу. Это давало Англии возможность получать взамен дешевый хлопок и дешевую шерсть для ткацких станков в Ланкашире и Иоркшире. В 1920 году добыча угля равнялась 229.000.000 тонн, что составляет сокращение на 20%. Число рабочих увеличилось почти на 100.000, а средняя добыча понизилась с 258 до 193 тонн на углекопа. Заработная плата поднялась с 6 шиллингов 3½ пенсов до 23 шил-

*) Конгрессом был также создан Национальный Об'единенный Комитет для координирования экономической и политической сторон движения. Этот комитет состоит из представителей Конгресса Профсоюзов, Исполкома Рабочей Партии и парламентской фракции Рабочей Партии. Об'единенный комитет организует 4 общих «департамента»: 1) департамент изысканий, 2) пропаганды, 3) юрисконсультский, 4) интернациональных дел. Эти 4 департамента будут находиться под контролем Генерального Совета и Исполкома Рабочей Партии.

лингов 1/2 пенса, в то время как цены на уголь на копях поднялись с 8 шиллингов 8 пенсов до 38 шиллингов 9 пенсов. Производство же требует угля по цене 20—22 шиллинга за тонну.

Автор приходит к тому заключению, что «если мы не добьемся индустриального мира в ближайшее время, то не менее 3/4 нашего народа вынуждены будут искать заработка в других странах». Оставшись без работы, они у себя на родине должны будут голодать. Мариот не находит другого выхода, кроме индустриального мира, т. е. мира между трудом и капиталом. Это значит, что рабочие должны пойти на такие уступки в смысле сокращения заработной платы, чтобы дать возможность английским капиталистам конкурировать на внешнем рынке.

Глава фирмы «Камейль Лерд и К°» пишет в «Морнинг Пост» от 3 июля с. г., что в 1919 году английский вывоз равнялся по числу тонн половине вывоза 1918 года (45.993.000 тонн в сравнении с 91.803.000). В 1920 году вывоз уменьшился еще более, упав до 39.509.000 тонн. Первые пять месяцев 1921 года оказываются еще более катастрофическими. Общий вывоз за январь—май 1921 года равнялся 9.439.000 тонн по сравнению с 37.006.000 тонн за тот же период времени 1913 года. Если даже исключить уголь, то и тогда окажется, что вывоз в мае 1921 года упал на 65% в сравнении с маем 1913 года.

Еще более новые цифры о вывозе не отмечают сколько нибудь заметного улучшения, несмотря на то, что количество безработных несколько уменьшилось. Англия продолжает терять заказы на внешнем рынке. В Китае, например, заказы на железнодорожный инвентарь достались Бельгии, а не Англии. В то время, как Бельгия взялась доставить локомотивы по 10.000 фунтов стерлингов, Англия запросила 18.000 и не могла согласиться на цену ниже 13.000.

Таково действительное экономическое положение страны. Буржуазные экономисты не видят другого выхода, кроме резкого сокращения заработной платы для того, чтобы Англия могла конкурировать со странами, где валюта ниже и заработная плата не так высока, как в Англии. Об этом выходе они говорили еще до того, как заработная плата стала понижаться. За последние несколько месяцев заработная плата значительно понизилась, например, в угольной промышленности, где рабочие вели долгую и упорную борьбу за сохранение прежнего минимума платы, или в других производствах, где заработная плата была сокращена по обоюдному соглашению между работодателями и рабочими. И все же, несмотря на сокращение заработной платы, вывоз английских товаров не повысился. Одновременно с падением заработной платы в Англии, мы видим падение валюты в других странах, например, в Германии, что дает предпринимателям этих стран возможность сбывать свои товары по ценам еще более низким. Это, в свою очередь, должно повлечь за собой дальнейшее сокращение заработной платы в Англии.

От конгресса профсоюзов, на котором представлены профсоюзы, охватывающие более 3/4 всех организованных рабочих Англии, следовало ожидать властного слова по поводу той колоссальной безработицы, которая сейчас свирепствует в стране. Но все бессилие конгресса сказалось именно в его отношении к вопросу о безработице. Конгресс не дал сколько нибудь исчерпывающего анализа ни причин, ни размеров экономического кризиса, переживаемого всем буржуазным миром и в частности Англией. Он отделался несколькими фразами о тяжелом положении безработных и их семейств. Одни делегаты критиковали правительство за недостаточные меры борьбы с безработицей, другие критиковали спекулянтов, третьи приписывали всю беду нежеланию работодателей отказаться от своей прибыли. Клайнс об'яснял тяжелое положение безработных недружелюбным отношением к ним со стороны парламента. Пультон выразил надежду, что «делегаты будут агитировать, пока они не добьются справедливости для тех несчастных, которые против их воли обречены на безработицу и голодную смерть». Он прибавил, что «не удивляется тому, что некоторые безработные защищают крайние методы для уничтожения бедности». Конгресс много и с большой похвалой говорил о тех членах городских управ, которые отказались повысить налоги, падающие на бедное население, среди которого много безработных, и тем отказались брать от одних безработных, чтобы помочь другим, за что попали в тюрьму, как, например, это было в Поппларе.

В общем, дискуссия по вопросу о безработице производит такое впечатление, как будто в ней участвовали не представители рабочего класса, а либералы, которые из «гуманитарных» соображений и чувства «справедливости» не могут хладнокровно смотреть на то, как голодают миллионы мужчин, женщин и детей.

Заправилы конгресса профсоюзов совершенно не подошли к учету экономической ситуации, нисколько не занялись ее анализом; им было гораздо выгоднее обойти молчанием тот факт, что буржуазный строй обанкротился и что только их страх перед господством пролетариата и их готовность поддерживать господство буржуазии могут продлить его существование. Но господство буржуазного строя в Англии может быть продлено только низведением пролетариата до нищеты и голода. Одно из двух: либо господство капиталистического класса должно быть уничтожено, либо рабочие окончательно должны пожертвовать всеми завоеваниями прошлых лет, должны согласиться на дальнейшее, еще более резкое, понижение заработной платы, увеличение рабочего дня, должны этим соз-

дать постоянную армию безработных, обреченных на нищенское существование, чтобы дать своей буржуазии возможность завоевать себе снова выгодное положение на внешнем рынке. Но и этого еще недостаточно, ибо понижение заработной платы в Англии неминуемо и неизбежно вызовет в других, конкурирующих с Англией, странах понижение цен, а стало быть понижение заработной платы, увеличение безработицы, что в свою очередь повлечет за собой дальнейшее сокращение заработной платы в Англии. Одним словом, анализ мировой экономической ситуации и того, как она отражается на экономическом положении Англии, должен был привести вождей английского рабочего движения, если бы они действительно выражали классовые интересы пролетариата, а не узко цеховые интересы, к тому выводу, что паллиативными мерами против безработицы и сокращения заработной платы можно только на самое короткое время отвлечь внимание рабочих от истинного положения вещей.

Но конгресс не хотел взглянуть действительности прямо в глаза. В этом отношении самой характерной во всей дискуссии о безработице (конгресс потратил всего лишь 2 часа на эту дискуссию) является речь Бевина от союза докеров, который заявил, что он знать ничего не хочет о «неизбежном». «Для нас», говорит он, «как для представителей рабочего класса не существует неизбежного. Затруднений, созданных экономическим положением страны, можно избежать, если пошевелить мозгами». Для вождей типа Бевина теперешнее положение английских рабочих только временное затруднение, с которым можно справиться при достаточной изворотливости. Разумеется, что с психологией лавочника трудно подойти к анализу мировой экономической ситуации. На одном совместном заседании с представителями Тройственного Союза во время забастовки углекопов Ллойд-Джордж, уговаривая их вернуть бастовавших рудокопов к работам по охране безопасности копей от наводнений, взрывов и т. д., сказал: «Мы все хорошо знаем по опыту, что первые попытки (к сближению между трудом и капиталом) обыкновенно бывают неудачными и очень часто кажется, как будто выхода нет, но, в конце концов, британский здравый рассудок находит выход, когда он его действительно ищет». Совсем как Бевин: нужно только пошевелить мозгами, и выход будет найден.

В результате мозговой работы Бевинов, конгресс принял резолюцию, долженствующую устранить трудности, созданные экономическим положением, т. е. безработицу и сокращение заработной платы. Резолюция требует от правительства субсидии для безработных. Но правительство выдавало субсидию и до сих пор и, вероятно, не откажет в этой подачке и впредь. Резолюция требует немедленного созыва парламента для разрешения вопроса о безработице Однако, Клайнс заявил, что теперешний парламент относится недружелюбно к безработным. Резолюция указывает также, что члены муниципалитета в Поппларе оказали большую услугу нации. На самом же деле эти члены муниципалитета, среди которых было двое коммунистов, отказались от повышения налогов, падающих на беднейшее население, требуя того, чтобы богатые предместья были обложены в пользу безработных, и, если они теперь сидят в тюрьме, то отнюдь не за то, что они отстаивали «интересы нации», а за то, что они защищали интересы пролетариата. Резолюция поручает Генеральному Совету совместно с Исполкомом Рабочей Партии и парламентской фракцией Рабочей Партии немедленно принять меры, чтобы добиться достаточных субсидий для безработных.

Практически эти меры выразились в том, что Об'единенный Комитет Конгресса Профсоюзов и Рабочей Партии, отвергая правительственный проект помощи безработным, предлагает свой собственный план, который, помимо немедленной помощи безработным, должен, по мнению авторов, оживить промышленность, поднять производительность труда и т. д. План этот заключается в том, чтобы правительство дало английским предприятиям казенные заказы на товары для государственных потребностей как внутри страны, так и для экспорта, т. е. правительство должно стать продавцом заказанных им в Англии товаров за границей, вступив для этого в непосредственные коммерческие сношения с другими правительствами. При этом английские работодатели должны отказаться от обычной прибыли. Во-вторых, план включает перечисление ряда общественных работ и указание количества рабочих, которые могут быть заняты на них. Особенно подчеркивается важность и значение постройки новых жилищ. В третьих, он предусматривает разные авансы в виде займов для различных общественных работ. В четвертых, он требует достаточных субсидий для тех рабочих, для которых работа не может быть найдена, причем и в этом случае предоставление работы является первым долгом правительства.

Таков результат работы конгресса и таков план, предложенный Об'единенным Комитетом Конгресса Профсоюзов и Рабочей Партии для борьбы с безработицей. Паллиативы, указанные в этом плане, мало чем отличаются от паллиативов Национального Союза Работодателей и Рабочих. Эта организация труда и капитала тоже настаивает на том, чтобы правительство потребовало от местных властей и общественных предприятий выработки плана общественных работ, как-то: постройки дорог, трамвайных путей, станций и разработки необрабатываемых земель, и чтобы правительство дало местным властям и компаниям государствен-

ных и муниципальных предприятий заем. Материал, необходимый для общественных работ, должен быть внутреннего производства.

Но даже Национальный Союз Работодателей и Рабочих сомневается в том, насколько эти общественные работы окажутся в состоянии поглотить значительное число безработных, в особенности женщин, для которых эти работы не по силам.

Об'единенный Комитет Конгресса Профсоюзов и Рабочей Партии рекомендует, как уже указано выше, и другие «более действительные» средства борьбы с безработицей, а именно: правительство должно взять на себя роль экспортера, торгующего с другими странами, причем работодатели должны отказаться от обычной прибыли. Вожди профсоюзов не понимают или не хотят понять, что если бы работодатели отказались от своей прибыли, предоставляя только правительству торговать на внешнем рынке, то это означало-бы не что иное, как национализацию внешней торговли. Не касаясь вопроса о том, поможет ли экономическому положению Англии национализация внешней торговли, мы очень хотели бы знать, как Об'единенный Комитет Конгресса Профсоюзов и Рабочей Партии *добьется* национализации внешней торговли. Мы знаем, как Тройственный Союз добивался создания национального фонда прибыли во время угольной забастовки. Мы знаем, какую роль играли Конгресс Профсоюзов и Комитет Рабочей Партии, когда рабочие добивались национализации угольной промышленности в 1919 году, в период высокой кон'юнктуры, когда положение рабочего класса было выгодно, когда не было безработицы и пролетариат был бы в состоянии, при условии единого фронта и централизованного руководства, заставить правительство пойти на уступки вплоть до национализации угольной промышленности и т. д. Мы знаем, что правые вожди не использовали выгодного положения рабочих, не вступили в решительную борьбу за национализацию, за которую они сами же агитировали много лет, но которую они забыли в Советах Витли. Правительство тогда хорошо знало ту опасность, какую представлял рабочий класс, если бы он выступил на арену борьбы достаточно сплоченно и об'единенно, и оно поэтому преподнесло вождям Витливские Советы Труда и Капитала. Вожди оставили всякую мысль о борьбе и ухватились за эти Советы, тем самым дав правительству возможность предотвратить ту бурю, которая могла разразиться. Отдельные разрозненные выступления рабочих во главе с вождями, которые заседали в Советах Витли рядом с буржуазией, конечно, терпели поражения. Теперь же, когда положение рабочего класса отчаянное и буржуазия не чувствует такой опасности, какая грозила ей в 1919 году, теперь вожди, которых лишили этих Витливских затей, заговорили о национализации внешней торговли, не создав для этого об'единения рабочего класса по всему фронту, тогда как только при таком об'единении рабочий класс может рассчитывать на успех в борьбе. Но Об'единенный Комитет и не собирается вести *борьбу* за национализацию внешней торговли. Он строит весь свой план на том расчете, что работодатели сами добровольно откажутся от прибыли.

Таким образом весь план Конгресса Профсоюзов и Рабочей Партии в борьбе с безработицей сведется к требованию общественных работ для безработных, что, конечно, совершенно не разрешает вопроса.

Ничего не забыли — ничему не научились.

Как свободно вздохнул конгресс, когда он перешел к вопросу о всеобщем разоружении! Безработица, сокращение заработной платы, об'единение рабочего движения, крах Тройственного Союза, поражение рабочих в их выступлениях—все это «проклятые вопросы», на которые необходимо «ответы дать прямые». От этих вопросов конгрессу хочется отделаться возможно скорее. То ли дело—вопрос о всеобщем разоружении, Вашингтонской Конференции, Лиге Наций и т. д. Тут можно говорить без конца, выносить какие угодно резолюции, можно щеголять радикализмом и пускать пыль в глаза рабочим, доказывая им, что их вожди пекутся не только об их непосредственных интересах, но думают и о будущих интересах их класса.

Однако, и всеобщее разоружение тема щекотливая, опасная, к ней нужно подойти осторожно, чтобы, боже упаси, не обнаружить, что пока существует капитализм, войны так же неизбежны, как и безработица. К этой теме нужно подойти так, чтобы не поколебать основ господства буржуазии, чтобы не вызвать подозрения в массах. Но как бы осторожно заправилы конгресса ни подходили к этому вопросу, они все же попадают в самое нелепое положение и выдают себя с головой. «Англия», говорят они, «должна идти на Вашингтонскую конференцию с чистыми руками, а для этого она должна перестать строить уже заложенные броненосцы». Правительство, конечно, смеется над подобного рода требованием со стороны людей, которые не ударяют пальцем о палец для того, чтобы подкрепить свои требования какими либо активными выступлениями, какой либо реальной силой. Правительство очень хорошо знает, что если начнется война, то эти же самые вожди-пацифисты первые придут к нему на помощь. Они всегда найдут какой нибудь предлог для того, чтобы поддержать правительство «в трудную для нации минуту». Бен Тиллет скажет, как он говорил на конгрессе, что «когда 95% рабочих за войну, я с ними, безразлично — правы они, или нет». Но когда начнется война, кто ему докажет, что за войну не 95% рабочих, а только 5. Одновременно с об'явлением войны вводятся и исключительные законы, уничтожающие вся-

кую возможность для рабочих путем голосования выразить свое отношение к войне, ибо место избирательного ящика занимают ящики с патронами и пулеметами. Кроме того, те же пацифисты-вожди пускают в ход весь аппарат рабочего движения для того, чтобы уничтожить в массах всякую оппозицию к войне.

Но наши социал-патриоты из конгресса профсоюзов говорят, что теперь положение другое, теперь они требуют представительства рабочих на конференциях, «преследующих цель всеобщего разоружения», как, напр., на Вашингтонской конференции, и они не допустят каких либо интриг «милитаристов и банкиров, могущих вызвать войну» (см. речь Бен Тиллета на конгрессе). Нечего и говорить о том, что вожди также предотвратят интриги «милитаристов и банкиров», как они предотвращают безработицу и понижение заработной платы при помощи Бюро Труда в Лиге Наций.

Воспроизвожу по возможности подробнее дискуссию о всеобщем разоружении, имевшую место на конгрессе 8-го сентября. Ознакомившись с ней, можно без труда представить себе, с какого рода вождями приходится иметь дело в английском рабочем движении. Эта дискуссия ярко свидетельствует о тех трудностях, которые английским коммунистам предстоит преодолевать в борьбе за влияние на рабочие массы.

Д. Г. Томас внес резолюцию, выражающую солидарность конгресса с решением президента Соединенных Штатов о созыве конференции по вопросу о всеобщем разоружении, но вместе с тем резолюция заявляет, что такая конференция без достаточного представительства труда является неудовлетворительной. Резолюция заявляет далее о праве конгресса назначать представителей рабочего класса на конференцию. Резолюция протестует против недавнего решения британского правительства о выполнении широкой программы вооружений, что противоречит проектам разоружения и мира. Резолюция предлагает приостановить все приготовления к войне, пока Вашингтонская конференция не закончила своей работы.

Мотивируя эту резолюцию, Томас говорил, что «только недавно закончилась война, имевшая целью уничтожить все дальнейшие войны. Миллионы человеческих жизней были погублены; тем не менее сейчас тратится на армию, морской и воздушный флот в 2½ раза больше того, что тратилось до войны».

«Лига Наций бесполезна, если она не выяснит причин вооружения. Сейчас всякий может поносить войну и говорить о мире; так всегда было после войны: но что необходимо — это убедить новое поколение в ужасах войны и лишить правительства средств, которые они могут использовать для ведения войны». Продолжая петь такие же дифирамбы Гардингу, какие он раньше пел Вильсону, Томас сказал, что президент Соединенных Штатов «совершил благородное и доблестное дело созывом в Вашингтоне конференции разоружения». Томас выразил сожаление по поводу того, что английское правительство, не дождавшись решения этой конференции, заложило 4 новых броненосца. Томас с деланным негодованием воскликнул: «Насмешка и фарс! Ибо это означает, что английские представители в Вашингтоне не могут быть свободны (в виду строющихся новых броненосцев). Разве мы не имеем права знать, против кого строются эти броненосцы?» Среди делегатов раздались возгласы: «Против Америки!». Далее, Томас клеймил врагов Англии и Америки, которые «вселяют эту идею (мысль о войне) в умы народа», «но, воскликнул он снова, не найдется ни одного здравомыслящего человека ни в Америке, ни в Англии, могущего хотя бы представить себе такие обстоятельства, которые оправдали бы разрыв между этими народами. Англия должна пойти на Вашингтонскую конференцию с чистыми руками. Для этого она должна приостановить постройку военных судов. Англия должна дать пример другим державам». Томас закончил свою речь заявлением, что «рабочий класс больше всего пострадал на войне и поэтому он должен быть представлен в Вашингтоне».

Один из делегатов (от почтовых служащих) не видит причины для вооружения, так как нет даже врага, против которого нужно вооружаться.

Товарищ Поллит (от котельщиков) говорил против резолюции, считая ее недостаточной. Он подверг Томаса и его доводы вполне заслуженной критике, сказав, что разговоры о разоружении, как о практической задаче, — есть пустая трата времени. Буржуазным правительствам нужно вооружение хотя бы для того, чтобы держать рабочих в повиновении. Вооружение необходимо для сохранения капиталистического общества так же, как и безработица. Единственное средство избавиться от войн, это уничтожение капитализма. Товарищ Поллит спрашивает, что сделал Томас для того, чтобы предотвратить перевозку оружия в Ирландию для войны с ирландским народом. Томас готов при первом же случае опять сделаться социал-патриотом, ибо он не понимает основных причин, вызывающих войны. «Готов ли Томас приостановить работу на судостроительных верфях в Бороу, Давенпорте, Клайде»? Товарищ Поллит сам отвечает на этот вопрос: «Конечно, нет, но если бы он это даже и сделал, то вооруженные отряды, посланные против рабочих под предлогом охраны порядка, перевозились бы членами Национального Союза железнодорожников, секретарем которого он, Томас, является» (смех и аплодисменты). Товарищ Поллит далее анализирует причины возможного разрыва между Англией и Америкой и приходит к заключению, что в основе этих причин лежит конкуренция между этими двумя империалистическими странами из-за нефти. Товарищ

Поллит в заключение говорит, что некоторые из вождей, которые сейчас требуют разоружения, в течение империалистической войны убеждали рабочих на аммуниционных фабриках в необходимости развить максимальную производительность; они предлагали народу драться до последнего человека. «Вашингтонская конференция», закончил товарищ Поллит, «повлечет за собой только более усиленное вооружение, как в свое время Гаагская конференция. Социальная революция—вот что положит конец войнам».

Бен Тиллет убеждал делегатов в том, что он революционер и, хотя он не может идти так далеко теперь, как его более молодые друзья, все же он остается революционером, но стоит за революцию, совершаемую «систематично и с толком». «Когда 95% рабочего класса за войну или мир, правы они или нет, я с ними. Война ужасна, но когда наша страна участвовала в ней, я должен был поддержать тех, кто боролся за наше отечество»... «Какая польза, — спрашивает Бен Тилет,—в речи самого стойкого коммуниста, если против него выставлены пулеметы?» Он заклинал конгресс принять резолюцию, так как они (Томас и К°) хотят спасти мир от новой кровавой войны. Он уверял конгресс, что этой цели можно легко добиться, «если только не будет надоедливой критики».

Роберт Смайли, которому конгресс устроил овацию, когда он появился на трибуне, поддерживал резолюцию. «Теперь не время», сказал он, «заниматься взаимными распрями. «Чтобы там ни случилось в прошлом, нельзя было бы строить военный флот, если бы углекопы не добывали угля для производства железа и стали. Громадные массы углекопов сейчас без работы, но я говорю от имени безработных, когда заявляю, что они скорее будут терпеть муки безработицы, чем добывать уголь для приготовлений к новой войне» (одобрение).

Смайли поддерживал резолюцию, но сказал, что резолюции будут иметь мало влияния на капиталистические правительства. «К несчастью, весь мир находится под проклятым господством капиталистических правительств. Нужно нечто большее, чем резолюции. Одно бесспорно: ни один народ не может сам разрешить проблему войны. Если можно добиться всеобщего мира, то только ниспровержением капитализма в национальном и интернациональном масштабе». Смайли сообщил конгрессу, что Интернационал Углекопов недавно в Женеве постановил, что в случае войны, прежде чем желтая пресса воспользуется своим влиянием, Интернационал Углекопов соберется с целью приостановить работу немедленно, для того чтобы прекратить войну. «Успех будет зависеть от того, насколько будет сильно отвращение рабочих к войне. Организованный рабочий класс должен следовать за рудокопами».

Другие делегаты, как Биртворт, Бокер и др., выступали с критикой вождей, которые в последней войне были на стороне буржуазии; они выражали сильное сомнение, окажутся ли эти вожди на стороне пролетариата в будущей войне.

Артур Гендерсон, говоривший от имени Рабочей Партии, сказал несколько комплиментов по адресу конгресса, способствовавшего внесению большого единства и солидарности в рабочее движение. Гендерсон затем критиковал мирный договор, «в котором нет ни капли идеализма и который является причиной страданий многих миллионов невинных людей как в странах-победительницах, так и в странах побежденных». При этих условиях рабочим возможно взять парламент в свои руки. «*Захватить* парламентский аппарат», сказал он, «лучше, чем проливать потоки крови».

Вышеприведенная дискуссия по вопросу о всеобщем разоружении вряд ли нуждается в каких либо комментариях с нашей стороны. Она сама говорит за себя достаточно красноречиво. Вожди рабочего движения Англии остались такими же, какими они были до сих пор. Опыт прошлого прошел для них совершенно бесследно. Раньше все эти пацифистские глупости привлекали внимание мелко-буржуазных радикальных аудиторий, а теперь их подхватили вожди рабочего движения Англии, которые повторяют их на разные лады на своих конгрессах. Попрежнему они критикуют капитализм, как причину вооружения и войн, но попрежнему ничего не делают для того, чтобы подготовить уничтожение капиталистического господства. Попрежнему они сеют иллюзии в рабочих массах, будто бы на конференциях буржуазных правительств можно столковаться по вопросу о разоружении. Дискуссия достаточно ясно показывает, что вожди английского рабочего движения ничего не забыли и ничему не научились.

Заключение.

Делегаты-коммунисты не могли наложить свой отпечаток на ход работы Кардифского Конгресса Профсоюзов, но все же их пока еще слабый голос прозвучал на этот раз гораздо громче, чем когда-либо раньше. Речи т.т. Поллита, Бамбера и др. встряхнули то болото, в которое погрузилось большинство конгресса; их речи помогли сотням тысяч рабочих разобраться в вопросах классовой борьбы, способствовали пробуждению в них революционно-классового самосознания. Пусть наши товарищи были в ничтожном меньшинстве, пусть они не могли повлиять на конгресс своим числом, но среди делегатов были не только вожди типа Томаса, но также и рабочие, посланные на конгресс массами. Они прислушивались к речам наших товарищей и вернулись домой с более ясным, более глубоким пониманием тех задач, которые самой жизнью выдвигаются перед пролетариатом.

К сожалению, мы не можем привести здесь речи всех коммунистов или симпати-

зирующих коммунистам делегатов. В прессе, которая до сих пор попадала к нам, этих речей найти нельзя, но, судя и по тем отрывочным данным, которые у нас имеются, можно смело сказать, что трибуна конгресса профсоюзов была использована коммунистами, насколько это было возможно, принимая во внимание обстоятельства, при которых им приходилось выступать. Они сказали свое слово перед лицом $6^1/_2$ миллионов рабочих, и это имеет громадное значение. Переживаемый Англией экономический кризис и полная несостоятельность мер, предпринятых конгрессом против безработицы и сокращения заработной платы, дают английским коммунистам возможность развернуть самую широкую агитацию в массах, и выступление коммунистов на конгрессе принесет, несомненно, большую пользу в этой агитации.

За последнее время об английских коммунистах заговорили не только в буржуазной прессе, но и в таких органах печати, как «Лейбор Лидер» и др., как о нарастающей силе на левом фланге рабочего движения. Выступление коммунистов на конгрессе профсоюзов, великолепная работа по агитации и пропаганде во время выборов в парламент от Кайерфили в Южном Уэльсе, где впервые баллотировался кандидат от коммунистической партии, и где он получил $2^1/_2$ тысячи голосов, из общего числа 24000 голосов, поданных на выборах, — все это показывает, что коммунисты вступили на путь массовой деятельности, что они серьезно стремятся связаться с широкими рабочими массами. Это обстоятельство сразу же всполошило круги мелкобуржуазных социалистов из Независимой Рабочей Партии и привело их в смущение. «Лейбор Лидер» говорит, что было бы большой ошибкой игнорировать значение голосов, поданных за коммунистов. Напрасно орган Национальных Рабочих Комитетов уверяет, что время и средства, затраченные на агитацию и пропаганду в пользу выборов коммуниста в парламент, совершенно не окупаются достигнутыми результатами. Напрасно этот орган противопоставляет работу фабрично-заводских комитетов работе коммунистов в Кайерфили. Первая бесспорно важна—против этого мы не спорим. Всякий коммунист понимает, что его основная работа именно и должна вестись в фабрично-заводском комитете, который особенно нуждается во всех передовых пролетарских силах для того, чтобы уничтожить крайне вредное деление между цехами на одной и той же фабрике. На английской фабрике для коммуниста много, очень много работы, но тот, кто говорит, что это единственная работа, и что всякая другая деятельность, как, например, использование парламентских и муниципальных выборов в целях коммунистической пропаганды и агитации, не заслуживает внимания,—просто отказывается от других пригодных средств борьбы и этим ослабляет процесс перехода влияния на массы к коммунистам.

Кардиф и Кайерфили—вот два основных направления, которые ведут нас к одной цели, к массовой партии, к влиянию на пролетариат. В Кардифе коммунисты выступили в стане мелкобуржуазных социалистов, среди косной, бюрократической массы представителей профсоюзов и контр-революционных вождей, с целью вырвать у них то влияние, которым они еще пользуются в массах. В фабрично-заводских комитетах, в профсоюзах, в городских рабочих Советах, коммунисты должны напрягать все свои усилия к тому, чтобы рабочие посылали их в качестве своих представителей на конгресс профсоюзов. Уже теперь необходимо поставить весь партийный аппарат на ноги для того, чтобы послать возможно больше делегатов на следующий конгресс, который соберется гораздо раньше предполагаемого срока, ибо экономическое положение Англии таково, что чрезвычайный конгресс неизбежен.

В Кайерфили коммунисты вступили в борьбу с правительственным кандидатом и кандидатом от мелкобуржуазной Независимой Рабочей Партии за влияние на массы. Энергичная работа в течение короткого времени дала тот результат, что $2^1/_2$ тысячи рабочих (почти четвертая часть всех членов Коммунистической Партии) голосовали за коммуниста и это в одном только районе.

Кардиф и Кайерфили дают великолепный урок того, на что может рассчитывать коммунистическая партия Англии, когда она выходит на путь сближения с массами. Пусть этот урок не пройдет бесследно для тех коммунистов, которые все еще стоят на точке зрения «кружковщины», которые все еще думают, что своим обособлением от масс они сохраняют знамя коммунизма в чистоте. Лишь те товарищи, которые понесли это знамя в Кардифе и Кайерфили, являются настоящими боевыми коммунистами. Этим коммунистам принадлежит будущее.

М. БОРОДИН.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

О развитии коммунистического движения в Соединенных Штатах очень мало известно коммунистам в других странах. Коммунисты всего мира меньше знают о движении в Америке, чем о движении в какой-либо другой большой стране: в международной печати ничего об американском движении не сообщается, а издания Американской Коммунистической Партии почти не проникают за пределы Америки. Американские газеты содержат обыкновенно очень мало данных о развитии нашего движения.

Одной из причин этого является невозможность полной гласности, потому что эта гласность может навлечь на головы коммунистов репрессии со стороны американских властей. Крайние реакционеры, пользующиеся теперь в Соединенных Штатах неограниченным влиянием, считают все, что имеет хоть какое-нибудь отношение к коммунистической партии, «нелегальным». По этой же причине, в настоящей статье многое придется оставить недоговоренным, о многом читателю придется лишь догадываться.

Между тем, для коммунистов всех стран чрезвычайно важно иметь представление об условиях американской жизни и наблюдать за развитием движения, чтобы учитывать все это при оценке перспектив мировой революции,— ибо Соединенные Штаты являются в настоящее время центром мирового капитализма, средоточием реакционного империализма и, по всей вероятности, сохранят за собой эту роль до последнего дня существования капитализма. Мировая война, подорвавшая и ослабившая положение правящих классов во всех европейских странах, в то же время чрезвычайно подняла престиж и укрепила власть правящего класса Соединенных Штатов Америки. Соединенные Штаты, бывшие до войны должником других стран, стали в настоящее время мировым кредитором и имеют в своем распоряжении более 60 процентов золотого запаса всего мира, причем есть все основания думать, что еще в течение целого ряда лет золото будет в изобилии притекать в кассы американских капиталистов. Финансовой столицей мира является теперь Нью-Йорк, и эксплоататоры всех стран ведут своим прибылям в американских долларах.

С начала мировой войны в Соединенных Штатах появилось свыше двадцати тысяч новых миллионеров, т. е. больше, чем их было раньше во всем остальном мире. Этот американский господствующий класс молод, смел, полон сил и жажды власти. Он чувствует под своими ногами твердую почву и командует американским рабочим классом, как ему вздумается. При помощи своей печатной и устной пропаганды он держит рабочих в духовном рабстве. Не дожидаясь революционных выступлений, он при первых же проявлениях революционного настроения безжалостно подавляет их «железной пятой», сбрасывая с себя всю мишуру демократических лозунгов. Это самая сильная, самая организованная буржуазия во всем мире, и господство ее над американскими рабочими массами почти не ограничено. Упускать из виду это обстоятельство невозможно, и все, кто хочет руководить мировой революцией, обязаны считаться с ним. Пока сила американской буржуазии не сломлена, останется непоколебленной и сила мирового империализма. Пока революционное движение не возьмет верх в Соединенных Штатах, ни в одной стране коммунисты не могут чувствовать себя в полной безопасности. Развитие коммунистического движения в Соединенных Штатах имеет поэтому серьезное значение для коммунистов всех остальных стран.

* * *

Американская Коммунистическая Партия насчитывает в настоящее время от двенадцати до тринадцати тысяч членов, организованных приблизительно в 1700 групп, каждая из которых состоит не более, чем из десяти членов. Каждая группа регулярно устраивает свои заседания, и все члены ее должны принимать активное участие в партийной работе. Для допущения в партию необходимо пройти трехмесячный испытательный период в особой группе кандидатов в члены партии, и весь партийный аппарат имеет строго «подпольный» характер. Таким образом, прием в партию обставлен гораздо большими трудностями, чем в организациях, существующих открыто и не предъявляющих к своим членам таких суровых требований.

Для партийной работы территория Соединенных Штатов разделена на двенадцать округов, соответственно распределению главных промышленных районов. В каждом округе имеется окружный комитет и постоянный окружный организатор, являющийся представителем Центрального Исполнительного Комитета. В состав партии входят товарищи, говорящие на двадцати трех различных языках: английском, армянском, болгарском, венгерском, греческом, еврейском, испанском, итальянском, латышском, литовском, немецком, польском, румынском, русском, турецком, украинском, финском, французском.

Группа делегатов Первого Конгресса Красных Профсоюзов, среди них—трое товарищей, погибших 24 июля 1921 года, при крушении аэровагона вблизи г. Серпухова: т. Константинов (Болгария)—первый слева в первом ряду; т. О. Струпат (Германия)—второй справа в первом ряду; т. Артем Сергеев (Россия)—третий справа во втором ряду.

шведском, чешском, эстонском, сербском и японском. Десять из этих национальных групп образуют национальные федерации, а именно: финскую, немецкую, венгерскую, еврейскую, латышскую, литовскую, польскую, русскую, югославянскую и украинскую; в большей части остальных групп пропаганда также ведется на иностранных языках. Хотя партия до сих пор не располагает ежедневной английской газетой, но она издает восемь газет на других языках и более тридцати еженедельных, двухнедельных и ежемесячных журналов. Кроме того, под ее влиянием находится несколько газет, расходящихся в миллионах экземпляров.

Хотя относительное значение славянских федераций в американской партии постоянно уменьшается, а влияние говорящих по английски членов неизменно возрастает, однако федерации иностранных рабочих, без сомнения, всегда будут составлять существенную часть Американской Коммунистической Партии. Соединенные Штаты являются в значительной степени страной иммигрантов. Более шестой части их населения составляют иностранные уроженцы. В виду того, что большая часть их принадлежит к рабочему классу, процент иностранных уроженцев среди рабочих еще более высок. В некоторых из главных отраслей промышленности больше половины общего числа рабочих,— иностранцы, как, например, на сталелитейных заводах в окрестностях Питсбурга, в штате Пенсильвания, и в Гари, в штате Индиана. В каждом из больших городов Америки есть целый иностранный город. Так, например, свыше 300.000 поляков проживает в Чикаго и столько же в Детройте; в Нью-Йорке имеется более 400.000 итальянцев, около полумиллиона русских, свыше миллиона евреев. Сотни тысяч этих рабочих, родившихся за границей, почти не говорят по английски. Революционное движение в Соединенных Штатах не может, конечно, не учитывать этого. Американская Коммунистическая Партия организовала особый аппарат для распространения коммунистических идей на всех языках, на которых говорят американские рабочие. Вытекающие отсюда особые задачи отняли у американских коммунистов очень много времени в течение последних трех лет. Так как в Америке все национальности имеют свои общекультурные и национальные организации, то вполне естественно, что революционные элементы каждой национальности также сорганизовались в особые федерации, об'единенные общностью языка. В прежнее время Американская Социалистическая Партия в значительной степени состояла из таких иностранных федераций. Большинство из них возникло, как независимые организации, и фактически сохраняло свою самостоятельность даже после присоединения к Социалистической Партии. В сущности они были связаны только верхами партии, при посредстве секретарей-переводчиков, и очень мало общались с членами партии, говорящими по-английски.

До войны эти иностранные организации составляли оплот реакционного направления Бергера-Хилквита и боролись вместе с правыми против так называемых «красных», пытавшихся взять управление социалистической партией в свои руки. Но положение вещей изменилось с русской революцией. Вполне естественно, что русская и другие славянские федерации быстро подпали под влияние русской революции и в скором времени оказались главной опорой левого крыла. Их самостоятельное положение давало им возможность вести независимую пропаганду коммунизма внутри Социалистической Партии. Благодаря той же самостоятельности, они смогли внести полный раскол в Социалистическую Партию. Поэтому, когда пришло время образовать единую коммунистическую партию, эти федерации стали ревниво отстаивать свою самостоятельность. Тут сказалось желание сохранить некоторую независимость и в новой партии, как своего рода гарантию—оружие против меньшевистской опасности. Именно этот вопрос об автономии федераций и расколол левое крыло и вызвал образование в Соединенных Штатах, в сентябре 1919 г. *двух* коммунистических партий, вместо одной. В течение долгого времени руководящие круги русской и других федераций совершенно открыто противились об'единению с другой коммунистической партией, в которую входили по большей части товарищи, говорящие по-английски, потому что эта партия не соглашалась признать самостоятельность иностранных организаций, а настаивала на централизации всего партийного аппарата. Около семи месяцев тому назад, подчиняясь авторитету Коммунистического Интернационала, они созвали об'единительный с'езд.

На этом с'езде, состоявшемся весной 1921 года, выяснилось, что между партиями не существует принципиальных разногласий. Обе стороны признали это, и к общему удовлетворению была выработана программа об'единенной партии. Большие трудности возникли в связи с вопросом об иностранных федерациях; трудно было заставить вождей отдельных федераций согласиться на полную централизацию руководства партией. В конце концов, была принята такая форма организации для членов, говорящих на иностранных языках, которая удовлетворяла всем потребностям пропаганды на различных языках и в то же время ставила иностранные секции в неразрывную связь с секцией, говорящей по английски, в каждой отдельной местности. Федерации лишаются всяких дисциплинарных прав по отношению к своим членам и права собирать членские взносы. «Автономия» была упразднена навсегда, и вся партия получила *единое централизованное устройство*, с полнотой власти в руках Исполнительного Комитета.

Перед новым Исполнительным Комитетом партии, избранным на об'единительном с'езде, встала, прежде всего, конечно, задача—слить обе обособленные подпольные группы в единую организацию. В продолжение приблизительно трех месяцев эта задача была выполнена, и органическое об'единение коммунистических сил Соединенных Штатов стало совершившимся фактом. Вслед затем Исполнительный Комитет партии принялся за дело, которое до сих пор было в полном пренебрежении, а именно: он посвятил все свои силы установлению связи с широкими массами американских рабочих, стараясь на деле превратить партию в жизненный фактор борьбы этих масс с классом эксплуататоров. Скоро выяснилось, однако, что подпольный аппарат партии совершенно не приспособлен для широкой коммунистической работы среди масс и что необходимо найти другие, подсобные средства для того, чтобы «политически об'единить эти массы для борьбы с американским капитализмом».

Разрешение этой задачи в Америке сопряжено с бо́льшими трудностями, чем в странах Европы. В Европе на деле все рабочие признают классовую борьбу; среди них получили развитие крупные политические движения и создались сильные классовые организации. Революционные элементы с давних пор были в постоянном контакте с массами, добились руководящего значения среди них и приобрели известный опыт. Между тем, у американских рабочих нет никаких традиций классового самосознания, а сознательные элементы зараженъ сектантством и страдают отсутствием опыта.

Центральный Исполнительный Комитет понимает, что партия не может выполнить своей задачи, не выработав надлежащих методов и форм организации. Бра́ться за решение задачи, располагая *одним лишь* аппаратом нелегальной организации, было бы безнадежно. Необходимо создать такой аппарат, который мог бы использовать все легальные возможности. Коммунистический Интернационал заявил, что он стремится к созданию «крупных революционных массовых партий и отвергает мысль об образовании мелких коммунистических сектантских групп, не могущих добиться влияния на рабочие массы». Он призывает коммунистические партии «не ограничиваться пропагандой, но использовать все возможности, которые буржуазное общество вынуждено оставлять открытыми для агитации среди пролетариата и организации его».

Но не только из чувства повиновения Интернационалу Американская Коммунистическая Партия решила использовать те легальные возможности, которые доступны ей в Соединенных Штатах. К этому вынуждал самый ход событий. Промышленный кризис обострялся все больше и больше; среди безработных, число которых превысило шесть миллионов, началось брожение, так что эти миллионные массы не только давали необозримое поле для пропаганды, но становились серьезной угрозой, по отношению к буржуазии; все союзы волновались в виду усилившейся кампании за свободу найма рабочих, т. е. за принцип «открытых дверей», и вследствие угрозы введения «промышленных судов», с их принудительными условиями труда. В связи с этим произошло столкновение канзасских горно-рабочих с канзасскими чиновниками и с вождями реакционного Союза Горнорабочих; все рабочие, независимо от принадлежности их к тому или иному союзу, волновались также вследствие все растущей дороговизны и начавшейся кампании за сокращение заработной платы. Организация, совершенно тайная и подпольная, не могла надлежащим образом реагировать на все эти вопросы, которые все настойчивее и настойчивее требовали к себе *общественного* внимания. Перед партией встала теперь дилемма: найти способы для легальной, открытой, массовой пропаганды или уступить поле битвы другим и отказаться от притязаний на звание «авангарда» американского рабочего класса. Поняв это, партия решительно высказалась за тактику использования всех существующих в Соединенных Штатах возможностей для открытой массовой пропаганды.

При проведении в жизнь этой тактики, возникает, конечно, множество щекотливых вопросов, которых здесь мы не станем касаться. На недавних выборах партия выставила несколько собственных кандидатов. Этот первый шаг к участию в парламентских выборах был, правда, очень скромен, но значение его отнюдь не ничтожно. Опыт, полученный партией, благодаря этому, будет использован на ближайших выборах в конгресс. Лед теперь сломан: традиционному заблуждению, будто коммунисты не могут использовать избирательную борьбу в Соединенных Штатах, нанесен смертельный удар. Партия может готовиться теперь к испытанию своих сил на этой арене и в будущем году.

Партия приняла очень деятельное участие в сборе пожертвований для помощи голодающим в России, и ей удалось собрать весьма значительную сумму. Далее, партия вела энергичную агитацию за возобновление торговых сношений с Советской Россией и за официальное признание Российской Советской Республики.

Активное участие членов партии в профсоюзах все более усиливается. Каждый член партии работает теперь фактически не только в своей партийной группе, но также и в какой либо из ячеек, образовавшихся внутри профессиональных союзов и других рабочих организаций. Эти партийные ячейки стараются создать вокруг себя большие кружки сочувствующих. Работа эта подвигается не так скоро, как это было бы желательно, но так как старая традиция изоляции правоверно-мыслящих теперь изжита, и так как коммунисты приобретают все

больший и больший опыт в политике проникновения в массы, то мы не сомневаемся в том, что эта работа будет развиваться все более ускоренным темпом. Между ячейками и кружками сочувствующих устанавливаются связи, как в отдельных местах, так и по всей стране. Зимой текущего года весь аппарат ячеек совместно с легальными организациями партии примет участие в предполагаемой широкой кампании по поводу безработицы.

Громадное большинство членов партии оказывает полное содействие проведению в жизнь всех этих предположений Центрального Исполнительного Комитета. Существует, однако, оппозиция организованного меньшинства, которое восстает против применения легальных политических методов на том основании, что они де могут повести за собой ликвидацию подпольной организации. Ошибочность этого довода бросается в глаза, ибо подпольная организация отнюдь не ликвидируется при использовании легальных возможностей. Она только слегка изменяет свой характер: она делается организацией, контролирующей и исправляющей все разнообразные отрасли партийной работы. В своих легальных выступлениях партия будет добиваться присоединения к ней и сотрудничества с нею всех, кто признает известные, элементарные основные положения, но в нелегальную организацию все эти элементы, конечно, не войдут: она попрежнему будет об'единять и допускать в свои ряды только самые сознательные, развитые и активные элементы. Создание легальной организации, оставляя подпольную часть в полной неприкосновенности, даст богатейшую почву для привлечения новых членов, вольет в коммунистическую партию новые силы и будет содействовать ее росту.

Исполнительный Комитет Коминтерна одобрил все предположения Американской Коммунистической Партии о привлечении широких рабочих масс и предложил всем членам в точности следовать им.

Сфера деятельности Американской Коммунистической Партии постепенно расширяется. Партией создана особая организация для пропаганды среди десяти миллионов ирландцев, живущих в Америке, а также группа для агитации среди двенадцати миллионов негров в Соединенных Штатах и организации революционных элементов этой негритянской массы. К организации сельско-хозяйственных рабочих еще не приступлено, но партия затратила более шести месяцев работы на производство специальных исследований в этой области; данные этих исследований послужат основой для выработки аграрной программы партии. Партия отлично понимает, что революция в Соединенных Штатах невозможна, если ей будет противостоять солидный блок земледельческих рабочих и мелких сельских хозяев, и что прежде всего должен быть разрешен вопрос о том, как оторвать эти элементы от крупных капиталистов.

Партия подготовляет активную кампанию в пользу Интернационала Красных Профсоюзов в различных рабочих организациях, уже обнаруживающих уклон влево. Несколько самых энергичных деятелей профессионального движения в Соединенных Штатах уже перешли на нашу сторону. Однако, организация Гомперса пока еще настолько сильна, что на ближайшее будущее мы не решаемся возлагать слишком большие ожидания.

Просветительная работа партии была, конечно, сильно запущена во время партийных раздоров, но в настоящее время почти во всех секциях снова начались регулярные кружковые занятия. «Азбука Коммунизма» Бухарина, только что изданная в Соединенных Штатах, служит главным учебным пособием.

Результатом такой разносторонней деятельности является постепенный приток в партию или в ее легальную организацию коммунистических элементов из других рабочих партий.

Как ни мала наша партия, но в настоящее время она является не только самой сильной, но и самой крупной политической организацией, представляющей интересы рабочего класса в Соединенных Штатах.

Фермерская Рабочая Партия, вышедшая на выборы 1920 г., как «лев рыкающий», ушла с выборов в образе мокрой курицы, и фактически распалась.

Лучшие деятели рабочего движения из анархистов уже вошли в ряды коммунистической партии. Повидимому, большевистская революция произвела чистку в их рядах, отделив рабочие элементы от «интеллигентов». Из этих последних некоторые ведут теперь ожесточенную контр-революционную пропаганду.

Число членов Союза Индустриальных Рабочих Мира уменьшается. В прошлом году некоторые из их газет открыто нападали на большевиков, называя их «шайкой политиканов», но в этом году, для предотвращения собственного распада, им пришлось «прекратить нападки на коммунистов». Члены И. Р. М. и коммунистической партии поддерживают друг с другом очень дружественные отношения, причем многие товарищи входят в обе организации и работают как в той, так и в другой.

От Пролетарской Партии сохранилось лишь несколько местных групп—все остальные члены перешли в коммунистическую партию.

Социалистическая Рабочая Партия уже давно утратила всякое политическое влияние. Когда она отказалась примкнуть к Третьему Интернационалу, стала высмеивать «21 условие» и на деле стала контр-революционной, революционные элементы вышли из ее состава с чувством омерзения, а в недавнее время, недовольные ее отношением к Третьему Интернационалу, вышли из нее и

самые большие секции Болгарской Федерации, бывшей до сих пор главной опорой этой партии.

Тот же вопрос о Третьем Интернационале привел к полному развалу желтой Социалистической Партии, за время с марта 1919 года потерявшей девяносто девять тысяч членов и насчитывающей теперь, по официальным данным, менее шести тысяч членов. Около семидесяти тысяч членов партия потеряла, когда были организованы коммунистические партии. Еще несколько тысяч потеряла она, когда Морис Хилквит и другие социалисты, члены законодательного собрания в Нью-Йорке, на деле нарушили все исповедуемые партией принципы, с целью лишь сохранить жалкие выгоды своего политического положения. После национального с'езда весной этого года, на котором Социалистическая Партия снова высказалась против пролетарской революции, ее покинуло еще несколько тысяч членов. Последний сокрушительный удар был нанесен ей выходом из партии в сентябре этого года еврейской и чешской федераций, вслед за которыми вышли из партии двадцать самых известных «левых» лидеров, говорящих по-английски, заявив о своем сочувствии Третьему Коммунистическому Интернационалу. Эта группа из двадцати человек приняла название «Комитета в защиту Третьего Интернационала» и приступила к изданию ежемесячного органа под заглавием «Рабочий Совет» (Workers Council). У них есть последователи среди сотен тысяч беспартийных, бывших раньше членами Социалистической Партии, из которых они пытаются теперь организовать так называемые «рабочие советы».

Они заявляют, что безоговорочно признают 21 условие Коммунистического Интернационала; но вряд ли может быть сомнение в том, что среди них больше Деймигов и Леви, чем Либкнехтов: они и сейчас обнаруживают определенно-центристские замашки. Заявляя о своем «безоговорочном» признании 21 условия, они обыкновенно добавляют, что «все споры о применимости в Соединенных Штатах, в настоящее время, того или иного из тактических условий, поставленных Третьим Интернационалом, должны вестись внутри Интернационала, а не вне его».

Хотя коммунистическая партия не закрывает глаз на их недостатки, отношение наших членов к этой группе очень дружественное. Эти люди относятся с сочувствием ко многим сторонам деятельности коммунистической партии, но они не желают подчиняться партийной дисциплине и не подчинятся ей, пока не разобьются их надежды на то, что со временем им будет позволено присоединиться к Третьему Интернационалу, не вступая в подпольную организацию коммунистической партии.

Они стараются теперь сорганизовать 100.000 бывших членов Социалистической Партии, обещая им присоединение к Третьему Интернационалу без обязательного вступления в Американскую Коммунистическую Партию. Если их агитации под этим лозунгом не будет положен конец, то придется опасаться, что им может удаться организовать действительно «центристскую» партию из элементов, которые должны были бы находиться под влиянием нашей легальной организации.

Множеством различных путей претворяется в действительность лозунг, провозглашенный Исполнительным Комитетом Американской Коммунистической Партии: «Наша партия должна стать партией действия!» Пока существовали две отдельные партии, они, конечно, забывали о широких перспективах классовой борьбы в Америке, растрачивая драгоценные силы в бесплодной братоубийственной распре. Пока не был решен вопрос о форме организации, мы не могли уделять достаточно внимания вопросу о правильной организационной постановке работы среди пролетарских масс. Теперь, когда достигнуто об'единение коммунистических сил на, повидимому, вполне прочной основе, указанная задача установления контакта с американскими рабочими массами быстро подвигается к своему разрешению. Для американского коммунистического движения началась новая эра. Период революционных фраз отошел в прошлое. Началась эра революционной работы. Это дает нам право надеяться, что в недалеком будущем Американская Коммунистическая Партия сумеет проникнуться сознанием ответственности, которая ложится на партию, работающую в сильнейшей твердыне мирового империализма, и займет предназначенное ей историей место среди важнейших секций Коммунистического Интернационала.

Дж. КАРР.

БУРЖУАЗНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РУССКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Нашумевшая недавно книга «Смена Вех», впервые в систематической форме выявившая резкий перелом в настроениях российской буржуазной интеллигенции по отношению к пролетарской революции, многим показалась чем-то совершенно неожиданным. Ее склонны были даже рассматривать только как выражение психологического состояния некоторых групп буржуазной эмиграции. На самом деле она является отражением духовного процесса, совершающегося в глубинах русской жизни. *В ней мы имеем дело с литературным выражением фактического положения вещей, сложившегося в самой России.* Как и всегда, в начале было дело. И это дело делалось в России задолго до того, как раздался отклик из рядов беженской интеллигенции. Впрочем, и в чисто литературном отношении «Смена Вех» имела своих предшественников. Достаточно назвать многочисленные статьи и лекции бывшего кадета профессора Гредескула в России, а за границей—Н. Станкевича.

Рассматривая эти публицистические произведения с социологической точки зрения, мы увидим в них выражение взаимоотношений между пролетариатом и мелкой буржуазией в процессе социальной революции. *С момента октябрьского переворота и до наших дней мы не раз были свидетелями сближения и отталкивания этих двух основных элементов так называемого „трудового народа". И каждый раз этому приливу и отливу соответствовало изменение отношения тех или иных интеллигентских группировок, выражающих интересы и настроения мелкой буржуазии, к коммунистической партии, выражающей стремления пролетариата.* Подчинение мелко-буржуазных масс политическому руководству рабочего класса в процессе развертывания социальной революции нашло свое идейное отражение во все более учащающемся переходе меньшевиков, эсеров, отчасти анархистов в ряды коммунистической партии, а особенно в поведении фракции так называемых «левых эсеров» в течение первых месяцев после октябрьского переворота.

Это соответствовало первому массовому сближению крестьянства с пролетариатом на почве экспроприации крупного землевладения и земельного передела. *Неустойчивость революционных настроений мелкой буржуазии* нашла свое отражение в июньском восстании «левых эсеров» 1918 г. против большевиков, в периодических бунтах и дебошах разных анархических группировок, в том числе и «махновцев», в колебаниях эсеров и меньшевиков. Каждый раз, когда наступление помещичье-капиталистической контрреволюции в форме гражданской или внешней войны приобретало особенно опасный характер и начинало угрожать завоеваниям революции и специально земельным завоеваниям крестьянства, *последнее устремлялось под знамена пролетариата, и в соответствии с этим ослабевала оппозиция мелкобуржуазных партий,* а в некоторые, правда, крайне редкие моменты, даже самая реакционная из них, партия правых эсеров, заявляла о своей готовности временно прекратить вооруженную борьбу с Советской властью, как это было во время польского наступления.

Классовая политика коммунистической партии в деревне (учреждение так называемых комитетов бедноты) и в особенности применение системы государственной хлебной монополии в форме разверстки вызывают некоторое *охлаждение между мелкой буржуазией и пролетариатом. Политическим выражением этого охлаждения являются взрыв бандитского движения и новая ожесточенная атака со стороны меньшевиков, анархистов и эсеров, не говоря уже о буржуазной интеллигенции в настоящем смысле слова.*

Вопреки нашим ожиданиям, вопреки расчетам всех теоретиков социализма, писавших до российской революции и выражавших уверенность, что в борьбе против крупного капитала большинство промежуточных общественных группировок, особенно же так называемая интеллигенция, примут сторону рабочего класса или, во всяком случае, останутся на своих местах и будут использованы победившим пролетариатом для совместного строительства нового общества,—большинство буржуазной интеллигенции в открытой или скрытой форме стало на сторону крупной буржуазии и помещичьего дворянства.

Принадлежа к средней и мелкой буржуазии, эта интеллигенция была материально и духовно связана с крупной буржуазией сильнее, чем мы подозревали. *Материальное пленение влекло за собою пленение идейное.* С другой стороны, можно сказать, что ни одна общественная группа не пострадала в такой

степени материальнo и моральнo от социальной революции, как та мелкая и средняя городская буржуазия, из среды которой по преимуществу и вербовалась интеллигенция. Строительство социализма, да еще в тяжелой обстановке гражданской войны, беспощадно било по всем ее предрассудкам и навыкам и вместе с тем жестоко нарушало ее интересы, зачастую упраздняя целые ее категории, как, напр., многочисленную группу юристов и журналистов, не давая возможности другим быстро и безболезненно приспособиться к новым условиям существования, а главное—нанеся безжалостный удар ее самонадеянной уверенности, что именно она, эта интеллигенция, призвана руководить революцией и указывать ей пути.

На взятие власти трудящимися классами под руководством пролетариата интеллигенция ответила саботажем, а затем и прямым бунтом. Известно, что белогвардейские армии состояли, кроме казацких и кадровых офицеров, в значительной части из представителей интеллигенции (гимназистов, студентов, юнкеров, всякого служилого элемента). Участники большинства контр-революционных заговоров внутри Советской России в большой пропорции также принадлежали к интеллигенции, которая в политическом озлоблении не отставала от крупноцензовой буржуазии, а иногда и превосходила ее. *Идеологической маской*, которою интеллигенция пыталась оправдать в собственных глазах свою постыдную тактику и которою она старалась разжечь себя до белого каления, служило чувство оскорбленного патриотизма, особенно развитое среди мелкой буржуазии вообще не только в России, но и в других странах. Чтобы утопить собаку, ее об'являют взбесившеюся. Чтобы освободить себя от последних остатков стыда и развязать свои руки для непримиримой борьбы против трудящихся масс,—их политическую руководительницу, коммунистическую партию, об'явили «агентом германского империализма».

Но такой *открытый переход на сторону контр-революции все-же никогда не был общим явлением. Не вся интеллигенция ушла в белые банды, в заговоры и в эмиграцию. Значительная часть ее осталась в России.* Тут были и просто обыватели, покорно приемлющие всякую власть, и люди, работавшие из-под палки голода, и такие, которые остались сознательно, с целью вредить советской власти и подрывать ее изнутри. Но были и честные работники, не мудрствующие лукаво, готовые работать для народа, хотя и не понимавшие сущности исторических событий, развертывавшихся перед ними. Многие из них вполне приспособились к новым отношениям, начали отделываться от интеллигентской самонадеянности и постепенно прекрасно сработались с пролетариатом, в муках строящим новое общество.

Вот кто были настоящие предшественники того общественного течения, которое теперь привлекает к себе жадно-возбужденное общественное внимание, потому что исходит из среды вчерашних активных ненавистников советской власти, из среды зарубежной белогвардейской эмиграции. Сначала это были одиночки, инженеры, агрономы, профессора, педагоги, конторские и банковские служащие, даже офицеры старой армии; затем появились и организованные коллективы, стоявшие на почве сотрудничества интеллигенции с советской властью, видевшие в этом новую форму «служения народу», издавна входившего в интеллигентский символ веры; как на пример этого, можно указать на «институт красной профессуры» и т. п. *И не только в самой России, но и за границей, среди буржуазной эмиграции, имелись, правда немногочисленные, предшественники того общественного течения, которое теперь связано со „Сменой Вех“.* Таким был трудовик Станкевич, б. член Первого Петербургского Совета и Ц. И. К. первого созыва, в 1917-1918 гг., ведший активную борьбу с большевиками, а затем эмигрировавший за границу. — Здесь он редактировал журнал «Вестник Мира и Труда», а затем газету «Голос России», где проповедывал примирение с народом, признание революции и возвращение в Россию для органической работы. Но он оказался ранним предтечей, и голос его вскоре должен был умолкнуть.

В порядке дня стояло тогда не признание революции, а ожесточенная борьба с нею во имя реставрации. Предстояли еще самые ожесточенные схватки гражданской войны, самые наглые проявления иностранной интервенции. Буржуазия полна была веры в близкую победу, и буржуазная интеллигенция в массе слышать ничего не хотела о примирении с рабоче-крестьянской революцией. Она не верила в прочность советской власти и считала ее историческим недоразумением. Твердо полагаясь на собственнические инстинкты крестьянской массы и на живучесть в ней старых монархических предрассудков, контр-революция надеялась легко вогнать клин между крестьянством и пролетариатом и, изолировав город от деревни, без труда справиться сначала с первым, а затем и со второй. С другой стороны, она не менее твердо рассчитывала на материальный и технический перевес белогвардейских армий, насчитывавших в своем составе огромный процент кадрового офицерства и поддерживаемых всей мощью капиталистических государств.

Но, как известно, надежды эти не оправдались. Перед лицом наступления белогвардейских армий, за которыми деревня разглядела ненавистные фигуры помещиков и старой царской администрации, все частичные недоразумения между крестьянством и рабочими разлетелись как дым, *и крестьянство сплотилось вокруг пролетариата, как вокруг своего естественного вождя, для отпора контр-революции.* С этого момента последняя была обречена на неминуемое поражение. Одна за другой были разгромлены все белые армии—Колчака, Миллера, Деникина, Юденича, Врангеля — и

отбиты нападения иностранной контр-революции, французской, английской, финляндской, латышской, эстонской и польской. Более того, выяснившийся во время гражданской войны тесный союз внутренней контр-революции с иноземным капиталом, в руках которого первая была просто орудием политического и экономического порабощения России международной биржей, только усилил позиции советской власти, отстаивавшей страну одновременно от внутренней реакции и от внешнего завоевания. *Обстоятельства сложились так, что интернационалистский пролетариат выступил в качестве защитника национальных интересов России, чем еще сильнее привязывал к себе революционно-настроенную мелкую буржуазию, тогда как националистическая буржуазия оказалась предательницей национальных интересов и проводником иноземного завоевания.*

Поражение генеральской контр-революции, открыто опиравшейся на поддержку иностранного капитала, оказалось фактом, не подлежащим сомнению. Но отдельные группы буржуазии, как в эмиграции, так и внутри России, сделали из этого факта неодинаковые выводы. Наиболее непримиримые элементы, выражающие настроение помещичье-капиталистических верхов, стали склоняться к той мысли, что противники революции потерпели поражение потому, что не были достаточно реакционны, что они, хотя и на словах, делали уступки духу революции, что они не поставили себе открытой целью полную реставрацию дореволюционных порядков, в том числе и монархии. Сюда принадлежат монархические группы, сделавшие своим центром Германию и пользующиеся поддержкой германских контр-революционеров, об'единяющие остатки поместной аристократии и высшей царистской бюрократии; далее — торгово-промышленные круги, создавшие в Париже «Национальный Центр» с ответвлениями по всем эмигрантским колониям, связанные с французскими правящими сферами и стремящиеся опереться на бонапартистские военные элементы, собравшиеся вокруг Врангеля; наконец, сюда же примкнуло правое крыло «либеральной» кадетской партии с центром в Берлине, пользующееся поддержкой «Германской Народной партии» Стиннеса. *Эта группировка об'явила непримиримую войну как пролетариату, так и мелкой буржуазии, и в том числе и крестьянству*, и рассчитывает по преимуществу на иностранную интервенцию (отчасти со стороны Франции, но больше со стороны победоносной германской монархической партии).

Другая контр-революционная группировка, не отказавшаяся от активной борьбы с советской властью, рассуждает несколько иначе. Признавая факт поражения белогвардейских армий, она об'ясняет его как раз реакционным характером контр-революции. Последняя потерпела поражение именно потому, что имела ярко выраженный помещичье-капиталистический характер и тем оттолкнула от себя крестьянскую массу. Крестьянин-собственник настроен против диктатуры рабочего класса, но угроза реставрации и утраты земельных завоеваний заставляет его выступать солидарно с пролетариатом против контр-революции. Это учитывают и буржуазные элементы правого блока: вот почему финансисты и фабриканты, собравшиеся на «национальный» с'езд в Париже в марте 1921 г., также обещали крестьянству неприкосновенность его земельных захватов. Но им крестьянин не поверит, ибо увидит в их рядах тех же помещиков и царских чиновников. Поэтому контр-революцию нужно делать без этих компрометирующих элементов. *Для успешной борьбы с коммунистическим пролетариатом необходимо сплотить все мелкобуржуазные силы города и деревни.* На этой идее построен учредиловский блок, об'единивший партию правых эс-эров во главе с Черновым и левое крыло кадетской партии во главе с Милюковым (на январской 1921 г. конференции бывших членов Учредительного Собрания в Париже).

Партия правых эс-эров выявила себя во время революции как типичная партия сельского кулачества. После октябрьской революции она сначала пыталась действовать рука-об-руку с крупно-собственнической реакцией (на Волге и в Сибири), но была тою ловко использована, а затем бесцеремонно вышвырнута за дверь. После этого она искала союзников более близких ей по духу и классовой физиономии и обрела их в лице «левых» кадетов.

Кадетская партия всегда отличалась пестрым составом. В ней были представлены и средне-помещичьи элементы, и торгово-промышленные буржуазные, и мелкобуржуазные, интеллигентские. Те элементы этой партии, которые вербовались из помещичьих и капиталистических кругов, склонились в лице берлинской группы (располагающей большинством среди руководящих кадетских кругов во всех эмигрантских колониях) к союзу с монархистами. Но центр партии, возглавляемый Милюковым и опирающийся на широкие массы так называемой интеллигенции, всякого служилого люда и представителей либеральных профессий, следуя колебаниям интеллигентских настроений, высказался за «новую тактику». Эта новая тактика сводится к разрыву с помещичье-реакционными и открыто-монархическими элементами и к сближению с реакционной буржуазной демократией деревни, представляемой эс-эрами. Будучи сами по преимуществу городской партией, кадеты рассчитывают путем союза с эс-эрами войти в контакт и с сельской мелкой буржуазией для создания *единого мелкособственнического блока, направленного против пролетариата и деревенской бедноты, этих признанных вдор коммунизма.*

В то время, как правый блок начисто отрицает все завоевания революции, даже февральской, и стремится к полной реставрации и к установлению единоличной диктатуры, в форме легитимистской или бонапартистской,

центристский блок левых кадетов и правых эс-эров, отметая достижения октябрьской социальной революции, готов ограничиться частичной реставрацией и признать завоевания февральской революции, т. е. установить либеральный или «демократический» буржуазный режим. Но по существу оба блока являются одинаково реакционными, и один без помощи другого фактически обойтись не может.

До сих пор казалось, что в рядах буржуазно-демократической интеллигенции, поскольку она не является вполне аполитической, других течений нет. Но оказалось, что это не так. Оппозиция выступила уже на июльских заседаниях парижской группы кадетской партии, во время обсуждения вопросов о достоинствах «новой тактики» Милюкова и старой тактики большинства к.-д., предпочитающих союз с реакцией. Тогда выступил на этих заседаниях проф. Ключников в защиту «третьей тактики». *Сущность ее сводилась к полному отказу от всякой борьбы с советской властью.*

Профессор Ключников утверждал, что, во-первых, всякие мечты о создании единого анти-большевистского фронта ни на чем не основаны; они должны привести к такому же провалу, как и прежние попытки в этом роде, а, во-вторых, ничего, кроме новых реакционных затей, из них получиться не может. Все разговоры о близком падении большевиков—это праздная болтовня. Такой же болтовней является уверение, что никогда буржуазные государства не признают советскую власть. Факты уже доказали лживость таких уверений. Отсюда профессор Ключников делал следующий вывод: в виду того, что русский анти-большевизм жестоко ошибся в оценке происходивших в России событий, и в виду того, что придерживаться принципа борьбы с советской властью — значит до бесконечности затягивать мирное строительство, необходимо со всей определенностью заявить о том, что наступила пора прекратить призывы к борьбе с советской властью. «Пора заметить, —говорил профессор Ключников,—что многое из того, что делается ею, *вполне согласуется с национальными интересами России и интересами международного прогресса.* Пора открыто и прямо поставить вопрос о необходимости *вернуться в Россию* и об условиях, при которых это возвращение может быть возможно... Благо России требует найти способы примирения с советской властью, следовательно, нужно искать этого примирения, не заботясь о том,что после ожидает каждого персонально». И профессор Ключников ехидно прибавил: Милюков уже готов признать советы, но только без большевиков. Стало быть, ему нужно сделать еще один только шаг и примириться с советами при большевиках. Резюмировал же свою речь профессор Ключников следующими словами: *„Двум тактикам борьбы с Советской Россией должна быть противопоставлена третья тактика—примирение с нею".*

Чье настроение отражал проф. Ключников? Тех самых кругов мелкобуржуазной интеллигенции, которые очутились в лагере врагов советской власти вследствие рокового исторического недоразумения. *Процесс изменения их настроения совершился и в самой России, но он происходил и в эмиграции,* причем здесь он больше бросался в глаза, потому ли, что в эмиграции различные несоветские группировки имели больше возможности открыто высказываться, или потому, что здесь классовые различия стали резче выступать.

Стремление к примирению с советской властью стало намечаться в более демократических кругах буржуазной эмиграции уже после поражения Колчака и Деникина. До тех пор, пока надежда вернуться в Россию на плечах белогвардейских солдат была жива, этот вопрос не вставал перед эмиграцией. Но когда надежда эта поблекла, когда с поражением Колчака и Деникина ей был нанесен первый сокрушительный удар, когда вместе с тем шансы на иностранную интервенцию сильно ослабели, многими эмигрантами овладело тяжелое раздумье. Среди русской эмиграции, наряду с определенными представителями прежних господствовавших классов, помещиков и капиталистов, имелись довольно значительные слои, быть может, даже составляющих большинство эмиграции, средних и мелких людей, врачей, педагогов и всякого служилого элемента. Принадлежа к средней и мелкой буржуазии, так называемой — интеллигенции, представители этой социальной группы материально и духовно связались с крупной буржуазией и хотели разделить с ней ее судьбу. Они конспирировали и саботировали бок-о-бок с нею в России, они потянулись за нею и за границу.

На чужбине этим интеллигентам пришлось убедиться, что их настроение и их задачи не совсем совпадают с настроениями и задачами тех прежних господствовавших классов, ради которых они разбивали себе лоб и зачастую даже жертвовали своей жизнью. Вдобавок материальное положение их оказалось довольно тяжелым. В то время, как фабриканты и помещики успели перевести за границу значительные капиталы и зажили там припеваючи, широкие массы демократической эмиграции перебивались с хлеба на квас и зачастую впадали в безвыходную нужду. Пока эмигрантская жизнь казалась им кратковременным эпизодом, пока они сидели с упакованными чемоданами, ожидая с минуты на минуту, что раскаявшийся народ призовет их обратно, как новых варягов, они еще терпели; но когда оказалось, что жестоковыйный трудовой люд не только не думает каяться, но прогоняет с разбитой головой всякого претендента на власть, когда пришлось распаковать свои чемоданы, во многих случаях к этому времени сильно опустевшие, когда началась прозаическая борьба за кусок хлеба (и часто черствого хлеба), в рядах этих «эмигрантов по недоразумению»

начал намечаться духовный перелом. С одной стороны, они видели, как хорошо живется эмигрантам из верхних «десяти тысяч», которые при этом могли позволить себе роскошь хранить непримиримость по отношению к советской власти, упорно устраивать против нее все новые заговоры и до бесконечности продолжать войну с русским народом; с другой стороны, до них доходили слухи о той героической борьбе и кипучей работе, которая шла в то время в глубине России; они видели, как темный, сермяжный, безграмотный народ, на который они до тех пор смотрели сверху вниз, покинутый своей интеллигенцией, окруженный со всех сторон врагами, бедствуя, изнывая в борьбе, выбиваясь из сил, тянет свою лямку и камень за камнем складывает величественное здание новой свободной и товарищеской жизни. Вместе с тем они не могли не знать, что значительная часть так называемой интеллигенции осталась в России, что после периода активного и пассивного сопротивления она так или иначе втянулась в общую работу и нашла свое место в той суровой мастерской, в какую превратилась Советская Республика. И лучшими из эмигрировавших интеллигентов не могло не овладеть невольно чувство зависти при виде новой прекрасной жизни, строящейся без них и вопреки им, их не могло не охватить раскаяние, в них не могла не назреть мысль, что своим добровольным бегством с родины они только превратили себя в лишних людей и отрезали себя от живой и плодотворной общественной работы.

Пересмотр старых позиций интеллигенции усилился после разгрома Врангеля, этой последней надежды реставрации. Расчеты на активное вмешательство Антанты в пользу российской контр-революции к этому моменту также сильно побледнели. Советская Россия встала перед буржуазным миром, как факт непреложной действительности, и одно капиталистическое государство за другим начало заключать с большевиками договоры. *Вместе с тем, с утратой надежд на действительную победу контр-революции, все яснее начал выступать наружу ее анти-национальный характер.* Теперь роль ее, как проводника иноземного капитала в страну, как орудия экономического и политического закабаления России международной биржей, проявилась во всей неприкрашенной наготе. По историческим условиям это сказалось особенно рельефно во время наступления польских империалистов, ставивших себе задачей захват населенных русским населением областей и активно поддержанных одновременным наступлением Врангеля из Крыма. Все это вызвало колебания даже в наиболее твердокаменных душах. Именно в этот момент группа старых царских генералов во главе с Брусиловым предложила свои услуги рабоче-крестьянскому правительству; именно в этот момент даже партия правых эс-эров единственный раз за все время революции об'явила о своей готовности поддержать Советскую власть в деле отражения польского наступления (и ничего не сделала!).

Но более массовый характер приняла переоценка интеллигентских ценностей после провозглашения Советской властью новой экономической политики.

Эта политика давала интеллигенции надежду найти применение своим силам в обстановке, более ей сродной и привычной, и вместе с тем сулила ей возможность сносно устроиться в материальном отношении. Конечно, отдельные лица *так* не рассуждают и, быть может, даже обиделись бы, услышав столь материалистическое об'яснение их душевных переживаний. Но для правильного понимания массовых явлений пригоден только социологический метод. Несомненно, что именно такие мотивы лежат в основе многих рассуждений авторов упомянутого сборника «Смена Вех». На этом основании меньшевики, для которых примирение буржуазной интеллигенции, их главной социальной опоры, с Советской властью составляет нож острый, поспешили провозгласить взгляды новаторов идеологией советской буржуазии. Отчасти это верно. Но если бы это было и так, то мы не знаем, почему советская буржуазия, отказывающаяся от активной борьбы с завоеваниями революции, хуже белогвардейской или меньшевистско-эсеровской буржуазии, завоеваний революции не признающей.

Но меньшевистский подход и с социалистической стороны слишком упрощен и груб, поскольку он попытку социологического истолкования данного явления незаметно подменяет его моральным осуждением и публицистическим облаиванием его носителей. *Идеология „Смены Вех — это идеология буржуазной интеллигенции, в первый период социальной революции связавшей свою судьбу с классом крупных собственников, но в постепенном ходе событий пришедшей к убеждению, что ее интересы, материальные и духовные, ставят ее гораздо ближе к трудящимся массам, чем к эксплуататорам и непримиримым реакционерам.* А когда интеллигенция пришла к такому убеждению, то она естественно начала делать и дальнейшие шаги, между прочим, в идейной области: на то она и интеллигенция, т. е. социальная группа, живущая преимущественно теоретической и обобщающей работой. *Психологически приспособляясь к тому классу, с которым она теперь решила совместно работать, она начала понимать ту глубокую моральную правду, которая лежит в основе пролетарской революции, и не могла удержаться от того, чтобы поклониться этой правде.* Пока это делается робко, с оговорками, с неизбежными для начала ошибками и неловкостью, подчас с явным непониманием дела, но со временем — для многих, по крайней мере — это пройдет.

Чего не понимают меньшевики, укоризненно подчеркивающие влияние новой экономической политики на рассматриваемую эволюцию интеллигенции, так это той цепи посредствующих психологических переживаний,

через которую это влияние проявилось. Дело здесь обстояло не так просто, как это кажется меньшевикам, понимающим марксизм по народнически («нарови в карман»!). Они изображают дело примерно так: советская власть об'явила новую экономическую политику, при которой всяким дельцам предоставляется-де легкая возможность устраивать свои делишки; ну, а как только в воздухе запахло жареным, у многих господ слюнки потекли изо рта: «Батюшки, сказали они, да ведь советская власть не так уже плоха, как о ней говорят; и при ней умным людям жить можно»,—сказали и написали статьи в «Смену Вех», основные мысли которых подсказаны теми удачниками, которые уже раньше успели примазаться к советскому пирогу (так наз. «совбуры»). Это об'яснение—правда, не по форме, а по существу—недалеко ушло от публицистических упражнений черносотенных публицистов — Бурцева, Гессена и иных.

Влияние новой экономической политики на интеллигентскую психику шло более сложными путями, чем это представляется поверхностным публицистам. И здесь оно предварительно преломилось через местную российскую призму. *Верно, что настроение авторов „Смены Вех" отражает настроение известных российских кругов, но не советских спекулянтов, а оставшейся в России интеллигентской массы. Но, в свою очередь, и настроение последней является производным от настроения гораздо более широких и социально более весских групп, а именно—многочисленного слоя мелких собственников, преимущественно крестьянства.*

Мы уже выше указывали, что сближение интеллигенции с коммунистами являлось отраженным результатом сближения крестьянства и пролетариата в процессе развертывания социальной революции. Так было и на сей раз.

Многие представляют себе новую экономическую политику советской власти слишком односторонне. В ней замечают только уступки капиталу (при этом безбожно их преувеличивая). *На самом деле гораздо более важной стороной ее являются уступки интересам среднего крестьянства, этой преобладающей мелкобуржуазной категории современной России.* Замена разверстки продналогом и связанное с нею разрешение свободной торговли излишками крестьянского производства занимают в новой политике гораздо более видное и важное место, чем сдача некоторых средних и мелких предприятий в аренду, чем предполагаемые концессии и т. п.,—занимают и экономически, и особенно политически. И поскольку прежняя политика советской власти в деревне, вызванная больше всего военной обстановкой, но отчасти и промахами нашей «незрелой мысли», создавала некоторое отчуждение между крестьянством и пролетариатом, отчуждение, которое поспешили использовать все контр-революционные, мелко-буржуазные, интеллигентские партии, особенно эс-эры и меньшевики, постольку *новая политика быстро создала психологический перелом в деревне, снова сблизила крестьянство с рабочим классом, отняла почву у непримиримых интеллигентских группировок вроде меньшевиков и эс-эров и дала толчек массе аполитичной интеллигенции к пересмотру своего отношения к советской власти.* Поражение Врангеля и утрата надежд на Антанту сыграла, разумеется, свою роль в изменении ориентации интеллигенции, но, пожалуй, еще более решающую роль сыграло политическое поражение меньшевистской и эсеровской партий. А новая экономическая политика Советской власти и была для них таким поражением, сразу вырвавшим почву из-под ног у их агитации, основанной на подыгрывании к страстям мелкого собственника, и отняло у них всякую надежду на восстание крестьянства против пролетарской диктатуры, о котором они в последнее время мечтали.

Вот все эти факторы: окончательный разгром боевых сил контр-революции; разложение Антанты и утрата надежд на ее помощь; вступление Советской России на арену мировой истории в качестве бесспорной силы, все более признаваемой даже ее врагами; внутренний раскол в стане контр-революции и растущее недовольство его демократической массы против безнадежной политики верхов; своеобразно-патриотические настроения, получившие новое направление и избравшие новый об'ект вражды; открытие возможности для плодотворного применения интеллигентских сил, на этот раз не разрушительного, а творческого; начало смутного понимания смысла и исторического значения великой пролетарской революции; а главное—лежащее в основе всех этих явлений примирение крестьянства с рабочим классом в результате новой экономической политики,—все эти факторы и обусловили тот поворот в интеллигентской психике, наиболее популярным выражением которого и явился сборник „Смена Вех", подводящий итоги целой полосе интеллигентских шатаний и блужданий.

Психологический перелом, назревший в душе некоторых групп буржуазной интеллигенции и толкавший их к признанию своих прежних ошибок, к приятию советской власти и результатов социальной революции, настолько оформился, что получил яркое литературное выражение. В августе этого года в Праге появился сборник статей видных бывших кадетов и даже бывших октябристов, авторы которых, подведя итоги гражданской войны и проверив свою совесть, нашли в себе мужество разбить свои старые кумиры и придти поклониться молодому богу революции.

Чтобы понять смысл заглавия *), которое они взяли для своего сборника, нужно знать, что он имеет своего предшественника и вместе с тем антипода.

---

*) С конца октября 1921 г. группа, стоящая на позиции авторов «Смены Вех», начала издавать в Париже (!) еженедельный журнал под тем же заглавием, которое, повидимому, обещает стать знаменем целого направления.

В 1909 году, *после разгрома первой революции*, группа кадетов и расколовшихся интеллигентов (Бердяев, С. Булгаков, Гершензон, Изгоев, Кистяковский, Струве и Франк) выпустила нашумевший сборник «Вехи», вполне ренегатского пошиба. В этих «Вехах» авторы ставили крест на революции, подвергали злобному оплеванию лучшие традиции революционной интеллигенции и подводили литературный фундамент под фактическое господство черной сотни, возглавлявшейся Столыпиным. Воспоминание об этом акте самобичевания интеллигенции стояло перед авторами нового сборника, выпущенного в Праге в июле 1921 года, *после разгрома контр-революции*. Они и назвали свой сборник, как бы в продолжение и вместе с тем в противовес «Вехам», «Сменою Вех». И действительно, смена тут происходит радикальная.

Среди авторов нового сборника мы встречаем таких людей, как бывший министр Колчака проф. Ю. Ключников, как заведывавший агитационно-пропагандистским отделом при колчаковском правительстве проф. Н. Устрялов, как известный петроградский адвокат А. В. Бобрищев-Пушкин, бежавший в 1919 году от Советской власти к Деникину и активно помогавший ему, и т. д. (кроме упомянутых авторов, в сборнике помещены еще статьи С. С. Лукьянова, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина). Люди—все видавшие виды и принадлежащие не к легковесному «третьему элементу», а к настоящей цензовой интеллигенции, составляющей немаловажную часть буржуазного класса. И эти люди, наученные горьким опытом последних четырех лет, говорят такие слова, какие мы до сих пор не привыкли слышать из этих кругов.

Сущность всех статей сборника сводится *к приятию октябрьской революции и к отречению от всякой борьбы против ее результатов*. Прямо поразительно, до чего людям, еще вчера с оружием в руках боровшимся с трудовой Россией, удалось понять ее дух и историческое призвание.

Авторы не жалеют о банкротстве февральской революции и о торжестве октябрьской. Более того, они отказываются признать февральскую революцию революцией и называют ее просто переворотом (как известно, некогда меньшевики и эс-эры любили с особым ударением применять этот эпитет к октябрьским дням). *Истинной же революцией они признают только октябрьскую.* «Захват массами в октябре 1917 года власти и знаменует собой подлинную революцию». Они прямо говорят, что торжество кадетов, меньшевиков и эс-эров было бы контр-революцией, что «Россию спасает советская власть», и «что уничтожить ее значит перебить России позвоночный хребет».

«Третьей революции не будет»,—так начинает свою статью «Новая вера» Бобрищев-Пушкин. Он показывает всю тщету кадетско-эсеровско-меньшевитских ожиданий и надежд то на интервенцию, то на внутренние восстания, то на крушение советской власти вследствие хозяйственной разрухи. Более того, он и его соратники по сборнику определенно стоят на той точке зрения, что в России «другой власти быть не может» (Бобрищев-Пушкин), и что «революция и большевизм для России одно» (Ю. Ключников). Они насмешливо отвергают все обвинения и клеветы на октябрьскую революцию и на советскую власть. Они приемлют последнюю вплоть до ее «крайностей», прекрасно понимая, что так называемые «эксцессы» неотделимы от всякого великого исторического движения.

Они начинают уже понимать ту *высокую правду, которая лежит в основе октябрьской революции*. Они замечают *творческие силы, заложенные в массах, ставших хозяевами жизни*. Они разоблачают обман буржуазной демократии, парламентаризма и всех других «демократических» лозунгов, выдвигаемых контр-революцией. «Революция преодолела все преграды, уверенно и властно вошла в русскую жизнь и накрепко утвердилась в ней. Удалось ей это как раз потому, что она не послушалась либералов и всех близких к ним по темпераменту и по разуму, повела большую игру и поставила перед собой большие цели». И для них, выходцев из буржуазной среды, непонятно узколобое ослепление и тупая злоба «умеренных революционеров», меньшевиков и эс-эров, «органически неспособных понять международный и мировой смысл русской революции и настойчиво поощряющих международную реакцию, в которой, разумеется, первая захлебнется—если не устоит—страдалица Россия». Но они понимают, что, к счастью, Советская Россия устоит, как устояла до сих пор, ибо на ее стороне—и авторы сборника неоднократно подчеркивают это—симпатии широких трудящихся масс всего мира.

Революция оправдала себя, доказывают авторы сборника. Все разговоры контр-революционеров с эс-эрами во главе о том, что большевики не сдержали своих обещаний, авторы сборника отвергают, как сплошную и глупую болтовню. Советская власть, постепенно вовлекая крестьянство в дело государственного управления и строительства, превращает вчерашних стихийных бунтовщиков в сознательных распорядителей судьбами России. «Мы, сами этого не замечая, присутствуем при рождении подлинного русского гражданства... Колоссальный рост государственного, национального, экономического и социального сознания народных масс в России за время революции—*вот то неоспоримое и бесконечно ценное, что уже дала нам великая русская революция*, построяя в великом процессе своего творчества мощную социальную базу Новой России».

Но ведь разруха налицо? Авторы сборника не отрицают этого. Но, во-первых, они утверждают, что *главные виновники русской разрухи и даже голода—это не большевики, а их противники*, а во-вторых, что только большевистская власть и сможет вывести страну из разрухи. Если до сих пор она в

этой области не добилась столь осязательных результатов, как в области политической, то, главным образом, потому, что контрреволюционеры мешали ей работать.

Авторы сборника не сомневаются в том, что советская власть устоит, преодолеет все затруднения и выйдет вместе с трудящимися массами на торную дорогу широкого развития. Ни восстановление самодержавия, ни конституционная монархия, ни буржуазная республика в России не будут никогда. «Будет что-то свое, выстраданное и выкованное революцией. Памятников или вовсе никому не поставят, или поставят их Ленину».

И из этих положений авторы последовательно делают вывод. «В Каноссу!» — так озаглавлена статья Чахотина. Автор предлагает интеллигенции, открыто признав свою вину и свою ошибку, не только отказаться от вооруженной борьбы с советской властью, но и решительно бороться со всякими попытками продолжения этой борьбы. «События нам показали, что мы ошибались, что путь наш лежал в неверном направлении. И сознав это, увидев, чего требуют от нас интересы родины, мы готовы сознаться в своей ошибке и изменить дорогу... Мы и не боимся теперь сказать: «Домой, в Каноссу! Мы были неправы. Мы ошиблись. Не побоимся же открыто за себя и за других признать это». И они призывают интеллигенцию пойти на службу освободившемуся русскому народу, взяться за работу по просвещению масс и принять самое активное участие в экономическом восстановлении России, проводя принципы рационального производства...

Не подлежит сомнению, что в авторах сборника говорит подчас националистическое чувство: советскую власть они приемлют как власть, наиболее патриотическую, сохранившую Россию, даже расширившую ее международное влияние и сделавшую ее моральным центром притяжения для всех народов. В политике советской власти они усматривают своеобразное осуществление исторических задач русского народа непредвиденными приемами и силами самих трудящихся масс.

У них прорываются местами славянофильские ноты: Россия указует пути миру, и история захотела, чтоб это сделано было руками интернационалистического правительства. Но ведь и здесь мы имеем, правда, своеобразное и выраженное в традиционных терминах национально-буржуазной идеологии отражение в интеллигентских головах некоего действительного положения вещей.

В них говорят и мотивы буржуазные. Примирение с большевиками и принятие советской власти облегчено для них новой экономической политикой, в которой они усматривают элементы глубокого реализма, в которой некоторые из них готовы видеть даже отказ от коммунизма. Новая экономическая политика должна дать сильнейший толчок развитию производительных сил страны и позволить здоровым элементам буржуазной интеллигенции найти применение для своих сил и знаний. Своим активным участием в творческом строительстве революционной России интеллигенция призвана, по их мнению, смягчить болезненный процесс радикального переустройства, причем в лице массы беспартийных они надеются найти социальную основу для новых политических группировок, которые, на их взгляд, еще неизбежны в Советской России. По мнению Чахотина, в России наряду с рабочей партией создадутся еще крестьянская и интеллигентская партии, но не враждебные Советской власти, а работающие в ее рамках и дружественные ей.

Но отсюда было бы неправильно заключать, что представители нового течения пришли к приятию советской власти и (в известном смысле) большевизма только или даже, главным образом, из соображений своеобразного патриотизма и социального оппортунизма. Правда, эти мотивы в них сильны (быть может, впрочем, некоторые из них выставляют эти мотивы для оправдания своего резкого поворота в собственных глазах). Однако наличность буржуазных мотивов в новом миросозерцании «воссоединенной» (ralliée) интеллигенции ни в каком случае не может обесценить в наших глазах значение их выступления и отражаемого им поворота в настроениях широких интеллигентских кругов.

Разумеется, в их лице мы имеем дело с буржуазным движением. Но оно не покрывается ни термином «совбуры», ни термином «национал-большевизм». Оно и шире, и уже понятий, охватываемых этими терминами. Большевизма в собственном смысле этого слова в рассматриваемом движении нет, но, вместе с тем, оно далеко выходит за рамки интересов и стремлений «советской буржуазии» в узком смысле. Пусть все они или некоторые из них имеют даже заднюю мысль, пусть надеются перехитрить революцию, пусть истолковывают новую экономическую политику советской власти, как возврат к принципам буржуазного строя, и надеются ускорить процесс его восстановления собственным вмешательством (хотя в таком законченном виде такие расчеты, вероятно, далеки от них). Но это другой вопрос. И было бы даже странно, пожалуй, неестественно, чтобы люди, вчера еще обеими ногами стоявшие в контр-революционном болоте и ведшие активную борьбу с советской властью, были вполне свободны от подобных мыслей и надежд. И все-же они сделали гораздо больший шаг по направлению к советской власти, чем последняя в области временных уступок частно-собственническому принципу.

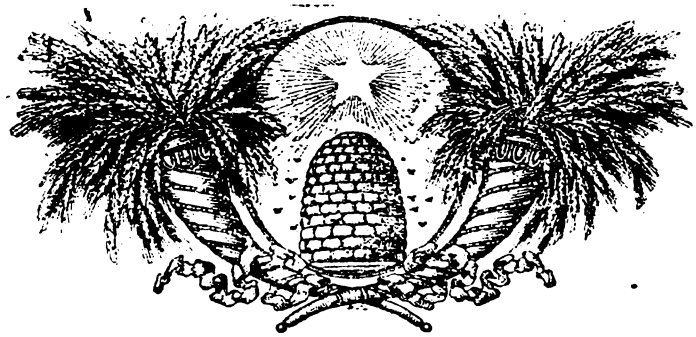
Да, сторонники «Смены Вех» выражают настроение известных буржуазных групп. Но эта мелкая буржуазия, отказавшаяся от борьбы с советской властью и приявшая основные принципы революции, во всяком случае лучше и об'ективно прогрессивнее той мелкой буржуазии, которая в лице эс-эров и «демократических» кадетов (а в менее яркой

форме и в лице меньшевиков) продолжает борьбу с рабоче-крестьянским государством в качестве сознательного или бессознательного орудия крупного капитала, русского и международного.

Не потому, что Советская власть, как инсинуируют меньшевики (всегда, впрочем, рекомендовавшие капитуляцию перед капиталом, как верх государственной мудрости) поправела и пошла на уступки капитализму, произошел этот перелом в умах интеллигенции, а потому, что Советская власть оказалась сильной и устойчивой, потому, что она не пошла на капитуляцию перед буржуазией. Не мы пришли к ним, а они пришли к нам. И если бы было иначе, наши враги не шипели бы так злобно и не упрекали бы покаявшуюся интеллигенцию в измене делу контр-революции и в «ренегатстве».

Мелкая буржуазия не имеет самостоятельной политической позиции. В борьбе двух основных классов современного общества она становится попеременно на сторону то одного, то другого из них: то буржуазии, то пролетариата. До сих пор она шла преимущественно за крупной буржуазией; теперь она меняет фронт, теперь она оправдывает рабочую революцию и обвиняет себя за прежнее противодействие ей. Но она так же оправдывала бы контр-революцию (да, и оправдывала ее и шла за ней), если бы та оказалась победительницей, если бы та выиграла процесс на суде истории. *Но победила революция. И то, что они приемлют ее как непреложный факт, коему они, историки и юристы, подчиняют абстрактную идею права, нагляднее и громче всего другого свидетельствует об об'ективной победе революции, перед которой принуждены склониться даже ее недавние непримиримые противники.*

Ю. СТЕКЛОВ.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА ИЛИ МНИМО-ВОЕННОЕ ДОКТРИНЕРСТВО.

В искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе к почве опыта.
Клаузевиц. «Война» (Теория стратегии).

I. Наш метод ориентировки.

В Красной Армии, несомненно, наблюдается оживление военной мысли и под'ем теоретических интересов. Свыше трех лет мы строились под огнем и дрались, затем демобилизовались и размещались. Этот последний процесс еще не закончен и по сей день, но армия уже приблизилась к большей организационной определенности и известной оседлости. В ней растет и ширится потребность оглянуться на пройденный путь, подвести итоги, сделать необходимейшие теоретические и практические выводы, чтобы получше подковаться к завтрашнему дню.

А что несет завтрашний день? Новые вспышки гражданской войны, питаемой извне? Или открытое нападение на нас буржуазных государств? Каких? Как подготовиться к отпору? Все эти вопросы требуют международно-политической, внутренне-политической и военно-политической ориентировки. Обстановка меняется непрерывно; меняется, значит, и ориентировка не принципиальная, но практическая. До сих пор мы успешно справлялись с военными задачами, которые ставило нам международное и внутреннее положение Советской России. Наша ориентировка оказалась более правильной, дальше и глубже захватывающей, чем ориентировка сильнейших империалистических держав, которые пытались по очереди или совместно свалить нас, но обожгли руки. Нашим преимуществом является то, что мы обладаем незаменимым научным методом ориентировки—марксизмом. Это орудие—могущественное и в то же время очень тонкое, само оно в руки не дается,—нужно научиться им владеть. Прошлое нашей партии в долгих испытаниях научило нас применять методы марксизма в сложнейшем переплете факторов и сил переломной исторической эпохи. Орудием марксизма мы определяем и основы нашего военного строительства.

Совсем иначе на этот счет обстоит дело у наших врагов. Если из области производственной техники передовая буржуазия изгоняла косность, рутину и суеверия и стремилась строить каждое предприятие на точных основах научных методов, то в области общественной ориентировки буржуазия по своему классовому положению оказалась бессильной подняться до высоты научных методов. Наши классовые враги—эмпирики, т. е. действуют от случая к случаю, руководствуясь не анализом исторического развития, а практическим опытом, рутиной, глазомером и нюхом.

Правда, английская империалистическая каста дала нам—на основе эмпиризма—пример широчайшего стяжательского захвата, победоносной дальнозоркости и классовой выдержки. Про английских империалистов недаром сказано, что они мыслят веками и материками. Этот навык практически взвешивать и оценивать важнейшие факторы и силы правящая великобританская каста приобрела, благодаря преимуществам своего положения на наблюдательной вышке своего острова, в условиях сравнительно медленного и планомерного накопления капиталистического могущества.

Парламентские методы личных комбинаций, подкупов, красноречия, обмана и колониальные методы кровожадности, ханжества и всех видов подлости одинаково вошли в богатый арсенал правящей клики величайшей империи. Опыт борьбы английской реакции с Великой Французской Революцией чрезвычайно изощрил методы великобританского империализма, сделал его более гибким, разнообразно вооруженным и, следовательно, более застрахованным от исторических неожиданностей.

Тем не менее, могущественная классовая сноровка мародержавной английской буржуазии оказывается—и чем дальше, тем больше—несостоятельной в эпоху нынешних вулканических потрясений буржуазного режима. Лавируя с большой ловкостью, великобританские эмпирики эпохи упадка — их законченным выразителем является Ллойд Джордж—неизбежно расшибут себе лоб.

Германский империализм поднялся, как антипод великобританского. Лихорадочное развитие немецкого капитализма дало возможность правящим классам Германии накопить гораздо больше материально-технических ценностей, чем навыков международной и военно-политической ориентировки. Германский империализм появился на мировой арене, как выскочка,—зарвался сорвался и

расшибся в прах. А ведь еще совсем недавно, в Брест-Литовске, представители германского империализма считали нас фантазерами, случайно и ненадолго всплывшими на поверхность.

Наша партия, шаг за шагом училась искусству всесторонней ориентировки, начиная с первых подпольных кружков, через все свое развитие, с его бесконечными теоретическими дискуссиями, практическими попытками и неудачами, наступлениями и отступлениями, тактическими спорами и поворотами. Русские эмигрантские мансарды Лондона, Парижа и Женевы оказались в последнем счете обсервационными пунктами огромного исторического значения. Революционное нетерпение дисциплинировалось научным анализом исторического процесса. Воля к действию сочеталась с выдержкой. Путем действий и размышлений наша партия научилась применять марксистский метод. И сейчас он служит ей верную службу...

Если про наиболее дальновидных эмпириков английского империализма можно сказать, что у них в связке значительный набор ключей, пригодных для *многих* типических исторических ситуаций, то в наших руках — универсальный ключ, дающий возможность правильно разобраться во *всех* ситуациях. И если весь наследственный запас ключей Ллойд Джорджа, Черчилля и других явно непригоден для того, чтобы открыть выход из революционной эпохи, то наш марксистский ключ для нее то прежде всего и предназначен. Об этом нашем величайшем преимуществе перед нашими противниками мы не боимся заявить вслух, ибо ни присвоить себе, ни подделать нам марксистский ключ они не в силах.

Мы предвидели неизбежность империалистической войны, как пролога эпохи пролетарской революций. Под этим углом зрения мы затем наблюдали ход войны, ее методы, меняющиеся группировки классовых сил, и на этом наблюдении складывалась уже более непосредственно — если говорить высоким стилем — «доктрина» советского строя и Красной Армии. Научное предвидение дальнейшего хода развития давало нам несокрушимую уверенность в том, что история работает на нас. Эта оптимистическая уверенность составляла и составляет основу нашей деятельности.

Марксизм не дает готовых рецептов. Меньше всего мог бы он дать их в области военного строительства. Но и здесь он дал нам метод. Ибо если верно, что война является продолжением политики, только другими средствами, — то армия является продолжением и увенчанием всей общественно-государственной организации, только со штыком на перевес.

Мы приступали к военным вопросам, исходя не из некоей «военной доктрины», как суммы догматических положений, а из марксистского анализа потребностей самообороны рабочего класса, который взял в свои руки власть, должен вооружиться, разоружив буржуазию, бороться за свою власть, вести за собой крестьян против помещиков, не позволять кулацкой демократии вооружать крестьян против рабочего государства, создать для себя надежный командный состав и проч. и проч.

В строительстве Красной Армии мы пользовались и красногвардейскими отрядами, и старыми уставами, и кресьянскими атаманами, и бывшими царскими генералами, что, конечно, можно назвать отсутствием «единой доктрины» в области формирования армии и ее командного состава. Но такая оценка будет педантично пошловата. Конечно, мы не исходили из догматической «доктрины». Мы фактически созидали армию из того исторического материала, который был под руками, об'единяя всю эту работу под углом зрения борющегося за свое самосохранение, утверждение и расширение рабочего государства. Если кому-нибудь нужно метафизически скомпрометированное слово «доктрина», то можно сказать, что созидая Красную Армию, вооруженную силу на новой классовой основе, мы тем самым сдроили новую военную доктрину, ибо, несмотря на разнообразие практических средств и смену приемов, в нашем военном строительстве не могло быть и не было ни безыдейного эмпиризма, ни суб'ективного произвола: вся работа с начала до конце об'единялась единством классовой революционной цели, единством направленной на нее воли, единством марксистского метода ориентировки.

2. С доктриной или без доктрины?

Попытки предпослать пролетарскую «военную доктрину» самой работе по созданию Красной Армии делались и возобновлялись не раз. В противовес «империалистскому» принципу позиционности выдвигался еще с конца 1917 г. абсолютный принцип маневренности. Революционной маневренной стратегии подчинялась организационная форма армии: корпуса, дивизии, даже бригады об'являлись слишком тяжеловесными соединениями; провозвестники пролетарской «военной доктрины» предлагали свести всю вооруженную силу республики в отдельные комбинированные отряды или полки. В сущности это была слегка причесанная идеология партизанщины. На крайнем «левом» фланге партизанщина защищалась открыто. Уставам об'являлась священная война; старым — потому, что они являются выражением отжившей военной доктрины, новым — потому, что они слишком похожи на старые. Правда, и тогда уже сторонники новой доктрины не представляли не только проекта новых уставов, но и ни одной статьи, в которой наши уставы подвергались бы серьезной принципиальной или деловой критике. Привлечение старого офицерства, тем более на командные должности, об'являлось несовместимым

с проведением революционной военной доктрины и проч. и проч.

На самом деле, шумные новаторы сами были целиком в плену у старой военной доктрины: они только старались поставить минус там, где раньше был плюс. В этом и выражалась вся их самостоятельность. Действительная работа по созданию вооруженной силы рабочего государства пошла, однако, по другому пути. Мы старались — особенно, на первых порах — как можно больше использовать навыки, приемы, знания и средства, оставшиеся от старого, совершенно не заботясь о том, в какой мере новая армия будет в формально-организационном и техническом смысле отличаться от старой или, наоборот, походить на нее. Мы строили армию из наличного человеческого и технического материала, стремясь всегда и всюду обеспечить в организации армии, т. е. в ее личном составе, в управлении ею, в ее сознании и в ее настроениях, господство пролетарского авангарда. Институт комиссаров вовсе не есть какой либо догмат марксизма, или необходимая часть пролетарской «военной доктрины», — он явился в известных условиях необходимым орудием пролетарского контроля, руководства и политического воспитания в армии и тем приобрел огромное значение в жизни вооруженных сил Советской Республики. Мы комбинировали старый командный состав с новым и только таким путем достигли необходимого результата: армия оказалась способной сражаться — на службе рабочего класса. По своим целям, по преобладающему классовому составу своего командно-комиссарского корпуса, по своему духу, по своей политической морали, Красная Армия отличается коренным образом от всех остальных армий мира и враждебно им противостоит. В области формально-организационной и технической она становилась и становится на них тем более похожей, чем больше она развивалась. Одних потуг на новое слово в этой области недостаточно.

Красная Армия есть военное выражение пролетарской диктатуры. Кому нужна более торжественная формула, тот может сказать, что Красная Армия есть военное воплощение «доктрины» пролетарской диктатуры, во-первых — потому, что в самой Красной Армии обеспечена диктатура пролетариата, во-вторых, — потому, что диктатура пролетариата без Красной Армии была бы невозможна.

Беда, однако, в том, что оживление военно-теоретических интересов вызвало на первых порах возрождение некоторых доктринерских предрассудков первого периода, получивших, правда, несколько новую формулировку, но отнюдь не ставших от этого лучше. Некоторые проницательнейшие новаторы вдруг открыли, что *мы живем и даже не живем, а прозябаем — без военной доктрины*, как андерсоновский король в сказке ходил без платья, и не знал того. «Необходимо, наконец, создать доктрину Красной Армии», — говорят одни. — «Мы сбиваемся во всех практических вопросах военного строительства потому, что у нас не разрешены до сих пор основные вопросы военной доктрины: что такое Красная Армия, какие перед ней исторические задачи, будет ли она вести оборонительные или наступательные революционные войны и проч. и проч.?» — подпевают другие.

Выходит так, что Красную Армию мы создали и, притом, победоносную, но вот военной доктрины ей не дали. Так она, Красная Армия, неприкаянной и живет. На прямой вопрос, какова должна быть доктрина Красной Армии, отвечают: она должна заключать в себе совокупность начал строения, воспитания и применения нашей вооруженной силы. Но это ответ чисто-формальный. И у нынешней Красной Армии есть свои принципы «строения, воспитания и применения». Вопрос идет о том, какой доктрины нам *не хватает*, что-есть — каковы по содержанию те *новые* принципы, которые должны войти в программу военного строительства. И вот здесь то начинается самая конфузная путаница. Один делает сенсационное открытие, что Красная Армия есть *классовая* армия, армия пролетарской диктатуры. Другой к этому присоединяет, что, будучи революционной армией и международной, Красная Армия должна быть наступательной. Третий предлагает, в целях наступательности, обратить особое внимание на кавалерию и авиацию. Наконец, четвертый предлагает не забывать о применении тачанок Махно. С миру по тачанке — Красной Армии доктрина. Однако, нужно сказать, что в этих открытиях крупицы здоровых, не новых, но правильных, — мыслей совершенно тонут под шелухой пустословия.

3. Что такое военная доктрина?

Не будем искать общих логических определений потому, что они сами по себе вряд ли выведут нас из затруднения *). Подойдем лучше к вопросу исторически. Старый взгляд гласил, что основы военной науки вечны и общи для всех времен и народов. Конкретное же преломление этих вечных истин имеет национальный характер. Отсюда — немецкая военная доктрина, французская, русская и т. д. Если, однако, проверить инвентарь вечных

*) Т. Фрунзе пишет: «Можно было бы предложить такое определение «единой военной доктрины»: это есть принятое в армии данного государства единое учение, устанавливающее формы строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск и их вождения на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и состояния его производительных сил» («Красная Новь», № 2, стр. 94. Статья М. Фрунзе: «Единая военная доктрина и Красная Армия»).

Можно условно принять и это определение. Однако, как свидетельствует вся статья тов. Фрунзе, выводы из приведенного определения ничем не обогащают идейного арсенала Красной Армии. Подробнее об этом мы, впрочем, скажем далее.

истин военной науки, то получим немногим более нескольких логических аксиом и эвклидовских постулатов. Защита флангов, обеспечение коммуникации и отступления, удар по наименее защищенному пункту противника и пр. и пр.—все эти истины, в этой своей всеобъемлющей формулировке, далеко выходят в сущности за пределы военного искусства. Осел, который ворует овес из прорванного мешка (наименее защищенное место противника) и бдительно поворачивает свой круп в сторону, противоположную ожидаемой опасности, делает это на основании вечных принципов военной науки. Между тем, нельзя сомневаться, что тот осел, который ест овес, не читал ни Клаузевица, ни даже Леера.

Война, о которой мы говорим, есть общественное и историческое явление, которое возникает, развивается, меняет формы и должно исчезнуть. Уже по этому одному она не может иметь вечных законов. Но субъектом войны является человек, который имеет известные устойчивые анатомические и психические черты и вытекающие из них приемы и навыки. Человек действует в определенной и сравнительно устойчивой географической среде. Таким образом, во всех войнах всех времен и народов были некоторые общие, относительно устойчивые (но вовсе не абсолютные) черты. На их основе развивается историческое военное искусство. Его методы и приемы меняются так же, как и общественные условия, его определяющие (техника, классовое строение, формы государственной власти).

Под именем национальной военной доктрины и понимался сравнительно устойчивый, но все же временный комплекс (сочетание) военных рассчетов, методов, приемов, навыков, лозунгов, настроений—в соответствии со всем строем общества и, прежде всего, с характером господствующего класса.

Что такое, например, военная доктрина Англии? В ее состав, очевидно, входят (или входили): признание необходимости морской гегемонии, отрицательное отношение к постоянной сухопутной армии и к воинской повинности, или, еще точнее: признание необходимости, чтобы английский военный флот был сильнее двух следующих самых сильных флотов, вместе взятых, и тем обеспечивал возможность содержания маленькой армии на добровольческих началах. С этим было связано поддержание такого порядка в Европе, при котором ни одна их сухопутных держав не могла получить решающего перевеса на континенте.

Несомненно, что эта английская «доктрина» была самой устойчивой из всех военных доктрин. Ее устойчивость и определенность обусловливались длительным, планомерным, безостановочным развитием великобританского могущества, без таких событий и потрясений, которые радикально меняли бы мировое (или европейское, что *раньше* означало то же самое) соотношение сил. Сейчас, однако, это положение окончательно нарушилось. Сильнейший удар своей «доктрине» Англия нанесла во время войны, будучи вынуждена строить свою армию на основе воинской повинности. «Равновесие» на европейском континенте нарушено. Устойчивость нового соотношения сил ни в ком не вызывает доверия. Могущество Соединенных Штатов исключает возможность дальнейшего автоматического поддержания господства великобританского флота. Сейчас рано предсказывать, чем закончится Вашингтонская Конференция. Но совершенно очевидно, что со времени империалистской войны «военная доктрина» Великобритании стала недостаточной, несостоятельной и прямо негодной. А новой ей на смену еще нет. И очень сомнительно, чтобы она появилась, ибо эпоха военных и революционных потрясений и радикальной перегруппировки мировых сил ставит очень узкие пределы военной доктрине в том смысле, в каком мы ее выше определили по отношению к Англии: *военная „доктрина" предполагает относительную устойчивость внешней и внутренней обстановки.*

Гораздо менее определенный и устойчивый характер, даже и в прошлую эпоху, получает военная доктрина, если мы обратимся к странам европейского континента. Что составляло—хотя бы за промежуток времени между франко-прусской войной 1870—71 годов и империалистской войной 1914 г.—содержание военной доктрины Франции? Признание, что Германия есть наследственный, непримиримый враг, идея реванша, воспитание армии и молодого поколения в духе этой идеи, культивирование союза с Россией, преклонение перед военной мощью царизма, наконец, поддержание, хотя и не очень уверенное, бонапартистской военной традиции смелого наступления. Длительная эпоха вооруженного мира (с 1871 по 1914 г.) придавала все же относительную устойчивость военно-политической ориентации Франции. Но чисто военные элементы французской доктрины были очень скудны. Война подвергла доктрину наступления жестокому испытанию. Французская армия после первых же недель зарылась в землю, и хотя истинно-французские генералы и истинно-французская пресса не уставали твердить в первый период войны, что подземная, траншейная война есть низменное немецкое изобретение и не отвечает геройскому духу французского воина, тем не менее, вся война разыгралась, как позиционная борьба на истощение. В настоящее время доктрина чистого наступления, хотя и перенесена в новые уставы, но, как увидим, встречает резкий отпор в самой Франции.

Военная доктрина после-бисмарковской Германии была несравненно более агрессивной по существу, в соответствии с политикой страны, но более осторожной по стратегическим формулировкам. «Принципы стратегии ни в чем не возвышаются над здравым смыслом»—учила германская инструкция для высших военачальников. Однако, быстрый рост капиталистического богатства и наро-

донаселения поднимал правящие верхи, и прежде всего дворянско-офицерскую касту Германии, на все большую высоту. Правящие классы Германии лишены были опыта деятельности в мировом масштабе, не рассчитали сил и средств, придали своей дипломатии и стратегии архи-агрессивный характер, совершенно разошедшийся со «здравым смыслом». Германский милитаризм пал жертвой своей необузданной наступательности.

Что отсюда вытекает? Что под именем национальной доктрины в прошлые эпохи понимался комплекс устойчивых руководящих дипломатических и военно-политических идей и более или менее связанных с ними стратегических директив. Причем так называемая военная доктрина — формула военной ориентировки правящего класса данной страны в международных условиях—оказывалась тем более оформленной, чем более определенным, устойчивым и планомерным в своем развитии было внутреннее и международное положение страны.

Империалистская война и выросшая из нее эпоха величайшей неустойчивости во всех областях совершенно вырвали почву из-под национально-военных доктрин и поставили в порядок дня необходимость быстрого учета изменяющейся обстановки, ее новых группировок и комбинаций и «беспринципного» лавирования под знаком забот и тревог сегодняшнего дня. Вашингтонская Конференция открывает на этот счет поучительную картину. Совершенно неоспоримо, что сейчас, после того, как старые военные доктрины подверглись испытанию в империалистской войне, ни у одной страны не осталось таких устойчивых принципов и идей, которые можно было бы назвать национальной военной доктриной.

Можно, правда, высказать предположение, что национальные военные доктрины снова сложатся, как только определится новое мировое соотношение сил и место в нем каждого отдельного государства. Однако, это предполагает ликвидацию революционной эпохи потрясений, смену ее новой эпохой органического развития. Но именно для такого предположения нет никаких оснований.

4. Общие места и пустословие.

Казалось бы, что достаточно устойчивым элементом «военной доктрины» всех капиталистических государств в нынешнюю эпоху могла бы явиться борьба против Советской России. Но и этого нет: сложность мировой обстановки, чудовищный переплет противоречивых интересов и, главное, неустойчивость социальной базы буржуазных правительств исключают возможность последовательного проведения хотя бы только одной военной «доктрины» — борьбы против Советской России. Или, точнее сказать, борьба против Советской России так часто меняет свою форму и развивается по такой линии зигзагов, что для нас смертельной опасностью было бы усыплять свою бдительность доктринерскими словечками и «формулами» международных отношений. Единственная для нас правильная «доктрина»: *быть на чеку и глядеть в оба!* Даже при самой грубой постановке вопроса: где ждет нас главное поле военной деятельности в ближайшие годы—на востоке или на западе,—не может быть дано безусловного ответа. Слишком сложна международная обстановка. Общий ход исторического развития ясен, но события не соблюдают очередности и назревают не по календарной программе. Практически же реагировать приходится не на «ход развития», а на факты, на события. Нетрудно предугадать такие исторические варианты, при которых мы окажемся вынужденными ангажироваться преимущественно на востоке или, наоборот, на западе, содействовать революции, ведя оборонную войну или, наоборот, оказаться вынужденными перейти в наступление. Только марксистский метод международной ориентировки, учета классовых сил, их комбинаций и изменений может нам позволить в каждом конкретном случае найти надлежащее решение. Общей формулы, выражающей «сущность» наших военных задач в ближайший период, придумать нельзя.

Можно, однако, — и это нередко делается—придать понятию военной доктрины более конкретное и узкое содержание, в смысле основных принципов чисто-военного дела, регулирующих все стороны военной организации, тактики и стратегии. В этом смысле можно сказать, что военная доктрина непосредственно определяет собою содержание воинских уставов. Но что же это за принципы? Некоторые доктринеры изображают дело так: нужно определить сущность и назначение армии, задачу, которая ей предстоит, и отсюда уже выводить ее организацию, ее стратегию и тактику и эти выводы закрепить в уставах. На самом деле, такая постановка вопроса схоластична и безжизненна.

Какие банальности и бессодержательности понимаются под основными принципами военного искусства, видно из торжественно цитируемых слов Фоша о том, что сущность современной войны заключается в том, чтобы, «найдя неприятельские армии,—уничтожить их, приняв для этого направление и тактику, приводящие к цели возможно скорее и вернее». Чрезвычайно содержательно! Необыкновенно расширяет наш горизонт! В дополнение к этому остается лишь сказать, что сущность современных методов питания состоит в том, чтобы найти дырку рта, внести туда пищу и, разжевав ее с возможно меньшей затратой энергии, проглотить. Отчего бы из этого принципа, который нисколько не хуже фошевского, не попытаться вывести дедуктивным путем,—какую именно пищу и как готовить, когда и кому поглощать и, главное, как эту пищу добыть?

Военное дело очень эмпирическое, очень практическое дело. Попытки возведения его в систему, где из основных принципов выводятся и полевой устав, и штаты эскадрона, и покрой шинели являются очень рискованными упражнениями. Это хорошо понимал еще старик Клаузевиц. «Быть может—писал он — возможно написать систематическую теорию войны, исполненную мысли и содержательную, но наши нынешние далеки от этого. Они (не говоря даже о ненаучном их духе), гоняясь за связностью и полнотою системы, преисполнены общими местами и пустословием всякого рода».

5. Есть или нет у нас „военная доктрина“?

Итак, нужна ли нам «военная доктрина» или не нужна? Кое-кто обвинял меня в том, что я «уклоняюсь» от ответа на этот вопрос. Но, ведь, для того, чтобы ответить, нужно знать, о чем спрашивают, т. е. что понимают под военной доктриной. Пока вопрос не поставлен ясно и осмысленно, приходится «уклоняться» от ответа. Чтобы приблизиться к правильной постановке вопроса, расчленим, после всего изложенного выше, самый вопрос на его составные части. С этой точки зрения в «военную доктрину» могут войти следующие элементы:

1. Основная (классовая) ориентировка нашей страны, представленной своим правительством, в вопросах хозяйства, культуры и пр., т. е. во внутренней политике.

2. Международная ориентировка рабочего государства. Важнейшие линии нашей мировой политики и, в связи с этим, возможные театры наших военных действий.

3. Состав и строение Красной Армии в соответствии с природой рабоче-крестьянского государства и задачами его вооруженной силы.

4. Стратегическое и тактическое учение о Красной Армии.

Учение об организации армии (п. 3) вместе со стратегическим учением (п. 4) и должны, очевидно, составлять военную доктрину в собственном (или тесном) смысле слова.

Расчленение можно бы повести и далее. Так, возможно выделить из перечисленных пунктов вопросы о технике Красной Армии, о постановке пропаганды в ней и пр.

Нужно ли, чтобы у правительства, у руководящей партии, у военного ведомства по всем этим вопросам были определенные воззрения? Ну, разумеется, нужно. Можно ли строить Красную Армию, не имея взглядов на то, каков должен быть ее социальный состав, как укомплектовывать офицерско-комиссарский корпус, как формировать, обучать и воспитывать части и пр.? В свою очередь, нельзя иметь ответа на эти вопросы, не разобравшись в основных, внутренних и международных задачах рабочего государства. Другими словами, военное ведомство должно иметь руководящие начала, на которых оно строит, воспитывает и реорганизует армию.

Нужно ли (можно ли) совокупность этих начал называть военной доктриной?

На это я отвечал и отвечаю: если кто хочет совокупность принципов и практических методов Красной Армии назвать военной доктриной, то, не разделяя такого пристрастия к блеклым позументам старой официальщины, я не стану, однако, из-за этого воевать (моя уклончивость). Но если кто осмеливается утверждать, что у нас этих принципиальных начал и практических методов нет *), что наша коллективная мысль над этим не работала и не работает, то я отвечаю: вы говорите неправду, вы опьяняете себя и других пустословием. Вместо того, чтобы вопить о военной доктрине, вы пред'явите ее, продемонстрируйте, покажите хоть частицу той военной доктрины, которой недостает Красной Армии. Но вся беда в том, что как только наши военные «доктринеры» от причитаний о пользе доктрины переходят к попыткам пред'явить таковую или наметить хотя бы самые общие ее очертания, они либо повторяют с грехом пополам то, что было давно сказано, что вошло в сознание, что закреплено резолюциями партийных и советских с'ездов, декретами, положениями, уставами, инструкциями гораздо лучше и точнее, чем у наших мнимых новаторов, либо путаются, сбиваются и несут совершенно непозволительную отсебятину.

Сейчас мы это покажем на каждом из составных элементов так называемой военной доктрины в отдельности.

6. „Какую и для каких задач армию мы готовим?“

«Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе».

Так гласит декрет Совета Народных Комиссаров от 12 янв. 1918 г. об образовании Красной Армии. Я очень жалею, что не могу здесь привести все то, что говорят о Красной Армии наша партийная программа и резолюции наших с'ездов. Настоятельно рекомендую читателю перечитать их: это полезная и поучительная литература. Там очень

*) Т. Соломин об'виняет нас (см. военно-научный журнал «Военная наука и революция») в том, что мы до сих пор не ответили на вопрос: «Какую и для каких задач армию мы готовим?»

ясно сказано—«какую и для каких задач армию мы готовим». Что же собираются на этот счет прибавить новоявленные военные доктринеры? Вместо того, чтобы мудрствовать над перелицовкой точных и ясных формулировок, лучше заняться их пропагандистским раз'яснением среди молодых красноармейцев. Это—куда полезнее.

Но, скажут—и говорят: в резолюциях и декретах недостаточно подчеркнута *международная* роль Красной Армии, и, в частности, необходимость готовиться к наступательным революционным войнам. На этом особенно настаивает Соломин: «...Мы готовим классовую армию пролетариата,—пишет он там же (стр. 22),—рабоче-крестьянскую армию не только к обороне против буржуазно-помещичьей контр-революции, но и к революционным войнам (и оборонительным, и наступательным) против империалистских держав, к войнам полугражданского (?) типа, в которых наступательная стратегия может сыграть значительную роль». Таково это откровение, почти революционное евангелие от Соломина. Но—увы—как это часто бывает с апостолами, наш автор жестоко ошибается, думая, что он открывает нечто новое. Он только плохо формулирует старое. Именно потому, что война есть продолжение политики с винтовкой в руках, для нашей партии не было и не могло быть принципиального спора о месте, какое могут и должны занять революционные войны в развитии мировой революции рабочего класса. Вопрос этот поставлен и разрешен в русской марксистской печати не со вчерашнего дня. Я мог бы привести десяток руководящих статей в партийной печати, особенно со времени империалистской войны, в которых о революционной войне рабочего государства говорится, как о чем-то само собою разумеющемся. Но я отойду еще дальше назад и приведу строки, которые мне пришлось писать в 1905-06 годах.

«Это (развитие русской революции) с самого начала придает развертывающимся событиям интернациональный характер и открывает величайшую перспективу: политическое раскрепощение, руководимое рабочим классом России, поднимает руководителя на небывалую в истории высоту, передает в его руки колоссальные силы и средства и делает его инициатором мировой ликвидации капитализма, для которой история создала все об'ективные предпосылки.

«Если российский пролетариат, временно получивши в свои руки власть, не перенесет по собственной инициативе революцию на почву Европы, его *вынудит* к этому европейская феодально-буржуазная реакция.

«Разумеется, было бы праздным делом предопределять те пути, какими русская революция перебросится в старую капиталистическую Европу: эти пути могут оказаться совершенно неожиданными. *Скорее для иллюстрации мысли, чем в виде предсказания, мы остановимся на Польше, как на соединительном звене между революционным Востоком и революционным Западом.*

«Торжество революции в России означает неизбежно победу революции в Польше. Нетрудно себе представить, что революционный режим в десяти польских губерниях русского захвата неизбежно поставит на ноги Галицию и Познань *). Правительства Гогенцоллерна и Габсбурга ответят на это тем, что стянут военные силы к польской границе, чтобы затем перешагнуть через нее и раздавить врага в его центре—Варшаве. Ясно, что русская революция не сможет оставить в руках прусско-австрийской солдатчины свой западный авангард. Война с правительствами Вильгельма II и Франца-Иосифа станет при таких условиях законом самосохранения для революционного правительства России. Какое положение займет при этом германский и австрийский пролетариат? Ясно, что он не сможет оставаться спокойным наблюдателем контр-революционного крестового похода своих национальных армий. Война феодально-буржуазной Германии против революционной России означает неизбежно пролетарскую революцию в Германии. Кому такое утверждение покажется слишком категорическим, тому мы предложим представить себе другое историческое событие, которое было бы более способно толкнуть германских рабочих и германскую реакцию на путь открытого соразмерения сил» (см. Троцкий; «Наша Революция», стр. 280).

Разумеется, события расположились не в той исторической последовательности, которая лишь примерно, для иллюстрации мысли, намечалась в этих строках 16 лет тому назад. Но основной ход развития подтвердил и подтверждает прогноз о том, что эпоха пролетарской революции неизбежно станет эпохой революционных войн и что завоевание власти молодым рус[illegible]пролетариатом неизбежно толкнет е[illegible]поле войны с силами мировой реакции. Таким образом, уже полтора десятилетия тому назад нам было в основном ясно—«какую и для каких задач армию» мы должны будем готовить.

7. Революционная политика и методизм.

Итак, насчет революционной наступательной войны для нас *принципиального* вопроса не существует. Но по отношению к этой «доктрине» пролетарское государство должно сказать то же, что сказал по отношению к революционному наступлению рабочих масс в буржуазном государстве (доктрина оффензивы) последний международный конгресс: только предатель может отрицать наступление; только простак может сводить к нему всю стратегию.

К сожалению, среди наших новоявленных доктринеров есть немало таких *простаков*

*) Напоминаю, что это писалось в 1905 г.

наступления, которые под флагом военной доктрины пытаются внести в наш военный оборот те самые однобокие «левые» тенденции, которые ко времени III Конгресса Коминтерна получили свое завершение в виде теории оффензивы: *так как* (!) у нас революционная эпоха, *то* (!) коммунистическая партия должна вести политику оффензивы. Перевод «левизны» на язык военной доктрины означает возведение ошибки в степень. Сохраняя принципиальную основу непримиримой классовой борьбы, марксистская тактика в то же время отличается чрезвычайной гибкостью, подвижностью или, говоря военным языком, маневренностью. Этой принципиальной выдержанности при гибкости методов и форм противостоит жесткий методизм, который из участия или неучастия в парламентской работе, из признания или отрицания соглашения с некоммунистическими партиями и организациями делает абсолютный метод, будто бы пригодный для всех и всяких обстоятельств.

Самое слово «методизм» чаще всего применяется в военно-стратегической литературе. Стремление возвести в устойчивую систему известную комбинацию действий, отвечающую определенным условиям, характеризует эпигонов, посредственных полководцев и рутинеров. Так как люди воюют не всегда, а с большими перерывами, то давление методов и приемов последней войны на сознание военных деятелей эпохи мира представляет обычное явление. Методизм ярче всего проявляется, поэтому, в военной области. Несомненно, что ошибочные тенденции методизма находят свое выражение в потугах построения доктрины «наступательной революционной войны».

В эту доктрину входят два элемента: международно-политический и оперативно-стратегический, ибо речь идет, во-первых, о том, [illegible] на языке войны развить наступ[illegible]ую международную политику, с целью [illegible]корения революционной развязки, и, во-вторых, о том, чтобы усвоить самой стратегии Красной Армии наступательный характер. Эти два вопроса, хотя и связанные в известных отношениях, нужно, однако, расчленить.

Что мы не отказываемся от революционных войн, об этом свидетельствуют не только статьи и резолюции, но и крупные исторические факты. После того, как польская буржуазия навязала нам (весной 1920 г.) оборонительную войну, мы сделали попытку развить нашу оборону в революционное наступление. Правда, оно не увенчалось успехом. Но именно отсюда вытекает немаловажный дополнительный вывод: революционная война, неоспоримое орудие нашей политики при известных условиях, может—при других условиях—дать результат, противоположный тому, на какой она была рассчитана.

В период Брест-Литовска, нам пришлось впервые применять в широком масштабе политико-стратегическое отступление. Тогда многим казалось, что оно будет для нас гибельным. Но прошло всего несколько месяцев, как обнаружилось, что время хорошо поработало за нас. В феврале 1918 года уже подкопанный германский милитаризм был, однако, еще достаточно силен, чтобы раздавить нас с нашими ничтожными в то время военными силами. В ноябре он уже рассыпался в прах. Наше брестское международно-политическое отступление было нашим спасением.

После Бреста нам пришлось вести непрерывную войну с белыми армиями и иностранными оккупационными отрядами. Эта малая война была и оборонительной и наступательной как в политическом, так и в военном отношении. В целом, однако, наша государственная международная политика за этот период была преимущественно политикой обороны и отступления (отказ от советизации прибалтийских государств, неоднократные предложения нами мирных переговоров, при нашей готовности идти на самые крупные уступки, «новая» экономическая политика, признание долгов и пр.). Мы проявляли, в частности, величайшую уступчивость по отношению к Польше, предлагая ей условия более выгодные, чем те, какие были намечены для нее странами Антанты. Усилия наши не увенчались успехом. Пилсудский напал на нас. Война получила явно оборонительный характер с нашей стороны. Этот факт в чрезвычайной степени содействовал сплочению общественного мнения не только рабочих и крестьян, но и многочисленных буржуазно-интеллигентских элементов. Успешная оборона естественно развернулась в победоносное наступление. Мы, однако, переоценили революционность внутреннего положения Польши в тот период. Эта переоценка нашла свое выражение в чрезвычайной, т. е. несоразмерной с рессурсами, наступательности нашей операции. Мы шли вперед слишком налегке, и результат известен: мы были отброшены.

Почти одновременно с этим могучая революционная волна в Италии разбилась не столько о сопротивление буржуазии, сколько о предательскую пассивность руководящих рабочих организаций. Неудача нашего августовского похода на Варшаву и разгром сентябрьского движения в Италии изменили соотношение сил в пользу буржуазии во всей Европе. В политическом положении буржуазии проявляется с этого времени больше устойчивости, в ее поведении — больше уверенности. Попытка Германской Коммунистической Партии искусственной генеральной оффензивой ускорить развязку не дала и не могла дать желаемого результата. Революционное движение обнаружило более медленный темп, чем мы ожидали в 18—19 гг. Социальная почва остается, однако, минированной. Торгово-промышленный кризис принимает чудовищные размеры. Резкие переломы политического развития, в форме революционных взрывов, вполне возможны в самом

недалеком будущем. Но, в общем, развитие получило более затяжной характер. Третий Конгресс Интернационала призвал коммунистические партии к тщательной и упорной подготовке. Во многих странах коммунистам пришлось проделать значительные стратегические отступления, отказавшись от непосредственного разрешения тех боевых задач, которыми они задавались недавно. Инициатива наступления временно перешла в руки буржуазии. Работа коммунистических партий имеет сейчас по преимуществу оборонительный и организационно-подготовительный характер. Наша революционная оборона остается, как всегда, эластичной и упругой, то-есть способной при соответственной перемене условий превратиться в контр-наступление, которое, в свою очередь, может завершиться решающей битвой.

Неудача похода на Варшаву, победа буржуазии в Италии, временный отлив в Германии заставили нас проделать крутое отступление, которое началось с рижского договора и остановилось на условном признании царских долгов.

В области хозяйственного строительства мы, за тот же период, совершили не меньшее отступление: допущение концессий, уничтожение хлебной монополии, сдача в аренду многочисленных промышленных предприятий и пр. Основной причиной этих последовательных отступлений является факт продолжающегося капиталистического окружения, т. е. относительной устойчивости буржуазного режима.

Чего же собственно хотят те глашатаи военной доктрины (мы называем их для краткости доктринерами—они этого заслужили), которые требуют, чтобы мы ориентировали Красную Армию под углом зрения наступательной революционной войны? Хотят ли они голого признания принципа? Тогда они ломятся в открытую дверь. Или же они считают, что в международной или в нашей внутренней обстановке наступили такие условия, которые ставят для нас наступательную революционную войну в порядок сегодняшнего дня? Но тогда наши доктринеры должны направить свои удары не по военному ведомству, а по нашей партии и по Коммунистическому Интернационалу, ибо не кто другой, как мировой конгресс этим летом дал отпор наступательной революционной стратегии, как несвоевременной, призвал все партии к тщательной подготовительной работе и одобрил, как вытекающую из обстоятельств, оборонительно-маневренную политику Советской России.

Или, может быть, кое-кто из наших доктринеров считает, что в то время, как «слабые» коммунистические партии в буржуазных государствах должны вести подготовительную работу, «всемогущей» Красной Армии надлежит развернуть наступательную революционную войну? Может быть, и впрямь некоторые нетерпеливые стратеги собираются переложить тяжесть международного или хотя бы только европейского «последнего решительного боя» на плечи Красной Армии? Кто в серьез проповедует такую политику, тому уж лучше повесить себе жернов на шею и поступить согласно дальнейшему евангельскому указанию.

8. Воспитание „в духе" наступления.

Пытаясь выпутаться из противоречий наступательной доктрины в эпоху оборонительного отступления, т. Соломин придает «доктрине» революционной войны... воспитательное значение. Сейчас, признает он, мы действительно заинтересованы в мире и будем его всячески отстаивать. Но, несмотря на нашу оборонительную политику, революционные войны неизбежны. Мы к ним должны готовиться, а, следовательно, и воспитывать наступательный «дух» на предмет будущей потребности. Наступление надо, следовательно, понимать не во плоти, а в духе и истине. Другими словами, наряду с мобилизационным запасом сухарей т. Соломин хочет иметь мобилизационный запас наступательного энтузиазма. Час от часу не легче! Если выше мы видели у нашего суровейшего критика непонимание методов революционной стратегии, то здесь мы констатируем непонимание законов революционной психологии.

Мы нуждаемся в мире не по соображениям доктрины, а потому, что трудящиеся устали от войны и лишений. Наши усилия направлены на то, чтобы отстоять для рабочих и крестьян возможно длительный период мира. Мы выясняем самой армии, что не можем демобилизоваться только потому, что нам грозят новые нападения. Из этих условий Соломин делает тот вывод, что мы должны «воспитывать» Красную Армию в идеологии наступательной революционной войны. Какой идеалистический взгляд на «воспитание»! «Мы не в силах воевать и не собираемся воевать, но должны быть готовыми,—меланхолически мудрит т. Соломин,—а потому готовиться к наступлению,—такова противоречивая формула, к которой мы пришли». Формула действительно противоречивая. Но если Соломин думает, что это «хорошее» противоречие—диалектическое,—то он ошибается: это просто путаница.

Наша внутренняя политика в последний период имела одной из важнейших своих задач сближение с крестьянином. Особенно остро вопрос о крестьянстве встает перед нами в армии. Думает ли Соломин серьезно, что теперь, когда непосредственная помещичья опасность устранена, а европейская революция остается потенциальной, мы можем сплотить более чем миллионную, на девять десятых крестьянскую армию под знаменем наступательной войны во имя развязки пролетарской революции? Такого рода пропаганда была бы мертва.

Конечно, мы ни на минуту не собираемся скрывать от трудящихся, в том числе и от Красной Армии, что принципиально мы всегда будем за наступательно-революционную войну в тех условиях, когда она может содействовать освобождению трудящихся в других странах. Но думать, что на этом принципиальном заявлении можно создать или «воспитать» действительную идеологию Красной Армии в нынешних условиях, значит не понимать ни Красной Армии, ни нынешних условий. В самом деле, каждый толковый красноармеец не сомневается, что если на нас зимой и весной никто не нападет, то мы-то уж во всяком случае не нарушим мира, а будем изо всех сил залечивать раны, пользуясь передышкой. В нашей истощенной стране мы учимся военному делу, вооружаемся, строим большую армию, для того, чтобы обороняться, если на нас нападут. Вот это «доктрина»—ясная, простая и отвечающая действительности.

Именно потому, что мы так ставили вопрос весной 1920 года, каждый красноармеец твердо усвоил себе, что буржуазная Польша навязала нам войну, которой мы не хотели и от которой мы стремились оградить народ величайшими уступками. Именно из этого сознания выросло величайшее возмущение против врага и ненависть к нему. Именно благодаря этому, война, начавшись, как оборонительная, могла развернуться, как наступательная.

Противоречие между оборонительной пропагандой и наступательным—в конечном счете—характером войны является «хорошим», жизненным, диалектическим противоречием. И у нас нет никакого основания изменять характер и направление нашей военно-воспитательной работы, в угоду путаникам, хотя бы и говорящим во имя военной доктрины.

Когда говорят о революционных войнах, то вдохновляются чаще всего воспоминанием о войнах Великой Французской Революции. Там тоже начали с обороны, на обороне создали армию, затем перешли в наступление. Под звуки марсельезы вооруженные санкюлоты революционным помелом прошлись по всей Европе.

Исторические аналогии—дело очень соблазнительное. Прибегать к ним нужно, однако, с осторожностью. Иначе за формальными чертами сходства можно проглядеть материальные черты различия. Франция в конце XVIII столетия была самой богатой и самой цивилизованной страной европейского континента. Россия XX столетия является самой бедной и самой отсталой страной Европы. Революционная задача французской армии имела гораздо более поверхностный характер, чем те революционные задачи, которые стоят перед нами сейчас: тогда дело шло о низвержении «тиранов», об устранении или смягчении феодального крепостничества. Наше дело идет о полном уничтожении эксплуататорства и классового гнета.

Но и в отношении буржуазно-революционных задач роль оружия Франции, т. е. передовой страны по отношению к отсталой Европе, оказалась очень ограниченной и преходящей. К моменту падения бонапартизма, выросшего из революционной войны, Европа вернулась к своим королям и феодалам.

В той гигантской классовой борьбе, которая разыгрывается ныне, роль военного вмешательства извне может иметь только сопутствующее, содействующее, вспомогательное значение. Военное вмешательство может ускорить развязку и облегчить победу. Но для этого нужно, чтобы революция созрела не только в социальных отношениях,—это уже есть,—но и в политическом сознании. Военное вмешательство—как щипцы акушера: примененное во-время, оно способно облегчить родовые муки; пущенное в ход преждевременно, оно может дать лишь выкидыш.

9. Стратегическое и техническое содержание „военной доктрины" (маневренность).

Сказанное до сих пор относится не только к самой Красной Армии, к ее строению и методам действий, сколько к тем политическим задачам, какие ей ставит рабочее государство.

Подойдем теперь к военной доктрине в более узком смысле слова. Мы слышали от тов. Соломина, что до тех пор, пока мы не утвердим доктрины наступательной революционной войны, мы будем путаться и сбиваться в организационных, военно-педагогических и иных вопросах. Однако, этого общего места нам маловато. Вместо того, чтобы повторять, что из хорошей доктрины должны воспоследовать хорошие практические выводы, отчего бы не попробовать эти выводы пред'явить? Увы! Как только наши доктринеры попытаются подойти к выводам, они преподносят нам либо беспомощный пересказ задов, либо вреднейшую отсебятину.

Энергичнее всего наши новаторы пытаются укрепить якорь военной доктрины в области оперативных вопросов. Стратегически Красная Армия, по их заявлениям, *принципиально* отличается, от всех других армий, так как в нашу эпоху позиционной неподвижности основными чертами операций Красной Армии являются: ***маневренность и наступательность.***

Несомненно, что операции гражданской войны отличаются чрезвычайной маневренностью. Но нужно со всей точностью поставить вопрос: вытекает ли маневренность Красной Армии из ее внутренних свойств, классовой природы, революционного духа, боевого порыва, или же из об'ективных условий: огромности военных театров и относительной малочисленности войск? Этот вопрос имеет немаловажное значение, если допустить, что революционные войны будут ве

сшись не только на Дону и на Волге, но и на Сене, на Шельде и на Темзе.

Но вернемся пока к родным рекам. Отличалась ли маневренностью только Красная Армия? Нет, стратегия белых—сплошь маневренная. Их войска были в большинстве случаев слабее наших количественно и морально, но выше по военной квалификации. Отсюда необходимость маневренной стратегии выросла, прежде всего, для белых. Мы у них учились этой маневренности на первых порах. В последний период гражданской войны мы всегда имели маневр против маневра. Наконец, наибольшей маневренностью отличались действия отрядов Унгерна и Махно—этих бандитских вырождений гражданской войны. Какой отсюда вывод? Маневренность свойственна не революционной армии, а гражданской войне, как таковой.

Операции в национальных войнах сопровождаются страхом перед пространством. Оторвавшись от базы, от своих, от области своего языка, армия или отряд попадает в абсолютно чуждую среду, где не найдет ни опоры, ни прикрытия, ни помощи. В гражданской войне каждая из сторон найдет в тылу противника в большей или меньшей степени сочувствие и поддержку. Национальные войны ведутся (или, по крайней мере, велись) тяжеловесными массами с использованием всех национально-государственных рессурсов обеих сторон. Гражданская война означает раздвоение сил и средств потрясенной революцией страны и ведется, особенно на первых порах, инициативным меньшинством каждой стороны, следовательно—более или менее жидкими и потому подвижными массами, и поэтому гораздо больше зависит от импровизации и случайностей.

Маневренность характеризует гражданскую войну в обоих лагерях. Нельзя, следовательно, маневренность считать особым выражением революционного характера Красной Армии.

В гражданской войне мы победили. У нас нет никакого основания сомневаться в том, что перевес стратегического руководства был на нашей стороне. В последнем счете, однако, победа была обеспечена энтузиазмом и самоотвержением рабочего авангарда и поддержкой крестьянской массы. Но эти условия не создаются Красной Армией, а представляют собой исторические предпосылки ее возникновения, развития и успехов.

Тов. Варин в журнале «Военная Наука и Революция» говорит о том, что подвижность наших войск превосходит все исторические прецеденты. Это очень интересное утверждение. Желательно было бы его тщательно проверить. Несомненно, что исключительная быстрота продвижения, требующая выносливости и самоотвержения, обусловливалась революционным духом армии, тем порывом, какой вносили в нее коммунисты. Вот интересная работа для слушателей нашей Военной Академии — сравнить походы Красной Армии, с точки зрения рассчетов движения, с другими историческими примерами, в частности—с походами армий Великой Французской Революции. С другой стороны, надо сравнить те же элементы у красных и белых в нашей гражданской войне. Когда мы наступали, они отступали, и наоборот. Действительно ли мы проявили в среднем большую выносливость в переходах, и в какой мере она явилась одним из факторов нашей победы? Что в отдельных случаях коммунистическая закваска могла дать сверхчеловеческое напряжение сил, это бесспорно. Но обнаруживается ли этот результат на целой кампании, в течение которой должны были сказаться пределы физической емкости организма,—это подлежало бы особому обследованию. Такое исследование не обещает, конечно, опрокинуть вверх дном всю стратегию. Но оно, несомненно, обогатит наше познание природы гражданской войны и революционной армии некоторыми ценными фактическими данными.

Стремление закрепить и возвести в догмат те черты стратегии и тактики Красной Армии, которые характеризовали ее в прошлый период, могло бы нанести величайший ущерб и даже стать роковым. Уже заранее можно сказать, что операции Красной Армии на азиатском материке—если бы им там суждено было развернуться—имели бы по необходимости глубоко маневренный характер. Важнейшую, а в некоторых случаях и единственную роль пришлось бы играть коннице. Но, с другой стороны, нет никакого сомнения в том, что военные действия на западном театре имели бы гораздо более связанный характер. Операции на территории с другим по национальному составу и более плотным населением,—при более высоком отношении численности армии к территории—несомненно приблизили бы войну к позиционной и, во всяком случае, свели бы маневренную свободу к несравненно более узким границам.

Признание недоступности для Красной Армии защиты укрепленных пунктов (Тухачевский) в общем и целом правильно подводит уроки прошлого периода, но ни в каком случае не может быть признано безусловным указанием для будущего. Защита укрепленных пунктов требует крепостных войск или вернее войск высокого уровня, сплоченных опытом и уверенных в себе. В прошлый период мы это только накопляли. Каждый полк в отдельности и вся армия в целом были живой импровизацией. Можно было обеспечить под'ем, порыв—и мы этого достигали, но нельзя было искусственно создать необходимую рутину, автоматическую спайку, уверенность соседних частей во взаимной выручке. Нельзя было приказом создать традиции. Теперь это в значительной мере есть и будет накопляться чем дальше, тем больше. Этим самым заложены предпосылки как для лучшего ведения маневренных операций, так—в случае нужды — и для позиционных действий.

Надо отказаться от попыток строить абсолютную революционную стратегию, беря для нее элементы из ограниченного опыта трехлетней гражданской войны, где части определенного качества сражались в определенных условиях. От этого очень хорошо предостерегал Клаузевиц.

«Совершенно естественно,—писал он,—что в революционных войнах (Франции) оказался такой, а не иной способ сражаться; способ, который теория вперед предвидеть не могла. Но зло состоит в том, что эти способы, построенные на данных условиях, легко могут пережить сами себя; они остаются *неизменными* в то время, когда обстоятельства понемногу совершенно изменились. От этого именно должна предохранить ясная и разумная критика. Такому методизму подчинялись в 1806 г. прусские генералы» и пр. Увы, не одни только прусские генералы склонны к методизму, т. е. к шаблону и трафарету.

10. Наступление и оборона в свете империалистской войны.

Второй специфической чертой революционной стратегии об'является *наступательность*. Попытка построения на этом доктрины представляется тем более односторонней, что в эпоху, предшествовавшую мировой войне, стратегия наступления культивировалась в отнюдь не-революционных штабах и военных академиях почти всех больших стран Европы. Вопреки тому, что пишет т. Фрунзе *), наступление было (да формально остается еще и сейчас) официальной доктриной Французской Республики. Жорес неутомимо боролся против доктринерства чистого наступления, противопоставляя ему пацифистское доктринерство чистой обороны. Крутая реакция против традиционной официальной доктрины французского Генерального Штаба наступила в результате последней войны. Небесполезно будет здесь привести два ярких свидетельства. Французский военный журнал «Ревю Милитэр Франсэз» (1-е сентября 1921 г., стр. 366) приводит следующее положение, включенное французским Генеральным Штабом в 1913 году в заимствованный у немцев *„Устав о ведении боевых действий крупными единицами"*. «Уроки прошлого—читаем мы здесь—*принесли свои плоды: французская армия, вернувшись к своим традициям, не допускает отныне в ведении операций другого закона, кроме наступления*». «Этот закон,—говорит журнал—введенный вскоре затем в наши уставы по общей тактике и частной тактике отдельных родов оружия, должен был лечь в основу всей нашей военной науки, которая внедрялась в сознание как слушателей нашего Генерального Штаба, так и нашего командования, при помощи собеседований, практических упражнений на карте или в поле и, наконец, путем так называемых *больших маневров*».

«Это обстоятельство — продолжает военный журнал—вызвало в то время такое увлечение знаменитым законом наступления, что всякий, кто дерзнул бы выступить с какой-нибудь оговоркой в пользу обороны, встретил бы очень плохой прием. Чтобы быть хорошим слушателем Генерального Штаба было необходимо, хотя и недостаточно, беспрестанно спрягать глагол *атаковать*».

Консервативный «Журнал де Дэба», в № от 5-го октября 1921 г., подвергает под тем же углом зрения резкой критике вышедший этим летом устав пехотных маневров. «В начале этой отличной книжки—говорит газета—излагается целый ряд принципов, выставляемых, как официальная военная доктрина 1921 года. Эти принципы превосходны; но *почему составители отдали дань старому обычаю, почему первую страницу они посвящают прославлению наступления?* Почему на самом видном месте они выставляют следующую аксиому: тот, кто нападает первым, действует на психологию противника обнаружением воли, более сильной, чем воля последнего?»

Проанализировав опыт двух выдающихся моментов борьбы на французском фронте, газета говорит: «Наступление может подействовать только на психологию противника, лишенного средств, или слабого в такой степени, на какую никогда нельзя рассчитывать. На противника, сознающего свою силу, атака вовсе не производит угнетающего действия. В факте неприятельского наступления он отнюдь не видит обнаружения воли, более сильной, чем его собственная. Если оборона сознательно задумана и подготовлена, как в августе 14-го (немцами) или как в июле 18-го года (французами), тогда, наоборот, обороняющийся считает, что его воля сильнее, потому что *противник попадает в западню*».

«Вы делаете странную психологическую ошибку,—продолжает военный критик—опасаясь пассивности француза и его пристрастия к обороне. Француз всегда готов броситься в наступление—будь то первым или вторым,—в наступление, как следует организованное. Но не рассказывайте ему больше сказок из Тысячи и Одной Ночи о господине, который атакует первым, обладая более сильной волей».

«Одним фактом наступления еще не обеспечивается успех. Оно бывает успешно, когда для него собраны всевозможные средства, превосходящие средства противника. *Ибо, в конце концов, побеждает всегда тот, кто оказывается более сильным в момент борьбы*».

Конечно, можно попытаться отвести этот вывод, как вытекающий из опыта позиционной войны. На самом же деле, он вытекает из маневренной войны с еще большей

*) См. цитированную статью в «Красной Нови».

непосредственностью и очевидностью, хотя и в ином виде. Маневренная война есть война больших пространств. В стремлении истребить живую силу врага, она не дорожит пространством. Ее подвижность выражается не только в наступлении, но и в отступлении, которое есть только перемена позиции.

11. Наступательность, инициативность и активность.

В первый период революции красные войска вообще уклонялись от наступления, предпочитая братание и разговоры. В период, когда революционная идея стихийно разливалась по стране, этот метод был очень действителен. Белые в тот период, наоборот, пытались форсировать наступления, чтобы удержать свои войска от революционного распада. Даже и после того, как разговоры перестали быть важнейшим рессурсом революционной стратегии, белые продолжали отличаться большей наступательностью, чем мы. Только постепенно красные войска развили в себе активность и уверенность, обеспечивающие возможность решительных действий. Маневренность чрезвычайно характеризует дальнейшие операции Красной Армии. Конные рейды являются наиболее ярким выражением этой маневренности. Однако же рейдам нас научил Мамонтов. У белых же мы учились острым прорывам, обхватам, проникновению в тыл противника. Вспомним-ка! Против белых отрядов мы первое время пытались охранять Советскую Россию кордоном, держась друг за друга. Только потом, научась у врага, смыкались в кулаки и придали этим кулакам подвижность, посадили рабочих на коней, научились совершать крупные конные налеты. Уже этого маленького усилия памяти достаточно, чтобы понять, как неосновательно, односторонне, теоретически и практически фальшиво звучит «доктрина», будто революционной армии, как таковой, свойственна маневренная наступательная стратегия. В известной обстановке она свойственна больше всего контр-революционной армии, которая недостаток количества вынуждена возмещать работой квалифицированных кадров.

Именно в маневренной войне разница между обороной и наступлением чрезвычайно стирается. Маневренная война есть война в движении. Целью движений является истребление живой силы противника—на 100 верст дальше или ближе. Маневр обещает победу, если сохраняет в наших руках инициативу. Основными чертами маневренной стратегии являются *не формальная наступательность, а инициативность и активность.*

Та мысль, что Красная Армия в каждый данный момент решительно наступала на важнейшем фронте, временно ослабляя себя на остальных фронтах, и что именно этим ярче всего характеризуется ее стратегия за время гражданской войны (статья т. Варина), верна по существу, но односторонне выражена и потому не дает всех необходимых выводов. *Наступая* на одном фронте, который мы в данный момент, по политическим или военным соображениям, считали важнейшим, мы ослабляли себя на других фронтах, считая возможным оборонятся и *отступать* на них. Но ведь это именно и свидетельствует—странно, как этого не замечают,—что в общий наш оперативный замысел отступление входило, наряду с наступлением, как необходимое звено. Те фронты, где мы обороняясь отступали, были только участками общего нашего кольцеобразного фронта. На этих участках сражались части той же Красной Армии, ее бойцы и командиры, и если свести всю стратегию к наступлению, то очевидно, что войска на тех фронтах, где мы ограничиваемся обороной и даже отступаем, должны бы поддаться упадку и деморализации. В работу воспитания войск должна, очевидно, входить идея, что отступление не есть бегство, что бывает стратегическое отступление, вызываемое то стремлением сохранить в неприкосновенности живую силу, то—сократить фронт, то—глубже завлечь врага, чтобы тем вернее его раздавить. А раз законно стратегическое отступление, стало быть неправильно сводить всю стратегию к наступлению. Особенно это ясно и неоспоримо — повторяем — именно по отношению к маневренной стратегии. Очевидно, что маневр есть сложная комбинация движений и ударов, переброск, маршей и боев—с окончательной целью раздавить врага. Но если из маневра исключить стратегическое отступление, то очевидно, что стратегия примет чрезвычайно прямолинейный характер, т. е. перестанет быть маневренной.

12. Тоска по устойчивым схемам.

«Какую же и для чего мы строим армию?—спрашивает т. Соломин.—Иначе говоря: какие враги нам угрожают и какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы наиболее быстро и экономично справимся с ними?» («Военная наука и революция». № 1, стр. 19).

Эта постановка вопроса ярче всего свидетельствует, что мысль самого Соломина, который вещает о новой военной доктрине, находится целиком в плену у методов и предрассудков старого доктринерства. У Австро-венгерского Генерального Штаба (как и у других) имелись в течение десятилетий разработанные варианты войны: вариант «и» (против Италии) и вариант «р» (против России) и соответственные комбинации этих вариантов. Численность итальянских и русских войск, их вооружение, условия мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания, были в этих вариантах величинами, если не постоянными, то устойчивыми. Таким образом, австро-венгерская «военная доктрина», опираясь на определенные

политические предпосылки, твердо знала, какие враги угрожают империи Габсбургов, и из года в год размышляла над тем, как с этими врагами «экономично» справиться. Мысль работников Генерального Штаба во всех странах текла по определенному руслу «вариантов». На изобретение лучшей брони у будущего неприятеля отвечали усилением артиллерии, и наоборот. Воспитанным в этой традиции рутинерам должно быть очень не по себе в условиях нашего военного строительства. «Какие враги нам угрожают?» Т. е. где наши генерально-штабные варианты будущих войн? И какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы собираемся осуществить предначертанные варианты? Читая статью Соломина, невольно вспоминаю юмористическую фигуру начетчика военной доктрины, генерала Генерального Штаба Борисова. Какой бы вопрос ни обсуждался, Борисов неизменно поднимал два пальца, чтобы иметь возможность сказать: «Вопрос этот может быть разрешен только в кругу других вопросов военной доктрины, а посему, прежде всего, надо установить должность начальника Генерального Штаба». Из чрева этого начальника Генерального Штаба должно произрасти древо военной доктрины и принести все необходимые плоды, примерно, как это произошло в древности с дочерью восточного царя. Соломин, подобно Борисову, вздыхает в сущности об утерянном рае устойчивых предпосылок «военной доктрины», когда известно было за десять, за двадцать лет, какие враги, откуда и как угрожают. Соломину, как и Борисову, нужен универсальный начальник Генерального Штаба, который собрал бы воедино черепки разбитой посуды, поставил на полку и наклеил ярлыки: вариант «п», вариант «р» и пр. и пр. Может быть, Соломин назовет нам заодно и ту универсальную голову, которую он имеет в виду? Что касается нас, то мы — увы, такой головы не знаем и даже думаем, что ее не может быть, ибо задачи ей ставятся неосуществимые. Говоря на каждом шагу о революционных войнах и о революционной стратегии, Соломин как раз и проглядел *революционный характер нынешней эпохи*, порождающий полное нарушение устойчивости, как в международных, так и во внутренних отношениях. Германия, как военная держава, не существует. Тем не менее, французский милитаризм вынужден лихорадочными глазами следить за самыми незначительными событиями и изменениями во внутренней жизни Германии и на ее границах: а вдруг Германия поставит на ноги несколько миллионов человек? Какая Германия? Может быть, это будет Германия Людендорфа? Но, может быть, эта Германия только даст толчок, который будет смертельным для нынешнего гнилого полу-равновесия, и расчистит путь Германии Либкнехта и Люксембург? Сколько «вариантов» нужно иметь Генеральному Штабу? Сколько планов войны нужно иметь, чтобы «экономично» справиться со всеми опасностями?

У меня в архиве есть не мало докладных записок и толстых, и тонких, и средних, ученые авторы которых с любезным педагогическим терпением раз'ясняли нам, что уважающая себя держава должна завести определенные, урегулированные отношения, уяснить заранее своих возможных врагов, завести себе подходящих союзников или, по крайней мере, нейтрализовать всех, кого можно. Ибо — раз'ясняли эти докладчики, — нельзя готовиться «в темную» к будущим войнам; нельзя определить ни численности армии, ни ее штатов, ни ее расположения. Под этими докладами я не помню подписи Соломина, но мысли его были. Авторы все, как на зло, были борисовской школы.

Международная и в том числе международно-военная ориентировка сейчас потруднее, чем в эпоху Тройственного Союза и Тройственного Согласия. Но тут уж ничего не поделаешь: эпоха величайших в истории потрясений, военных и революционных, нарушила кое-какие варианты и шаблоны. Устойчивой, традиционной, консервативной ориентировки ныне не может быть. Ориентировка должна быть бдительной, подвижной и ударной, если хотите — маневренной. Ударной — не значит наступательной, а значит строго отвечающей сегодняшней комбинации международных отношений и сосредоточивающей на сегодняшней задаче максимум сил.

Ориентировка в нынешних международных условиях требует гораздо более квалифицированной работы мысли, чем выработка консервативных элементов военной доктрины в прошлую эпоху. Но зато и работа эта выполняется в гораздо более широком масштабе и с применением гораздо более научных методов. Основная работа по оценке международного положения и вытекающих отсюда для пролетарской революции и советской республики задач выполняется партией, ее коллективной мыслью, в директивных формах — ее с'ездами и ее Центральным Комитетом. Мы имеем в виду не только Российскую Коммунистическую Партию, но и нашу международную партию. Такими педантскими кажутся требования Соломина составить каталог наших врагов и определить, — будем ли мы и на кого именно наступать, — в сравнении с той работой по оценке всех сил революции и контр-революции, в их сегодняшнем состоянии и в их развитии, какую сделал последний конгресс Коммунистического Интернационала. Какой же вам еще «доктрины»?

Тов. Тухачевский обращался к Коммунистическому Интернационалу с предложением устроить при нем международный Генеральный Штаб. Конечно, это предложение было неправильно, не отвечало обстановке и задачам, какие формулировал сам конгресс. Если сам Коммунистический Интернационал мог быть фактически создан лишь после того, как в важнейших странах создались сильные коммунистические организации, — тем более, международный Генеральный Штаб

мог бы возникнуть только на основе национальных генеральных штабов *нескольких* пролетарских государств. Пока этого нет, международный штаб неизбежно превратился бы в карикатуру. Тухачевский счел необходимым свою ошибку усугубить, напечатав свое письмо в конце своей интересной книжки «Война классов». Это ошибка того же порядка, как и стремительный теоретический натиск тов. Тухачевского на милицию, будто бы стоящую в противоречии с Третьим Интернационалом. Необеспеченные наступления представляют вообще, заметим мимоходом, слабую сторону тов. Тухачевского, одного из даровитейших наших молодых военных работников.

Но и без не отвечающего обстановке и потому прожектерского международного штаба, сам международный конгресс, как представительство революционных рабочих партий, выполнил и через свой Исполнительный Комитет продолжает выполнять основную идейную работу «Генерального Штаба» международной революции: учет друзей и врагов, нейтрализацию колеблющихся с целью дальнейшего их привлечения на сторону революции, оценку изменяющейся ситуации, определение ударных задач, сосредоточение на них усилий в международном масштабе.

Выводы этой ориентировки очень сложны. Они не укладываются в несколько шаблонных вариантов. Но уж такова наша эпоха. Преимущество нашей ориентировки в том и состоит, что она отвечает характеру эпохи и ее отношений. По этой ориентировке мы равняемся и в нашей военной политике. Она имеет сейчас активно-выжидательный, оборонительный и подготовительный характер. Более всего мы при этом озабочены тем, чтобы обеспечить за нашей военной идеологией, за нашими методами и нашим аппаратом такую упругую гибкость, которая позволяла бы нам, при всяком повороте событий, сосредоточить главные силы на главном направлении.

13. Дух обороны и дух наступления.

Но, ведь, «нельзя одновременно воспитывать в духе обороны и в духе наступления» — говорит Соломин (стр. 22). Вот это-то и есть доктринерство. Почему нельзя? Кто сказал, что нельзя? Где и кем это доказано? Никем и нигде, ибо это в корне неверно. Все искусство нашего военного строительства (не только военного) в Советской России состоит в том, чтобы сочетать международные революционно-наступательные тенденции пролетарского авангарда с революционно-оборонительными тенденциями крестьянской массы и даже широких кругов самого рабочего класса. Это сочетание отвечает всей международной обстановке. Уясняя смысл ее передовым элементам армии, мы тем самым научаем их правильно сочетать оборону и наступление не в стратегическом только, а и в революционно-историческом смысле слова. Не думает ли Соломин, что это угашает «дух?» У него и его единомышленников есть на это намеки. Но уж это чистейшая лево-эсеровщина! Уяснение существа международной и внутренней обстановки и активное, «маневренное» к ней приспособление не могут угашать дух, а могут только закалять его.

Или, может быть, в *чисто военном* смысле нельзя готовить армию и для обороны, и для наступления? Но и это пустяки. Тухачевский подчеркивает в своей книжке ту мысль, что оборона в гражданской войне не могла или почти не могла иметь позиционной устойчивости. Отсюда Тухачевский делает тот правильный вывод, что оборона в таких условиях должна иметь по необходимости активный и маневренный характер, так же как и наступление. Если мы слишком слабы для нападения, мы стремимся вырваться из об'ятий противника, чтобы затем собраться в кулак на его дальнейшем пути и ударить его по больному месту. Неверно до нелепости утверждение Соломина, будто армия дрессируется по специальности — для обороны или для нападения. На самом деле, армия обучается и воспитывается для борьбы и победы. Оборона и наступление входят переменными моментами в борьбу, тем более, маневренную. Кто хорошо обороняется там, где нужно оборониться, и хорошо наступает там, где нужно наступать, тот побеждает. Вот единственно здоровое воспитание, которое мы должны дать нашей армии, прежде всего — в лице ее командного состава. Ружье со штыком годится для обороны и нападения. Точно также и рука бойца. Сам боец и часть, в которую он входит, должны быть подготовлены для борьбы, для отстаивания себя, для отпора врагу, для разгрома врага. Хорошо наступает тот полк, который умеет оборониться. Хорошая оборона доступна только полку, желающему и умеющему наступать. Уставы должны учить драться, а не натаскивать на наступление.

Революционность есть состояние духа, а не готовый ответ на все вопросы. Она может дать под'ем, обеспечить порыв. Под'ем и порыв — драгоценнейшее условие успеха, но не единственное. Нужна ориентировка, нужна выучка. А доктринерские шоры долой!

14. Ближайшие задачи.

Но неужели же в сложном переплете международных отношений не выделяются более ясные и отчетливые элементы, по которым мы должны были бы равняться в нашей военной работе ближайших месяцев?

Такие элементы есть, и они слишком громко говорят за себя, чтобы их можно было почитать секретными. На западе это — Польша и Румыния, а за их спиной — Франция. На Дальнем Востоке это — Япония. Вокруг да около Кавказа — Англия. Остановимся здесь

только на вопросе о Польше, как наиболее ярком и вразумительном.

Французский министр-президент Бриан заявил в Вашингтоне, будто мы готовим к весне наступление на Польшу. У нас не только каждый командир и красноармеец, но каждый рабочий и крестьянин знает, что это чистейший вздор. Знает это, конечно, и сам Бриан. Мы до сих пор так дорого платили большим и малым бандитам за то, чтобы они хоть временно оставили нас в покое, что только для прикрытия дьявольского замысла против нас можно говорить о «плане» нашего наступления на Польшу. Какова же наша действительная ориентировка в отношении Польши?

Мы твердо, настойчиво, не на словах, а на деле,—и прежде всего, строжайшим выполнением рижского договора—доказываем польским народным массам, что мы хотим мира и тем самым содействуем его сохранению.

Если, тем не менее, польская военная клика, подталкиваемая французской биржевой кликой, обрушится на нас весной, война с нашей стороны будет иметь и по существу и в народном сознании действительно оборонительный характер. Именно это ясное и отчетливое сознание нашей правоты в навязанной нам войне придаст высшую спайку всем элементам армии: и передовому пролетарию-коммунисту, и беспартийному, но преданному Красной Армии специалисту, и отсталому красноармейцу-крестьянину, и тем лучше всего подготовит нашу армию к инициативному и самоотверженному наступлению в этой оборонительной войне. Кому эта наша политика кажется неопределенной, условной, кому неясно, «какую и для каких задач армию мы готовим», кто думает, что «нельзя одновременно воспитывать и в духе обороны, и в духе наступления», тот ничего не понимает, тому лучше молчать и не мешать другим...

Но если в мировой обстановке мы наблюдаем столь сложные сочетания факторов, то как же нам все-таки практически ориентироваться в военном строительстве? Какой численности иметь армию? В каких соединениях? С какой дислокацией?

Все эти вопросы не допускают какого-либо абсолютного решения. Речь может идти только об эмпирических приближениях и о своевременных к ним поправках в зависимости от перемены обстановки. Только безнадежные доктринеры думают, что ответы на вопросы мобилизации, формирования, обучения, воспитания, стратегии и тактики, можно получить дедуктивным, формально-логическим путем из предпосылок священной «военной доктрины». Не магических, все спасающих военных формул не хватает нам, а более тщательной, внимательной, точной, бдительной, добросовестной работы на тех основах, которые нами уже прочно заложены. Наши уставы, наши программы, наши штаты не совершенны. Это бесспорно. Прорех, неправильностей, устарелого, незаконченного—сколько угодно. Это нужно исправлять, улучшать, уточнять. Но как и под каким углом зрения?

Нам говорят, что в основу пересмотра и исправлений нужно положить доктрину наступательной войны. «Эта формула означает—пишет Соломин—самый решающий (!) поворот (в строительстве Красной Армии); приходится пересмотреть все (!) сложившиеся у нас взгляды, произвести полную (!) переоценку ценностей с точки зрения перехода от чисто оборонительной стратегии к наступательной. Воспитание командного состава, подготовка одиночного бойца... вооружение—все это (!) должно впредь проходить под знаком наступления»... (стр. 22).

«Только при наличии такого единого плана—пишет он-же—начавшаяся реорганизация Красной Армии выйдет из состояния бесформенности, разброда, несогласованности, шатания и отсутствия ясно сознанной цели». Выражения у Соломина, как видим, строго наступательные, но утверждения—вздорные. Бесформенность, шатание и разброд—в его собственной голове. Об'ективно в нашем строительстве есть трудности и есть практические ошибки. Но ни разброда, ни шатания, ни несогласованности нет. И армия не позволит Соломиным выписывать свои организационные и стратегические мысле те и тем вносить шатание и разброд.

Уставы и программы нужно пересмотреть не под углом доктринерской формулы чистого наступления, а с точки зрения проделанного четырехлетнего опыта. Нужно читать, обсуждать и проверять уставы на совещаниях командного состава. Нужно, чтобы живое еще воспоминание о боевых действиях, больших и малых, было сопоставлено с формулой устава и чтобы каждый командир сознательно сказал себе, отвечают ли слова делу или нет, и если расходятся, то—в чем. Собрать этот упорядоченный опыт, под'итожить его, оценить его в центре стратегическим, тактическим, организационным, политическим критерием более высокого опыта; разгрузить уставы и программы от устарелого, излишнего, приблизить их к армии и заставить армию почувствовать, насколько они нужны ей и в какой мере они могут заменить ей самодельщину—вот действительно большая и насущная задача!

* * *

Ориентировка международного масштаба и большого исторического размаха у нас есть. В одной своей части она уже проверена опытом; в другой—проверяется и выдерживает испытание. Революционной инициативой и духом наступления коммунистический авангард обеспечен в достаточной мере. Не словесное, крикливое новаторство насчет новых военных доктрин нам нужно, и не трескучее их провозглашение, а систе-

матизация опыта, улучшение организации, внимание к мелочам.

Прорехи нашей организации, нашу отсталость и бедность, особенно—техническую, не возводить нам нужно в символ веры, а устранять всемерно, стремясь приблизиться в этом отношении к империалистским армиям, которые все заслуживают быть разгромленными, но у которых есть кое-какие преимущества: богатая авиация, обильные средства связи, хорошо обученный, тщательно подобранный командный состав, точность учета средств, правильность взаимоотношений. Конечно, это лишь организационно-техническая оболочка. Морально, политически буржуазные армии распадаются или идут навстречу распаду. Революционный характер нашей армии, классовая однородность командного состава и массы бойцов, коммунистическое руководство—вот где могущественнейшая и несокрушимая наша сила. Ее у нас никто не отнимет. Все внимание должно быть ныне направлено не на фантазерскую перестройку, а на улучшение и уточнение. Правильно доставлять в части пищу, не гноить продуктов, варить хорошие щи, научить истреблять вошь и содержать тело в чистоте, правильно вести занятия, и поменьше в комнате, побольше под открытым небом; толково и конкретно подготовлять политические беседы; снабдить каждого красноармейца служебной книжкой и правильно вести записи; научить чистить винтовку, смазывать сапоги, научить стрельбе, помочь командному составу превратить в свою внутреннюю сущность уставные заповеди о связи, о разведке, донесениях, охранении; учиться и учить применению к местности; правильно наматывать портянки, чтобы не натирать ноги; еще раз смазывать сапоги—такова наша программа на ближайшую зиму и на ближайшую весну.

Кто эту деловую программу назовет в праздничный день военной доктриной, с того не взыщется.

Л. ТРОЦКИЙ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В КРАСНОЙ АРМИИ.

Россия одна из самых отсталых в экономическом и культурном отношении стран Европы. Вековая темнота, в которой держали страну русские цари, колоссальный процент неграмотных и малограмотных, многочисленные религиозные суеверия (вера в богов и чертей разных пород и видов), дикарская примитивность в хозяйственном процессе обработки земли,—словом, многообразные, разносторонние проявления «идиотизма деревенской жизни», о котором писал Маркс, — вот с каким наследием явилась на порог мировой революции российская стомиллионная крестьянская масса.

Восемь месяцев терпела эта масса режим шута горохового и жалкого фигляра февральской революции—Керенского, почти не покушаясь на помещичьи земли; она терпела бы его, может быть, еще восемь месяцев, если бы петроградский пролетариат не вышиб картонного меча из рук русского Бонапартика. Сколько нужно было вековой забитости и темноты, чтобы *после* революции 1905 года, *после* империалистской войны, *после* февральской революции не решиться посягнуть на помещичью землю и ждать того, что она будет дана учредительным собранием, которое неизвестно когда будет созвано. Только тогда, когда пролетариат преподнес всему русскому крестьянству декрет «о социализации земли», крестьянин осмелел и пошел выкуривать помещиков из их гнезд.

Но изживанию темноты, невежества и дикости это мало помогло. В течение трех долгих лет тот же помещик, опираясь на то же крестьянство, вел войну за возврат власти, земли и заводов. И крестьянин временами крепко поддерживал его, мечась, как угорелый, между двумя диктатурами: пролетарской и генерально-помещичьей. Помещик и генерал всячески надували крестьянина только потому, что он был неслыханно темен и забит и готов был помогать своим же непримиримым врагам.

Для того, чтобы отбиться от помещика, генерала и фабриканта, пролетариату пришлось организовать свою классовую армию,—армию, которая служила бы его классовым интересам, защищала бы рабоче-крестьянское государство и охраняла бы пролетарскую диктатуру. Задача была исключительно трудная, ибо армию приходилось строить из того же самого темного, невежественного, забитого крестьянства, которое не понимало даже того, что помещик неминуемо захочет вернуть себе отнятую у него после октябрьской революции и розданную крестьянам землю. Эту простую и, казалось бы, всем понятную мысль, приходилось вдалбливать месяцами, и все же крестьяне не верили нам до тех пор, пока помещик не приходил и действительно не отбирал землю назад. А до того крестьянин не хотел идти в Красную Армию, отказывался воевать, укрывался в лесах, образуя там многочисленные «зеленые» банды дезертиров, помогал помещику, когда наступали мы, помогал нам, когда наступал помещик, — словом основательно «пакостил» и той и другой стороне. Только испытав на себе зверский режим Колчаков и Деникиных, крестьянин окончательно понял правильность нашей проповеди против помещичье-генеральской контр-революции и пошел не только в ряды Красной Армии, но, через нее, и в ряды нашей партии. На Восточном фронте это произошло в 1919 г., на Южном—в 1920 г.

Таким образом, в течение трехлетнего периода гражданской войны основным ее лозунгом была защита завоеванной власти, земли и фабрик от покушений помещичье-генеральской и буржуазной контр-революции. В конечном счете, развив огромный аппарат политической работы в 6-миллионной Красной Армии, мы сумели прочно вдолбить в крестьянские головы сознание опасности возвращения помещичье-буржуазной власти. Это было не так-то легко: недостаточно было, ведь, спорить против меньшевиков и эсеров, которые все время сбивали с толку крестьян и рабочих и слащаво-лицемерными речами о демократической власти (в то время, как шла бешеная борьба между пролетарской и помещичье-генеральской диктатурой, а сторонники чистой демократии обретались где-то на задворках истории и путались в ногах у сражающихся классов), и злобно-ненавистнической, клеветнической и лживой критикой советской власти, критикой, которая отдельные случаи злоупотреблений изображала, как общие черты советской власти. Необходимо было также разъяснить, какую роль играют французские, английские и японские империалисты в поддержке русской белогвардейщины; необходимо было давать ответ на ряд вопросов внутренней и внешней экономической и политической жизни, а также освещать длинный ряд вопросов, связанных со строительством Красной Армии, ее боевой работой и ее бытом и укладом. Всякий вопрос, например—вопрос о бережном обращении с патронами, приобретал значение политического вопроса и непосредственно связывался с помещичье-генеральской диктатурой.

Диктатура пролетариата против помещичье-генеральской диктатуры—этот основной лозунг подчинял себе всю политическую

работу в Красной Армии (основное содержание которой мы только что указали), которую приходилось вести среди темной, безграмотной, забитой, невежественной массы. Это была огромная задача: шестимиллионную массу научить основам политики.

Плохо ли, хорошо ли, но задача была выполнена. И наилучший показатель плодотворности этой работы—это двести тысяч крестьян (красноармейцев)-коммунистов, которые за три года гражданской войны влились в нашу партию непосредственно через красноармейские ячейки. Эти 200.000 крестьян-коммунистов означали, что за ними стояло еще два миллиона, сознательно сочувствующих нашей партии и понимающих ее заслуги перед пролетариатом и крестьянством. А за этими двумя миллионами стоял следующий четырехмиллионный слой, не столь уже сознательный, не столь твердый и устойчивый, но все же кое-чему успевший у нас научиться, кое в чем успевший разобраться. Сколько именно дала наша партия крестьянину-массовику во время трехлетнего пребывания его в Красной Армии, невозможно точно указать. Во всяком случае, повидимому, немало. Один интересный факт подтверждает это косвенным образом. После демобилизации всех старших возрастов получились из ряда губерний одинаковые сведения о под'еме советской работы в волостных исполкомах и о том, что этот под'ем вызван возвращением демобилизованных. Значит, в армии кое-чему хорошему научились, значит, армия была для многих большой политической школой.

Одновременно с окончанием гражданской войны обнаружилось, однако, что работа политического воспитания красноармейца и превращения крестьянина в коммуниста была выполнена узко и однобоко,—да иначе она и не могла быть выполнена. Из всей нашей пропаганды крестьянин-красноармеец прочно воспринимал лишь то, что соответствовало его классовой мелкобуржуазной природе, все остальное отскакивало от него, как ненужная шелуха. Он очень хорошо понял, что надо раз навсегда покончить с помещичье-генеральской контр-революцией, для того чтобы она не отобрала у него земли и воли, что для этого нужна армия, что большевики-коммунисты из всех партий сделают это дело лучше всего. Что касается мировой революции, новых империалистских войн, крушения капитализма и вопросов нашего хозяйственного социалистического строительства, то это ему «на душу» «не ложилось». Был только один период, когда он приобщился к вопросам мировой политики, это — во время русско-польской войны. Но в глазах крестьянина-коммуниста, одетого в красноармейское обмундирование, русско-польская война была не революционной, а национальной войной. Воевала не социалистическая Россия против империалистской Польши, а русский народ против поляков. Под'ем русского шовинизма в Красной Армии во время русско-польской войны не подлежит теперь ни малейшему сомнению. Это была неизбежная дань крестьянскому ее составу.

Коммунист-красноармеец из крестьян оказался узким и однобоким, как раз в меру мелкобуржуазного демократизма. С окончанием гражданской войны крестьянская революция была исчерпана до конца: крестьянин получил землю и обеспечил ее на ближайшее будущее от помещика и генерала. Стало быть, оставалось только одно: немедленно приняться за *свое* запущенное хозяйство. Мелкий собственник вылезал наружу, «власть земли» и власть частной собственности цепко забирали его в свои лапы и направляли против Р. К. П, поскольку она по инерции еще продолжала по окончании гражданской войны политику «военного коммунизма». На этой почве возникает Кронштадт и ряд однородных более мелких явлений в Красной Армии, на этой почве вырастает тамбовское восстание и расширяется бандитизм на Украине, исторически имевший иные корни. Весьма характерным и для Кронштадта и для Тамбова является то, что в этих мелкобуржуазно-анархистских контр-революционных движениях приняли участие наиболее развитые и подвижные элементы мелкой буржуазии, бывшие в предыдущий период гражданской войны на передовых революционных позициях. О революционной роли Кронштадта в 1917—20 г.г. достаточно известно; менее известно, что именно Тамбовская губерния была в период керенщины *первой* губернией, где крестьяне поднялись против помещика.

Вместе с кронштадтско-тамбовским поворотом крестьянской стихии повернула и часть коммунистов-крестьян, что сказалось, понятно, и в красноармейских ячейках. Часть ушла из партии, часть, хотя и осталась формально в ее рамках, но на деле была против нее (крестьянская или «мужицкая» оппозиция в некоторых дивизиях Киевского округа), наконец, от некоторой части партия сама вынуждена была освободиться во время чистки (точных данных об этом пока еще нет). Таким образом, за последний год и во всей партии вообще, и в красноармейских ячейках в частности, происходила большая перегруппировка сил, перестройка рядов для выполнения новой исторической задачи.

Поскольку эта задача в основном сводится к тому, чтобы наша пролетарская диктатура установила нормы сожительства с нашим внутренним капитализмом (кулачество в деревне, мелкая и средняя промышленность) и с внешним (концессии) в целях быстрейшего восстановления нашей государственной крупной промышленности, — методам вооруженной борьбы, а следовательно — и Красной Армии, как будто нет места. Но не говоря уже о том, что наши империалистические «контрагенты» одной рукой подписывают с нами торговый договор, а другой суют иудушкам—Савинкову и Петлюре—серебренники для организации бан-

дитских нападений на нас,—нам не приходится забывать, что «мирное» сожительство с капиталистической средою, сожительство, которое на деле есть беспощадная экономическая и политическая борьба, выльется в будущем в новую вооруженную борьбу. Когда и при каких условиях это будет, мы не знаем и предсказывать не беремся. Для нас несомненно только одно, что как бы ни пошло дальнейшее развитие, революционные войны между Советской Россией и империалистскими странами неизбежны. А потому необходимо на этот случай иметь Красную Армию.

Но Красная Армия для революционных войн (оборонительных и наступательных)—это нечто совсем иное, чем Красная Армия для обороны от помещичье - генеральской контр-революции. В обоих случаях преобладающий состав армии — крестьянский, но если даже для гражданской войны против помещика и генерала, для обороны крестьянской земли, потребовалась огромная политическая работа, чтобы сделать эту Красную Армию боеспособной (что стало возможным в значительной степени лишь после того, как крестьянство испытало на своей спине колчаковскую и деникинскую диктатуру), то, спрашивается, во сколько раз бо́льшая политическая работа потребуется, чтобы подготовишь ту же крестьянскую красноармейскую массу для оборонительной революционной войны, т. е. для обороны таких завоеваний (национализация крупной промышленности), в которых крестьянство непосредственно не заинтересовано, и особенно—для наступательной революционной войны, т. е. для поддержки чужих завоеваний (напр., германского или итальянского пролетариата), что от нас может потребоваться. Ведь это означало бы превращение значительной части красноармейцев - крестьян не в однобоких «коммунистов гражданской войны», а в самых подлинных коммунистов - интернационалистов. Задача огромного размаха и огромных трудностей.

Но именно так ставятся и иначе не могут ставиться в настоящее время задачи политической работы в Красной Армии. Раз войны неизбежны, раз эти войны будут революционными, то надо армию готовить именно к этим войнам, т. е. надо во всю работу по боевой и политической подготовке армии внести одно и то же направление, одну и ту же общую задачу, господствующую над всеми остальными задачами, как над частными, — как лозунг всех работ по реорганизации и по подготовке армии.

Необходимость этого все более сознается командным и политическим составом Красной Армии, но выводы, которые делают некоторые товарищи из этой необходимости, иногда принимают уродливый характер «красного империализма». На этой почве вырастает учение об исключительно наступательной стратегии, о необходимости со стороны Красной Армии штыком прокладывать дорогу мировой революции, о перманентных революционных войнах, словом: ряд крайностей, появление которых об'ясняется, быть может, недостаточным вниманием партии и страны к вопросам боевой и политической подготовки Красной Армии. Что, действительно, внимания уделяется недостаточно, это неоднократно констатировалось на страницах нашей прессы.

А между тем задача такова, что над ней весьма и весьма стоит подумать и поработать. Ведь речь идет *о длительной* (продолжающейся годами) подготовке Красной Армии к революционным войнам, т. е. о превращении значительного кадра крестьян в коммунистов-интернационалистов, а остальной массы (по крайней мере всех молодых возрастов) в сочувствующих или непротивящихся идее наступательной революционной войны (оборонительная революционная война гораздо легче может быть воспринята крестьянством). Такая огромная задача может быть выполнена только при участии всей партии и при содействии профсоюзов, союзов молодежи, женотделов и пр.

Вспомните, как готовил германский империализм в течение десятилетий свою армию к наступательной (империалистской) войне, и вы поймете, в чем тут дело, о чем идет речь и какая огромная работа должна быть выполнена партией, советским аппаратом, пролетариатом, всей страной.

Но как сделать крестьянина коммунистом, готовым вести революционную наступательную войну? Это как будто противоречит всем основам марксизма и прежде всего учению о классовой борьбе. Не утопия ли это?

На этот вопрос нужно дать прямой ответ: если не утопия осуществление социализма в России, хотя бы и через новую экономическую политику, т. е. путем частичного отступления и перемены методов завоевания социализма, то не утопия и превращение крестьянина в коммуниста. А пока что, кажется, никто, кроме меньшевиков, не называл нашу новую хозяйственную политику утопичной.

При существовании пролетарской диктатуры в России, в условиях развивающейся революции на Западе, хотя и очень медленно подымающейся с одной ступени на другую, при условии овладения школой, прессой, театром со стороны рабочего государства,—ничего невозможного нет в том, чтобы в казарме за два года из крестьянской молодежи «выдубить» изрядный процент крепких коммунистов-интернационалистов. Если царская казарма, царская школа, царская пресса умели из крестьян, одетых в солдатские гимнастерки, делать солдат, расстреливавших своих братьев и отцов, то почему бы мы не сумели из тех же крестьян создать армию, которая помогла бы мировой революции?

Ничего фантастического в этом нет. Опыт показывает, что наилучшая часть

крестьянской молодежи, через Красную Армию вошедшая в ряды нашей партии, осталась в ней навсегда в качестве превосходных стойких коммунистов. Особенно это относится к красным курсантам,—факт чрезвычайно показательный. Поэтому мы можем быть уверены, что и в дальнейшем мы с этим справимся. Задача стала гораздо труднее, но из этого следует только то, что на нее должны быть обращены как силы партии, так и силы всех государственных органов.

Понятно, работа по боевой и политической подготовке к оборонительным и наступательным революционным войнам в наиболее сконцентрированном виде будет проводиться в казарме. Многие подготовительные шаги в этом направлении уже сделаны. Дело задерживается отчасти из-за нашей бедности, отчасти из-за того, что в партии еще не все дали себе отчет в огромном воспитательном значении красной казармы.

Конкретно красная казарма может выпускать ежегодно сотни тысяч молодых крестьян, прошедших двухлетнюю военно-политическую школу, которая должна им дать в военном отношении уровень знаний не ниже низшего командного чина, а в политическом—сделать их сознательными гражданами Советской Республики, знакомыми с очень многими вещами, и в частности—с основами коммунизма. Особые условия казарменной жизни, из которой, заметьте, муштра изгнана, благоприятствуют выполнению этой задачи: отрыв от «идиотизма деревенской жизни», концентрация однородных возрастов, регулярные занятия по разработанной программе, специальный политический аппарат, уже опытный в этом деле (правда, основательно пощипанный и ограбленный после окончания гражданской войны путем демобилизации множества политработников), — все это дает основание надеяться, что мы действительно сумеем за два года превратить крестьянского парня в квалифицированного бойца рабоче-крестьянской Красной Армии, готового на революционную войну.

Не вдаваясь в детали боевой подготовки Красной Армии к революционным войнам (эта задача выходит за пределы настоящей статьи), я хотел бы обратить внимание на обычно повторяемое возражение против возможности такой подготовки: это—ссылка на колоссальное развитие боевой техники у наших врагов при нашей чрезвычайной отсталости и невозможности догнать их, благодаря разрухе нашей промышленности. Если рассматривать дело с точки зрения военно-технической, то наши оппоненты правы; мы не догоним и очень долго еще будем слабее наших противников. Но вопрос сравнительной силы, это—вопрос на 9/10 военно-политический, а не военно-технический. Почему эта могущественная боевая техника не раздавила и не сокрушила нас до сих пор? Да потому, что самые лучшие и усовершенствованные машины управляются человеком. А раз так, то шансы начинают выравниваться, ибо в условиях революционной войны у нас по ту сторону фронта будет иметься достаточное количество союзников, чтобы «ослабить» действие могучей техники. Но равных шансов нам недостаточно: мы должны добиться преимущества. Если у наших противников преимущество в технике, то у нас преимущество в «личном» составе. Мы можем (а наши враги этого не могут) создать обширный кадр квалифицированных бойцов (полуофицеров), из которых каждый будет стоить, по своим знаниям, предприимчивости, находчивости, инициативности, смелости, а главное *уверенности в победе* (а уверенность в победе есть уже три четверти победы), десятка рядовых бойцов у наших врагов.

Опыт бригад и дивизий, сформированных из красных курсантов во время гражданской войны, чрезвычайно показателен в этом отношении. Желающие ознакомиться с этим опытом найдут соответствующие данные в других статьях и книгах, здесь же необходимо подчеркнуть, на основании этого же опыта, что боевая и политическая подготовка одиночного бойца, поскольку в боевой подготовке у нас на 3/4 преобладает так называемый «моральный элемент войны», неразрывно связаны между собой.

Как же превратить крестьянина-красноармейца в коммуниста? Каково должно быть, другими словами, содержание политико-просветительной работы в Красной Армии?

Я бы наметил три основных положения (из них первые два положительные, а третье отрицательное) для политработы в Красной Армии: 1) воспитание в духе интернационализма; 2) воспитание в духе преодоления деревенской ограниченности и мелко-буржуазной узости; 3) борьба с реставрационными тенденциями крестьянства. Разберем каждое положение в отдельности.

Воспитание в духе интернационализма означает, понятно, прежде всего основательное ознакомление красноармейца с азбукой коммунизма. Без этого обойтись нельзя, но центр тяжести не в этом абстрактном интернационализме, *а в повседневном практическом втягивании красноармейца в интересы мировой революции, притом—обязательно на почве непосредственных крестьянских интересов.* Иначе вся работа будет впустую. Как мне неоднократно приходилось уже говорить, надо связать судьбу участка крестьянской земли в Уфимской губернии с судьбами мировой революции и неопровержимо доказать, что только победа мировой революции прочно закрепит за крестьянином право на пользование этим участком. В противном случае он потеряет свой участок. Как видите, между участком крестьянской земли в Уфимской губ. и мировой революцией—«дистанция огромного размера», на которой может уложиться почти вся программа Р. К. П. Но эту дистанцию надо заполнить конкретным материалом. Сейчас у нас такой конкретный материал уже есть: это та помощь, кото-

рую западно-европейский пролетарий оказал нам во время гражданской войны и оказывает теперь во время голода. Отсюда уже один только шаг до идеи взаимопомощи, до мысли об обязанностях русского крестьянства по отношению к мировой революции, дальнейшее развитие которой будет постоянно давать новые материалы. Последнее зависит от самого западно-европейского пролетариата, который должен, в целях обеспечения себе своевременной помощи, теснейшим образом связаться с русским крестьянством, а особенно с Красной Армией.

Хотя развитие у крестьянина-красноармейца интернационализма уже разбивает рамки деревенской ограниченности, но все же эту сторону воспитания красноармейца-крестьянина надо выделить особо и особо подчеркнуть. Россия — страна, в которой имеется 15 миллионов мелких частно-собственнических индивидуальных крестьянских хозяйств, причем в связи с новой экономической политикой частно-собственническое хозяйствование в крестьянстве укрепляется. Этот частно-собственнический дух, притягивающий крестьянина к земле, закрепляющий его в отсталых способах производства и ставящий его в рамки «идиотизма деревенской жизни», резко противоречит интернационализму. Необходимо из крестьянина-красноармейца «выкурить» мелко-производственную идеологию путем привития ему идеологии крупно-производственной. Задача также не из легких. Практически это означает непрерывное, *систематическое*, опытное, *показательное* раз'яснение красноармейцу колоссальных преимуществ современной крупной промышленности пред отсталой мелкой. Подчеркиваю—*систематически, т. е. изо дня в день*, брошюрой, лекцией, литературой, кино, а главное *систематически* экскурсиями на фабрики и заводы, на электростанции и на опытные поля, в хозяйства, где работают электроплуги и тракторы и т. п. и т. п. Надо в два года перевернуть всю психологию крестьянина и переделать его из сторонника мелкого хозяйства в горячего адепта крупного производства в промышленности и земледелии. При капитализме условия существования фабрично-заводского рабочего были и в экономическом и в культурном отношении настолько выше, что крестьянская молодежь бежала из деревни в город, где и оседала прочно. Теперь голод погнал рабочего из города в деревню. Но как только голод (продовольственный, топливный, сырьевой) удастся преодолеть, вновь создадутся условия для исхода крестьян в города. Подчеркивая теперь же огромные преимущества крупного производства и городской культуры над мелким производством и деревенской отсталостью, мы подготовим почву для будущей тяги в города, а также и для лучшего усвоения крестьянином коммунизма.

Интернационализм без ясного понимания превосходства крупного производства над мелким не может быть прочной базой для коммунизма. Вот почему на эту сторону воспитания красноармейца надо обратить особенное внимание.

Наконец, как особая часть задачи преодоления «идиотизма деревенской жизни» (в том числе и политического «идиотизма») перед нами стоит борьба с реставрационными тенденциями крестьянства. Быть может, эта формула выбрана неудачно, потому что борьба с реставрационными тенденциями крестьянства, вырастающими стихийно из единоличного частно-собственнического хозяйствования, составляет задачу целой эпохи,—всей той переходной эпохи, когда после завоевания пролетариатом власти еще продолжают существовать классы, когда еще следовательно продолжается классовая борьба, и в ее рамках—борьба между реставрирующим капитализм крестьянством и строящим социализм пролетариатом. Сейчас, в связи с новой экономической политикой, эта борьба приняла новую форму, и как неизбежный результат ее в не очень далеком будущем рисуется новый экономический и политический под'ем деревенского кулачества под лозунгом меньшевиков и эс-эров: «назад к капитализму». Это движение будет базироваться на деревне, где никакого социализма нет, а есть 15 миллионов мелких частно-собственнических хозяйств, из которых стихийно вырастает капитализм, вырастает влияние эс-эров и меньшевиков, вырастает реставрация капитализма. Мы можем противопоставить этому стихийному процессу восстановления капитализма еще более быстрый рост крупной государственной промышленности да борьбу с меньшевиками и эс-эрами за влияние на крестьянство (для чего, понятно, прежде всего нам надо прочно закрепить наше влияние на рабочих, завоевав профсоюзы). На примере других революций мы должны показать крестьянину-красноармейцу, что крестьянская реставрация всегда вела к гибели завоеваний революции, что эс-эры и меньшевики именно к этой гибели крестьянина и тянут, что частно-собственническое хозяйствование неминуемо ведет к восстановлению и развитию капитализма, который пожирает мелкое хозяйство, разоряя миллионы крестьян, что, наконец, наиболее безболезненный переход мелкого хозяйства в крупное возможен только при социализме.

Два года политической работы в казарме (и три-четыре года на командных курсах) могут дать деревне таких красноармейцев, которые будут высоко-квалифицированными одиночными бойцами, сумеют «обрезать» деревенского эс-эра и меньшевика, сумеют дать широкой крестьянской массе правильное представление о соотношении между их мелкими хозяйствами и крупной государственной промышленностью и, наконец, сумеют, в случае революционной войны (или в случае революции на Западе) увлечь за собой миллионы крестьян. Ибо таких крестьян мы можем ежегодно выпускать из красной казармы сотни

тысяч. Через три года мы можем иметь приблизительно одного такого агитатора на 80-90 человек населения, — это в лучшем случае, а в худшем — одного на 200-300 человек, что весьма и весьма недурно.

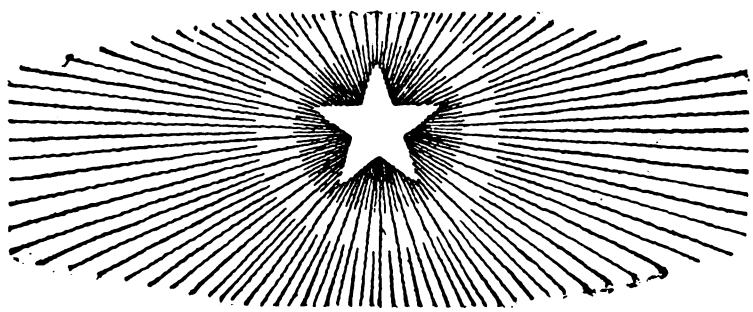
Политпросветработа в Красной Армии теперь ставится совсем иначе, чем в эпоху гражданской войны. Раньше задачи интернациональные естественно отодвигались на второй план, а на первый выдвигались задачи внутреннего характера, диктовавшиеся борьбой с «внутренним врагом». Правда, этот внутренний враг опирался на международную империалистскую буржуазию, а пролетарская диктатура в России находила поддержку у международного пролетариата. Таким образом, и в эпоху гражданской войны было немало интернациональных мотивов. Но непосредственная борьба (если не считать русско-польской войны) шла на внутреннем фронте, или, выражаясь точнее, на русском участке международного фронта революции. Поэтому мотивы внутренние превалировали над международными.

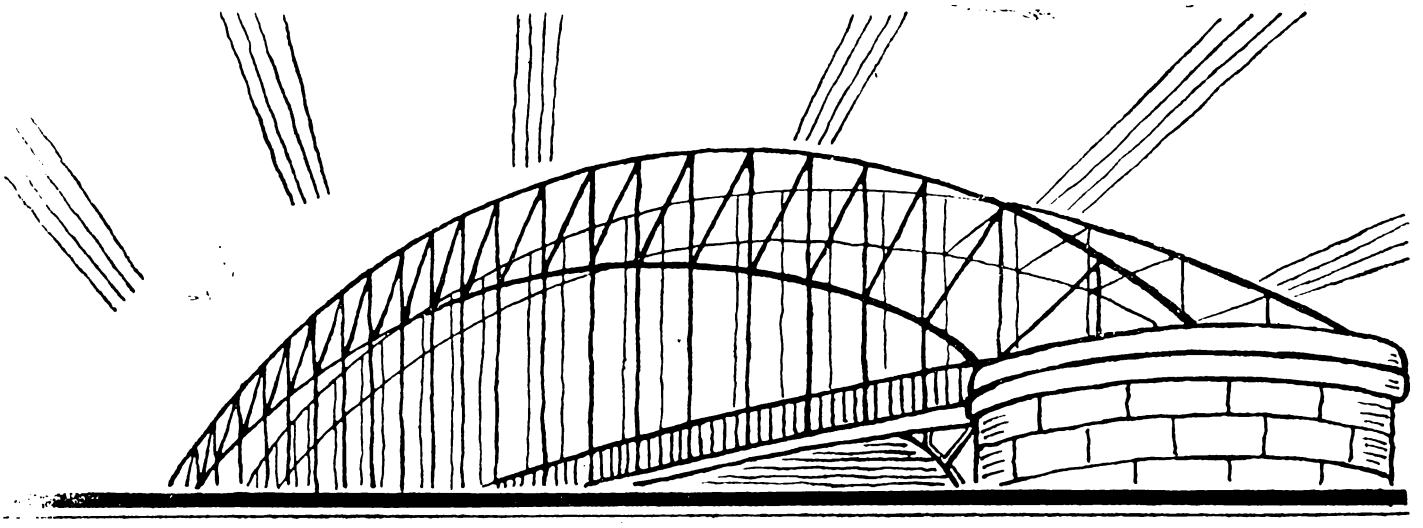
Теперь интернационалистские мотивы в политработе внутри Красной Армии получают преобладающее значение, ибо армия готовится к революционным войнам, которые в современной обстановке не могут не иметь международного характера. Поэтому политработа в Красной Армии приобретает в настоящее время *непосредственно* международное значение и ставит не только перед Р. К. П., но и перед всеми партиями, входящими в Коминтерн, практические задачи большой важности.

Пора над этими задачами подумать. Иначе мы рискуем, что к началу новых революционных войн и битв Красная Армия окажется совершенно неподготовленной.

Между тем, о том, чтобы так быстро сколотить ее на революционную войну, как мы сколотили на гражданскую, нечего и думать. Эта задача гораздо труднее и требует очень длительной и очень планомерной, упорной, ведущейся изо дня в день, настойчивой неослабной работы.

С. ГУСЕВ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

(1821 — 1877).

Проклятому царизму предстояло еще гнить до 1917 года, чтобы кончить распутиновщиной и бесславным падением, но крепостное право ко времени деятельности Некрасова уже созрело для смерти.

Основным фактором, который осудил крепостное право на гибель, было развитие капитализма в России. Подневольный труд становился менее выгодным для эксплуататора, чем труд наемный. Не только выросший индустриальный капитал требовал себе свободных рук, но и наиболее прогрессивные в экономическом отношении помещики понимали, что малоземельный вольный крестьянин окажется более удобным для эксплуатации материалом, чем крестьянин - раб.

Однако, в сознании различных классов России готовившийся знаменательный переворот, крупный шаг от грубого феодализма к капитализму, хотя еще и заключенному в слегка расширившиеся феодельные рамки, отражался не только в голом экономическом учете.

Рядом с людьми, уверенными в том, что крепостное право—невыгодно, рядом с такими помещиками и капиталистами, рядом с государственными людьми, сознававшими, что крепостное право стало поперек дороги железнодорожному развитию и военной мощи России и приэтом угрожает разразиться целым рядом крестьянских восстаний, рядом с экономически передовыми слоями крестьянства, крупно- и мелко-кулацкими, заранее рассчитывавшими свободу на звонкую монету и трезво видевшими в ней условие хозяйственного расцвета, мучительно, торжественно и трогательно развертываются романтические чувства.

Такой романтикой нельзя, конечно, считать тот официальный патриотический восторг, из которого вынырнуло грошевое умиление вокруг царя-освободителя, но, несомненно, в самом дворянстве, в процессе гниения крепостного права сильнее и сильнее развертывалось мучительное сознание чудовищности самого факта рабства и особенно на каждом шагу являвших себя злоупотреблений им.

Всеми красками переливает это дворянское покаяние. Еще Радищев берет из глубины прочного крепостничества острую революционную ноту, которую потом подхватывают Рылеевы и Пестели и в некоторой степени передают ее Герцену и самому Некрасову. Рядом с этим—гуманное барство с целой плеядой крупных представителей, венчающейся Тургеневым, и наконец—слезливое покаяние с каким то нарочитым преклонением перед выпоротым мужиком и его исконной мудростью, причем в мужиковстве этом часто сильно сказывался страх дворянства перед наступавшей на него капиталистической культурой. Мужиковствующее, кающееся дворянство, в свою очередь, увенчалось грандиозной фигурой Толстого. Одно перечисление этих дворянских, отчасти крупнодворянских имен, показывает, что русские феодалы действительно очень глубоко переживали неправду своего положения. Этому способствовало, конечно, то, что они сами чувствовали себя холопами. Русское крепостное право почти на таких же началах подчиняло конюха помещику, на каких шталмейстер был подчинен царю. Дворяне, побывавшие за границей, начитавшиеся вольных книг, утонченные, талантливые сыны уже клонящегося к упадку, уже перезрелого, но тем более рафинированного класса, мучительно сознавали свою бесправность перед самодержавием, и это не могло не заставить их оглянуться на свое самодержавие над бесправным крестьянством. Люди острой оппозиции, а подчас революционеры вверх, они не могли не чувствовать неразрывного единства самодержавия с крепостным правом. Да и нервы людей офранцузившихся, тонко воспитанных, художественно развитых не переносили соседства толстого и длинного хвоста помещичьего барства, более тяжелого,

чем самая его небольшая голова, и состоявшего из насильников и подлецов.

Иными были романтики-разночинцы. В то время, как помещики, даже наиболее левые, даже герценского типа, в значительной степени ограничивались опозиционным *словом*, боялись прямого обращения к крестьянской революционной стихии, за совершенно ничтожными исключениями, и не знали, как подойти к грозному чудовищу самодержавия, разночинцы, непосредственные выходцы из народа, со свежими нервами, сильные мужичьей кровью, хотели схватить врага за горло.

Неправильно относить разночинцев к буржуазии, разумея под этим, будто именно первые волнения «буржуазной революции» выдвинули фалангу типичных людей 60—70-х годов. Буржуазия тогда, более, чем когда либо, готова была мириться с самодержавием. Неправильно зачислять разночинцев в мелкую буржуазию, разумея под этим сознательную защиту промышленного и кулацкого слоя городов и деревни. Единичные случаи проникновения этой идеологии в общую идеологию руководящей группы разночинцев—ничтожны.. Неправильно, наконец, говорить о разночинцах, как об интеллигенции в качестве междуклассовой группы, которая де своими непосредственными интересами сталкивалась с самодержавием и естественно искала себе опоры в массах.

Все подобные подходы не попадают в цель. Конечно, разночинчество должно было потом породить из себя интеллигенцию, определенным образом уравновесившись между различными социальными явлениями, определенным образом разорвавшись потом вследствие тяготения к тем или иным классам. Но в разночинце, интеллигенте тогдашней России, в том, который жил Чернышевским, зачитывался Добролюбовым, сторона идеологическая, по самым условиям его быта, перевешивала его экономические, классовые или групповые интересы. Он чувствовал себя настоящим авангардом народных масс. Он не знал еще всей косности быта народных масс. В своем сознании он оценивал себя, как неразрывную часть всей народной трудовой массы, в первую голову—крестьянства. Он, вышедший из народа,—дитя «семьи трудовой»,—добился положения критически мыслящей личности, и это значило, что он, вооруженный сознанием гражданин, выплеснутый темной массой и, стало быть, представляющий собой орган этой темной массы, считал себя обязанным отдать этой массе свой долг, превратив свою критическую мысль в острое оружие в руках масс.

Огромная скорбь кипела в сердце такого человека, когда он оглядывался назад, на море страданий и унижений своих непосредственных братьев и родичей. Огромная надежда захватывала его дух, так как, чувствуя родство свое с этой стихией, он предполагал вполне возможным, вполне естественным повести ее, непобедимую, всесокрушающую—на приступ твердыни крепостничества и самодержавия.

Все казалось возможным, и мысль разночинца лишь не надолго остановилась на освободительном, но индивидуалистическом оптимизме Писарева. Это нужно было ему только для того, чтобы самому встать прочнее на ноги. Но и Писарев уже звал от разумной жизни вперед, к задаче «одеть голого, накормить голодного». Как одеть голого, как накормить голодного? Как устроить народ, после того, как он в великой буре сбросит с себя все цепи?

Как можно справедливее, как можно счастливее, как можно светлее!

Откуда взять краски для того, чтобы представить себе и тем, кого учишь, это будущее? У западно-европейских мыслителей, выражающих пожелания тамошних народных масс, т. е. у последних утопических социалистов, Оуэна, Виктора Консидерана, у молодого Маркса.

Я, конечно, не хочу сказать, что все русские разночинцы были, таким образом, юношеским социалистическим авангардом народа. Таковы были руководители разночинчества, но редко когда руководители имели такое большое влияние на всю социальную группу, как во время «Современника» и «Отечественных Записок».

Беда, конечно, была в том, что крестьянство, глотая подчас слезы обиды и злобы после расправы на конюшне, после увода на барскую усадьбу новых наложниц, после отдачи в солдаты, было идеологически и экономически настолько еще слабо организовано, что все надежды на его поддержку казались тщетными, зародышевый же пролетариат еще не играл сколько-нибудь серьезной политической роли.

Вот почему эта весна русской первой революции, этот первый натиск кучки вышедших из народа мыслителей и борцов фатально должен был выродиться в бесплодный призыв к народным массам, а потом в трагический поединок Народной Воли с самодержавием.

Некрасов в своей поэзии живейшим образом отразил это знаменательное явление.

Некрасов—дворянин. Как дворянин, он был как будто самой судьбой поставлен в такое положение, чтобы обнять все противоречия дворянства. Мать—русокудрый, голубоглазый ангел, пани Закревская, сказочница, повествовавшая «о рыцарях, монахах, королях», нежный благоуханный цветок дворянской культуры, обвеянный дыханием Запада,—сама крепостная по отношению к своему извергу-мужу, горько и кротко осуждавшая ад, который был кругом. Отец—сатана в этом аду. Отец—помещик, офицер, исправник, картежник, развратник, самодур. Как будто нарочно выбраны эти два типа, чтобы в еще детском сердце Некрасова укоренить пафос пропасти между высокой дворянской гуманностью и низким дворянским тиранством.

И на народ насмотрелся достаточно молодой Некрасов, на народ деревни. Непрерывным ужасом текли картины страданий народа под ударами режима, и тем не менее между этими ужасами проскальзывала та радость жизни, на которую народ мог бы быть способным, вся поэзия крестьянского труда на лоне широкой волжской природы, крестьянские праздники, крестьянские песни, не только тоскливые, но и ликующие, соль мужицкого юмора, чудесные белые и русые головки очаровательных цветов деревни— детей, все это воспринял Некрасов. Во многих его произведениях сквозь слезы, сквозь скорбь, сквозь гнев, как луч солнца среди косматых туч, проглядывает великая жизненная радость. Некрасов так хотел бы этой радости, и все с болью болью сжимаются его кулаки, когда он вспоминает, что радость эта искалечена кругом, замучена и иссечена.

Таков Некрасов-«дворянин». Но Некрасов, кроме того, еще и разночинец. Он разночинец потому, что с ранней юности попадает в Петербург, лишается поддержки отца и становится нищим, нищим до того, что спит в ночлежках или на скамейке под открытым небом, нищим до голода, нищим до мелкой кражи, чтобы не умереть с голоду. И не замечательно ли, что первые его очерки посвящены именно пролетариату и полупролетариату: «Петербургские углы»—«Физиология Петербурга»? Он—разночинец потому, что рано начинает зарабатывать себе на жизнь и зарабатывать не литературой, а литературной каторгой, писанием всего, что закажут, по дешевке. Он разночинец по силе своей натуры. Не только дворяне, но близкие ему друзья-разночинцы уже удивлялись тому, как в этой школе закалился Некрасов. Крепко расчетливый, хозяин, организатор, вот каков Некрасов в своей роли в литературе. Он разночинец по своим связям: Белинский, Чернышевский, Добролюбов, вот его ближайшие друзья и единомышленники, его соратники. А маленькие Чернышевские, маленькие Добролюбовы,— его читатели, его поклонники. Он разночинец по всему своему настроению, он рвется в борьбу, он рвется к революционной постановке вопросов. Правда, дворянское ли его происхождение, одновременно и расшатавшее его волю и приковавшее его к соблазнам жизни,—ибо этой склонности Некрасов никогда в себе победить не мог,—сделали то, что борцом он не стал. Но зато тот факт, что он в первые годы смертельной схватки народа и угнетателя, *только тел*, что он позволял себе известную роскошь,—стал внутренней грызущей болезнью Некрасова и создал в его душе страшную дисгармонию, заставил его даже на смертном одре метаться и умолять свой народ о прощении. Эта черта самобичевания за то, что на плечи не взят самый тяжкий подвиг самоотвержения, за покладистость по отношению к земным соблазнам, за оппортунизм, на который Некрасов часто бывал вынужден, чтобы спасти свой журнал от полицейских водоворотов,— довершает облик Некрасова... Ибо, конечно, Миртовский долг, возложенный на себя интеллигенцией, тяжел был, как вериги, и не всякий становился подвижником, не всякий шел «погибать за великое дело любви». И многие и многие, охваченные горячей проповедью пророков народничества, но не могущие вместить, каялись и бичевали себя.

В этом сказалось, конечно, безвременье. Если бы поднялся вихрь революции, то и Некрасов и маленькие Некрасовы—все кинулись бы, очертя голову, в борьбу, но она только вскипала и замирала вновь, и это подкрепляло колебания и прибавляло к мукам за муку народа, собственную муку, стыд за свою «безвременную» душу. Но в настроении некрасовского покаяния за столь небольшие грехи — огромная революционная этическая сила.

Было бы излишне здесь говорить о поэтическом творчестве Некрасова вообще: об этом слишком много писалось, и этого нельзя заменить советом углубленно и любовно прочесть все его сочинения; но на одном необходимо остановиться. С легкой руки эстетической критики пошло представление о Некрасове, как о поэте не особенно даровитом, и сам Некрасов о своей музе говорит, как о «суровой», о своем стихе, как о «неуклюжем», и даже в юбилейных статьях, прочтенных мною вчера и третьего дня, я нахожу эти признания: «Поэтический талант был не особенно силен, форма шероховата» и т. д.

А вот, Чернышевский из глубины каторги, умирая там медленной, мучительной, психической смертью и узнав, что Некрасов умирает физически и мучится на своей постели угрызениями совести, послал ему письмо через Пыпина, в котором говорил: «Скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю его за доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему, величайшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек высокого благородства души, великого ума и, как поэт, он, *конечно*, выше всех русских поэтов».

Что же? В этом суждении сказывается только духовная близость людей одного поколения, людей одного лагеря? Может быть, в этом и есть горячее преувеличение: «конечно, гениальнейший, конечно величайший». Русская литература числит в своих рядах несколько гениальных поэтов, которые, *конечно*, не уступят Некрасову, но, за исключением этого горячего преувеличения, все остальное верно.

Когда перечитываешь Некрасова вот теперь, зрелым человеком, видавшим виды, читавшим почти всех великих поэтов мира, то недоумеваешь, как могут люди продолжать говорить о каком то слабом поэтическом даре, о каком то несовершенстве формы.

Некрасов *гражданский* поэт, но это гражданский *поэт*, в том то и вся сила. Слабые

поэты с сильным гражданским чувством заслуживают уважения, но редко приносят пользу. Прежде всего, искусство должно быть искусством, т. е. должно, по слову Льва Толстого, заражать душевным переживанием художника, зажигать нашу душу духовным его пламенем. Для этого нужны две вещи. Нужно, прежде всего, чтобы в душе художника горело это пламя, чтобы его переживание было выше наших переживаний, чтобы это был *великий* человек; человек не великий не может быть великим поэтом, потому что заражать нечем, и на века прав апостол Павел, сказавший, что без любви все языки человеческие кимвалы бряцающие. И, заметьте, что, когда я говорю, что поэт должен быть великим человеком, я не хочу этим сказать, что он должен быть таким в своей частной жизни.

«Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен».

Мало того: «из всех детей презренных мира, быть может, всех презренней он».

Потому что таков он, как обыватель, как Иван Иванович, как Александр Сергеевич, как Николай Алексеевич. А что это такое: тот момент, когда «до слуха чуткого коснется божественный глагол»? Что такое этот «божественный глагол»? Это—социальность. Поэт, когда он творит, перестает быть Николаем Алексеевичем, он становится глашатаем огромных многочеловеческих дум, ощущений и эмоций. Поэт, когда он творит, знает, что говорит для сотен тысяч, может быть, для миллионов, что он трибун, что он перед лицом сограждан и, может быть, вечности. И вот, тут то побеждает в нем его *социальная* личность. Он перерождается, теперь только лучший, только чистый металл звучит в колоколе его души.

Вот этот то перерожденный человек, вот этот социальный человек, вот этот то «Человек» должен быть велик в индивидууме, чтобы личность могла стать великим поэтом. Это первое условие. Оно целиком выполняется Некрасовым. Его лиризм горяч, горек, величествен, глубок. Это прекрасная душа. И, кроме того, те большие чувства, которыми он заражает нас, суть чувства, которые были бесконечно необходимыми для роста русской общественности и которые необходимы еще и сейчас, ибо задачи, стоявшие перед русской разночинческой и крестьянской общественностью 70-х и 60-х годов, еще стоят и перед пролетарской общественностью 20-х годов нового века.

Но этого еще мало для того, чтобы быть великим художником. Можно представить себе великую душу, полную прекрасных страстей и ярких мыслей, но неспособную передать их в образах, словно провод, замыкающий ток между душой автора и душой читателя. Можно быть «Рафаэлем без рук».

Ничего подобнаго—у Некрасова. Его произведения, как нельзя больше адеквативны его мысли и чувству. С самого начала он всем понятен, все его подхватывают, все его прочитывают, все его заучивают наизусть, все его поют, даже вплоть до грамотного крестьянства. Заметьте, никогда не жаловался Некрасов, как Тютчев, что «мысль изреченная есть ложь». Совсем не в этом трагедия Некрасова. Он часто жалуется, что стихи его недостаточно правдивы. В каком смысле? В том, что жизнь его не стоит на высоте его проповеди, а не в том, что проповедь его не стоит на высоте его замысла.

Стихи Некрасова недостаточно гладки? А кто сказал, что гладкость стиха есть непременное достоинство? Кто это доказал, что об ужасах жизни народа надо непременно писать *гладкими* стихами? Разве от прозы художника требуется не то, чтобы весь ритм ее соответствовал содержанию? Разве не велик художник, проза которого задыхается, корчится, падает вместе с содержанием, о котором он повествует, и разве стихи не должны быть именно такими? Разве надо зализывать до степени салонной акварели портреты чудовищной действительности?.. Какие это пустяки! Если бы стихи Некрасова были бы более воплощены, более мелодичны, то это действовало бы, как ложь. Если человек о смерти своей любимой матери рассказывает, соблюдая все правила синтаксиса и стилистики, то это произведет на вас впечатление чудовищного лицемерия или бессердечия... То, что сам Некрасов принимал за «неуклюжесть» своего стиха, было по истине только его «суровостью». Неуклюж он потому, что монументален, неуклюж потому, что искренен, неуклюж потому, что мощен. И было бы жалко, если бы в нем хотя бы на гран было менее этой неуклюжести.

Но зачем же тогда не проза, а стихи? Потому, что высший пафос, в котором жила душа Некрасова, просится петь. И вот, вам совет, как надо проверять хороших поэтов: если он не поется, то пусть бросит стихи и пишет прозой, он, может быть, еще окажется хорошим прозаиком. Стихи должны петь, петь внутренно в вашей душе, если вы читаете стихи про себя, ритмизироваться и мелодизироваться, если вы читаете их вслух, знать именитых и безыменных композиторов перелагать их на настоящую музыку. Разве все это не верно для Некрасова?.. Я не знаю, породили ли даже Пушкин и Лермонтов такое количество музыкальных произведений, как Некрасов. Кто из русских поэтов больше поется? Где, в каком захолустье не раздавалось «Выдь на Волгу» или полная счастья «Песня коробейников»?

Но я все еще держусь некрасовской лирики, а между тем Некрасов—живописец, Некрасов—эпик, Некрасов создает типы, которые оживают в вас раз навсегда. Некрасов дает вам пейзажи непревзойденной убедительности, Некрасов рисует перед вами картины, которые словно стоят перед вами воочию. И он дает это не только, как ре-

15 Госуд. тип.

Н. А. НЕКРАСОВ

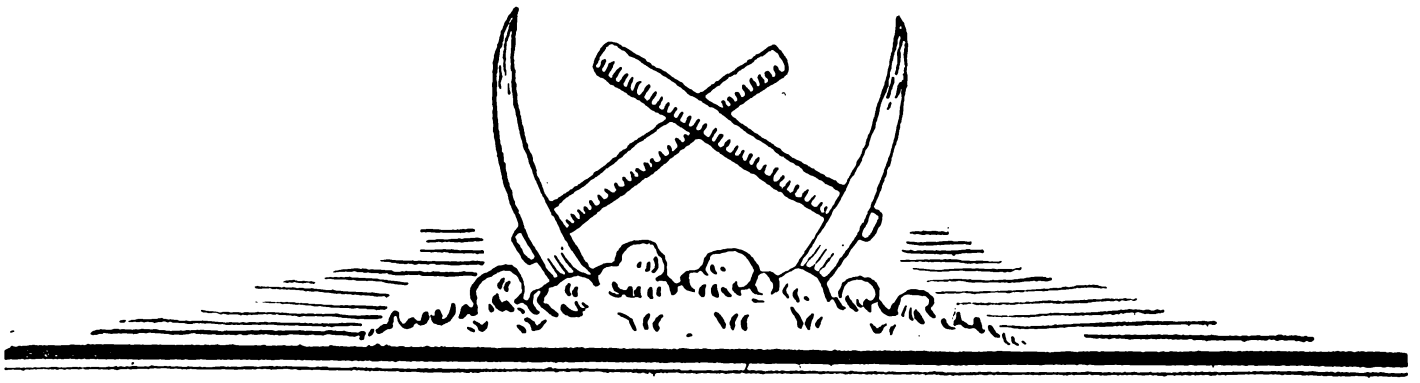
лист — превосходна, незабвенна фантастика Некрасова.

Достаточно только вспомнить взлет народной фантастики в появлении воеводы Мороза в великой изумительной поэме Некрасова этого имени. Какая удаль, какая ширь, какой демонизм!

В Некрасове таились огромные возможности, как в этой красавице славянке, которую он в той же поэме описывает. Если у него вырвался раз стих «мне борьба мешала быть поэтом», то мы можем сказать: нет, она не помешала ему быть поэтом. Но, если бы он жил в счастливую пору, он пел бы счастливые песни, и тогда все эти маленькие критики почувствовали бы, что и в счастливой песне, песне красоты, любви, крылатой жизни Некрасов оказался бы так же, а может быть, еще более велик. Может быть, еще более велик—в том смысле, что дал бы еще более чарующие образы, но он более велик так, как есть, в том огромном уроке, который он преподал. Рыдая, грозя, он поднял рыдания и угрозы до степени высокой музыкальной и живописной красоты, ни на минуту их не ослабив.

В краткой статье нельзя исчерпать и десятой доли уроков, которые дает нам Николай Алексеевич Некрасов; не принижая ни на минуту ни великих алтарей Пушкина и Лермонтова, ни более скромных, но прекрасных памятников Алексея Толстого, Тютчева, Фета и Кольцова и др., мы все же говорим: нет в русской литературе, во всей литературе нашей такого человека, перед которым мы с любовью и благоговением склонялись бы *ниже*, чем перед памятью Некрасова.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

ИНДИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.

Рост буржуазии.

В Индии, как известно, нет феодализма. Феодализм в Индии был разрушен или, вернее сказать, расшатан не насильственной революцией, как в Европе, а сравнительно мирным и медленным процессом. Феодализм, как основа социальной экономики, получил первый и в то же время смертельный удар в первые годы британского владычества (в середине XVIII в.), когда политическая власть перешла в руки представителей иностранной торговой буржуазии. По мере того, как британская Ост-Индская Компания, представлявшая британский торговый капитал, захватывала в свои руки высшую власть в Индии, расшатывались основы феодальной системы. Но Ост-Индской Компании понадобилось около столетия для того, чтобы укрепить свое господство над всей страной. Поэтому феодализм, хотя и ослабленный, продолжал, — по крайней мере, формально — существовать в течение всего этого периода. Уже в самом начале британского владычества право собственности на землю путем насилия или обмана было отнято у индийского землевладельческого класса и передано британскому правительству. Другими словами, вместо феодальных властителей, собственником земли стали представители британского коммерческого капитала.

Неудачная революция в 1857 г., известная под именем восстания сипаев, окончательно разрушила последние остатки феодальной власти. Революция 1857 г. была последней попыткой уцелевших феодальных властителей вернуть себе свою былую власть. Это была борьба за политическое главенство между отжившей феодальной системой и только что народившимся в стране торговым капитализмом. Когда рушился феодализм в Европе под напором восставшей буржуазии, отголосок этой великой социальной борьбы отозвался и в Индии. Но в течение ста лет, предшествовавших 1857 г., нормальное экономическое развитие и укрепление туземной буржуазии встретили следующие препятствия. Во-первых, этому мешал насильственный вывоз более чем 70% накопленного богатства Индии Ост-Индской Компанией в Англию, где эти богатства способствовали дальнейшему развитию промышленности. Во-вторых, не малое значение имело сознательное разрушение ремесла и насильственное изгнание ремесленников в деревню. Таким образом эти ремесленники лишены были возможности влиться в кадры пролетариев новой машинной индустрии, как это было в Европе. Ремесло одновременно с этим разрушалось и в Европе, но в то время, как в Европе ремесло уступало высшей форме производства — машине, которая выступала как новая социальная сила, — прогресс разрушения ремесла в Индии был насильственным и преднамеренным. Индийское ремесло умерло не для того, чтобы дать место высшей форме производства внутри страны, — индийские ремесленники были жертвой промышленного развития Англии. Но, как бы то ни было, исторические результаты в общих чертах были те же, а именно: политическая власть перешла в руки нового социального класса, господствовавшего над высшими формами производства, и это подточило феодальную систему, лишив ее экономического значения, и разрушило ремесло. Вся страна после мятежа 1857 г. попала под власть капитала. Управление Индией было из рук Ост-Индской Компании передано английскому правительству.

В настоящее время население Индии состоит из четырех классов: 1) земельной аристократии, к которой принадлежат и властители так называемой туземной Индии; 2) буржуазии и интеллигенции; 3) крестьянства; 4) рабочего класса, включая и безземельных крестьян. Из 17.328 крупных земельных собственников 700 человек является властителями туземной Индии. Они называются вассалами и находятся под покровительством британского правительства. Эта туземная Индия, управляемая вассалами, составляет по площади треть всей страны, охватывая 709.555 кв. миль. Самое крупное из этих владений, Гайдерабад или владение Низама, по пространству равняется Италии и имеет 13½ мил. жителей; самое меньшее — состоит всего из пяти деревень. Все население туземной Индии составляет 72.000.000 — немного менее ¼ всего населения Индии. Вследствие наличности этих владений, управляемых вассалами, Индию и называли так долго феодальной страной. Теоретически эти вассалы пользуются верховной властью в своих владениях, но практически они лишены всякой власти, и поэтому было бы

ошибочно видеть в этом явлении основу социально-экономической структуры страны. Кроме того, управление этими владениями ни в коем случае не носит феодального характера, и ни один из правящих вассалов не ведет своего происхождения от феодальной знати, существовавшей до британского завоевания Индии. Эти «короли» и «князья», располагающие властью лишь в узких рамках местного управления, являются простыми пешками в руках британского правительства; вся политическая и военная власть в «их» владениях принадлежит английскому капиталу, торговля же и промышленность находятся в руках туземной буржуазии. Фактически туземная буржуазия пользуется большим влиянием на местные правительства этих владений, чем на центральное правительство Индии. Все эти владения имеют свои законодательные советы, в которых представлены местные торговый и землевладельческий классы, а в последнее время быстро выдвигается на первое место промышленная буржуазия. Но практически вся власть находится в руках резидента, представляющего британское правительство. Первоначально эти резиденты делегировались ко дворам индийских князей, как посланники британского правительства, но являясь представителями более передового социального класса, британской буржуазии, эти резиденты с течением времени стали полновластными хозяевами в этих владениях. Поэтому, хотя здесь и сохранились еще кое-какие остатки феодализма, вся политическая власть принадлежит буржуазии.

В местном управлении туземной Индии прогрессивная тенденция буржуазии проявляется ярче, чем в Британской Индии. В таких владениях, как Майсур, Травангор, Барода, Кохин, и т. д., процент безграмотных гораздо меньше, чем в британской Индии. В то время, как в последней первоначальное обучение даже не бесплатно, в большей части туземной Индии оно и бесплатно и обязательно. В последние годы индустриализация страны шла быстрее опять таки в туземной, чем в британской Индии. Положение крестьян в обеих Индиях одинаково. Одним словом, в туземной Индии так же мало остатков феодализма, как и в британской.

Князья в туземной Индии, несмотря на свою зависимость от Англии, прекрасно понимают, что их существованию грозит неизбежная гибель и что только благодаря британскому правительству они еще сохраняют свою власть. Английское владычество в Индии никогда не опиралось на эти осколки угасшего феодализма. Как раз наоборот, их сохранение в социальном строе Индии искусственно поддерживалось правительством Индии, представлявшим британскую буржуазию. Понимая, что они обязаны своим существованием английской власти, они всегда душою и телом были на стороне Англии и, несомненно будут помогать ей во всех трудных случаях, так же как они помогали ей во время последней войны.

Остающиеся 16.628 из упомянутых выше 17.328 крупных землевладельцев тоже прямо или косвенно связаны с феодальными властителями, которые стали править Индией после падения империи Могула. Вместе с 700 туземных князей они составляют туземную аристократию Индии. Эти аристократы вместе с их семьями насчитывают 541.175 из всего населения в 320 мил. жителей. Число лиц, живущих земельной рентой — 8.500.000, согласно переписи 1911 г. (цифр для 1920—21 г. у нас нет). Кроме упомянутых выше 541.175, принадлежащих к земельной аристократии, остальные восемь миллионов владеют землей на правах аренды. Их отличие от первой категории землевладельцев заключается в том, что первые владеют своей землей, получив ее как бы в лен от британского правительства, и их недвижимость подлежит феодальному закону наследования, т. е. передается от отца к старшему сыну. Вторая же категория владеет своей землей на правах временной или вечной аренды, причем земля считается собственностью правительства. Аренда, уплачиваемая ими правительству, иногда зафиксирована навсегда, иногда подвергается периодическим изменениям, согласно меняющейся оценке земли.

Этот класс арендаторов, или фермеров, ведет свое существование от первых дней британского владычества в Индии. Он возник на развалинах мусульманской империи до того, как укрепилась британская власть. Его первыми представителями были сановники последнего периода мусульманской администрации. В последние десятилетия 18 века страну постиг ряд голодных лет, вызванных сознательным разрушением ремесла, неограниченным вывозом пищевых продуктов, неурожаями вследствие неблагоприятных климатических условий, переходом во многих местах к культуре индиго и джута, и значительным сокращением площади обрабатываемых земель, вызванным гражданской войной. В результате всего этого, значительная часть крестьянства оказалась в цепях тяжелой задолженности, и земли их перешли к кулакам и правительственным чиновникам, накопившим значительные капиталы. Ост-Индская Компания, которая в то время, вследствие численной слабости находившегося в ее распоряжении человеческого материала, не могла собственными силами удерживать в повиновении волнующееся население и поэтому способствовала росту этого класса фермеров, отдавая ему в аренду землю, право собственности на которую принадлежало правительству. Таким образом, элементы, из которых могла бы развиться туземная буржуазия, были совлечены с пути своей естественной эволюции и превращены в класс фермеров. Этому способствовал и факт завоевания политической власти иностранной буржуазией, к которой перешло право эксплуатации всей страны. Но в наши дни, когда британское правительство вынуждено было изменить свою политику удушения местной промышленности в Индии, мы видим, как новая индийская буржуазия в значительной степени рекрутируется из этого класса фермеров. Мелкие фермеры

считают более выгодным расставаться со своей землей и вкладывать свои деньги в торговые и промышленные предприятия. Это влечет за собой концентрацию земли в руках крупных капиталов. Об этой концентрации мы подробнее скажем ниже.

Второй слой индийского населения, т. е. буржуазия и интеллигенция, насчитывает 37 мил. человек, включая сюда женщин и детей (20 мил.). В 1918—19 г. этот класс владел в общей сложности капиталом в 640 мил. фун. стерл., отчасти вложенным в правительственные бумаги (359 мил.), отчасти в акции различных акционерных обществ (255 мил. фун. ст.). Кроме того, значительные капиталы были вложены в возникшие недавно промышленные предприятия, как-то: 1800 фабрик по очистке хлопчатой бумаги, железоделательные и сталелитейные заводы, сахарные заводы, гуттаперчевые плантации, 500 заводов по обработке рису, мельницы, маслодельные заводы, типографии, кожевенные заводы и т. д. Сто лет тому назад, т. е. в 1820 г., в руках этого класса в одних только правительственных бумагах сосредоточен был капитал в 20 мил. фун. стерл. Акционерных обществ в то время в Индии не существовало.

Индийская интеллигенция, которая вместе с прогрессивными элементами класса фермеров составляет основу местной буржуазии, является детищем британского правительства. Уже в первые времена своего владычества британское правительство признало более выгодным принимать на канцелярскую службу и на менее ответственные административные посты туземцев, вместо того, чтобы выписывать специально для этого людей из Англии. Кроме того, англичанам необходимо было создать себе опору из туземного элемента в аппарате местного управления. Вместе с тем, и крупные британские торговые фирмы в Индии также нуждались в низко оплачиваемых конторщиках и других служащих. В первые времена английского владычества можно было нанять до 50 туземных конторщиков за ту же плату, которую приходилось платить одному конторщику-англичанину, выписанному из метрополии. В виду этого в двадцатых годах XIX-го века правительство стало устраивать новые школы, что дало сильный толчек развитию местной интеллигенции, численность которой скоро превзошла все предположения чужеземных правителей. Эта интеллигенция целиком захватила в свои руки медицинскую, юридическую и учительскую профессии. В настоящее время англичане в этих профессиях совершенно вытеснены местной интеллигенцией. По данным переписи 1911 г. число лиц, занятых в этих профессиях и состоящих на службе по администрации, составляло 7.973.662 человек. В эту цифру не входят конторщики и служащие частных фирм. Профессии эти оказались довольно прибыльными, и в руках высших слоев интеллигенции стали скопляться большие суммы денег. В 1850 г. количество денег, накопленных этой группой населения и помещенных в правительственные ценности, достигало 69 мил. фун. стерл. В то время не было других способов выгодного помещения капиталов, акционерных промышленных предприятий и т. п. Вес капитал, вложенный в национальные банки, в то время составлял сумму в 19 мил. фун. стерл. Выгодной операцией было также арендование земель. В то время земля как раз уходила из рук крупных фермеров, которые не в силах были платить высокие земельные налоги, а также и из рук мелких фермеров, не сводивших концов с концами вследствие тяжелой задолженности. Таким образом, значительная часть земли переменила своих старых консервативных владельцев, перейдя к новым прогрессивным выходцам из местной интеллигенции. Этот класс прогрессивных фермеров, часть которого наряду с землевладением продолжала заниматься дававшими большой заработок свободными профессиями, быстро вливается в ряды собственно буржуазии, так как по мере накопления в их руках больших денежных средств, эти фермеры - интеллигенты во все большей и большей мере вкладывают излишки своих капиталов в промышленные предприятия. В настоящее время сплошь и рядом можно встретить в Индии крупного фермера, который в то же время является и крупным промышленником.

В первое время британского владычества, между отдельными правителями Индии происходили довольно оживленные банковые и торговые сношения. Эта внутренняя торговля была совершенно уничтожена в первую половину XIX века введением новейшей банковой системы и учреждением британских торговых домов. Процесс этот привел к тому, что довольно значительный некогда торговый класс Индии был низведен до степени мелких лавочников. После 1860 г. внутренняя торговля снова оживилась. Оживление было вызвано постепенным проникновением европейского капитала в глубь страны—в поисках за сырьем и за рынком сбыта для европейских товаров, что, в свою очередь, влекло за собой образование класса индийских посредников. Рост внешней торговли обогащал этот туземный торговый класс, который стал быстро наживать большие капиталы. Но так как внешняя торговля и международная банковая система были монополизированы иностранным капиталом, то непосредственный доступ в эту область индийскому торговцу был закрыт. Доступными для него оставались промышленные предприятия,—куда он и направлял свою энергию и свой капитал. Первая индийская хлопчатобумажная фабрика была построена в Ахмедабаде в 1851 г.

Впрочем, до 1880 г. проникновение индийского капитала в промышленность происходило очень медленно. Процесс индустриализации страны начался, собственно, только после этого года. В 1880 г. всего было в Индии 58 хлопчатобумажных фабрик с общим капиталом в 3.800.000 ф. ст. и 22 джутовые

текстильные фабрики с капиталом в 22.246.000 ф. ст.; число занятых в этих предприятиях рабочих достигало 68.000. Кроме этих фабрик и других частных промышленных предприятий, включая сюда и область внутренней торговли и банки, в руках туземных капиталистов находилось еще 90 мил. ф. ст., вложенных в сберегательные банки и акционерные общества. Итак, мы видим, что к началу восьмидесятых годов индийский капитал, находящийся в руках представителей либеральных профессий, индийских фермеров и купцов, готов был принять участие в индустриализации страны. Но против этого были представители иностранного капитала, которые видели в Индии источник для получения сырья и рынок для сбыта готовых товаров. Туземные предприятия облагались специальными налогами, которые задерживали их развитие и нередко губили их немедленно же после их возникновения. Но они все же продолжали возникать и упрочивать свое существование, несмотря на усиленное противодействие со стороны иностранного капитала, ибо на их стороне были такие преимущества, как дешевизна местного сырья и возможность пользования дешевым наемным трудом.

Обогащение туземной интеллигенции и невозможность для нее выгодного помещения капитала вызывали в ней недовольство британским правительством. Так как она считала ниже своего достоинства занятие торговлей, а промышленные предприятия на каждом шагу встречали противодействие со стороны властей, то единственными об'ектами для помещения капиталов оставались земля и правительственные бумаги. Последние давали очень низкий процент — от 3 до $3^1/_2\%$, что было мало соблазнительно для разбогатевшей интеллигенции. Аренда земли тоже не давала больших доходов. Туземному капиталу закрыт был доступ к постройке железных дорог, трамваев, эксплоатации копей и участию в других предприятиях, развитие которых не тормазилось британским правительством. Вся эта область промышленности была монополией английского капитала. Либеральные профессии были переполнены. Видя, что все пути для нее закрыты, богатая интеллигенция, естественно, стала смотреть на английское правительство, как на виновника всего этого, и решила начать с ним борьбу. Итак, экономические интересы заставили буржуазию, вышедшую из индийской интеллигенции, начать политическую борьбу; первым органом этой борьбы был Индийский Национальный Конгресс, первая сессия которого имела место в Бомбее в 1885 г., под председательством Ю. С. Банаржи — богатого адвоката, вложившего все свои сбережения в промышленные и торговые предприятия. Цель нового политического движения была ясна: упразднить или, по крайней мере, урезать власть британского правительства, которое ставило препятствия экономическому развитию местной буржуазии. Во главе этого движения стояли богатые адвокаты, купцы, фабриканты, врачи и т. п., одним словом,—те прогрессивные элементы общества, которые искали свободы для помещения своих капиталов.

В последние годы XIX столетия мощь индийского капитала продолжала медленно, но неуклонно расти, благодаря избытку свободных капиталов и все растущему пролетариату, ряды которого пополнялись оставшимися без земли туземцами и оторванными от своего ремесла ремесленниками; туземная промышленность продолжала развиваться, несмотря на все препятствия, чинимые английским правительством.

Крупные фермеры бенгальской провинции пользуются особыми привилегиями на основании положения, введенного в 1829 г. Согласно этому положению, они платят только раз навсегда зафиксированный земельный налог и не подлежат никакому другому обложению. Кроме того, бенгальский земельный акт дает крупным фермерам право передавать свои земли во владение другим лицам. Благодаря этому, бенгальская провинция в сельскохозяйственном отношении всегда занимала очень видное место, и земельная рента достигала здесь очень высокого уровня.

Однако, положение 1829 года лишало английское правительство возможности непосредственно использовать в своих интересах высокую земельную ренту. Для устранения этого «неудобства» в 1905 г. был произведен раздел бенгальской провинции. При этом разделе восточная половина провинции с ее богатыми рисовыми полями была отдана в управление вновь созданному провинциальному правительству, которому предоставлено было право пересмотра старой системы обложения.

Так возник новый конфликт между правительством и классом богатых фермеров. Этот конфликт сплотил представителей землевладения и туземных капиталистов для общей борьбы против английского владычества. В 1905 г. политическое движение индийской буржуазии, находившее себе выражение в Национальном Конгрессе и встретившее поддержку со стороны прогрессивных элементов класса фермеров, пустило в ход против английского капитала экономическое оружие бойкота. 26-ая сессия Индийского Национального Конгресса, происходившая в Калькутте в 1906 году, об'явила бойкот английских товаров до отмены закона о разделе бенгальской провинции.

Экономическая мощь индийской буржуазии, состоявшей из интеллигенции, промышленников, торговцев и прогрессивных фермеров, была к тому времени уже настолько значительна, что туземная буржуазия могла вступить в открытую борьбу с монополией иностранного капитала. Число фабрик в 1905 г. увеличилось до 2.688. Из них 1.970 приводились в движение паром или электриче-

ством, и только в 718 предприятиях работа производилась без помощи машин.

Согласно официальным данным, общая сумма капиталов, вложенных в местные акционерные промышленные общества, составляла 57 миллионов ф. ст., т. е. почти в десять раз больше, чем в 1880 году, в то время как сумма денег, вложенных в правительственные бумаги, составлявшая в тот момент 94.616.740 ф. ст., увеличилась только на 4 миллиона ф. ст. С развитием промышленности стали возникать и банки с индийским капиталом. В 1905 г. их было уже девять.

Для оправдания бойкота была создана теория, на основании которой растущая промышленность нуждалась в защите и поощрении для увеличения национального богатства, служащего единственным источником для улучшения экономического положения масс. Вследствие того, что индийская промышленность была еще слишком молода, она не выдержала, однако, конкуренции с британским капиталом, и цель бойкота не была достигнута. Но все же правительство вынуждено было признать силу индийской буржуазии. В 1909 г. был проведен закон, давший буржуазии некоторое участие в управлении страной. В первый раз за все время английского владычества индус был назначен членом Исполнительного Комитета при вице-короле, что соответствует званию министра при неограниченной монархии. Выбор пал при этом на одного из виднейших адвокатов, который был в то же время богатым фермером. Было увеличено число членов законодательных советов, как общенационального, так и провинциальных. Особой королевской комиссии было поручено разработать вопрос о привлечении большего числа туземцев на государственную службу. В 1911 г. завершилась первая фаза политической борьбы индийской буржуазии против английского правительства: акт о разделе бенгальской провинции был отменен. Эта первая политическая победа еще более подняла боевой дух индийской буржуазии. Она продолжала борьбу, и, год спустя правительство устами английского короля, посетившего Индию специально с этой целью, обещало, что в ближайшем будущем Индия получит самоуправление.

Наряду с политической победой буржуазия продолжала делать успехи и в экономической области. Быстрее всего возрастало число принадлежащих туземцам предприятий в текстильной промышленности. Вложенный в эту отрасль производства английский капитал, и до того незначительный, после 1905 г. особенно сократился. Бойкотное движение дало сильный толчок развитию всей индийской промышленности: был открыт целый ряд новых предприятий, были расширены и усовершенствованы старые. Наибольшее развитие, кроме текстильной, получили следующие отрасли промышленности: угольная, кожевенная, металлургическая, писчебумажная, красильная, мыловаренная, стеклянная, спичечная, мукомольная, маслодельная и т. и т. д.

Большой толчок получила также железообрабатывающая и сталелитейная промышленность, когда в 1907 г. была основана компания железообрабатывающих и сталелитейных заводов «Тата» с капиталом в 7 милл. ф. ст.

Война открыла новую эру для индийской буржуазии. Вынужденная мобилизовать все свои промышленные силы для производства военного снаряжения, Англия должна была и часть торгового флота приспособить для военных нужд. Все это, вместе с подводной войной, сделало то, что английский вывоз в Индию значительно сократился. Это поставило индийских фабрикантов в неожиданно благоприятное положение. Сразу же прекратилась губительная для индийского капитала конкуренция английскаго капитала, и перед туземными промышленникам и открылось широкое поле деятельности. Само английское правительство, которое до сих пор настойчиво вело политику промышленного удушения Индии, теперь нашло необходимым изменить эту политику. Уже с самого начала столетия в Индии все более и более росло недовольство; в годы, предшествовавшие войне, это недовольство сделалось всенародным, как вследствие большей сплоченности масс, так и по причине необычайного роста безработицы среди интеллигенции, которой все труднее становилось найти себе занятие. Поэтому к началу войны общее настроение в Индии внушало опасения. Делались даже попытки свергнуть английское владычество путем вооруженных восстаний. Признаки мятежного духа заметны были и в рядах индийских войск. К политическому движению, начатому богатой интеллигенцией, примкнули и так называемые экстремисты, ряды которых обильно пополнялись из низших слоев мелко-буржуазной интеллигенции. С 1904 г. выступили на политическую арену террористические общества. Но теперь не одни только тайные революционные организации стремились к полному отделению Индии от Британской Империи путем революции. Это стремление охватило широкие ряды экстремистов, составлявших левое крыло Индийского Национального Конгресса. Политическое движение поддерживалось двумя факторами: во-первых, усилением класса индийских капиталистов, которые, сосредоточив в своих руках крупные капиталы, хотели добиться если, не монополии, то, по крайней мере, участия в эксплоатации естественных богатств и рабочих сил страны; во вторых,—растущей нуждой и усиливающейся безработицей, которые порождались интенсивной и экстенсивной эксплоатацией страны иностранным капиталом, сознательно тормозившим промышленное развитие страны. Оба эти фактора действовали против британского владычества. В социальном отношении носители их представляли интересы, диаметрально противоположные друг

другу; но существование общего врага делало их временными союзниками. Естественно, что все усилия британского правительства были направлены к тому, чтобы расторгнуть этот союз. Английское правительство решило подкупить хоть часть буржуазии посредством политических уступок. Надо, однако, сказать, что индийская буржуазия в 1916 г. была уже не та, что в 1909 г.: ее уже нельзя было смягчить показными политическими и административными привилегиями, ей нужны были экономические уступки, участие в эксплоатации страны.

В первые годы войны начался захват Японией значительной части индийского рынка, прежде снабжавшегося английскими товарами. Британский капитализм не в силах был теперь вытеснить с индийского рынка японские товары. Все эти внутренние и внешние причины сделали то, что английское правительство вступило в соглашение с индийской буржуазией. Снова было повторено обещание о даровании Индии самоуправления, лишь бы только Индия согласилась помочь Англии вести войну. Так как самоуправление обозначало частичную передачу управления страной в руки индийской буржуазии, то естественно, что обещание это привело к активной поддержке Англии со стороны имущего класса Индии: этот класс прекратил политическую борьбу и помог британскому правительству произвести набор индийских войск. За эти ценные услуги правительство установило в 1916 г. $3^1/_2\%$ ввозную пошлину на хлопчатобумажные товары. Эта защита основной промышленности Индии явилась настолько значительной экономической уступкой промышленной буржуазии, что та, со своей стороны, охотно помогла британскому правительству реализовать заем в 100 милл. ф. ст., в виде дара Англии. Благодаря взиманию этой пошлины, капитал акционерных обществ, вложенный в текстильные предприятия, сразу возрос до 24.500.000 ф. ст. в 1917 г., а число фабрик увеличилось до 276.

В 1917 г. Индия в состоянии была произвести все нужное для ее текстильной промышленности количество пряжи и половину нужного ей количества текстильных товаров, а именно, в 1917 году производство в Индии составляло 94,6% всего ввоза, в то время как довоенное производство внутри страны не превышало 42% ввоза. В 1917 г. Индия произвела 1.614.126.458 ярдов хлопчатобумажных тканей на сумму 18.000.000 ф. ст.

Об экономическом и промышленном состоянии Индии можно судить по следующим фактам. Сеть железных дорог имела протяжение 40.000 англ. миль и принадлежала почти исключительно английскому капиталу. Сюда не входят узкоколейные и подъездные пути, принадлежавшие большею частью туземному капиталу. Число рабочих, занятых на железных дорогах, включая сюда рабочих, занятых в обслуживающих их мастерских было полтора миллиона. Всего промышленных предприятий было девять тысяч с числом рабочих в два миллиона. 5.000 из этих предприятий приводились в движение паром или электричеством. Затем, в стране было 1800 чайных и кофейных плантаций с 900.000 рабочих. С большой энергией производилась добыча угля, нефти, марганца, слюды, железа и золота. О деятельности портов и доков можно судить потому, что в них занято было не менее миллиона рабочих.

Большой толчок получила и джутовая промышленность. Туземный капитал, вложенный в эту промышленность, возрос с 1914 г. на 311%. Сильно развилась также шерстяная и писчебумажная промышленность.

Добыча угля в Индии в 1917 г. составила 18.200.000 тонн, а потребление угля — 17.809.000 тонн. По сравнению с 1913 г. производительность увеличилась на 2 мил. тонн. Потребление угля в индийской промышленности составило 9.000.000 тонн. Для сравнения укажем, что японская промышленность, не считая торгового флота, потребила в 1917 г. 10.326.000 тонн угля. Добыча нефти также значительно увеличилась.

Одновременно с промышленностью развивалась и индийская торговля. За последнее время индийские купцы принимают все большее участие во внешней торговле. Индийские купцы стали конкурировать в Голландской Индии, на Малайском полуострове, в В. Африке, Афганистане и отчасти в Китае. Они снабжают эти рынки готовыми хлопчатобумажными товарами и полуфабрикатами. Вывоз готовых товаров из Индии увеличивается, а вывоз сырья, в особенности хлопка и сырья, уменьшается.

Что индийская буржуазия не замедлила воспользоваться благоприятными условиями, созданными войной и изменившейся экономической политикой британского правительства, видно из следующей таблицы, показывающей процентное уменьшение индийского капитала, вложенного в правительственные бумаги, и рост капитала, вложенного в промышленные предприятия.

	1914	1917	1918	1919	1920
Правит. бумаги	100	70	67	74	62
Банки	100	106	112	116	137
Муницип. займы	100	89	84	84	81
Джутовые фабрики	100	311	467	383	563
Хлопчатобум. фабрики	100	132	162	167	386
Шерстяные фабрики	100	106	125	125	187
Добыча угля	100	136	134	157	149
Чайные плантации	100	137	125	123	136
Мукомольное дело	100	137	206	238	406
Железо и сталь	100	332	295	284	207

Изменение экономической политики британского правительства выразилось также в создании в 1916 г. Индийской Промышленной Комиссии, которая должна была изыскать наилучшие средства для содействия промышленному развитию страны. Комиссия состояла из десяти членов, из которых четверо были индусы; один из них — лидер правого крыла Индийского Национального

Конгресса, а трое остальных — крупнейшие промышленники страны. Комиссии «было поручено исследовать и доложить о возможностях дальнейшего промышленного развития Индии», высказав свое мнение по поводу следующих вопросов:

А. Могут ли быть указаны новые источники для выгодного приложения индийского капитала в индийской торговле и промышленности?

В. Может ли, и если да—то каким способом, правительство придти на помощь промышленному развитию страны: 1) путем дачи технических советов; 2) путем организации показательных предприятий, доказывающих практическую осуществимость на коммерческих началах определенных отраслей промышленности; 3) оказанием прямой или косвенной финансовой поддержки промышленным предприятиям; 4) какими нибудь другими способами, не противоречащими существующей фискальной политике правительства Индии».

Комиссия закончила свои работы и представила напечатанный доклад в 1918 г. Вот в главных чертах содержание этого доклада.

1. В будущем правительство должно деятельно участвовать в промышленном развитии страны. 2. Индия производит все нужное ей сырье, но она не может производить многие из продуктов, необходимых ей и в мирное и в военное время. Поэтому весьма важно, чтобы правительство помогло создать в Индии такие отрасли промышленности, отсутствие которых подвергло бы страну большой опасности в случае войны. 3. Необходимо ввести новейшие методы в технику сельского хозяйства, чтобы растрачиваемая понапрасну рабочая сила могла быть употреблена с пользой на нужды обрабатывающей промышленности. 4. Должна быть достигнута всеобщая грамотность, при чем несправедливо было бы возлагать все расходы по осуществлению этой меры на промышленность, так как это осуществление всецело лежит на обязанности правительства. 5. Должно быть широко распространено специальное техническое образование, 6. Должна быть оставлена та политика невмешательства в экономическую область, которой так долго придерживалось правительство. Должны быть основаны промышленные банки, если нужно — при финансовой поддержке правительства. 7. Так как, с одной стороны, несомненна необходимость укрепить экономическое положение страны, а с другой стороны очевидно, что само население, без помощи правительства, не может этого сделать, то правительство должно усвоить себе принцип энергичного вмешательства в промышленные дела страны».

Готовность британского правительства заключить мир с индийской буржуазией нашла себе также политическое выражение в законопроекте Монтэгью-Чемсфорда. Воспользовавшись чрезвычайно благоприятной обстановкой, созданной войной, капиталистический класс Индии настолько укрепил свои экономические позиции, что британское правительство уже не могло не считаться с ним.

Если бы правительство вернулось после войны к старой политике задержки экономического развития страны, то это заставило бы индийскую буржуазию, выросшую за время войны и политически и организационно, стать во главе революционного движения, широко разлившегося по всей стране. Единственным средством не допустить этой катастрофы — было дать политическим стремлениям буржуазии другой выход. Война окончилась. Индийская буржуазия была все время верна правительству и теперь ожидала исполнения дважды данного обещания о самоуправлении. Правительство поспешило поэтому ввести реформу Монтэгью-Чемсфорда, существенные черты которой сводились к следующему; 1) Произведены изменения в контроле британского парламента над правительством Индии, осуществлявшемся через статс-секретаря по делам Индии. 2) Увеличено число индийских членов Исполнительного Комитета при вице-короле Индии. 3) Были созданы две законодательные палаты, при чем увеличено как число индийских членов, так и процентное отношение числа избранных членов к числу назначенных. 4) Избирательные права были расширены на столько, чтобы включить все имущие классы, обладающие определенным цензом. 5) Фактическая законодательная власть, до сих пор принадлежавшая Исполнительному Комитету, была отчасти передана законодательным палатам. 6) В помощь провинциальным правителям были назначены индийские деятели, которые должны были вербоваться из среды представителей умеренного национализма. 7) Был увеличен состав и расширены полномочия провинциальных законодательных палат. 8) Третья часть всех высших постов по гражданской администрации была предоставлена туземному населению. 9) Был облегчен доступ туземцам на гражданскую службу путем экзаменов как в Индии, так и в Англии. 10) Было уменьшено различие в жаловании, получаемом английскими и индийскими чиновниками. 11) Муниципальное управление в значительной степени было передано в руки местной буржуазии.

Впрочем, самой существенной частью этой реформы, открывшей, как думают многие, новую политическую эру в Индии, являются экономические уступки, сделанные индийскому капиталу. Следующая выдержка из положения о реформе покажет читателю, в чем заключается сущность этих уступок.

«В виду желательности промышленного развития Индии, правительство вполне разделяет желание представителей индийской промышленности обеспечить экономические выгоды, к которым должна привести обработка местного сырья на месте. Английские теории о невмешательстве государства в экономическую область неприменимы в Ин-

дии. Мы верим, что если рессурсы страны должны получить развитие, правительство должно принять в этом участие... Мы нисколько не удивлены тем, что у передовых партий осталось чувство горечи по отношению к правительству. Народ сознает свою неспособность выполнить собственными силами программу (промышленного развития), без помощи и руководства со стороны правительства... Так создалось новое положение. Запрещение ввоза из вражеских стран было сочувственно встречено в Индии, так как это давало возможность заменить иностранные товары продуктами туземной промышленности. После войны необходимость промышленного развития должна чувствоваться еще сильнее, если Индия не хочет превратиться в складочное место для иностранных товаров и не хочет допустить, чтобы на ее почве происходила ожесточенная конкуренция между чужеземными странами за рынок, от которого зависит их политическое могущество. Индия, конечно, вправе требовать от правительства, чтобы оно помогло ей стать промышленной страной...

Во всех отношениях необходима прогрессивная экономическая политика — не только для того, чтобы дать Индии экономическую устойчивость, но и для того, чтобы удовлетворить стремления ее населения, желающего, чтобы Индия стала промышленно-развитой страной, и расширить поле деятельности для ее молодежи, для которой пока нет другого выхода, кроме правительственной службы и нескольких профессий, крайне переполненных; и наконец, чтобы лежащие непроизводительно деньги были употреблены на благо страны... Интересы империи тоже требуют того, чтобы рессурсы Индии получили полное развитие. Мы не можем измерить, в какой степени увеличится могущество империи, благодаря промышленному развитию Индии. Представители отдельных отраслей промышленности склонны думать, что каждая новая фабрика урезывает источник их прибыли; но каждое прибавление богатства увеличивает покупательную силу всей страны. Война дала яркое доказательство того, как важно в военном отношении экономическое развитие государства. В настоящее время производство предметов военного снаряжения так сильно зависит от состояния промышленности, что развитие естественных богатств Индии является военной необходимостью. Мы думаем, что это соображение не чуждо представителям политических партий Индии и что они хотят, чтобы Индия сама могла удовлетворять свои военные потребности... Правительство сознает свою ответственность в вопросе о промышленном развитии Индии... Правительство уверено, что, как только будут созданы благоприятные условия, явится и нужный капитал. Поэтому должны быть сделаны облегчения для основания банков и для получения кредита... Разделяемое всеми желание, чтобы индийский капитал и индийский труд нашли приложение на благо всей страны, является, по нашему мнению, наилучшим предзнаменованием».

Мы привели эту длинную цитату потому, что в ней содержатся основания, побудившие британский капиталистический класс не только признать индийскую буржуазию, как весьма важный фактор, но и помочь ее развитию, привлекши ее к эксплоатации страны. Изменяя свою политику, британское правительство имело в виду отколоть от общенародного движения индийскую буржуазию, показав ей, что и при британском владычестве ей может быть обеспечено широкое поле деятельности. С другой стороны, и для индийской буржуазии важнее всего было укрепление ее экономического положения, политическая же борьба была только средством к этому. Те завоевания, которых достигла буржуазия в экономической области за время войны, были укреплены новой политикой правительства, и поэтому, с 1918 г. начинается эра расцвета индийской промышленности.

Развитию промышленности способствовал, между прочим, и прилив свободных капиталов, вызванный закрытием германских и австрийских фирм, которые через индийских посредников вели в крупном масштабе экспортную и импортную торговлю сырьем и готовыми изделиями. В 1918 г.—1919 г. капитал, вложенный в торговые предприятия, сократился до одной восьмой до-военного времени.

По мере развития туземной промышленности происходили важные перемены и в характере внешней торговли. Увеличился ввоз машин и уменьшился ввоз хлопчатобумажных текстильных товаров. Уменьшился вывоз сырья. Согласно официальным данным, с 1900 г. внешняя торговля Индии увеличилась в шесть раз, причем наибольшее увеличение ввоза дали машины и керосин. В отчете о внешней торговле Индии, между прочим, говорится следующее: «Чтобы увеличить покупательную способность Индии, необходимо развить ее промышленность. Готовые изделия и полуфабрикаты имеют большую ценность, чем сырье. Эта тенденция была отмечена за последние годы. Джут вывозится в виде готовых изделий. Масличные семена подвергаются обработке на месте, и вывозится масло. Благодаря этому, Индия получила возможность ввозить больше машин и других предметов, необходимых для ее промышленного развития».

Увеличение богатства индийской буржуазии за время войны и после нее произошло не за счет британского капитала. Мы увидим в следующей статье, что одновременно с обогащением индийской буржуазии происходило обеднение широких масс населения. В настоящий момент буржуазия Индии представляет собою, несомненно, значительную величину.

Правительство, учитывая это и перед лицом растущего революционного движения

в Индии, желая привлечь на свою сторону ту часть населения, которая ближе всего к нему по своим классовым интересам, согласно теперь допустить индийскую буржуазию к участию в управлении и эксплуатации страны, но капиталистический класс Индии, в руках которого уже находится 3/4 всех предприятий и значительная часть торговли, не удовлетворяется этим.

Чем более уступок делает правительство индийской буржуазии, тем больше растет ее требовательность. Она отлично понимает, что сейчас ей необходим компромисс с английским капиталом, но она ждет того момента, когда она сможет начать борьбу за право монопольной эксплоатации Индии. Понимает она также, что для сокрушения британского империализма необходима помощь масс. Чтобы подкупить рабочих, революционное сознание которых растет с каждым днем, благодаря обеднению масс и концентрации богатств в руках буржуазии, последняя открыла широкий доступ массам в Индийский Национальный Конгресс, но в то же время, об'явив бойкот английским товарам во второй раз, индийская буржуазия наглядно показала свое желание обогатиться за счет народа. Индийскую буржуазию, так же как и индийские массы, не мало об'ективных факторов толкают к революции, но эти две части населения Индии разделены классовыми интересами, и пропасть между ними все ширится и будет шириться по мере развития индийской промышленности. Обе эти силы крепнут и об'единяются, каждая внутри себя. Массы — благодаря росту профсоюзов и крестьянскому движению, буржуазия — при посредстве своего политического органа, Национального Конгресса. Тот факт, что Индийский Национальный Конгресс под предводительством Ганди, сумел собрать в течение трех месяцев до 10 милл. рупий для национального фонда, доказывает растущую солидарность индийской буржуазии. Всеиндийская Мусульманская Лига, основанная в 1912 г. при содействии правительства, которое рассчитывало из мусульманских капиталистов и земельной аристократии создать политическую оппозицию Индийскому Национальному Конгрессу (составленному почти исключительно из индусского элемента с весьма малой примесью мусульманской интеллигенции), отказалась от своей первоначальной роли и присоединилась к национальному движению индийской буржуазии. В настоящее время индийская буржуазия представляет экономически и политически тесно сплоченный социальный класс, сознающий свою историческую миссию. Несомненно, она пойдет в авангарде того национального движения, которое свергнет чужеземное владычество. Но, чем более она будет сознавать себя, как класс, тем труднее ей будет обманывать массы. Чем дальше будет идти экономическое развитие страны, тем резче будут обостряться классовые противоречия. Несомненно, что свержение британского владычества в Индии достигнуто будет соединенными усилиями буржуазии и масс, но в какую форму выльется их союз, пока еще неизвестно. Нам легче будет подойти к этому вопросу, когда мы выясним, в каком положении находятся массы, и когда мы поймем, какая пропасть разделяет эти два революционных фактора.

Манабендра Нат Рой.

СОВРЕМЕННЫЕ СОБЫТИЯ В ИНДИИ.

За последние месяцы в Индии наблюдается небывалая концентрация национальной энергии, готовящейся нанести решительный удар британской бюрократии. Все группы населения, за исключением группы умеренных, стоящей на стороне существующего строя, присоединились к движению отказа от сотрудничества с правительством, возникшему по инициативе Ганди с целью добиться до конца текущего года «сварай», или национального самоуправления. Движения аграрное, пролетарское и национальное направлены к единой цели, — национальной независимости под руководством Всеиндийского Национального Конгресса, являющегося в настоящее время общепризнанным вождем в борьбе индусов с британским господством.

Национальный Конгресс добился такого положения отнюдь не в течение одного дня. Два года тому назад он был еще политической трибуной для буржуазной интеллигенции и представителей капитала, но растущее недовольство всех классов народа, вызванное экономическими условиями, сложившимися во время войны и после нее, а также репрессивной политикой британского правительства, породило истинную потребность в национальном руководительстве, которое могло бы сплотить все недовольные элементы под общим знаменем борьбы против правящего класса. Сначала таким руководителем стал Ганди, которого народ Индии прозвал «Магатма», или «Великой Душой». Но Ганди нуждался в организации для распространения своего учения, и он нашел такую организацию во Всеиндийском Национальном Конгрессе. Для того, чтобы устранить классовую обособленность конгресса и превратить его в истинное представительство национальных стремлений индусов всех классов, он пригласил четыре тысячи крестьянских делегатов на сессию 1918 года, когда, таким образом, впервые народные массы были допущены в эту организацию, бывшую до сих пор выразительницей мнений только образованной части индусского общества и совершенно не интересовавшую широкие массы населения.

С этого времени началась быстрая концентрация национальных сил около одной определенной идеи. Ни одна из народных групп не знала в точности ни направления этого движения, ни тактики, которой следовало придерживаться. Ошибки и опыт нескольких прошлых лет научили их, к какой цели они должны стремиться и какие средства доступны народу для ее достижения. С первого взгляда Ганди представляется безумным пророком непротивления и мира. Но ближайшее знакомство с его учением и тактикой убеждает нас в том, что он сознательно избрал единственный путь, открытый индусским патриотам при нынешнем режиме насилия, — проповедь непротивленческого отказа от сотрудничества с настоящим правительством. Вот как характеризовал это движение Лорд Сайденгэм в английской Палате Лордов в августе этого года:

«Возглавляемое Ганди движение представляет собой новое явление в жизни Индии. По вине Ганди до сих пор уже погибло в Индии столько народу, сколько не погибало при подавлении самых серьезных восстаний, известных нам из истории Индии. Британское влияние падает. Задуманный Ганди план сделать жизнь в Индии невозможной для европейцев гораздо опаснее вооруженного восстания, которое всегда можно подавить оружием. Преступность и растление нравов постоянно увеличиваются, и вскоре массы потребуют того, к чему уже теперь стремятся крайние элементы, — упразднения британского владычества».

В этих словах заключается признание с британской стороны разумности плана кампании, составленного Ганди. При настоящих условиях не может быть речи о вооруженном восстании в Индии. Поэтому остается лишь сделать попытку — об'единить национальное самосознание иными средствами, пока не наступит тот день, когда его сила окажется непреодолимой. Сам Ганди знакомит нас вкратце со своими намерениями в своей недавней речи в Лукнове:

«Наш долг, прежде всего, вести работу в практическом направлении. Мы не можем обнажить меч, да и не по силам нам было бы мечом разрушить жестокое британское королевство. Бедняки, у которых нет аэропланов, превращаются в сторонников бойкота, и иного средства, кроме бойкота, не требующего применения насилия, для них не существует. Наше негодование и гнев не могут разрушить этого королевства, не разрушат его и крики «Банде Матарам» (да здравствует родина). При помощи «свадеши» мы можем оказаться сильнее правительства, а когда мы добьемся «сварай», не будет на земле такой силы, которая сможет одолеть нас».

Составленная Ганди программа национального возрождения изложена в пяти пунктах, принятых последней сессией Всеиндийского Национального Конгресса: 1) отмена неприкосновенности; 2) прекращение проклятого одурманивания народа спиртными напитками; 3) бойкот иностранной одежды и замена ее индусской, фабричного и домашнего производства, известной под названием «хаддер»; 4) регистрация всех членов кон-

гресса и 5) создание в течение двух месяцев Тилакского Национального Фонда в десять миллионов рупий (около миллиона фунтов стерлингов). Населению Индии было предложено выполнить эту программу собственными силами, до открытия ближайшей секции Национального Конгресса в декабре текущего года. Лучшее изложение общих итогов политики конгресса можно найти в органе конгресса «Индепендент», выходящем ежедневно в Аллахабаде; в передовой статье от 10 августа мы читаем:

«Правительство располагает всей полнотой власти, и мы должны стремиться к тому, чтобы привести в замешательство и дискредитировать его, отказавшись от сотрудничества с ним и уведив всю страну последовать нашему примеру. Конгресс состоит из нескольких тысяч человек, избранных голосами 10.000.000 мужчин и женщин. Но один тот факт, что десять миллионов людей числятся в списках конгресса, не является еще доказательством того, что эти люди в достаточной степени проникнуты верой в конгресс или настолько патриотически настроены, чтобы совершенно и окончательно отказаться от сотрудничества с правительством. Нам известно, что большинство в стране сочувствует такому отказу, но глубина и сила этого сочувствия с трудом поддаются учету. Через существовавшую с самого начала пропасть между индусами, говорящими по-английски, и большинством населения все еще не перекинут мост. Хотя речи на конгрессе произносились от имени народа, требования его до сих пор не поддерживались. Впрочем после событий в Сатиаграхе взаимное понимание делает большие успехи. В 1919 году никто не знал, в какой мере народ окажет поддержку оппозиции образованных классов закону Раулетта.

«В уме Ганди родилась теперь вдохновенная мысль о «хартале» (национальной забастовке), как о символе и орудии народной воли. Неожиданный успех харталя 6 апреля чрезвычайно усилил его авторитет и в то же время испугал правительство. Время от времени на народ возлагались задачи с целью выяснения, в какой мере он поддержит политику конгресса. Как в крупных, так и в мелких вопросах политика эта стремилась привести работников конгресса в тесное соприкосновение с народом и испытать действительное влияние националистических идей. Выполнение программы, принятой на Безвадской сессии конгресса, является доказательством того, что страна откликается на призывы конгресса. Эта программа предусматривает не только приучение народа к самоограничению, но и применение на деле принципов сотрудничества, взаимной поддержки и подчинения общему руководству. В программе разработаны условия для того времени, когда деятели конгресса, работающие в городах и округах, завоюют доверие к себе и бросят вызов авторитету правительства. Конгресс является орудием не только революции, но и медленного, положительного строительства».

Таким образом, мы находим здесь признание того, что конгресс медленно нащупывает путь к народному доверию, обеспечивая себе сильную поддержку со стороны народа прежде, чем решиться открыто призвать страну к тому, что теперь уже об'является ближайшим требованием программы,— т. е. к массовому отказу граждан от повиновения правительству и от уплаты податей. Образование центральной национальной организации, являющейся в глазах большинства населения без различия каст, вероисповеданий и наречий властью, которой следует повиноваться через голову британского правительственного аппарата, само по себе представляется немалым достижением. Организация конгресса раскинулась теперь по всей стране, достигнув самых отдаленных сел и деревень. Добровольные и получающие жалованье организаторы и пропагандисты раз'езжают по всей Индии, проповедуя национальную солидарность и сопротивление британскому гнету мирными средствами, как, например, забастовками и «харталями», и работая над об'единением индусских мусульман путем отождествления мусульманских стремлений к единству халифата с национальным требованием о самоуправлении. Проповедь непротивления подействовала так, как горсть песку, брошенная в глаза британского чиновничества: она ослепила его, ослабив его бдительность, направленную на подавление всякой революционной попытки к организации, а между тем пропаганда делала свое дело и движение распространилось так широко и пустило такие глубокие корни, что не могло уже быть подавлено. Индусы готовы претерпеть какие угодно репрессии, лишь бы достичь желанной цели. Ганди призывает народ к самопожертвованию в следующих выражениях:

«Мы должны считать арест и заключение в тюрьму нормальными явлениями в жизни всякого сторонника отказа от сотрудничества с правительством. К этому мы должны стремиться, как солдат, идущий в бой, стремится к смерти. Наш успех будет обеспечен тогда, когда тысячи людей будут посажены за тюремную решетку, без всякой вины со своей стороны, как овцы, которых гонят на бойню. Чем меньше наша виновность, тем больше наша сила и тем ближе победа. Полный отказ граждан в повиновении правительству является мирным возмущением, отказом от исполнения всех решительно законов, установленных государством. Этот отказ безусловно опаснее вооруженного восстания. Я глубоко убежден в том, что, если мы с'умеем с успехом провести бойкот иностранной одежды, то мы сможем также придать отказу в повиновении правительству такие размеры, что ни одно правительство не справится с нами».

Бойкот иностранной одежды является предварительным испытанием национальной

солидарности перед тем, как перейти к последней ступени национальной борьбы, которую Ганди называет «гражданским неповиновением», т.-е. отказом в повиновении правительству, заключающим в себе, между прочим, отказ от уплаты податей, что должно неизбежно привести к открытому разрыву с правительством. Пока еще трудно сказать, пройдет ли этот бойкот с большим успехом, чем прежняя попытка отказа от сотрудничества путем оставления правительственной службы и бойкота правительственных школ. Во всяком случае, народные массы охвачены воодушевлением. Во всех городах и деревнях работают комиссии конгресса, задача которых заключается в проповеди бойкота и отказа от иностранной одежды. Во всех крупных центрах раскладываются огромные костры, вокруг которых десятками тысяч собирается народ, бросающий в огонь свое иностранное платье и дающий клятву отныне носить исключительно домотканный «хаддар», изготовленный на индийских станках из индийской пряжи. Крупные индийские торговые фирмы обязуются не ввозить иностранных товаров, к индийским фабрикантам вожди движения обращаются с призывом не извлекать выгод из народного воодушевления и не поднимать цен. В настоящей статье мы не собираемся обсуждать вопрос о том, насколько с экономической точки зрения может быть оправдан бойкот, который основан, главным образом, на чувстве и успеху которого может помешать множество разнообразных факторов. Нас интересуют более широкие перспективы, несомненное существование в Индии широко распространенного сознания национальной солидарности, национального воодушевления и желания покончить с существующим правительственным строем,—все это предвещает неизбежное обострение борьбы. По словам «Индепендент» от 9 августа, «бойкот иностранных товаров имеет лишь отрицательное и предварительное значение, тогда как «сваделши» (ношение одежды из домотканных материй)—положительное и постоянное. Соединение политической идеи «сварай» (самоуправления) с фактором экономической свободы, т. е. с мыслью об удовлетворении собственными средствами всех своих нужд, а также неизбежная связь политики и экономики, не выступают явно и не легко могут быть обнаружены без известной предварительной подготовки. Если Индия так или иначе перестанет приносить Англии выгоды, то британская власть в стране ослабеет и в конце концов исчезнет. Англии незачем будет держать в своих руках страну при помощи политики, идущей в разрез с народной волей. Если Англия найдет, что индийская Империя не приносит ей выгоды, она предоставит индусам идти своим путем. Нынешний бойкот является мерой постоянного характера, направленной к устранению всех попыток со стороны других стран, в том числе и Англии, к вторжению в Индию и к захвату ее для превращения в свой рынок».

Под этими словами кроется та мысль, что вместе с отказом индусов от приобретения иностранной одежды совершенно прекратится ввоз ее, и тогда народ будет носить одежду, изготовленную исключительно в Индии. В течение ближайших месяцев будет видно, примкнет ли народ к этому бойкоту. Мысль эта имеет отчасти экономический характер, а именно стремление поощрить индийскую промышленность и нанести вред английской торговле, но за ней кроется еще и другая мысль, а именно, желание выяснить, насколько индусский народ готов поддержать резолюции конгресса или, другими словами—произвести испытание сознанию национальной солидарности. По словам националистов, «бойкот иностранной одежды является новым мерилом, и успех его покажет, что страна сплоченно стоит за конгрессом, а также, что влияние членов конгресса по всей стране настолько велико, что конгресс не ошибется, призвав к массовому отказу от повиновения и от уплаты податей. О конгрессе, который сумел произвести целую революцию в социальных и экономических привычках, можно быть уверенным в том, что он в любой момент может совершить политическую революцию».

Таким образом, призыв Ганди «назад к прялке» имеет непосредственную практическую цель, что бы мы ни думали об экономической невозможности ручным способом изготовить то огромное количество одежды, которое до сих пор ввозилось для индусского населения. В настоящее время индийские фабрики могут изготовить только половину необходимого количества. Подобно тому, как проповедь непротивления, независимо от ее идейного содержания, принесла пользу, проложив широкий путь националистической пропаганде, которая иначе неизбежно наткнулась бы на правительственные репрессии, так и мысль, положенная в основу бойкота, имеет двойное значение: с одной стороны, она поощряет местную промышленность, препятствуя ввозу иностранных товаров, а с другой—проводит в массы националистические идеи, возлагая на них исполнение практической задачи, чтобы путем широкой пропаганды среди народа еще более объединить его для дальнейшего стремления к цели.

Как раз в эти дни, когда пишутся настоящие строки, принц Уэльский прибыл в Индию и, согласно резолюции, принятой на последней сессии конгресса, его приезд был встречен бойкотом со стороны индусских националистов всех классов, за исключением умеренных. Его прибытие в Бомбей в конце октября было ознаменовано всеобщей забастовкой рабочих бомбейского порта, и ни один индус, без различия общественного положения, не принял участия в празднествах, устроенных для его приема. Такая политика

была применена потому, что его приезд имеет политическую цель «восстановления утраченного правительством престижа, который конгресс решил подорвать всеми мерами». Здесь опять-таки подлинное значение подобного национального бойкота заключается в испытании, поддержит ли вся нация лозунг, выдвинутый конгрессом.

В щекотливом вопросе индусско-мусульманского единства мы видим снова, что конгресс придерживается, на первый взгляд, неосуществимой тактики, на деле преследуя весьма определенную цель. В самом деле, почему вдруг народ, подавляющее большинство которого исповедует браманскую и буддийскую религии, открыто поддерживает халифатское движение мусульман, которое, как сказал один англичанин, «имеет такое же отношение к индийскому национализму, как движение ирландских синфейнеров к тибетскому Далай Ламе»?. До настоящего времени мусульмане в Индии были отделены от остального индусского населения сознательной политикой англичан, построенной на принципе — «разделяй и властвуй». Индийским магометанам были дарованы особые привилегии, и религиозные раздоры искусственно поддерживались провокационной политикой правительственных агентов. Теперь индусы и мусульмане об'единились для общей борьбы против правительства, и хотя это об'единение состоялось на основе, которая, на первый взгляд, представляется нелепой и сентиментальной, а именно: индусы поддерживают халифатское движение, а мусульмане за это поддерживают индусскую националистическую программу, но на деле произошло действительное об'единение руководителей и Всеиндийский Халифатский Комитет добровольно подчинился руководству Всеиндийского Национального Конгресса, обязав своих членов следовать решениям этой организации; в то же время такие выдающиеся вожди мусульманского движения, как два брата Али, всецело примкнули к движению, возглавляемому конгрессом, и с безграничной преданностью следуют всем указаниям Магатмы Ганди. Задача последнего заключается в том, чтобы убедить мусульман считать себя, прежде всего, индусами и бороться за халифат на индийской территории. Вот его подлинные слова: «Мусульмане не могут сносить тех унижений, которым подвергается халифат, но кратчайший и ближайший путь для служения делу халифата, это — «свадеши». Идя этим путем, мы сделаем Индию могущественной, а усиление могущества Индии влечет за собой увеличение сил для защиты халифата». И Магомет Али, произнося в присутствии Ганди речь на массовом митинге в Лукнове, заявил, что «индийские мусульмане избрали путь мирного отказа от сотрудничества с правительством, веря в то, что таким образом они лучше всего обеспечат интересы своей страны и своей религии».

На всех собраниях центрального и окружных халифатских комитетов единогласно были приняты резолюции конгресса об отказе от сотрудничества с правительством, о непротивлении, о бойкоте иностранных товаров, о ношении домотканной одежды и о требовании «сварай». Магометане тех округов, в которых особенно усилились репрессии, обратились к конгрессу с просьбой разрешить им теперь же приступить к тактике «гражданского неповиновения», засвидетельствовав, таким образом, что они признают конгресс своим главою. Резолюции против убиения скота и принесения его в жертву во время мусульманских религиозных празднеств были приняты в разных частях Индии, для того, чтобы пойти навстречу религиозным чувствам индусов, и как мусульмане, так и индусы, ведут кампанию отказа от сотрудничества с правительством с одинаковой энергией и решимостью. Садкат Али в речи, недавно произнесенной им перед самым его арестом, заявил, что «индусы и мусульмане должны приложить все старания к тому, чтобы обеспечить успех кампании отказа от сотрудничества. Правительству представляется случай заключить с нами мир и встретиться с нашим главой в конце сентября. Примирение в октябре было бы очень трудно, а в декабре мы, с Божьей помощью, об'явим свою независимость»..

Самым поразительным успехом в кампании конгресса было то, что в заранее определенный двухмесячный срок был собран миллион фунтов стерлингов в Национальный Фонд, предназначенный для националистической пропаганды и для приобретения десяти миллионов прялок, с целью поощрения домашнего производства одежды. В энергичной кампании, организованной по всей Индии, руководители конгресса призывали все классы народа к пожертвованиям в этот фонд. Во всех городах были образованы специальные комиссии, и не было такой деревушки, которая не внесла бы при этом своей доли. Индусские женщины, в течение последних лет изменившие прежний уединенный образ жизни, с воодушевлением приняли участие в сборе, жертвуя в фонд свои драгоценности, богатые одеяния и приданое. Обильные пожертвования поступали на всех митингах, созывавшихся во всех областях Индии, и к вечеру назначенного заранее дня, ровно через два месяца после начала сбора, конгресс мог об'явить об успешном выполнении этой части его программы, — национальная касса располагала миллионом фунтов стерлингов, пожертвованным индусами всех каст и верований на дело борьбы за национальную независимость.

Столь же успешно прошла регистрация членов, причем в списки конгресса были внесены имена десяти миллионов человек, обязавшихся поддерживать все постановления конгресса. Далее, для большей согласованности и централизации был избран Исполнительный Комитет из семи членов. В этот комитет, который должен быть полномочным руководителем всего движения вплоть

до ближайшей сессии конгресса, созываемой в декабре этого года, вошли наиболее выдающиеся деятели—индусы и мусульмане. С общего согласия, Ганди продолжает играть руководящую роль в этом Исполнительном Комитете, и во враждебном лагере умеренных уже раздаются голоса против «диктатуры Ганди». По поводу этого выражения, г. Стокс, американский миссионер, примкнувший к индийскому движению отказа от сотрудничества с правительством, говорит: «Две силы: бюрократия и национализм, сошлись теперь грудь с грудью для решительной, последней борьбы. Ближайшие несколько месяцев будут самыми критическими. Наши противники будут действовать и выступать, как один человек. В этом всегда, и прежде, и теперь, была их сила, также как наша слабость всегда проистекала от отсутствия согласия. Единственный способ для нас добиться единодушия при существующих обстоятельствах, это—сплотиться вокруг личности Магатмаджи. Его личность, его действенная сила воли—вот главная наша опора сейчас».

Впрочем, личность Ганди, при всем ее обаянии, не является единственным фактором индийского национального движения. К. Р. Дас, который был избран председателем следующей сессии конгресса подавляющим большинством голосов, не менее популярен, чем Ганди; кроме того, оба брата Али и Ладжпат Рай также пользуются чрезвычайно большим влиянием. Эти новые вожди выдвинулись на авансцену индийской общественности в течение поразительно короткого времени; они вышли из самой молодой и прогрессивной части среднего класса, отзывчиво реагирующей на все растущее в массах революционное настроение, которое все время продолжает толкать их влево.

Крупным недостатком современного движения, возглавляемого конгрессом, является отсутствие научного понимания различных социальных сил, с которыми приходится иметь дело. Это особенно сказывается в тактике вождей по отношению к двум важнейшим факторам современной индийской жизни, — к городскому пролетариату и к нуждающемуся крестьянству, которые в течение последних четырех лет проявили активное стремление к изменению ужасных условий своего существования. Молодое профессиональное движение было оставлено почти без всякого внимания националистическими вождями и руководство им, без всякого сопротивления, захватили реакционные британские тред'юнионисты и наемные агенты правительства. Не заботясь, таким образом, об использовании организационной силы индийского профессионального движения, националисты, вместе с тем, не останавливаются перед попытками непосредственного использования забастовочного движения городских рабочих в интересах националистического движения: рассылаемые ими на фабрики и заводы агитаторы не раз склоняли рабочих к политическим забастовкам при таких обстоятельствах, которые заранее обрекали забастовку на неуспех, сопряженный при этом с потерей человеческих жизней. Такова была, например, недавняя забастовка железнодорожников и пароходных рабочих в Шанпуре, об'явленная националистами в ответ на отказ железнодорожных и пароходных обществ от предоставления бесплатного проезда рабочим-кули, бежавшим с ассамских чайных плантаций. Правительство, по обыкновению, не замедлило вмешаться в дело, выступив на защиту интересов акционерных обществ, и послало вооруженный полицейский отряд «для поддержания законного порядка», т. е., иными словами, для того, чтобы подавить забастовку, силой заставив рабочих снова приступить к работам. Случай с этими ассамскими кули тоже дает яркий пример необдуманной агитации националистов среди беззащитной, невежественной массы неквалифицированных рабочих. Поборники отказа от сотрудничества с правительством заставили этих кули бросить плохо оплачиваемую, тяжелую и вредную для здоровья работу на ассамских чайных плантациях и возвратиться в свои родные деревни. Начался массовый исход, испуганные владельцы плантаций убедили пароходные общества не принимать на пароходы кули, которым пришлось, терпя голод и холод, ждать в местах пересадки с железнодорожного пути на пароходы. Среди них появилась холера, унесшая несколько сот человеческих жизней. По требованию плантаторов, правительство прислало полицию, чтобы выгнать несчастных кули из убогого пристанища, которое они нашли в станционном помещении третьего класса, в открытое поле. Инициаторам всего этого движения пришлось теперь пустить в ход все ресурсы своей организации для того, чтобы хоть сколько нибудь исправить вред, причиненный кули, наладить посылку медицинской помощи, пищи и устроить сбор денег для помощи несчастным страдальцам. Затем была об'явлена упомянутая уже забастовка железнодорожных и пароходных рабочих, которая, однако, кончилась поражением. Весь этот инцидент очень показателен для той неразумной тактики, которой следуют националисты, желая использовать рабочих в интересах своего движения. В результате длинного ряда неудачных забастовок и репрессий, обрушившихся на рабочих вследствие их неорганизованного, неподготовленного вмешательства в политическую борьбу, забастовочное движение в Индии временно замерло, и рабочие уклоняются от политических выступлений, обращая все внимание на усиление своих организаций и на улучшение своего экономического положения посредством переговоров с предпринимателями и третейских судов. В правительственном заявлении о политике по рабочему вопросу, сделанном недавно в одном из провинциальных законодательных советов, говорится следующее: «Во всех промышленных забастовках правительственная политика направлялась к поддер-

жанию законного порядка и к заключению мирных соглашений, когда к тому представлялась возможность. Производится обследование заработной платы промышленных рабочих и вырабатывается таблица, показывающая стоимость жизни; во всех провинциях устраивается сеть рабочих бюро. Статистические данные дадут возможность, при всех возникающих конфликтах, судить о том, получают ли рабочие нормальную плату, а также насколько получаемая ими заработная плата соответствует прожиточному минимуму, обычному для того класса общества, к которому они принадлежат». За последнее время правительство решительно встало на путь вмешательства во все споры между капиталом и трудом, принуждая рабочих к заключению невыгодных для них соглашений. Правительство обнародовало ряд законов против рабочих «беспорядков» и вообще не останавливается ни перед какими репрессиями для обуздания того боевого духа рабочих, которым так ярко были окрашены первые шаги профессионального движения в Индии. Недавно к правительству Индии обратился генеральный секретарь Северо - Западного Железнодорожного Союза с просьбой разрешить посылку депутатов от индийских железнодорожников на Международную Рабочую Конференцию в Женеве, на которой были представлены и рабочие всех других отраслей индийской промышленности. Всеиндийский Конгресс Профессиональных Союзов входит в состав Британской Рабочей Партии.

То же наблюдается и по отношению к сельско-хозяйственным рабочим. До сих пор националисты решительно ничем не поддерживали аграрную борьбу, которая ведется во всех областях Индии, и все попытки несчастных земледельцев к активным боевым выступлениям встречали недоброжелательное и враждебное отношение со стороны вождей конгресса. Недавнее восстание в Кисан-Сабхасе, в Соединенных Провинциях, было подавлено грубым насилием правительственных войск, и деятели конгресса обратились к солдатам, уговаривая их воздержаться от насильственных действий и, вместе с тем, умоляя пришедших в ярость сельско-хозяйственных рабочих не грабить помещичьих домов и не жечь посевов, проповедуя им непротивление и спокойствие и утешая их неопределенными обещаниями когда - нибудь, со временем провозгласить отказ от уплаты податей, как одну из форм «гражданского неповиновения» для деревенской бедноты и безземельного крестьянства. Указанное восстание в Кисан - Сабхасе вынудило правительство внести в Законодательный Совет проект изменения закона об аренде 1886 г. с целью улучшения положения земледельческих рабочих. Но этот проект наткнулся на такое упорное сопротивление со стороны «талукдаров», т. е. крупных землевладельцев, что почти все изменения, имевшие в виду интересы бедных арендаторов, были вычеркнуты из проекта, и он был дополнен нескольких новыми параграфами, которые еще более усилили власть землевладельцев, так, например, параграф, предоставляющий владельцу право об'явить недействительным арендный договор в том случае, если характер арендатора окажется «заслуживающим порицания».

Подобно кисан - сабхасскому восстанию на севере, моплахское восстание на южном Малабарском берегу, разразившееся в августе и сентябре этого года, также является протестом плохо оплачиваемых, угнетаемых чрезмерно тяжелым трудом, сельско-хозяйственных рабочих и бедных крестьян против гнета землевладельцев. В то время, когда мы пишем эти строки, бои моплахцев с правительственными войсками еще продолжаются, но вожди конгресса не предпринимают решительно никаких шагов для защиты несчастных рабочих, подвергаемых массовым избиениям, продолжая с невозмутимой настойчивостью проповедывать непротивление.

Националисты, участвующие в движении, возглавляемом конгрессом, несомненно, считают, что еще не настало время для об'явления открытой войны правительству, и боятся повредить делу рискованной преждевременной попыткой выступления против бюрократии, располагающей могучим аппаратом для насильственного подавления восстаний. Наивная идея Ганди о том, что все население должно постараться попасть в тюрьму, представляется для них единственным осуществимым планом до тех пор, пока народ не почувствует себя вполне об'единенным и достаточно сильным для того, чтобы бросить открытый вызов существующему правительству. Между тем, правительство принимает энергичные меры для подавления движения, распространяющегося по всей стране. Тюрьмы переполнены сторонниками отказа от сотрудничества с правительством, задержанными по самым пустым обвинениям или без всякого обвинения. Для индуса, состоящего на правительственной службе, достаточно надеть шапку «Ганди» или домотканную одежду «хаддер», чтобы лишиться места, а часто даже попасть в тюрьму. Производятся массовые обыски, газеты закрываются, собрания запрещаются, ораторы привлекаются к судебной ответственности за малейший намек на оппозицию правительству. Сэр Джордж Ллойд, губернатор Бомбейской провинции, говорил недавно на собрании не-браминов следующее: «Клеветническая кампания прессы против правительства с каждым днем усиливается, принимая все более резкий и разнузданный характер. Общественная трибуна все чаще и чаще используется для проповеди открытого бунта. Правительству ясно, по какому пути оно должно идти. Я вам прямо скажу и прошу не забывать этого, что главная обязанность правительства заключается в поддержании законного порядка и что оно, во что бы то ни стало, исполнит свой долг. Правительство не исполнило бы своей обязанности, если бы оно допустило безнаказанное нарушение за-

кона и не помешало бы разбрасыванию роковых семян разнузданности и презрения к закону, грозящих ввергнуть страну в хаос и анархию». На это националисты ответили такими словами: «Открытый, а не тайный бунт вызывается недовольством существующим правительственным строем. В наше время каждому должностному лицу следовало бы понять, что нация настолько пробудилась, что никакими репрессиями нельзя сломить ее дух. Наступление «хаоса и анархии», в том смысле, в каком о них говорил его превосходительство, едва ли можно задержать, потому что ничто не вносит столько хаоса и анархии, как управление людьми без добровольного их на то согласия».

Помимо репрессивных мер, правительство старается еще и другими средствами сломить силу настоящего движения, направленного к национальному об'единению. Под его покровительством, упрочивает свое положение Небраминская Лига, организация, имеющая целью вызвать рознь и взаимное озлобление между индусами различных каст. Точно также общество «Аман Сабхас» и «общество противников отказа от сотрудничества с правительством», организуемые в настоящее время во всех городах Индии, не скрывают своего официального происхождения; но как раз это происхождение и их искусственный рост не дадут им возможности достичь своей цели. Умеренные, сорганизовавшиеся в Либеральную Лигу, программа которой заключается в совместной работе с правительством и в постепенном достижении самоуправления, без выхода из состава Британской Империи, представляют собою единственную часть индийского народа, если не считать туземных принцев, открыто поддерживающую правительство и стоящую на стороне его реакционной политики в настоящее время. Своим участием в Советах о Реформах, образованных в последнее время согласно плану реформ Монтэгью Челмсфорда, умеренные прикрывают конституционной санкцией тиранию бюрократии. В речи, произнесенной председателем недавно состоявшейся в Лукнове конференции Либеральной Лиги, д-ром Астана, позиция умеренных характеризуется следующим образом:

«Нельзя отрицать того, что настоящее брожение в Индии обязано своим происхождением скорее экономическим, чем политическим причинам. Если бы не обострилось бедственное положение населения, вследствие повышения цен, дороговизны хлеба и одежды, этих двух предметов первой необходимости, то мы бы не знали аграрных беспорядков. Средний повстанец требует только дешевого хлеба и дешевой одежды, и если он добьется этого, то его мало будут интересовать политические учения и правительственный строй. Мы вращаемся в порочном круге. Поднялись цены, а поэтому поднялась и заработная плата, а так как заработная плата стала выше, то и цены, в свою очередь, поднимаются. Правительство должно порвать этот порочный круг. Мы, либералы, работаем по мере сил, чтобы обеспечить успех реформ».

Именно об этом классе индусов Ганди говорил в речи, произнесенной недавно на одном массовом митинге, следующее: «Под словом бюрократия не следует понимать одних только англичан. В ряды индийского чиновничества входят тысячи воспитанных англичанами индусов. К содействию индусских солдат и гражданских служащих все чаще прибегает правительство для поддержания существующего строя. Наша деморализация достигает наивысшего предела, когда мы становимся добровольным орудием в руках наших тиранов. Поэтому репрессии, которые начинаются теперь, по самому характеру своему гораздо опаснее для нас, чем все преследования, которые обрушивались на нас до сих пор». А в Лукнове, перед стотысячной толпой, под дождем ожидавшей его приезда и с благоговейным вниманием слушавшей его двух-часовую речь, Ганди предложил такое средство против существующего порядка вещей: «В ответ на политику правительственных репрессий мы должны в каждой провинции образовать армию в пятьдесят тысяч рабочих, которые на тюрьму будут смотреть, как на свое освобождение и которых не одолеет никакая армия во всем мире. Через три месяца мы или исправим существующее ныне правительство или покончим с ним».

N.

«МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОЛОДЕЖИ».

I.

Международное движение молодежи является частью международного рабочего движения и, поэтому, разделяет с последним его историческую судьбу. Поэтому неудивительно, что оно разбилось на такие же три русла, так что в настоящее время, наряду с Коммунистическим Интернационалом Молодежи, существует социал-патриотический «Интернационал Рабочей Молодежи» и центристское «Международное Рабочее Сотрудничество Социалистических Организаций Молодежи», причем корни этих двух организаций кроются в обоих реформистских крыльях рабочего движения. Характеристике последней из этих организаций и посвящены нижеследующие строки.

Чтобы дать правильную оценку истории возникновения «Международного Рабочего Сотрудничества Социалистических Организаций Молодежи», необходимо остановиться на истории коммунистического движения молодежи. Движение это было вызвано к жизни юношескими союзами «Международного Об'единения Социалистических Организаций Молодежи», которые *фактически* выполняли во время войны, с момента Бернской Конференции, т. е. с пасхи 1915 г., международные обязанности социалистических организаций молодежи. Важнейшим результатом берлинской учредительной конференции (о чем уже подробно говорилось на страницах нашего журнала) было принятие коммунистической программы и начало построения *строго централизованной международной организации*.

Совершившийся после окончания войны в рабочем движении решительный переворот во взглядах на задачи и организацию международного рабочего движения, а также и на методы пролетарской классовой борьбы, создал в пролетарском движении молодежи — не исключая и большинства организаций, которые не были представлены на учредительной конференции Коммунистического Интернационала Молодежи или к нему еще не примкнули — благоприятную почву для признания новых принципов и методов. Начавшаяся после берлинской конференции неутомимая, неустанная работа Коммунистического Интернационала Молодежи среди еще не примкнувших к нему организаций, имевшая целью добиться их присоединения к Коммунистическому Интернационалу, находила поэтому в известном отношении благоприятную почву и увенчалась почти небывалым в истории рабочего движения успехом: движение, насчитывавшее 14 союзов с 219.000 членов, выросло во внушительную силу, представляемую 48 союзами с более чем 800.000 членов.

Процесс завоевания не примкнувших еще союзов продолжался почти целый год. В течение этого времени в юношеских организациях происходила ожесточенная принципиальная борьба за присоединение к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, окончившаяся тем, что почти везде подавляющее **большинство высказалось за Коммунистический Интернационал Молодежи.** Само собою понятно, конечно, что постановление большинства не ликвидировало принципиальных взглядов меньшинства и, так как внутри Коммунистического Интернационала международная дисциплина является высшим законом, представители же меньшинства были против присоединения к Коммунистическому Интернационалу Молодежи именно в виду этой дисциплины, которой они не желали подчиниться, стремясь и впредь отстаивать и проводить в жизнь свои воззрения, то они, конечно, выбыли из рядов коммунистических организаций молодежи, подвергшись исключению или уйдя добровольно.

Из отколовшихся таким образом групп образовались новые союзы, примкнувшие практически и идейно к центристским партиям. В аргументации, с помощью которой они «обосновывали» произведенный ими раскол, постоянно повторялся тот самый припев, который изо дня в день продолжали твердить Дитман, Отто Бауэр, Каутский и др. В начале, когда они, из боязни потерять массы, неудержимо стремившиеся к международному об'единению, думали примкнуть к Интернационалу, они, например, заявляли, что признают диктатуру пролетариата; впоследствии, увидев, что мы выдвигаем еще другие, *более решительные* требования (строгая международная дисциплина и т. п.), которых они не хотели выполнить, они совершенно сбросили маски и с полной ясностью обнаружили свое близкое родство с вождями центристских партий, показав, что для них принадлежность к Интернационалу была лишь ширмой, под прикрытием которой они хотели свести на нет бурный напор масс,

грозивший нарушить комфорт их повседневного мирного жития, и надеялись скрыть свои постоянные измены делу пролетарской освободительной борьбы.

Подсказав стоявшей за ними молодежи довольно убедительные на первый взгляд аргументы против присоединения к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, они, однако, понимали, что это еще не устраняет опасности. От требований исторической необходимости невозможно отделаться одними аргументами. Требования эти снова и снова встают в пролетарском сознании. Война с достаточной наглядностью показала массам необходимость международного об'единения. И никогда еще мысль об Интернационале не проникала так глубоко в умы и сердца пролетарской молодежи, никогда она не являлась в более лучезарном ореоле, чем в те ужасные кровавые годы, когда из Берна, несмотря на все границы и фронты, по всему миру прозвучал призыв молодых рабочих к международному братству. Ускоренный войной процесс вовлечения рабочей молодежи в производство, сделавший их важным фактором последнего, в величайшей мере способствовал этому. Еще большую роль должна была сыграть, конечно, послевоенная эпоха, когда классовая борьба разгоралась все с большей силой и ожесточенностью, захватывая все более широкий фронт. Вожди отколовшихся групп молодежи слишком хорошо понимали, что стремление молодежи к международному об'единению снова и снова будет выдвигать вопрос о присоединении к Коммунистическому Интернационалу Молодежи. Они хотели во что бы то ни стало предотвратить это. Чтобы добиться этого и вместе с тем помешать угрожающему росту Коммунистического Интернационала Молодежи, неуклонно вызывающему серьезные сотрясения в их собственных рядах, они основали новый Интернационал, *Международное Рабочее Сотрудничество Социалистических Организаций Молодежи.*

Мысль о его создании возникла одновременно у Ленэ (Франция), вышедшего с некоторыми, совершенно незначительными группами из Французского Союза Молодежи, подавляющее большинство которого высказалось за присоединение к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, и у Австрийского Союза Социалистической Рабочей Молодежи, который не был приглашен на учредительную конференцию в Берлине вследствие отказа во время войны от выполнения своих международных обязательств и впоследствии, так как он не желал признавать программу и директивы Коммунистического Интернационала Молодежи, также не был, конечно, принят в наш Интернационал. В тайной надежде на то, что, может быть, и некоторые принадлежащие к Коммунистическому Интернационалу Молодежи союзы примкнут к новому Интернационалу Молодежи, они также были приглашены к участию в конференции, созванной одновременно с венской конференцией центристских партий. Она состоялась в Вене 26-го — 28-го февраля 1921 г. Представители коммунистических союзов молодежи, явившиеся на конференцию почти в полном составе, располагали, конечно, по количеству членов своих союзов, большинством голосов. Таким образом произошло то, что на этой конференции, созванной центристскими организациями молодежи, после бурных принципиальных споров, во время которых были разоблачены попытки центристов внести раскол и было выяснено их истинное отношение к Интернационалу, подавляющим большинством голосов была принята резолюция, направленная *против раздробления Интернационала Молодежи и против одновременно заседавшей конференции центристских партий.* После этого представители социалистических союзов покинули зал заседаний и продолжали заседать отдельно, в другом помещении. В этом помещении было произведено на свет, при деятельном участии Карла Каутского, детище, которое должно было произвести в международном масштабе тот раскол в движении молодежи, который до этих пор произошел только в нескольких странах. И вот «Международное Рабочее Сотрудничество Социалистических Организаций Молодежи», порожденное разрушителями национальных союзов, отправилось в поход на завоевание всего мира.

II.

На учредительной конференции были представлены семь организаций, насчитывающих в общей сложности (по данным самих представителей) 60,000 членов. Из этих семи организаций, в действительности, только три—которые, однако, тоже не следует переоценивать—имеют некоторое значение: Австрийский Союз Социалистической Рабочей Молодежи, Социалистическая Пролетарская Молодежь Германии и Союз Социалдемократической Рабочей Молодежи Чехословакии. Остальные представляют собой маленькие, незначительные группы, лишенные всяких возможностей дальнейшего развития и безусловно обреченные на гибель, если противостоящие им коммунистические союзы молодежи, действительно, окажутся на высоте своих задач.

Австрийский союз насчитывает в настоящее время (по его собственным данным) 30.000 членов, являясь, таким образом, для австрийских условий довольно крупной организацией. Он существовал еще до войны, когда он также принадлежал к «Международному Об'единению Социалистических Организаций Молодежи». Это не застраховало, однако, его вождей от довольно странных взглядов на Интернационал Молодежи и не помешало им во время войны преспокойно отказаться от исполнения своих международных обязанностей. Подобно вождям «Рабочей Молодежи» в соседней Германии, его главари также стали истинными патриотами и забыли самые

основные положения социализма. Возникшая среди членов союза оппозиция против этих вождей была после долгой борьбы обезврежена путем исключения недовольных. Свои международные обязанности союз «выполнял» таким образом, что отказывался от распространения «Интернационала Молодежи», всех международных воззваний, не принимал участия в международном дне молодежи, всячески мешая его успеху и т. д. Все это прикрывалось обычной, пускаемой для этого в ход во всех странах фразой: «Молодежь не должна заниматься партийной политикой». В действительности, все это знаменовало открытый переход вождей на сторону партийной политики правых. Они лишь не хотели, чтобы молодежь знакомилась с политическими принципами левых.

Разумеется, этот союз, так открыто нарушавший все требования пролетарского долга, мог быть привлечен к участию в учредительной конференции Интернационала Молодежи только в том случае, если бы показал путем основательной чистки своих рядов и перемены своего направления, что он одушевлен серьезным желанием подвергнуть пересмотру свои взгляды на Интернационал, унаследованные им от предыдущей эпохи. Так как он этого не сделал, то он и не вошел в наш Интернационал. Оппозиция, существовавшая внутри его, была слишком ничтожна. Благодаря отчасти неумелой тактике, ей не удалось с самого начала привлечь массу молодежи на сторону Коммунистического Интернационала, а затем она слишком рано откололась, не добившись этим расколом сколько-нибудь заметного успеха. Руководители союза сами некоторое время колебались. Только тогда, когда они увидели, что Коммунистический Интернационал Молодежи требует безусловного подчинения международным постановлениям и открытого признания своей программы, они от него окончательно отвернулись и стали предпринимать попытки к учреждению собственного Интернационала.

Второй по своему значению союз, «Социалистическая Пролетарская Молодежь Германии», насчитывает, *по его собственным данным*, 16.000 членов. Это — организация с весьма бурным прошлым. Во время войны, от руководимой в социал-патриотическом духе германской «Рабочей Молодежи» отделилась оппозиция, стоявшая на платформе Интернационала Молодежи. Вначале члены ее были очень слабо связаны друг с другом, и только по окончании войны начала из нее создаваться прочная организация, под названием «Свободная Социалистическая Молодежь Германии». Когда отчетливо обозначились разногласия в среде Независимой Социал-Демократии, приведшие к тому, что «Спартак» вышел из ее рядов и образовал Коммунистическую Партию Германии, в «Свободной Социалистической Молодежи» тоже начали проявляться принципиальные расхождения во взглядах. Большинство юного Союза Молодежи, бывшего уже во время войны наиболее твердой опорой «Спартака», стояло за новую партию. Наиболее деятельные его члены были активными членами партии. Это, конечно, не было секретом для вождей Германской Независимой Социал-демократической Партии. Их заботила теперь мысль о подрастающем поколении, и они лихорадочно принялись за работу, стараясь снова приобрести влияние на молодежь. Прежде всего, они приступили к изданию газеты для молодежи, чтобы иметь возможность бороться в рядах самой молодежи против проникнутого коммунистическим духом органа «Junge Garde» («Молодая Гвардия»). Затем были мобилизованы для работы среди молодежи те члены Независимой Социал-демократической Партии, которые вышли из рядов юношеского движения, стали издаваться брошюры и т. д. Среди энергично сопротивлявшейся всему этому молодежи возникли, благодаря этой подпольной работе, резкие разногласия, лишавшие движение всякой возможности влиять на широкие массы. Руководители союза поняли, что дальше так продолжаться не может, что это угрожает гибелью всему союзу

Судьба союза была решена на веймарской конференции 1919 г. Конференция эта приняла подавляющим большинством платформу, согласно которой Союз Молодежи обещал коммунистической партии братски бороться бок-о-бок с ней против предателей пролетариата. После этого меньшинство покинуло конференцию и избрало временный президиум, который должен был созвать новую конференцию юношеских групп, стоящих на платформе меньшинства.

Эта конференция состоялась несколько месяцев спустя и постановила основать «Социалистическую Пролетарскую Молодежь Германии». Независимая Социалдемократическая Партия на радостях подарила своему новому детищу основанную для того, чтобы вызвать раскол, газету. В самой новой организации оказались об'единенными весьма противоположные элементы: коммунисты и приверженцы Независимой Социалдемократической Партии, стоявшие за партийную нейтральность юношеского движения, члены Независимой Социалдемократической Партии, которые агитировали за присоединение союза к этой партии, — приверженцы и противники III Интернационала, считавшие, что молодежь сначала должна подготовиться к политической борьбе и поэтому не должна вмешиваться в борьбу взрослого пролетариата, и, наконец, сторонники активного участия в этой борьбе.

Все это заранее определяло судьбу этого движения. Не прошло и года, как эта организация разбилась о ту же проблему, которая лишила Германскую Независимую Социалдемократическую Партию массы ее членов, т. е. о вопрос относительно принадлежности к Интернационалу. На обще-германской конференции союза в ноябре 1920 г. большинство делегатов высказалось за безусловное присоединение к Коммунистическому Интер-

националу Молодежи. Этим закончился процесс определения политической физиономии этого движения. Оставшаяся часть союза теперь уже нисколько не скрывает, что она против Коммунистического Интернационала Молодежи и против разделяемого коммунистами взгляда на роль и задачи движения молодежи. В течение нескольких недель или месяцев, последовавших за конференцией, окончательно завершилось превращение этого движения в простой придаток к Германской Независимой Социал-демократической Партии. В то время, как в ноябре-декабре отказ от вступления в Коммунистический Интернационал Молодежи еще мотивировался популярной тогда в Германии фразой о «партийном нейтралитете», через несколько месяцев после этого, в мае 1921 г., на обще-германской конференции в Гере, открыто была провозглашена политическая солидарность союза с Независимой Социал-демократической Партией Германии. Это заявление окончательно разоблачало лицемерие господ вождей и открыто признавало то, что с самого начала их деятельности было секретом полишинеля. Можно было думать, что этот новый поворот повлечет за собой новый раскол. Но оппозиция оказалась слишком неопределившейся, притом в основе своей этически-пацифистской, с некоторой анархической окраской, а это направление, как известно, в настоящее время отлично уживается с центристской идеологией.

Третий из более или менее крупных союзов, это «*Союз Социалдемократической Рабочей Молодежи Чехословакии*». Насчитывая, по его собственным данным, 10.000 членов, он также возник из отколовшегося крыла старого союза, носившего такое же название и на своем конгрессе в начале ноября 1920 г. высказавшегося против присоединения к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, после чего, вследствие отказа от подчинения союзной дисциплине, союз этот был исключен.

Все прочие союзы представляют собою незначительные организации, и часть их существует только на бумаге. Новый «Интернационал» является, таким образом, только тенью международной организации, и если мы здесь говорим о нем, то отнюдь не потому, что мы в какой-либо мере переоцениваем его значение, а только потому, что мы считаем необходимым основательно познакомиться с господствующими в нем тенденциями для того, чтобы тем решительнее бороться за уничтожение этих же тенденций в рядах пролетарской молодежи и, тем самым, в рядах участников всего рабочего движения. Вглядываясь в состав этого «Интернационала», мы видим, что установить эти тенденции совсем не так легко, ибо состав этот отличается чрезвычайной пестротой и охватывает множество всевозможных оттенков, начиная от буржуазно-революционной молодежи и кончая социал-патриотической и такой, которую мы можем найти у наших крайних «левых» друзей, т. е. Коммунистической Рабочей Молодежи, анархистов и т. п.

Само по себе явление это, конечно, понятно. Молодежь находится в процессе непрекращающегося, бурного развития. Ее незрелость не позволяет ей подолгу останавливаться на тех проблемах, вокруг которых идет спор в рабочем движении. Они вихрем налетают на нее, до глубины души захватывают и приводят ее часто к решениям, которые продиктованы скорее чувством, чем спокойным взвешиванием. Тем более необходимо поэтому ясное и твердое руководство движением, необходимы ясные и определенные директивы и принципы, которые во всякий данный момент могут указать молодежи правильный путь.

Тщательное рассмотрение убеждает нас в том, что новый «Интернационал» далек от внутреннего единства и это не только потому, что отдельные союзы охватывают совершенно противоположные элементы, но также и потому, что по отношению друг к другу, в международных рамках, они образуют все, что угодно, только не единый фронт. Это особенно ярко проявилось на учредительной конференции в Вене, где представитель германского союза выдвигал на первый план воспитание молодежи для пролетарской классовой борьбы путем активного участия в самой борьбе, в то время, как австрийские представители заявляли, что, по их мнению, воспитание должно ограничиться лишь подготовкой к активному участию в борьбе. Причины этой разноголосицы вполне понятны. Все представленные на конференции союзы были против присоединения к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, главным образом, потому, что они отвергали единый строго централизованный Интернационал Молодежи, отличающийся полным единством в своей деятельности и руководимый одним центральным органом, наделенным широкими полномочиями. Будучи, таким образом, противниками единого Интернационала Молодежи, они, разумеется, не могли создать такой Интернационал. Это об'ясняет характер всего их движения и предопределяет его дальнейшую судьбу.

III.

Эволюция этого Интернационала, причины его возникновения и его состав, также как и все развитие примыкающих к нему национальных союзов, ясно показывают, что он был создан в интересах центристских партий. Еще яснее это видно из принятой на учредительной конференции программы и из платформы его. И программа и платформа проникнуты тем духом половинчатости, которым в такой сильной степени отличались эти партии с самого момента своего возникновения: авторы их прибегают к маргариновому «марксизму», для того, чтобы «обосновать» собственную неспособность к

революционной борьбе и прикрыть свое политическое диллетантство.

В чем заключаются основные положения их программы?

Мировая война разрушила мировое хозяйство, но, в то же время, породила мировую революцию. В России пролетариат сумел добиться неограниченной власти. В прочих, *побежденных* странах ему удалось усилить свое влияние. Воля к завоеванию неограниченной власти была и здесь налицо. Но то обстоятельство, что в странах-победительницах власть буржуазии осталась непоколебленной, а побежденные страны вынуждены ввозить сырье и продовольствие из областей, находящихся во власти победителей, в значительной степени препятствует развитию революционной активности пролетариата побежденных стран. Поэтому *пробуждение революционного сознания* широких масс пролетариата в странах - победительницах, где имеются хозяйственно-об'ективные предпосылки для социализма, должно, наряду с оборонительной борьбой против контр-революции в собственных странах, способствовать созданию об'ективных условий для революционного прогресса в побежденных странах и для развития мировой революции вообще.

Таково, приблизительно, содержание первой части. Мы считаем излишним подробно останавливаться здесь на разборе этой общей части, так как она является лишь сжатым изложением тех противоречивых взглядов центристских партий на мировую политику, которые не раз подвергались исчерпывающему анализу на страницах нашего журнала.

Далее говорится, что в данном фазисе пролетарской освободительной борьбы задача социалистических организаций молодежи и их международного об'единения заключается в том, чтобы привести подрастающее поколение всех стран к ясному пониманию своего положения, сделать его способным к борьбе и дать ему необходимую подготовку. «Эту важнейшую свою функцию... они выполняют в первую голову при помощи социалистической воспитательной и просветительной работы..., лекций, дискуссий, обсуждения политических событий дня и всех связанных с пролетарской классовой борьбой теоретических и тактических вопросов, причем в пределах целесообразности должна быть принимаема во внимание педагогическая точка зрения...» Кроме того, и участие в политической классовой борьбе является очень важным воспитательным средством; в частности, особенно необходимо вести энергичную борьбу с милитаризмом и со стремлением господствующих классов путем милитаризма развратить молодежь. К задачам движения относятся, далее, борьба за улучшение экономических условий, а также физическое и нравственное воспитание в самом широком об'еме».

Весь приведенный абзац наглядно показывает двойственный характер этого движения. Мы выше уже вкратце упомянули о том, что одна из секций придавала особое значение участию в классовой борьбе, в то время, как прочие больше подчеркивали необходимость теоретической подготовки. Эти, на первый взгляд, незначительные противоречия и породили компромисс, нашедший себе выражение в вышеприведенном абзаце. Противоречия эти, на самом деле, вовсе не так незначительны. Воспитательная работа при помощи «обсуждений», «лекций и дискуссий по общественно - экономическим вопросам» носит еще чисто социал-демократический характер, тогда как другое течение, считающее необходимым воспитательным средством участие в борьбе стремится,—хотя еще и неясно,—инстинктивно—к новым методам коммунистического воспитания, впервые изложенным в тезисах II Конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи. Забавно звучит высказанное в этом абзаце положение, что тактические проблемы должны «подвергаться обсуждению». Молодежь должна «обсуждать», но отнюдь не принимать решений. О том, каким образом в рядах какой боевой группы пролетариата должно происходить участие в борьбе, которое, согласно программе, является таким важным воспитательным средством, программа стыдливо умалчивает, хотя мнение авторов ее по этому вопросу и не подлежит никакому сомнению.

Насколько неясно намечены формы воспитательной работы, настолько же неясно выражены принципиальные взгляды на экономическую борьбу и на антимилитаризм. Об этих обеих сторонах работы в программе говорится лишь, как об отрицательных, оборонительных средствах, причем делаются всевозможные оговорки по отношению к современному положению. На сколько-нибудь ясную перспективу, указывающую значение молодежи при будущем хозяйственном строе, на необходимое в будущем участие организаций молодежи в экономическом воспитании, для которого современная экономическая борьба является подготовкой, мы не находим ни малейшего намека, также как и на ясное принципиальное отношение к милитаризму в целом. Программа посвящает лишь две строчки буржуазному милитаризму. О том, каково отношение Интернационала к вопросу о пролетарской армии, программа также умалчивает. Зато нет недостатка, конечно, в общих, громких фразах о «культуре», «новом поколении, свободном от ошибок буржуазного мира» и т. д. и т. д., которые звучат для нас так знакомо, ибо нам приходится слышать их каждый день, только в еще более назойливой форме, от вождей социал-патриотических союзов молодежи.

Вообще вся программа и в остальной своей части более замечательна тем, о чем она умалчивает, чем тем, что она говорит. В части, озаглавленной «Отношение к партиям», делается пространный, весьма загадочный разбор всех моментов, которые,

по мнению авторов, должны определять отношения между организацией молодежи и партией в каждой данной стране. Но, в заключение, провозглашается *безусловная самостоятельность*. С какой партией вообще союз молодежи должен находиться в тех или иных отношениях, это остается тайной, ибо авторы программы все еще не решаются открыто сказать правду.

Но самое решающее значение имеет глава, посвященная Интернационалу. В этой главе говорится следующее: так как социалистическая организация молодежи в настоящее время является об'единением, преследующим *преимущественно* воспитательные задачи, и так как различная обстановка требует в разных странах применения различных методов, то Интернационал Молодежи не может определить, к какому из «тактических (!) направлений социализма» должны примыкать союзы молодежи. Точно также Интернационал не может решить, какие методы и приемы должны быть применяемы и осуществляемы в отдельных странах. Это в состоянии определить только сам союз каждой страны, причем вопросы эти должны решаться отнюдь не с точки зрения «партийной доктрины» (!). Затем следует заявление, что Коммунистический Интернационал Молодежи выдвигает слишком односторонне на первый план «партийно-политическую» (!) сторону движения молодежи, оставляя в почти полном пренебрежении «социалистически-педагогические» задачи. После этого приводится ряд отеческих наставлений по адресу право-социалистического движения молодежи, и, наконец, в заключение — «гвоздь» всего: — *„В об'единении обоих этих крыльев пролетарского движения молодежи мы видим нашу истинную цель“.*

О том, на какой основе должно произойти это об'единение, едва ли может быть хоть тень сомнения после изучения тенденций развития и ознакомления с составом и программой этого движения. *Автономия союзов, боязнь признать то или иное „определенное тактическое направление“ в рабочем движении, и, прежде всего, тот же „сонный темп“ движения, что и до войны,* — вот идеал Интернационала, о создании которого мечтают Таллер, Паульш Шрётер и Ленэ. Этот идеал, будучи низведен в нашу земную юдоль скорби, принимает следующий вид: *автономия союзов, неисполнение международных обязанностей — распад Интернационала при первых властных требованиях истории, как в 1914 году.* Воздержание от признания «того или иного определенного тактического направления в рабочем движении», — это, пожалуй, самое интересное положение во всей программе. Здесь одним росчерком пера колоссальные *принципиальные* разногласия, существующие в рабочем движении по вопросу о пролетарской классовой борьбе, об'являются тактическими разногласиями. После этого становится, конечно, понятным представление о том, будто об'единение различных направлений рабочего движения может произойти путем соглашения *организованных верхов,* или путем заключения договора. Непонятным остается только, для чего тогда наши друзья из «Международного Рабочего Сотрудничества» вообще выработали новую *программу.* Программа, как известно, всегда излагает основные положения данного движения. Если существуют расхождения лишь тактического характера, то новая программа является, в сущности, совершенно излишней. Но, в действительности, это совсем не так, и поэтому-то они и приняли на своей учредительной конференции свою особую программу, предоставив, правда, вопрос о выполнении этой программы на усмотрение самих союзов. Принятый устав совершенно определенно предлагает союзам «проводить в жизнь все постановления *в зависимости от данного положения и имеющихся средств».*

IV.

Таким образом, это движение, точно так же, как и соответствующее ему движение взрослого пролетариата, полно противоречий и половинчатостей. Созданное для того, чтобы задержать дальнейшее развитие Коммунистического Интернационала Молодежи, которое стало угрозой для центристских партий, а также для того, чтобы обеспечить этим партиям резервы для пополнения их рядов, оно будет, конечно, стараться оправдать возлагаемые на него надежды. Для коммунистического движения *в целом* отсюда вытекает обязанность внимательно следить за его развитием, препятствовать ему расширять границы тех кругов, среди которых они могут вербовать своих членов, и напрячь все силы к тому, чтобы отвоевать у него те круги, в которые это движение уже проникло. Лучшим средством для успешного выполнения этих задач будет неустанное усиление собственных организаций молодежи, а также оказание им необходимой поддержки во всех кампаниях, которые они ведут против разрушителей, вносящих раскол в единое движение молодежи.

Совершенно ясно, что окончательно уничтожить это движение нам не удастся, пока будут существовать центристские партии, ибо каждая партия заботится о создании для себя юных резервов, и в каждой есть люди, не особенно расположенные нести скучную практическую повседневную работу, которые поэтому берутся руководить примыкающим к партии движением молодежи, не считаясь с тем, имеет ли оно под собой почву и захватывает ли оно сколько нибудь широкие круги.

Но общее направление развития примыкающих к Международному Рабочему Сотрудничеству организаций можно предсказать уже сейчас: им предстоит *слияние с право-социалистическим „Интернационалом Рабочей Молодежи“.* Поэтому провозглашенное в программе с таким пафосом положение, на-

верное, будет иметь успех, ибо на основе автономии входящие в этот Интернационал союзы, наверное, согласятся примириться со всеми революционными фразами программы, вся цель которых заключается лишь в том, чтобы отвести глаза молодежи. А те, в свою очередь, ради единения охотно отбросят всякий страх перед гневом честной молодежи, имеющейся в их рядах, страх, который пока еще не позволяет им войти в соглашение с теми, кто во время войны при посредстве своей прессы и особых лекций набирали для милитаризма добровольцев, служа сводниками для капитализма, и которые еще и сейчас готовы продолжать эту деятельность, хотя и в более осторожной форме.

Коммунисты же—все, и старые и молодые,—должны позаботиться о том, чтобы процесс развития, окончательно срывающий революционную маску с лицемеров, совершался как можно быстрее и среди взрослых, и среди молодежи. При работе именно в этом направлении должно обнаружиться, как далеко может идти сотрудничество между партией и союзом молодежи, насколько обе части движения сумеют оказывать друг другу взаимную поддержку и вместе нанести поражение врагу. Это наш единый и *ближайший* фронт, ибо фронт этот—у нас в тылу.

Отто УНГЕР.

О РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО СЕКРЕТАРИАТА.

В связи с новой угрозой Советской России со стороны империалистических держав, со всей настойчивостью встает вопрос об укреплении мощи и о расширении сферы влияния Коминтерна. Курс политики буржуазных держав будет тем «осмотрительнее» и «осторожнее» по отношению к Советской России, чем большим сочувствием, чем большей моральной поддержкой будет окружен III Интернационал. Но для того, чтобы Коминтерн стал фактическим руководителем борьбы и воли мирового пролетариата, необходимо повести планомерную, развернутую в широком масштабе работу не только среди мужской части пролетариата, но и среди рабочих женщин. Эту задачу и выполняет Международный Женский Секретариат (М. Ж. С.) Коминтерна. Разбить вековую пассивность, покорность и забитость трудящейся женщины, пробудить в них самодеятельность, веру в собственные силы и революционную активность, вовлечь работниц в ряды [illegible] действенных отрядов мирового пролетариата, руководимых Коминтерном, таков [illegible] Женского Секретариата. [illegible] его возникла планомерность лишь после II-ой Международной Конференции Коммунисток, имевшей место в июне этого года.

М. Ж. С. состоит из шести секретарей: т.т. К. Цеткиной и Шаурм (Германия), т. Кольяр (Франция) и трех секретарей, находящихся при ИККИ в России, т. т. Коллонтай, Уханиной, Каспаровой; один из членов Секретариата (Коллонтай) входит в Исполком Коминтерна.

Работа между секретарями распределяется следующим образом: инструктирование и руководство работой в странах Центральной Европы взяли на себя товарищи, находящиеся в Германии, Восноком руководит т. Каспарова, [illegible] Северной Европы, Англией, Россией и Америкой—т.т. Коллонтай и Лилина.

Для руководства работой среди работниц в красных профсоюзах и для установления связи между Профинтерном и М. Ж. С. последний делегирует одного из секретарей в Профинтерн.

Практическая работа М. Ж. С. заключается в руководстве и инструктировании Женотделов [illegible] стран, в проведении политических и иных боевых кампаний Коминтерна в широком масштабе с вовлечением в них широких женских масс, к укреплению связи между работницами всех стран Запада и Востока, к [illegible] систематической и печатной пропаганды среди трудящегося женского населения.

Выполняя данную текущую работу в том же направлении, в каком она велась еще в прошлом году, новый состав Секретариата, приступил вместе с тем к расширению своей деятельности в различных областях. Так, считая, что только тогда работа Секретариата даст плодотворные результаты, когда у него будет наиболее полная осведомленность о положении трудящихся женщин в каждой стране, и исходя из того, что борьба за полное и всестороннее раскрепощение женщины входит, как неотъемлемая задача в боевую цель мирового пролетариата, М. Ж. С. постановил: образовать специальную комиссию по изучению экономического и правового положения женщин во всех странах, как Запада, так и Востока. М. Ж. С. в Москве уже приступлено к собиранию необходимого материала для работ данной комиссии. В число задач комиссии входит составление фундаментальной библиотеки по вопросам о положении и движении работниц, разработка [illegible] и основных библиотек [illegible]

Очередной задачей М. Ж. С. в настоящий момент является организация сил международного женского пролетариата вокруг двух кампаний: по оказанию помощи голодающему трудовому населению России, в первую очередь детям и кормящим матерям, и по организации протеста работниц против новой интервенции буржуазных держав, нового похода на Советскую Россию.

Голод—явление знакомое и близкое пролетариям всех стран; голод—постоянный бич рабочего люда. Поэтому муки голода, переживаемые детьми и матерями в Советской России, не только вызывают безраздельное сочувствие пролетариата, но и будят живой отклик, стремление помочь и облегчить эти муки. Именно вокруг вопроса помощи голодающим всего легче совершается группировка сил работниц, сочувствующих Советской России. М. Ж. С. через свое отделение в Берлине еще в августе обратился к работницам всего мира с воззваниями, развертывая широкую и планомерную кампанию по организации международной помощи голодающему трудовому населению России. В целом ряде стран коммунистки ведут в этой области весьма энергичную работу. Так, например, Женотдел Компартии Швеции вошел в сношение с Москвою и берет на себя содержание и заботу о «Детском доме» для детей голодающих губерний. В Германии организован Женотделом сбор пожертвований, устраиваются лекции, вечера и т. д. в пользу голодающих.

Вся работа по организации помощи голодающим М. Ж. С. ведется в полном контакте

с комиссией ИККИ и Центральной Комиссией ВЦИК. В Московскую комиссию ИККИ входит член секретариата т. Каспарова. Во главе Центральной Комиссии ИККИ стоит член М. Ж. С. тов. Цеткина.

В дополнение к мероприятиям, намеченным Коминтерном в области оказания помощи населению голодных губерний, пожертвования однодневного заработка, займа у рабочих и т. д., — Международный Женский Секретариат устанавливает проведение ряда других, чисто практических мероприятий, считая, что первая забота работниц всех стран должна быть направлена на то, чтобы сберечь жизни детей трудовой республики и спасти от мук голода работниц и крестьянок-матерей в трудовой России.

М. Ж. С. самым решительным образом высказывается против эвакуации детей в буржуазные страны, считая такую меру нецелесообразной, как с точки зрения излишней затраты сил, так и из педагогических и политических соображений. Вместо этого, М. Ж. С. предлагает, чтобы Женотдел каждой страны взял на себя заботу о снабжении или целой губернии, задетой голодом, или хотя-бы определенного числа детских домов, питательных пунктов, домов материнства, яслей. Когда работницы Франции, Англии, Швеции, Азербейджана или другой страны будут знать, что детский дом такой-то губернии, насчитывающий столько-то детей, находится на их попечении, что жизнь детишек зависит от их энергии и отзывчивости, они естественно приложат максимум усилий, чтобы его поддержать.

Существование детского дома, находящегося на попечении шведских работниц, дома материнства, о которых заботятся работницы Франции или Германии, питательного пункта, снабжаемого энергией американских или английских пролеторок, будет иметь к тому же громадное агитационное значение, укрепляя живую связь между работницами буржуазных стран и России и облегчая вместе с тем приток пожертвований в Россию. Это начинание несомненно удастся, если М. Ж. С. сможет наладить вместе с тем регулярную и точную информацию о состоянии учреждений, взятых Женотделами разных стран на попечение, и если иностранные коммунистки пришлют в Россию своих представительниц, чтобы самим увидеть: чем и как можно помочь детям и матерям трудовой России.

Второе мероприятие, предлагаемое М. Ж. С. в области борьбы с голодом, — это организация помощи детям в международном масштабе, под лозунгом: «Дети детям». В интересах коммунизма использовать данную кампанию с одной стороны для пробуждения самодеятельности пролетарских детей, с другой — для укрепления и воспитания в них чувства международного братства. В этом отношении такое простое дело, как, например, организация самими детьми сбора у детей же всякого рода предметов обихода для школьников, задетых голодом местностей, карандашей, перьев, тетрадей, резинок и т. д., даже бывших в употреблении, смогло бы сыграть двойную роль: усилить приток полезных предметов школьного обихода в России с одной стороны, с другой — пробудить у детей сознание товарищеской спайки и международной солидарности.

Ту же цель имеют и рекомендуемые М. Ж. С. субботники работниц, во время которых работницы могут изготовить из поношенных платьев приданое для младенцев или одежду для кормящих и беременных работниц.

Одновременно с организацией помощи голодающим М. Ж. С. приступает к проведению кампании протеста со стороны работниц всех стран против интервенции.

На очереди перед М. Ж. С. стоит и другая крайне серьезная задача: разработка мероприятий для борьбы с растущей во всех странах безработицей, своей главной тяжестью ложащейся на плечи работниц. Вопрос этот назрел и требует к себе вдумчивого отношения со стороны Секретариата.

Текущую пропаганду идей Коминтерна среди широких слоев трудящихся женщин М. Ж. С. ведет при помощи периодического журнала: «Интернационал Работниц», издаваемого на немецком языке и выходящего в Берлине с апреля месяца.

В скором времени появится в печати выпущенный М. Ж. С. на четырех языках протокол 2-й Конференции Коммунисток и ряд брошюр, связанных с вопросами, обсуждавшимися на С'езде (об охране женского труда, обеспечении женского материнства, социальном воспитании и т. д.).

Оживление деятельности М. Ж. С. сказывается также и в той связи, которая начинает налаживаться между московской частью секретариата и работницами Востока. В целях укрепления этой связи, — Секретариатом послано на Дальний Восток специальное лицо. На Ближнем Востоке ведется подготовка к первой международной конференции женщин восточных народностей.

Учитывая рост деятельности М. Ж. С. по сравнению с работой его в первые месяцы его существования, можно с удовлетворением отметить, что Коминтерн за этот год успел пустить в среде женского пролетариата прочные и глубокие корни.

Работа компартий среди женщин после 2-й Международной Конференции оживляется, и есть все основания полагать, что деятельность М. Ж. С. поможет Коминтерну воспитать из женского пролетариата всех стран активных защитниц и поборниц великих освободительных задач *Коммунистического Интернационала.*

А. КОЛЛОНТАЙ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вступительные замечания.

В связи с ранее вышедшими трудами, как, напр., Дран «Путеводитель по немецкой социалистической литературе», в некоторых журналах ежемесячно печаталась систематическая «Библиография социализма и коммунизма», пользовавшаяся большим вниманием не только в партийных кругах, но и среди буржуазных ученых. Эта систематическая работа будет продолжаться в нашем журнале, но только в более широких размерах. Со следующего нумера в нашем журнале, под особыми заголовками, будут ежемесячно регистрироваться: партийная литература, литература социалистических партий и профсоюзов, Коммунистической Рабочей Партии и анархизма, равно как и интересующие нас буржуазные издания. Особенное внимание мы обратим при этом на отдел «антибольшевистской» литературы. В связи с этим много места будет уделено отзывам о книгах, особенно нас интересующих, независимо от их партийной окраски; будут даваться также общие обзоры литературы какого-либо вопроса. Кроме того, предполагается предоставлять место исследованиям биографического характера. В конце отдела будут каждый раз помещаться краткие заметки о книгах и издательствах. Для осуществления подобного замысла необходимо, однако, участие наших партийных товарищей во всех культурных странах. Поэтому редакция просит не только издателей поддержать ее сообщениями обо всех книжных новинках, но обращается также ко всем, кто, в пределах указанной программы, может помочь ей присылкой кратких рецензий, заметок и т. п. материала.

Георг Лассон. Гегель, как философ истории. **Georg Lasson. Hegel als Geschichtsphilosoph). Лейпциг. Издательство Феликса Мейнера, 1920 г. VI—180 стр.**

Как инициатор и редактор нового издания произведений Гегеля, Георг Лассон приобрел славу серьезного и основательного знатока философии Гегеля, и заслуги его по оживлению всеобщего интереса к гегелевской философии не подлежат ни малейшему сомнению. Теперь он выпустил в свет специальное исследование о Гегеле, как о теоретике философии истории; работа эта должна служить введением к «Лекциям по философии всеобщей истории». Сами «Лекции», первый том которых уже вышел в свет, давно нуждались в переиздании. В обработке Мишлэ, который составил их по старым студенческим тетрадкам различного происхождения, они оставляли желать многого, и, таким образом, как раз та часть духовного наследства Гегеля, которую следует считать ценной, имелась, так сказать, лишь в сыром виде. Новое издание их Лассоном удачно пополняет этот пробел, и следует со всей справедливостью отметить, что в этом издании сочетается тщательная проверка текста с превосходной обработкой дошедшего до нас материала в истинно гегелевском духе.

К сожалению, нельзя того же сказать о введении Лассона. Это—неудачная попытка понять и представить наследие Гегеля в чисто идеалистическом духе. Больше того: автор подходит к труду Гегеля с такой теоретической наивностью, что иногда начинает казаться, что введение написано несколько десятков лет тому назад, а отнюдь не с точки зрения исследователя, обогащенного опытом всего послегегелевского периода развития. Конечно, этим совершается тяжкий грех против самого духа гегелевской философии. Ибо Гегель, гордившийся тем, что он всю мыслительную работу своего времени выразил в понятиях, ни за что не согласился бы читать курс своей философии в непереработанном виде, не приняв во внимание новых достижений мысли и опыта.

Неудачность «Введения» Лассона тем более прискорбна, что он сам отлично понимает значение философии истории в общей системе Гегеля. «Философия истории служит исходной точкой и целью его философского метода», вполне правильно замечает Лассон (стр. 2), и вслед за тем столь же правильно добавляет: «Историческая действительность—вот тот предмет, на который с самого начала было обращено его мышление. Еще до того, как он стал систематически заниматься философией, он старался понять ход исторических процессов». Эта ссылка на исторические источники философии Гегеля и на его историческую подготовку чрезвычайно ценна. Слишком долго понимание философии Гегеля страдало, именно благодаря тому распространенному предрассудку, будто она является отвлеченной схемой и компендиумом искусственных методологических понятий, не считающихся с реальной исторической действительностью. Так называемые левые гегельянцы (Бруно и Эдгар Бауэры, Арнольд Руге, Людвиг Фейербах) были почти столь же повинны в установлении этого злостного предрассудка, как и правые последователи философа (Мишлэ, Ганс, Розенкранц). Как у одних, так и у других не было понимания глубокомысленной историко-философской работы Гегеля; и с той, и с другой стороны борьба велась, главным образом, за установление методологических принципов или за форму философской систематики, причем спорящие не отдавали себе ясного отчета в общих линиях направления гегелевской философии, и в особенности его философии истории. Только возникновение чисто-философского интереса к социализму и политике заставили обратить внимание и на историко-философскую работу Гегеля. Этот поворот произошел у той части левых гегельянцев, которые, пройдя через философию Фейербаха и французский утопизм, захотели во все более развертывающейся классовой борьбе буржуазного периода принять участие не только теоретическими размышлениями, но и активно, практически. Маркс и Энгельс явились носителями этого поворота, и статья Маркса «К критике гегелевской философии права» (1844 г.) была, кроме всего прочего, провозглашением совершенно своеобразного критического метода рассмотрения Гегелевской философии: *изнутри, устраняя ее абсолютную систематику посредством ее собственной историко-философской тенденции.*

Буржуазная историография умышленно не хотела замечать историко-философское значение Гегеля. Это делалось не-спроста. Слова, сказанные как-то Герценом по поводу гегелевской диалектики: «это алгебра революции», и которые вообще могут быть применены ко всей философии Гегеля, могут, пожалуй, об'яснить нелюбовь буржуазных ученых-специалистов к историко-

философским трудам Гегеля, самым мягким выражением которой и было такое замалчивание. Если Лассон теперь особенно подчеркивает «понимание Гегелем исторических процессов» и особенно ярко хотел бы осветить историко-философскую сторону его наследия, то он поступает совершенно правильно. Если философия Гегеля вообще может устоять перед современной наукой, то, прежде всего, именно как философия истории, и как таковая она, вероятно, никогда не потеряет своего оплодотворяющего влияния.

Однако то, что сам Лассон говорит по поводу этой философии, вряд ли может способствовать этому оплодотворяющему влиянию. Мы уже в самом начале заметили, что гегелевская философия в существенных чертах своих представляется ему исключительно идеалистической философией. Интерпретируя ее как таковую, он сохраняет, сам того не замечая, только ее случайную оболочку, не обращая внимания на самое жизненное ядро. Конечно, нельзя требовать от «введения» принципиальной полемики и следует в полной мере оценить стремление воспроизвести в своем собственном изложении как язык, так и ход мысли философа. Тем не менее, все же следовало-бы приступить к изучению гегелевской философии только с точки зрения современной философской науки. Не соблюдая этого условия, слишком легко сбиться с правильного пути.

Необходимо ясно и определенно сказать, что истинное влияние и значение Гегеля становятся понятными только тогда, когда его наследие сопоставляется со всем последующим развитием гуманитарных наук. Если победное шествие марксизма означало вместе с тем и возрождение гегелевского направления мышления, то это было явным доказательством того, насколько гегелевская философия — это средство, завещанное классической философией позднейшей науке — пригодна для приведения в порядок и обобщения всех достижений этой новейшей науки.

В области истории Гегель создал нечто, прокладывающее новые пути и знаменующее целую новую эпоху. Как создатель современной исторической науки и как пионер современной социологии он снискал себе бессмертную славу. Если материалистическое понимание истории сумело, с одной стороны — преодолеть рационализм в исторической науке периода реставрации (Тьерри, Гизо и др.), а с другой стороны — положить основание точной науке обществоведения, которая легко справилась со всеми детскими болезнями утопизма и позитивизма (Сен-Симон, Конт, Спенсер), то этим оно обязано, прежде всего, гегелевскому духу, из которого оно, в весьма значительной степени, и возникло. Научный социализм, который означает уплотнение точной социологии до степени философского мировоззрения, так как он одновременно охватывает достижения всех гуманитарных наук, был бы совершенно невозможен без предшествовавшей гегелевской подготовки, и в этом смысле можно причислить и автора «Феноменологии духа» к основателям современного философско-научного направления вообще.

Его философия истории является самым убедительным примером этого. Конечно, нельзя подходить к ней с той беспомощностью, которой характеризуется вся манера Лассона. К сожалению, при всей нашей беспристрастности, мы не можем подобрать другого, более подходящего выражения для характеристики того способа обработки, который он применяет к историко-философским мыслям Гегеля. Абсолютный идеализм Гегеля считал, как известно, дух, как таковой, подлинным носителем универсальной действительности. Здесь не место подробно останавливаться на ходе развития понятия «духа», приведшем в конце концов к гегелевской формулировке. Однако, самая сущность гегелевской философии остается совершенно непонятной, если мы станем его понятие о «духе» отождествлять с этим же понятием в идеалистической философии. *Понятие „дух" у Гегеля столь же принципиально отлично от идеалистического понятия „духа", как понятие „бог" у Спиноза — от богословского понятия „бог".* И так же, как спинозовский «бог» выводит нас за пределы богословия и деизма вообще, что отлично понимали уже энциклопедисты, так и гегелевский «дух» выводит нас за пределы идеализма.

Вот как представляет себе Лассон гегелевское понятие духа: «Итак (у Гегеля), дух, который есть в то же время и мысль, и воля, и разум, и идея, — образует начало, средину и конец, цель и средство, форму и содержание всей действительности» (стр. 27). Это всеобъемлющее значение, которое Гегель даст духу, нуждается со своей стороны в пояснении. Ибо с ним так, сразу, нельзя согласиться. А именно, тут ведь сейчас же является вопрос: в каком смысле и каким образом может быть понят дух, как цель и средство, форма и содержание, мысль и воля? Если гегелевская философия представляет собою не что иное, как развертывание понятия духа, то она, вместе с тем, является последовательным отображением понятия духа в совершенно новой, для прежней идеалистической философии совершенно необычной, форме. Абсолютный дух, образующий об'ективное основание всякого процесса и охватывающий все атрибуты суб'екта-об'екта, *есть ведь не что иное, как сам закономерный процесс, поскольку он закономерен, или, другими словами, закономерность вообще.* Если Гегель в «Феноменологии духа» допускает, что явления духовной жизни развиваются из самих себя, и разрешает противоречие между мышлением и бытием при помощи диалектического движения абсолютной идеи и если он излагает в своей «Логике» саморазвитие понятий, то мы всюду имеем дело с закономерным, необходимым развитием, с закономерностью, которая, в конце концов, присуща всякому бытию.

Это понятие закономерности, которое вытекает из понятия необходимости, лежит в основе гегелевской философии и является самым главным творением Гегеля. Только к этому понятию могут быть отнесены слова, которыми, в одном месте, обмолвился Лассон по поводу гегелевского понятия духа: «С этим понятием Гегель вступил в философское движение своего времени» (стр. 27). И притом так, что не понятие духа должно быть признано прокладывающим новые пути открытием Гегеля, а как раз это раскрытие закономер-

[redacted]

и есть грандиозное произведение [redacted], что она представляет собою первую попытку изображать [redacted] всемирных исторических событий как постепенное течение закономерно необходимого процесса. Пользуясь словами Фейербаха, можно сказать, что она раскрывает «тайну» гегелевской философии. Абсолютная идея, которая в феноменологии и логике является чисто отвлеченным понятием, принимает в истории свой истинный облик, как необходимость мирового процесса. Таким образом, гегелевская философия истории означает не что иное, как гениальную попытку связать воедино, согласно требованиям науки, всемирную историю и методологически изложить ее законы. В этом смысле оправдалось именно на его философии известное изречение Шиллера: «Всемирная история — это суд над миром».

Больше всего вредит изложению Лассона именно это отсутствие понимания самой глубокой тенденции гегелевской философии истории. Понимая движение духа, которое проявляется в истории [redacted] идет по стопам того непосредственно [redacted] следовавшего поколения, которое — подобно русским славянофилам — хотело, чтобы учение Гегеля понималось не диалектически, а метафизически, не как некий *метод*, а как застывшее о. редел[redacted]е. Ибо мировой дух, наполняющий всемирную историю, есть ведь не что иное, как закономерность самой всемирной истории, познавшая себя, как таковую.

«Связь во всемирной истории, — пишет Лассон, — дает возможность познать некоторую противоположность, вытекающую из тожества духа и его обнаруживающую. Ряд конкретных *народных духов* объединяется в единство, проникнутое идеей. Каждый из этих народных духов обозначает определенную ступень свободного самосознания и является, поскольку он представляет такую ступень, конечным духом, который, как форма природная, становится и уничтожается, распад, созревает и отмирает» (стр. 83, курсив автора. Б. Р.). Это представление о всеобщем мировом духе, в котором принимают участие отдельные народные духи, действительно, глубоко коренится в гегелевской философии. Оно образует как бы исходную и вместе с тем конечную точку его исследований. Однако, при более близком рассмотрении оказывается, что этот мировой дух, в котором проявляются отдельные народные духи, представляет собой лишь сосуществование этих самых народных духов. Поскольку

развитие от народа к народу, от нации к нации, от государства к государству, должно быть понимаемо как нечто закономерное и необходимое, эта закономерная необходимость ставится, как абсолютная идея, вне истории, с тем, чтобы показать затем, что история есть развитие этой абсолютной идеи! Этот гегелевский способ изложения всемирной истории означал громадный шаг вперед в такое время, когда историография об'ясняла все мировые события либо волей божией, либо же игрою случая.

На этой основной тенденции гегелевской философии истории строит теперь материалистическое понимание истории свои выводы. Ему пришлось, прежде всего, разобраться в понятии мирового духа, чтобы затем прийти к тому, что, собственно говоря, и составляет его силу, т. е. к идее материально обусловленного исторического развития. Ведь если сохранить концепцию о закономерной необходимости мирового процесса и отказаться от отвлеченного представления о мировом духе, в котором оно развертывается, то, так сказать, невольно, приходишь к убеждению, что историческая необходимость в пределах всемирной истории должна быть чем нибудь обусловлена. Материалистическое понимание истории, полагая, что оно нашло это условие в экономике общества, способствовало плодотворному дальнейшему развитию самой глубокой сущности гегелевской философии истории, или, говоря словами Маркса, «поставило эту философию на ноги».

Если Лассон снова перевернул ее вверх ногами, то приходится лишь пожалеть о большой затрате его учености, которая, таким образом, пропала даром. В настоящее время нас интересует в Гегеле только его живая связь с дальнейшим умственным развитием. Все же попытки, направленные к отягощению нашего знания его наследием, как мертвым балластом, по нашему мнению, должны быть беспощадно отвергнуты.

Характерна для лассоновского обращения с гегелевской философией истории его подсознательная способность, [illegible] историческую своеобразность Гегеля. Понимая всемирную историю, как развитие абсолютной идеи, Гегель в то же время излагает и основной принцип этого развития: «*Противоречие—вот то, что движет вперед*, говорит он. Это развитие из противоречия, составляющее подлинную движущую причину всемирной истории, является главным моментом в гегелевской методологии исторического исследования. Движущая сила противоположных определений, присущих общественному бытию, только и осуществляет развитие мирового духа. Поэтому он никогда не мог бы проявиться вне этой внутренне-противоречивой природы исторического процесса. Но в чем же выражается эта внутренняя противоречивость? *В перевороте*. Гегель, включая в философию истории понятие переворота, перехода одного определения в его противоположность, дает философии истории прочную путеводную нить в лабиринте многообразных исторических событий. Лассон же не знает, что ему делать с этим понятием. Или, лучше говоря, он сознательно старается [illegible] это понятие из гегелевской философии истории. Он изображает дело так, как будто Гегель всегда стремился к тому, чтобы подыскать какое либо об'яснение уже имевшим место переворотам, не обращая внимания на то, что Гегель, наоборот, *включает переворот вообще, как средство для об'яснения, в свое понимание истории.*

Насколько неправильно лассоновское понимание всего этого вопроса, показывает следующее его соображение: «Если... насильственные конфликты и разрушительные катастрофы стоят же необходимы для хода исторического развития, как бури для атмосферной жизни, то находят себе оправдание, в высшем смысле, в богатых последствиями для будущего лишь такие перевороты, в которых движущей силой является сознание свободы и в которых человек, в своей независимости от чувственных потребностей, оказывается орудием некоей высшей цели. *Вот причина того, почему у Гегеля много говорится о войнах, но весьма редко о революциях.*» (стр. 167. Курсив мой. Б. Р.). На это можно было бы, прежде всего, возразить, что войны вообще являются более частой формой общественных переворотов, так что нас не должно удивлять, что и у Гегеля отводится больше места им, чем революциям, которые случаются гораздо реже. Но это только—между прочим. Гораздо важнее то, что Гегель лишь постольку в своем изложении говорит о войнах, поскольку это необходимо для изображения совершающегося толчками развития всемирной истории. В этом отношении, стало быть, Гегель не только не противопоставляет войн революциям, но, наоборот, рассматривает их как революционные разряжения исторических противоречий, каковыми они в действительности и являются. Если к тому же в полной мере учесть, насколько наполеоновская эпоха сблизила понятия «война» и «революция», то нельзя не оценить то значение, которое Гегель придает войнам в своей философии истории. Гегель, который в 1804 г. занес в свой дневник такие слова: «Я видел, как проскакал на коне мировой дух»—так он писал о великом корсиканце,—всегда имел в виду именно *революционное* значение войн, как, впрочем, и все его поколение, для которого не прошел бесследно опыт 1793 года.

С Лассоном дело, конечно, обстоит совсем иначе. Для него, разумеется, важен опыт не 1793 г., а 1914 года, а так как он из гегелевской философии понял только наружную оболочку и взял лишь внешний способ выражения, то она вдруг опошляется в его руках до степени привиальной партийной злобы самого низшего разбора. И тут мы встречаем у него такие излияния: Переворот, который теперь вместе с мировой войной уже разложил целый ряд государств и угрожает разложением ряду других, чем дальше, тем больше будет оказываться простой интермедией в великом споре, начавшемся на земле между мировыми державами. Действительно имеющее значение переворота событие—это, несомненно, сама мировая война; она и поныне не довершила еще своей первой фазы, и никто не может сказать, не будет ли она тянуться еще целые века. Но ее конец наступит лишь тогда, когда народ, который призван судьбою приобщить к принципу истинной нравственной культуры человечество всех частей света, окрепнет до такой степени физической мощи и духовной зрелости, что державы, мнящие себя пока еще в праве подчинить себе посредством своих низменных принципов весь земной шар, не смогут более устоять перед ним» (стр. 172). Так вот, где зарыта собака! Так вот, к чему должна была пригодиться гегелевская философия истории! Ну нет, так дешево она, во всяком случае, не дается. И пример Лассона служит, пожалуй, лучшим доказательством правильности старого утверждения Энгельса, что, по мере того, «как спекуляция покидала кабинеты философов, чтобы построить себе храм на фондовой бирже,—официальные представители этой науки (философии) становились явными идеологами буржуазии». Правильность этого утверждения слишком несомненна! Труд Лассона остается ценным и серьезным, пока дело идет о механической учености, о превосходной проверке текста. Но там, где он пытается самостоятельно излагать учение самого революционного мыслителя эпохи расцвета буржуазии, он тотчас же превращается в «неприкрашенного идеолога буржуазии и существующего государственного строя». А так как с тех пор буржуазия подверглась процессу разложения, то между ее бывшими мыслителями и ее теперешними идеологами образуется все более и более зияющая пропасть. «И только в рабочем классе сохранился, несмотря ни на что, германский теоретический ум. Германский рабочий класс является наследником германской классической философии».

Как таковой, он сумел сохранить и использовать духовное наследие Гегеля. Тем ярче поэтому бросается в глаза неспособность буржуазной науки проявить хотя бы слабое понимание великого философа.

В. Руд.

П. Ф. Бриссенден. Индустриальные Рабочие Мира. Исследование об американском синдикализме (The I. W. W. A study of American Syndicalism). Нью-Йорк, 1919 год. 432 стр.

Книга Бриссендена посвящена истории «Индустриальных Рабочих Мира», главным образом, с ее фактической стороны. Автор не ставил себе целью дать анализ философии И. Р. М., несмотря на то, что, по его собственному мнению, необходимость в этом существует. Хотя автор и комментирует время от времени отдельные факты и часто бросает весьма

ценные замечания, но он делает это как-то вскользь; в общем же летописная, историческая часть книги вытеснила всякую попытку—как выделить все те стороны идейного или организационного характера И. Р. М., которые составляют специфические черты этого движения, отличающие его от, скажем, французского «революционного синдикализма», так и — поставить историю И. Р. М. и специфические черты этого движения в причинную зависимость от американских социальных условий. А между тем, автор сам вполне правильно отмечает тот факт, что главные идеи движения И. Р. М. являются продуктом американского происхождения, а не французского и что американские тенденции совершенно отличны от французских, не смотря на то, что литература И. Р. М. восприняла в известной мере фразеологию французского синдикализма.

Книга разделяется на четырнадцать глав, не считая предисловия, о котором мы поговорим особо, и прибавления, содержащего исторические и статистические таблицы, а также официальные программы; прибавление содержит, кроме того, подробную библиографию и собрание песен. Все изложение опирается исключительно на источники; автор по своему замечанию предоставляет самим «Воблис» (прозвище членов И. Р. М.) излагать свою собственную историю путем отдельных интервью, речей, протоколов конгрессов, официальных документов и брошюр. Точно так же, в своей аналитической части автор очень часто, высказывая то или иное мнение, не приводит своих собственных доводов, а лишь ссылается на мнение других авторов, затрагивавших данный вопрос.

За исключением первой главы, занимающейся предшественниками И. Р. М. и носящей чисто исторический характер, остальные главы представляют в перемежку то историю организации, т. е. летопись борьбы течений, приводившей к расколам, то останавливаются преимущественно на вопросах внутреннего организационного строительства (главы VI, XIII), то снова разбирают вопросы тактического характера, причем автор не проводит параллели между тактикой И. Р. М. и тактикой Американской Федерации Труда, для борьбы с которой первая, собственно, и возникла, а иллюстрирует специфические черты ее описанием характерных эпизодов стачечной борьбы И. Р. М. (гл. VIII и XII).

По общему своему характеру книга является сборником материалов для критической истории движения И. Р. М. Как ни ценен сборник исторических материалов, в подборе которых автор выказал большую добросовестность, как ни достойны внимания критические замечания автора об отдельных авторах и тенденциях движения,—книга совершенно не заполняет пробела в литературе, вызванного отсутствием труда, дающего критическую оценку философии американского синдикализма и проливающего таким образом свет на понимание синдикализма вообще. Подобная оценка очень необходима была бы как раз теперь, так как русская революция и последовавшее за ней развитие коммунистического движения в международном масштабе выдвинули снова целый ряд вопросов, которые раньше составляли предмет спора между социал-демократами и синдикалистами. Что коммунисты проделали работу «переоценки ценностей», что наш взгляд на отдельные вопросы политической и экономической борьбы пролетариата отличается от того, что раньше составляло канон социал-демократии, это ясно для всякого вдумчивого коммуниста. Но следует ли из этого, что современная коммунистическая теория переняла эти изменения у идеологии синдикализма? Едва ли. В этом отношении анализ американского синдикализма мог бы пролить не мало света хотя бы уже потому, что американский синдикализм в основе своей отнюдь не являлся отрицанием политической борьбы и политической организации пролетариата, как отдельного класса.

Но вернемся к книге. Критический обзор книги наталкивается на трудности не столько обилие деталей, сколько вследствие самого ее метода. Это обстоятельство дает себя чувствовать сейчас же, уже при обзоре первой главы. Автор того мнения, что взгляды И. Р. М. имеют большое сходство со взглядами английских чартистов, находя это сходство в резких нападках обоих движений на политику и политических деятелей вообще, равно как и в стремлении опереться на самые широкие слои рабочего класса и в особенно сильном подчеркивании экономического фактора. Однако, автор сам не приводит никакого доказательства в пользу этого мнения, а лишь ссылается на взгляды двух других американских писателей, один из которых Андре Тридон, между прочим, сам признает политический характер этого движения и, кроме утверждения, никаких других доказательств не приводит. Трудность критического отношения к историческим справкам автора лежит вообще в том, что он нигде не дает общей формулировки всех тех черт, которые составляют основную характеристику движения И. Р. М. Если, с одной стороны, он выделяет *массовую* черту движения, стремящегося отбросить все *кастовые* деления пролетариата и выдвигающего необходимость массовой борьбы пролетариата, как *класса*, при чем,—что вполне естественно, хотя и не необходимо—экономические лозунги движения выступают часто на первый план, то в другом месте он характеризует этот «новый юнионизм», как идею «*экономического* освобождения пролетариата путем экономических методов в противоположность политическим, которое должно быть достигнуто *всеми* слоями рабочих, *как* рабочих, это значит—людских единиц скорее в промышленном, чем в политическом государстве» (курсив наш). Идея эта высказывалась, по мнению автора, совершенно ясно еще в начале девятнадцатого столетия, между прочим, Робертом Оуэном. Однако, автор совершенно несправедливо смешивает вопрос «промышленного государства» с вопросом предпочтения экономических методов борьбы методам политическим, а с другой,—с вопросом массового характера борьбы.

Далее, вследствие особенностей американского рабочего движения, в котором преобладающее значение имеет стачечная борьба, вопрос массового характера движения превращается в вопрос массового характера экономических организаций, и впоследствии в вопрос индустриального начала, как основы строения экономической организации пролетариата. Но автор упускает из виду, что как раз та организация, которая является, если не фактической, то во всяком случае идейной основательницей движения И. Р. М.—«Социалистический Профессиональный Союз» с Де-Леоном во главе — об'единяла в своей идеологии программу «промышленного государства» с признанием необходимости воспитания политического сознания рабочих и вообще классовой политической организации пролетариата.

Вообще вопрос идейной основы движения И. Р. М совершенно не нашел себе об'яснения в изложении автора. Между тем, тема, избранная автором, давала ему возможность заняться вопросами, которые до сих пор нигде еще не получили освещения. При этом, нельзя сказать, чтобы проблем этих автор не заметил. В предисловии к книге он определяет свой труд как «исторический и описательный обзор современного течения от парламентского к индустриальному социализму», не указывая, однако, нигде, в чем состоит идейная сущность этого течения. В другом месте, указывая на грубую, насильственную политику капиталистов и непримиримую психологию «обывателя» по отношению к И. Р. М., автор обращает внимание на неудовлетворительность позиции либералов, протестующих против таких насилий и утверждающих, что И. Р. М. это социальная болезнь, которую приходится лечить, и замечает, что улучшение условий существования наиболее эксплуатируемых слоев рабочих может, правда, смягчить формы агитации И. Р. М., но не устранит самого течения. Последнее имеет более глубокие корни и связано с такими вопросами, как относительная польза цехового массового индустриального юнионизма, недостаточность политической демократии и возможные изменения ее в будущем, замена деспотизма в настоящей экономической и промышленной жизни демократией и т. д. Весьма правдоподобно, что автор не остановился на этих вопросах еще и потому, что он сам себе их не выяснил достаточно и не знает, где искать ответа на них. Но не только теоретическая сторона книги страдает отсутствием освещения; автор оставляет без освещения и некоторые факты, которые в истории И. Р. М. играли весьма важную роль. Так, например, описывая первый раскол в И. Р. М., когда откололась группа Шермана, автор не дает никаких указаний о том, какую роль в этом расколе играла Социалистическая Партия. Точно также, автор не дал никакого

объяснения политики Западной Федерации Горнорабочих за то время, когда она входила в организацию И. Р. М. Еще более поразителен тот факт, что автор не подметил той аномалии в Чикагской группе И. Р. М., что несомненное большинство этой, обычно называемой, «анархо-синдикалистской» группы (автор ее так и называет) принадлежало к оппортунистической Социалистической Партии, что один из наиболее видных, если не самый видный деятель этой группы состоял даже одно время членом Исполнительного Комитета этой партии. Едва ли найдется много «анархо-синдикалистских» союзов, члены которых состояли бы активными членами парламентской Социалистической Партии, и поэтому пройти мимо этого факта без всякого внимания, значит не уловить самых интересных особенностей американского «синдикализма».

Надо признать, однако, что автор слишком добросовестно собрал свои материалы, чтобы не заметить, что даже после двух, пожалуй, даже после нескольких расколов настоящая организация И. Р. М. все же не представляет собой чего то вполне однородного. Глава тринадцатая рисует картину противоречивых тенденций в теперешней организации И. Р. М., борьбы «запада» с «востоком», и даже встречаются попытки связать эти различные тенденции с различиями в окружающей среде. Судя по заключительным замечаниям автора, он подметил тот путь, на который И. Р. М. придется стать, если организация эта намерена проявить способность к жизни, а именно путь положительной организационной работы. Организационный вопрос является одной из важнейших проблем И. Р. М., и в этом отношении книга Бриссендена дает очень много ценного материала.

Трудно в короткой заметке остановиться на всех вопросах, которые напрашиваются при чтении книги Бриссендена. Чем, например, объяснится тот факт, что одна за другой организации, которые желали опереться на широкие массы, должны были или исчезнуть или [illegible] существование? Чем об'яснить тот факт, что союзы А. Ф. Т., предающие на каждом шагу интересы рабочих, развивались все время и стали мощными организациями, несмотря на агитацию против А. Ф. Т. со стороны революционных союзов? Верно ли утверждение Форстера и других американских революционных профессиональных работников, что самой важной причиной консерватизма А. Ф. Т. было бегство революционеров из «старых» профсоюзов и попытки создать соперничающие организации? Справедливо ли утверждение членов И. Р. М., что все методы экономической борьбы, применяемые старыми союзами, консервативны и вредны для пролетариата, как целого, и не применяет ли организация И. Р. М. некоторых из этих методов, лишь только ей удается развить где нибудь свой организационный аппарат? Главы восьмая, тринадцатая и четырнадцатая дают ценный материал о таких вопросах, как «контроль рабочих мест» и контракты с предпринимателями:

Это все практические вопросы движения. Но есть и теоретические вопросы, которые выдвигает история И. Р. М. и которые получают теперь особое освещение благодаря опыту русской революции.

Как ни скуден опыт русской революции, но поскольку дело касается социалистических методов управления промышленностью—из-за скудости самой промышленной жизни страны в революционный период, все же он дал некоторые ценные указания на относительное значение таких современных вопросов, как демократическое управление промышленностью и значение производственных союзов. Достаточно вспомнить лишь борьбу вокруг вопроса коллегиального или единоличного управления, точно также, как вопрос «сращивания» хозяйственных органов страны с производственными союзами. Только тот, кто знаком с американской жизнью, может оценить, насколько близки эти вопросы, по своему существу, американскому рабочему движению. Ибо нигде вопрос о значении производственных союзов для организации государства и хозяйства будущего не приобрел такого значения, как в Соединенных Штатах. В то время, как еще несколько лет тому назад общепринятый социал-демократический взгляд на роль профсоюзов ограничивался указанием на значение их, как подготовительной школы для политической борьбы и тем самым для социализма, а во Франции марксист (?) Гед отрицал за профсоюзами всякое революционное значение вообще, в рабочем движении Соединенных Штатов вполне определенно установился взгляд, что профсоюзам суждено сыграть весьма существенную революционную роль не только как организаторам будущего хозяйства, но и как строителям нового государства, «промышленного государства». Каким образом случилось, что страна с самым консервативным рабочим движением дала начало самой революционной теории, которая в настоящее время получает широкое распространение, это—вопрос, которого книга Бриссендена не затрагивает совсем и который ждет еще исчерпывающего ответа.

Б.

Бюллетень Бюро Исследования Вопросов Труда. № 1
(Bulletin of Labour Research Department, London, England. № 1).

Помещая настоящую заметку о бюллетене английского Labour Research Department, мы убедительно просим всех товарищей присылать нам для отзыва все подобные же информационные издания, выходящие и в других странах.

Редакция.

Хотя авторы бюллетеня отмечают, что он был весь составлен наспех, без достаточного количества материалов и без необходимого руководства опытного профессионала, тем не менее нельзя не отдать им должное за эту замечательную работу. Если принять во внимание, что перед нами лишь первый номер бюллетеня и что авторам, несомненно, удастся устранить те препятствия, на которые они сами жалуются, то можно с уверенностью сказать, что последующие нумера будут еще более интересны и полезны.

К сожалению, редакция в первом нумере не обратила должного внимания на деятельность рабочих партий в Англии. В отделе «В Мире Труда» мы находим крайне полезную статистику безработицы, очень ценные данные о конгрессе профсоюзов и даже о деятельности крупнейших федераций профсоюзов, как, например, транспортных рабочих, железнодорожников и т. д. Что же касается Рабочей Партии, Независимой Рабочей Партии и других партий, то в бюллетене нет о них никаких данных, кроме резолюции Рабочей Партии о безработице. Этот пробел необходимо пополнить в последующих номерах. Бюллетень изобилует достоверными об'ективными данными об экономическом и политическом положении Англии, а также о профессиональном движении, и если бы наряду с этим был дан такой же обзор о деятельности рабочих партий, то несоответствие между действительным положением страны и тем, что представляют собою рабочие партии, было бы очевидно. Отсутствие такого обзора поэтому особенно бросается в глаза.

Что касается своей формы, то бюллетень ничего лучшего не оставляет желать. Редакция бюллетеня очень удачно следует форме правительственного органа «Лейбор Газет». Предисловие к бюллетеню дает как бы резюме всего материала и в кратких чертах рисует полную картину положения страны. Тот, кто интересуется деталями, может найти их под соответствующими рубриками в самом бюллетене.

Для примера мы воспроизведем полностью предисловие к отделу «В Мире Труда».

Факты и цифры, изложенные в этом отделе, показывают серьезность экономической ситуации Англии. Эти факты и цифры распадаются на следующие три группы: 1) Безработица, 2) Сокращение заработной платы, 3) Влияние того и другого на рабочих (экономическое и политическое).

Безработица. «По официальным данным Торговой Палаты безработица в августе в сравнении с июнем и июлем сократилась. Это об'ясняется отчасти тем, что волна временной безработицы достигла своей высшей точки после угольной забастовки. Внезапное падение этой волны в июле в сравнении с июнем только отражает факт возвращения на работу рабочих, выброшенных из производства временно, благодаря забастовке. Незначительное сокращение безработных (приблизительно

на 200.000) в августе в сравнении с июлем об'ясняется главным образом тем, что многие страховые субсидии от безработицы прекратились (общее число застрахованных рабочих 12.190.790. Только застрахованные рабочие получают страховую субсидию, но закон о страховании предполагает взносы со стороны рабочих. Не платящие лишаются страховых субсидий). Рабочие, теряющие право на субсидии, согласно законам о страховании от безработицы, не входят в официальные данные о безработице. В августе (26-го) число безработных, лишившихся права получения премии, было 209.000, из которых только половина числилась в официальных данных. Цифры о безработице в конце августа в сравнении с мартом показывают увеличение на 248.163 застрахованных рабочих. Кроме того, 159.000 числилось в официальном регистре. Из этого видно, что общая ситуация в отношении спроса на рабочих нисколько не улучшилась, несмотря на то, что правительство и капиталистическая пресса ищут доказательств того, что безработица якобы сократилась.

Сокращение заработной платы. Фактически заработная плата понизилась во всех производствах. Данные Торговой Палаты не включают сельско-хозяйственных рабочих, конторщиков и других менее значительных групп. Что касается первых, то с того времени, как Комиссия по Регулированию Заработной Платы в Сельском Хозяйстве прекратила свое существование, заработная плата наиболее слабо организованных рабочих была понижена, при очень слабом сопротивлении рабочих. Вообще говоря, процесс понижения заработной платы, которое даже, согласно далеко неполным официальным данным, достигло 3,5 миллионов фунтов в неделю по сравнению с заработной платой в начале этого года, за последние три месяца происходит, с точки зрения работодателей, безболезненно, не вызывая значительного [illegible] со стороны организованных рабочих.

Как безработица и сокращение заработной платы отразились на рабочих в экономическом и политическом отношении. Рабочая Партия по вопросу о безработице выступила со следующей программой:

1) Работа или субсидии.

2) Выработка планов общественных работ, как в местном, так и в общем национальном масштабе. Эти работы должны вестись таким образом, чтобы регулировать безработицу. Общественные работы в национальном масштабе должны финансироваться правительством посредством субсидий и займов.

3) Создание муниципальных организаций для найма рабочих.

4) Разработка планов кредитов для вывоза товаров с целью оживить торговлю на внешнем рынке.

Рабочая Партия стремится осуществить эту программу посредством посылки депутации к министрам, путем переговоров с соответствующими правительственными органами и требования о созыве парламента.

Что касается отношения вождей профсоюзов к понижению заработной платы, то в общем оно носит компромиссный характер. Они обходят молчанием аргументы капиталистов, пытающихся доказать, что «производство не в состоянии платить больше». Такое отношение вождей профсоюзов проявилось и на конгрессе профсоюзов, как это видно из резолюции о Вашингтонской Конференции и из дискуссии о рабочих синдикатах.

В некоторых случаях рабочие прибегли к независимым от вождей профсоюзов действиям. Члены муниципалитета в Пеплере сделали шаг по направлению радикальных мер. Внутри профсоюзов активная оппозиция по отношению к реакционным вождям имела место в Федерации Транспортных Рабочих, демонстраций безработных в Лондоне, в Шеффильде, Ливерпуле, в Дерби и других местах вылились в беспорядки и столкновения с полицией. В результате были произведены аресты. Что касается боевых выступлений рабочих, то они носят спорадический характер и благодаря отсутствию влияния среди вождей профсоюзов до сих пор не приводили ни к чему».

Таковое предисловие к отделу «В Мире Труда», очень богатому цифровыми данными, только и систематически изложенными, так что читатель может без излишней затраты времени получить полное представление о безработице, о движении безработных—о понижении заработной платы и о том, как вожди профсоюзов и рабочие реагируют на это явление; к сожалению, как уже отмечено выше, в этом отделе мы не находим данных о деятельнострабочих партий.

Что касается другого отдела бюллетеня, посвященного «империалистической политике», то здесь мы находим замечательную сводку основных материалов о Вашингтонской Конференции. Автор очень обстоятельно, шаг за шагом, раскрывает экономические и политические противоречия между империалистическими группами, собирающимися в Вашингтоне—будто бы для того, чтобы разрешить вопросы о сокращении вооружений, на самом же деле они собираются разделить между собой сферы влияния на Тихом Океане и на Дальнем Востоке, включая и Сибирь. Эта сводка заслуживает того, чтобы ее полностью перепечатали в любом коммунистическом органе, разумеется с соответствующими выводами. Опять-таки приходится выразить сожаление по поводу того, что в бюллетене почти нет материалов об отношении рабочих партий к Вашингтонской Конференции. Мы находим только резолюцию профсоюзов по этому вопросу, но этого не достаточно. Вообще говоря, бюллетень станет незаменимым органом информации об английском движении, если по каждому крупному вопросу в области экономической и политической жизни страны он будет давать материалы об отношении к нему не только профсоюзов, но и рабочих партий. При этом крайне важны все детали.

Отделы о финансовом положении Англии, а также о производстве, вывозе и т. д. очень обстоятельны и весьма интересны. Следует также приветствовать мысль о библиографических данных, сообщающих обо всех новинках по вопросам рабочего движения и т. п.

[illegible] английского информационного бюллетеня, мы хотим бы выразить пожел[illegible] чтобы и [illegible] последовали этому примеру.

М. Бородин.

С. И. Гусев. Уроки гражданской войны (на немецком языке) (XIV т. «Библиотеки Коммунистического Интернационала». М. 2.50.

Книге эта ставит себе целью преподать основы революционной стратегии. Она стремится быть руководством для пролетариата, после захвата им власти. И прежде всего дает ответ на вопрос, как следует рабочим защищать пролетарскую диктатуру против внешних и внутренних врагов? Иные коммунисты имеют об этом весьма странные представления. Они полагают, что достаточно щедро заплатить кое-каким вильгельмовским генералам, и они тотчас же станут во главе коммунистических войск. Гусев основательно опровергает эти весьма примитивные представления; так, напр., он знакомит вас с данными из практики Российской Коммунистической Партии и приводит важнейшие приказы о революционной воинской дисциплине. У читателя, ознакомившегося со всем этим материалом, возникает совершенно иная картина, чем та, которая подчас столь удивительно просто складывается у некоторых из нас, вместе с тем, однако, эта картина нисколько не похожа на картину, обычно даваемую антибольшевистской прессой всех партий. От столь часто описываемого «слепого» повиновения не остается и следа. Каждый красноармеец—только частичка одной из тех коммунистических ячеек, которые составляют основу Красной Армии. Бывают, правда, случаи, когда и кто-либо из бывших белогвардейских генералов может взять на себя стратегическое руководство, если только он обладает исключительными боевыми способностями, необходимыми для этого. Но за его спиной возвышается пролетарская дисциплина, дисциплина, требующая от каждого в отдельности самой напряженной бдительности, самой усиленной активности—и не только в бою, но и в ожидании его. Ибо армия—широкое поле для агитации, и коммунизм—то начало, которое все части соединяет воедино.

Таким образом, впервые со времен Парижской Коммуны, в России возникла такая [illegible] организации, которой не знало ни одна буржуазная революция и которую никогда не удастся [illegible] при по

мощи искусственного разжигания националистических страстей.

Гусев подчеркивает—а в Германии это особенно важно — различие, существующее между буржуазией и пролетарской армиями, и указывает на исключительное значение Красной Армии, но, опирающейся на рабочий класс.

Ф. С.

Справочник по общественным наукам. Изд. Г. Фишера. Иена. (На немецком языке).

Иенское издательство Густава Фишера приступило к печатанию нового издания «Справочника по общественным наукам». До сих пор вышли в свет 3 выпуска I тома и 1 выпуск V тома. Следует отметить, что статья об анархизме, начало которой помещено в последнем выпуске, появляется, по сравнению с предыдущими изданиями, в значительно расширенном и углубленном виде, тогда как напечатанная в I выпуске статья «Аграрная реформа в России» и, в частности, последний отдел ее—«Аграрная реформа в эпоху революции»—мало соответствует требованиям современной науки. Уже указатель литературы, приложенный к этой статье, доказывает, что автор, ее, В. Б. Пейер –не сумел быстро и точно усвоить и обработать новые данные. В статье «Акционерные общества» (1, 2 и 4 выпуски) дан исключительно богатый цифровой материал. То же можно сказать о статьях: «Алкоголизм» и «Неграмотность», но в них, к сожалению, не приведены новейшие статистические данные о России.

Каверау д-р, Зигфрид. Синоптические таблицы по истории (1500—1920). (64 двойных страницы). Изд. Франца Шнейдера. Берлин, 1921 г. In folio. В коленкоровом переплете 45 марок.

В 1913 г. Артур Гетц и д-р Вилли Вройзе издали предлагаемый «Таблицы по всеобщей истории культуры» (Мюнхен, издание авторов). Книга эта, начинающаяся с самых древних времен, служила хорошим обзором для всех интересующихся историей. Авторы отличались тогда кратким указанием имен, фактов и соответствующих хронологических данных. В 15 рубриках там были размещены исторические данные, касающиеся всех культурных стран и народов и их правителей, войн, политических деятелей, искусства, науки и техники—вплоть до наших дней. Приложенный к книге предметный указатель облегчал возможность быстро ориентироваться. Правда, надлежащее пользование книгой было доступно только очень подготовленному читателю, но зато она часто возбуждала в нем новые и интересные мысли. Труд д-ра Каверау «Синоптические таблицы по истории» ставит себе более узкие цели, и потому подчас бывает более содержательным. Он стремится указать преподавателю истории причинную связь исторических явлений, вскрыть перед ним основные направления и связующие нити экономической, социальной и духовной жизни, как в национальном, так и в международном масштабе, и, наконец, осветить факты внешней и внутренней политики, со всеопределяющими из них последствиями. При этом автор стоит на той точке зрения, что только взгляд, охватывающий всю совокупность этих друг друга взаимно обусловливающих явлений, способен дать правдивую историческую картину. В сущности этот исторический метод—не что иное, как одиозное «материалистическое понимание истории» Карла Маркса, ибо, при правильном применении этого метода, в конце концов, получится лишь один вывод, ставший в последнее время очевидным, а именно, что в *конечном* счете экономические условия влияют и всегда влияли на живые силы исторического процесса. Автор, привлекший к сотрудничеству Фрица Ауслендера, Генриха Рейнтбеса и Фрица Внессинга, т. е. тоже социалистов, весьма осторожен и только в одной фразе предисловия почти открыто высказывает свой взгляд: «Прежде всего мы подагаем, что при рассмотрении *военной истории* придется попросту покориться логике фактов, что она будет, наконец, рассматриваться как катастрофический взрыв, обусловленный общественно-экономическим антагонизмом, что к ней будет найден социологический подход».

Каверау, дабы легче справиться с обширной программой своей книги, начинает ее приблизительно со времен открытия Америки, как мне кажется, с полным основанием, ибо лишь с этого времени можно дать более или менее достоверную экономическую историю и вообще найти твердую историческую почву. Каверау, как и Герц, размещает государства в вертикальном порядке, но при этом он отнюдь не всегда дает схематично разграниченные отделы; однако, его сжатая, но ясная манера изложения различных исторических явлений (расположенных им в горизонтальных рубриках), как то: «экономическое развитие», «социальная жизнь и общественные движения», «духовная жизнь», «организация государственной жизни», «внешняя политика» и т. д.—дает читателю возможность быстро и легко составить себе общее представление о «духе времени». При этом, разумеется, предполагается, что читатель либо уже обладает солидными историческими познаниями, в обширном смысле этого слова, либо приобретает таковые. И вот тут то приходится с сожалением констатировать, что помещенный в начале книги указатель литературы настолько краток, что читателю только же приходится прибегать к более обширным источникам. Пользование этой все же очень полезной книгой было бы в значительной мере облегчено, если бы в новом издании ее был приложен указатель имен. Весьма целесообразным было бы также добавление кое-каких карт и планов. Будем надеяться, что скоро представится возможность сделать эти улучшения, которые отчасти могут быть сделаны и в самом тексте книги, тем более, что некоторые хронологические указания было бы желательно пополнить указанием на день и месяц события.

Материалы по истории пролетарской революции в России. Под этим заглавием (на немецком языке) появился целый ряд книг, написанных еще во время войны. Книги эти, переведенные Софией Либкнехт, составляют ценный вклад в партийную литературу. До сих пор вышли:

1. Ленин, Н. Грядущая катастрофа и как с ней бороться (43 стр.), 2 марки, 8°.

2. Ленин, Н. Удержат ли большевики государственную власть (63 стр.), 3 марки, 8°.

3. Ленин, Н. Урок революции (40 стр.) 3 марки, 8°.

4. Ленин, Н. Аграрный вопрос и большевики (55 стр.), 3 марки, 8°.

5. Троцкий, Л. Характер русской революции (56 стр.), 3,50 марки, 8°.

6. Ленин, Н. Задачи пролетариата в нашей революции (67 стр.), 3,50 марки, 8°.

В рядах германской революции (1900—1919). Сборник статей и исследований Карла Радека (464 стр.) Изд. Курта Вольфа. Мюнхен (1921). М. 60,—; в перепл. М. 75,—8.

В этой книге Радек, являющийся среди русских коммунистов, наряду с Лениным и Троцким, пожалуй, одним из наиболее талантливых и одаренных публицистов и журналистов, дает нам ценный выбор статей, написанных им за десять лет его порой легального, порой нелегального пребывания в Германии. Сделать это было не легко, ибо число статей, помещенных им в «Бремер Бюргерцейтунг», «Нейе Цейт» (Штутгарт), «Лихтенштрален», «Арбейтерполитик» и т. д., приходится исчислять сотнями. Автор сумел, однако, проявить должное самоограничение и, чутко отбросив все носившее характер злободневности, подарил нам весьма ценную книгу. Особенно следует подчеркнуть, что наш товарищ еще до войны проявлял особый интерес к внешней политике, которая, после смерти Фридриха Энгельса, у старой социал-демократии была в загоне, и уделил ей в своем сборнике много места. Приблизительно половину книги составляют статьи, написанные до мировой войны, остальное относится к периоду войны и революции. Этот сборник привлекает особенное наше внимание еще и потому, что лишь в очень немногих библиотеках найдутся полные комплекты тех газет, в которых статьи были впервые напечатаны. Книге предпослано предисловие тов. Пауля Фрелиха, из которого мы приведем следующие строки: «Эта книга не предлагает читателю погрузиться спокойно в прошлое. Автор ее настолько захвачен сегодняшним и завтрашним днем, что все завершившееся, преодоленное и отжившее для него более уже не существует. Он настолько преисполнен желанием действовать, так увлечен стремлением осво-

бодитъ все силы для текущей борьбы, что ему, вероятно, показалось бы преступлением отвлекать борцов от боя. Эта книга служит исключительно борьбе сегодняшнего дня».

Книжная Хроника. Известная книга Франца Меринга, посвященная биографии *Маркса*, нынe переводится тов. Яном Ромейном (Амстердам) на голландский языкъ. Особенностью нового издания явится подробный предметный указатель и помещенная в предисловии биография Франце Меринга. Книга вскоре выйдет в издании роттердамской фирмы W. L. Ej. Brussugs Uitgevera Maatchapii.

В Берлине—под фирмой «Центральное бюро по распространению общественно-исторической литературы»—возникло новое книжное дело. Многие коммунистические и социалистические издательства уже передали ему распространение своих изданий. «Центральное Бюро» намерено обслуживать главным образом профессиональные организации. Во главе всего дела стоит тов. Зегоф.

При участии тов. Рязанова нынe подготовляется к печати полный немецкий перевод бакунинской «Исповеди», дополненный документальными данными о судебных преследованиях, возбужденных против Бакунина в Германии, Австрии и России по обвинению его в государственной измене. Работа эта будет опубликована проф. Карлом Грюнбергом в «Архиве по истории социализма и рабочего движения».

Известный экономист Иоган Борхардт пишет историю германского хозяйства. Книга выйдет в одном из партийных издательств.

В самом ближайшем будущем появится в свет «Ежегодник Интернационала Красных Профсоюзов».

Карл Радек заканчивает «Историю германской революции». Книга эта—плод изучения всего документального и публицистического материала [illegible] мени.

Профессор Института Общественных Наук в гор. Осаке Кушида купил в Германии, по поручению японского правительства, библиотеку проф. Эльцбахера, содержащую редкий по полноте подбор книг и журналов по вопросам анархизма (с самого зарождения этого движения и вплоть до 90-х годов). Особенно ценны полные комплекты французских журналов.

В штутгартском журнале «Дейтше Ревю» Густавом Майером опубликованы «Письма Фридриха Энгельса к матери, братьям и сестрам». Опубликование этих писем началось еще в ноябре 1920 г. Вскоре в том же журнале появятся ненапечатанные до сих пор письма Лассаля.

Под названием «Письма поэта накануне революции 48-го года» Эрнест Дран печатает в берлинском журнале «Молодая Гвардия» переписку Георга Верта с матерью и братом. 1—8 выпуски названного журнала уже вышли в свет.

Вскоре появится полное собрание официальных «Телеграмм Венгерской Советской Республики» с соответствующим историческим введением.

«Собрание материалов для изучения последствий войны», которому было положено основание Парвусом во время мировой войны, будет повидимому перенесено из Копенгагена в Германию. Эту обширную библиотеку (около 15.000 томов, не считая газет и журналов) предполагается присоединить к одному из государственных книгохранилищ. В числе книг имеется целый ряд редких русских изданий времен революции. Во главе библиотеки стоит наш бывш. тов Деринг (Бремен).

Темой для докторских диссертаций в последнее время часто избираются биографии старых деятелей коммунистического движения, так, напр., один из берлинских студентов пишет «Биографию Карла Шапера», а один из учащихся Ростокского университета работает над исследованием об «Участии Стефана Борна в берлинском рабочем движении 48 года».

Основанный при Бреславльском университете «Институт по изучению Восточной Европы» заинтересовался в последнее время русским революционным законодательством и намерен поэтому приобрести в подлиннике полное собрание декретов Р. С. Ф. С. Р.

«Капитал» Маркса нынe переводится на украинский языкъ и будет по окончании соответствующих подготовительных работ издан д-ром Бардалом.

[illegible] Бюро по социалистической революционной литературе», нынe помещающееся в Прусской Государственной Библиотеке (Берлин Вест. ул. Унтер-ден-Линден, комн. 303, лестница Б. III эт.). Справки даются по вторникам и пятницам от 1—2 или письменно только при условии присылки марок на ответ.

Рецензии, заметки и прочий материал, предназначенный для «Библиографического Отдела» нашего Журнала, просим посылать на имя Эрнста Драна (Берлин-Штеглиц, Форстштрассе, 5, III).